

Андрей Светенко

БУДНИ

РЕВОЛЮЦИИ

1917
ГОД

БУДНИ РЕВОЛЮЦИИ 1917 год

АНДРЕЙ СВЕТЕНКО – историк, политобозреватель, автор и ведущий историко-познавательных программ «Вопросы истории», «Урок истории» и «Этот день в истории» на «Радио России» и «Вести FM».

Отречение от престола Николая II, Апрельские тезисы Ленина, штурм Зимнего дворца, захват власти большевиками. Вершины происходившего, хорошо видимые нам с высоты исторического полета, вписаны автором в будничную повседневную жизнь: талоны на хлеб, перебои с отоплением, всеобщая апатия и усталость. Рассказывая историю Великой русской революции, Андрей Светенко погружает читателя в события 1917 года через живые истории людей, газетные сводки, дневниковые записи. Знакомиться с книгой можно последовательно, «день за днем» или обращаться к ее содержанию выборочно, имея в виду конкретное событие.

Уникальная возможность прочитать о ключевых моментах истории Российской империи! Проведите параллели с новейшей историей, ведь события столетней давности более чем актуальны и сегодня!

ISBN 978-5-4461-0942-5

9 785446 1109425

 ПИТЕР®

Заказ книг:

тел.: (812) 703-73-74
books@piter.com

[instagram.com/piterbooks](https://www.instagram.com/piterbooks)

[youtube.com/ThePiterBooks](https://www.youtube.com/ThePiterBooks)

vk.com/piterbooks

WWW.PITER.COM

каталог книг и интернет-магазин

facebook.com/piterbooks

Андрей Светенно

**БУДНИ
РЕВОЛЮЦИИ
1917 год**

Санкт-Петербург · Москва · Екатеринбург · Воронеж
Нижний Новгород · Ростов-на-Дону · Самара · Минск

2019

ББК 63.3(2)711
УДК 94(47):323.27
С24

Светенко Андрей

С24 Будни революции. 1917 год. — СПб.: Питер, 2019. — 464 с.
ISBN 978-5-4461-0942-5

Андрей Светенко — историк, политобозреватель, автор и ведущий историко-познавательных программ «Вопросы истории», «Урок истории» и «Этот день в истории» на «Радио России» и «Вести FM».

Отречение от престола Николая II, Апрельские тезисы Ленина, штурм Зимнего дворца, захват власти большевиками. Вершины происходившего, хорошо видимые нам с высоты исторического полета, вписаны автором в будничную повседневную жизнь: талоны на хлеб, перебои с отоплением, всеобщая апатия и усталость. Рассказывая историю Великой русской революции, Андрей Светенко погружает читателя в события 1917 года через живые истории людей, газетные сводки, дневниковые записи.

Знакомиться с книгой можно последовательно, «день за днем» или обращаться к ее содержанию выборочно, имея в виду конкретное событие.

Уникальная возможность прочитать о ключевых моментах истории Российской империи! Проведите параллели с новейшей историей, ведь события столетней давности более чем актуальны и сегодня!

16+ (В соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ.)

ББК 63.3(2)711
УДК 94(47):323.27

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-4461-0942-5

© ООО Издательство «Питер», 2019
© Андрей Светенко, 2019

Предисловие

1917 год — уникальный в истории России. Это был разлом — гигантский и по масштабам, и по глубине. Страна трижды меняла свое название. Вступив в тот год империей, тысячелетней монархией, Россия стала свободной. Именно так Свободная Россия без уточнения формы правления, она именовалась в сентябре 1917-го. Но уже спустя два месяца стала Российской Советской республикой.

Эта книга погружает в события 1917 года через рассказ о том, что происходило в этот переломный для нашей страны период. День за днем складывалась мозаика революции, общая картина которой восстановлена по публикациям в прессе того времени. Вершины происходившего, хорошо видимые нам с высоты исторического полета (отречение императора, апрельские тезисы Ленина, попытка июльского переворота, провальное наступление русских войск на фронте, Корниловский мятеж, октябрьское вооруженное восстание), вписаны в будничные ход жизни.

В самом деле, участники и очевидцы тех событий скорее всего удивились бы, услышав от нас спустя сто лет, что они были творцами истории. Активных участников публичной политики, людей действия всегда меньше, чем той массы покоя, которая обычно убергает от перемен. Но масса эта в критические моменты может раствориться. Так в конце зимы 1917 года обнаружилось, что в России практически нет монархистов. Все так или иначе недовольны царем, его окружением и связями. Прологом революции стало убийство Григория Распутина, совершенное отнюдь не революционерами. Просто недовольные Николаем II делились

на две категории: одни действовали под лозунгом «чем хуже, тем лучше», круши всё до основания, а другие, как князь Юсупов и великий князь Дмитрий Павлович, пытались это сползание «куда хуже» остановить. Не получилось.

Вообще, удивительно, насколько в российском обществе, и в верхах, в императорской фамилии, и в средних слоях, среди интеллигенции, в начале 1917-го были сильны убеждения, что из царского дворца в Берлин протянут секретный телефонный провод, по которому немка-императрица сообщает кайзеру о планах русского военного командования. Это к тому, что потом возникнет довольно стройная версия, что император стал жертвой заговора генералов русской армии. Они для начала договорились убрать Николая, а потом только за дело взялись Шульгин и компания — думские деятели, которые привезли императору текст отречения.

Правда в том, что Февральскую революцию никто не готовил, это общее для всех партийных лидеров мнение. Но приветствовали ее многие, если не все. Великие князья ходили с алыми бантами на шинелях и кителях. В тот момент казалось, что всё, что только может быть связано со словом «революция», свершилось. Но получилось, что это было только начало процесса. Сдвинутая с места масса покоя начала свое движение...

Нет нужды пересказывать все этапы этого «движения» — собственно они-то и есть содержание этой книги. Появление Временного правительства, блистательное восхождение Керенского — «калифа на час». Любопытно, какой урок извлек для себя Керенский, проживший долгую жизнь в эмиграции. Как-то он сказал, что если бы в 1917 году существовало телевидение, он смог бы удержаться на посту премьера. Это к вопросу о роли пиара в «деле революции». Вообще, события 1917 года позволяют провести множество параллелей как с предыдущей, так и с после-

Предисловие

дующей историей. Самое расхожее сравнение — с Великой французской революцией. И в публицистике, и в аналитике 1917 года такие сравнения встречаются на каждом шагу. Они доказывают, что люди пытались друг друга вразумить по ходу пьесы, и масса покоя до поры до времени позволяла это делать.

Автор не ставил перед собой цель утверждать чью-либо правду или, наоборот, опровергать чьи-то взгляды. Все мнения и аргументы даны в книге от первого лица. Свою задачу автор видел в том, чтобы максимально представить разные взгляды, точки зрения или, как это ни странно покажется, их отсутствие. Потому что непонимание того, что происходит и чем может обернуться для страны, — это общая примета 1917 года.

Каждая заметка, приведенная в книге, сиюминутна, даже если речь идет о воспоминаниях, написанных годы спустя. Задача состояла в том, чтобы показать круговорот событий, затронуть все значимые аспекты, начиная от настроений тех, кто мог влиять на происходящее. Например, императрица Александра Федоровна писала мужу накануне отречения что-то такое надрывное, в стиле «пока ты не подписал какой-нибудь подsunутой тебе бумаги, подумай о детях, подумай обо мне». И заканчивая бытовыми деталями: в городах России летом 1917-го перестали убирать улицы. Дворники постоянно митинговали, требуя повышения зарплаты. В этой будничной детали, как представляется, отражается все противоречия жизни.

Читать эту книгу можно последовательно, действительно «день за днем», а можно обращаться к ее содержанию выборочно, имея в виду конкретное событие, такое как попытка большевиков захватить власть в начале июля 1917 или Корниловский мятеж. В этой книге нет обобщений и выводов, тем более что заканчивается она событием, после которого все процессы продолжились, только на новом витке. Поэтому и продолжение, надеемся, последует...

ЯНВАРЬ

Суровые морозы, температура под минус сорок. Кажется, все застыло в ожидании перемен. Напряжение во многом определяет шок, вызванный убийством Григория Распутина. Продолжается министерская чехарда. Штюрмера на посту премьера сменяет Трепов, на смену ему — князь Голицын. Надежды на изменение Николаем II политического курса не оправдываются. В императорской фамилии созрела фронда. Коллективное письмо членов дома Романовых с призывом-угрозой «Ники, уходи». В армии и в обществе на ура принимают великого князя Дмитрия Павловича, участника убийства Распутина. На германском фронте последнее удачное наступление русской армии под Митавой. Царская полиция преследует активистов легальной проправительственной организации — Военно-промышленного комитета. Кризис отношений между царским правительством и представителями финансово-промышленной олигархии. Все фракции Думы практически находятся в оппозиции царскому режиму.

Международная конференция представителей стран Антанты в Петрограде. Последняя попытка союзников повлиять на ухудшающуюся политическую и экономическую ситуацию в России. Англия и Франция дают согласие на включение Константинополя (Стамбула) в состав Российской империи после победоносного окончания Первой мировой войны. Николай II решительно отвергает все попытки повлиять на его решения.

16.01

В этот день в 1917 году в России было 3 января. Страна жила по старому юлианскому календарю, расхождение с теперешним, григорианским, составляло 13 дней. Однако Новый год праздновали по старой привычке 14 января. Но влияние общепринятого в мире григорианского календаря ощущалось повсеместно. Газеты выходили с указанием двойной, через дробь, даты, в данном случае — 3/16, в деловой переписке, в письмах делали такие же уточняющие пометки.

Старой привычке исчисления времени следовал и французский посол в Петрограде Морис Палеолог, который в тот день писал: *«Сегодня третий день нового года по православному календарю. Император принимает в Царском Селе поздравления от дипкорпуса. На дворе жестокий холод — минус 38 градусов. Лошади, ожидающие нас перед вокзалом, обледенели. До самого дворца не различишь ничего из пейзажа — все покрыто дымкой, пеленой инея»*. Что ж, пока дипломат едет на прием, как прелюдию к событиям 17-го года приведем то, что он писал в своем дневнике в начале той зимы, в ноябре 16-го: *«...забастовали все заводы Петрограда. Ко мне на аудиенцию записался директор автомобильной фабрики “Луи Рено”, что на Выборгской стороне. Вы знаете, — заявил он, — что наши рабочие не принимают участия во всеобщей стачке. Но бастующие других предприятий окружили наш завод, крича “Долой французов. Довольно воевать”. Наши люди вышли к ним для разговора. Но им ответили градом камней и револьверными выстрелами. Один русский инженер и три француза-менеджера ранены. Подроспевшая полиция быстро убедилась в своем бессилии. И тогда горюдовые вызвали из близстоящих казарм два пехотных полка.*

Но солдаты вместо того, чтобы выручать завод, стали стрелять по полицейским. — По полицейским? — ошарашенно перепросил Палеолог. — Да. Упало много городовых и жандармов, началась свалка. В конце концов, послышался кавалерийский галоп, подошли сотни четыре казаков, которые налетели на пехотинцев-солдат и ударами тик загнали их обратно в казармы. Теперь порядок восстановлен». Какой, спрашивается, порядок? Это же ЧП из ряда вон! Прекрасно понимая это, Морис Палеолог тут же поехал к председателю Совета министров России Штюрмеру и взволнованно рассказал ему о происходящем. И что же последовало в ответ? «Штюрмер начал доказывать мне, что это эпизод, не имеющий значения, что ему уже обо всем доложили, меры для защиты завода Рено приняты. “Но ведь дело в другом — у вас войска стреляют по полицейским”. — “Да, да, — словно отмахиваясь, отвечает Штюрмер, — это важно, и репрессия будет беспощадна”».

Репрессия последовала, и, казалось бы, самая радикальная. В ноябре 16-го в отставку был отправлен сам премьер-министр. Монархисты, сторонники продолжения войны и союзники по Антанте ликовали. Наконец-то Николай II решился убрать человека, про которого только ленивый не говорил, что тот — немецкий шпион, слушает лишь Гришку Распутина и других интриганов типа фрейлины Вырубовой. Однако сменивший Бориса Штюрмера Александр Трепов пробыл на посту премьера всего полтора месяца. Сразу после убийства Распутина император под давлением своей супруги снял этого силовика, сторонника жестких мер, и назначил премьером Николая Голицына, фигуру бездеятельную, проще говоря, никакую. Все расценили это как реванш прогерманской партии при дворе, взятый ею именно за убийство Рас-

путина. Это означало, что вокруг царя продолжают плестись интриги, а страна продолжает сползать в неизвестность. Вот такой была новогодняя картинка 1917 года. Жуткий мороз, все застыло и заледенело, и вокруг витает стойкое ощущение грядущей катастрофы.

17.01

В этот день — 4 января 1917 года по старому стилю — несмотря на новогодние праздники по православному календарю, император Николай II отправил в ссылку, правда в собственное имение Грушевку, своего дядю Николая Михайловича, внука императора Николая I. Николай Михайлович, который считался вдохновителем «великокняжеской фронды» — так современники называли членов императорской фамилии, выступавших за отстранение Николая II от власти, — был организатором и вдохновителем беспримерной в истории монархической России акции. Накануне Нового года члены императорской фамилии собрались во дворце великой княгини Марии Павловны, где составили и подписали коллективное письмо, в котором требовали простить князя Дмитрия Павловича, непосредственно замешанного в убийстве Григория Распутина. Они выразили при этом тревогу за дальнейшую судьбу России и императорского трона в случае, если внутренняя политика Его Величества будет продолжена. По сути, это был ультиматум. Николай II вроде бы дал на него уничтожающе отрицательный ответ: *«Никому не дано права убивать. Я знаю, что у многих совесть не чиста, так как не*

один Дмитрий Павлович замешан. Я удивляюсь вашему обращению ко мне». Да, слова «никому не дано права убивать» станут общеизвестными, но фактически останутся словами. Потому что князь Дмитрий Павлович и даже непосредственный исполнитель преступления Феликс Юсупов избегнут наказания. Вскоре после ареста, который был произведен по настоянию императрицы Александры Федоровны, слепо доверявшей Распутину и жутко переживавшей его кончину, великого князя отправят на фронт — в Персию, назначив командующим закавказским корпусом. Феликс Юсупов как негодный к строевой службе отправится в свое подмосковное имение. Не говоря уже о дяде царя, Николае Михайловиче.

Итак, налицо классика жанра — и нашим, и вашим. Поразительная нерешительность царя на фоне, казалось бы, его однозначно жестких заявлений.

Впрочем, наблюдатели-современники тогда отмечали иное. Убийство Распутина, вызванное патриотическими мотивами и осуществленное во имя подтверждения твердой власти императора, оказалось фатальной ошибкой. Действовать твердо и непреклонно начала императрица, прочно утратившая к тому времени репутацию и доверие в глазах российского общественного мнения. Царицу считали откровенным и неприкрытым агентом Берлина, по сути, врагом Российского государства. А император в очередной раз оказался заложником ситуации. На самом деле Николай был не прочь избавиться от присутствия Распутина при дворе, но обстоятельства, в которых это произошло, сделали невозможными никакие маневры в сторону поиска политического согласия, примирения. Между тем «...революция носилась в воздухе, и единственный спорный вопрос заключался в том,

придет ли она сверху или наступит снизу. Дворцовый переворот обсуждался открыто, за обедами, во время приемов, вслух спорили, будут ли убиты и император, и императрица или только последняя». Проблема заключалась в том, что правительство, кабинет министров, назначаемых лично императором, не имел никакого взаимопонимания и поддержки со стороны Думы, все фракции которой, от левых до правых, по сути, перешли в оппозицию монарху.

18.01

В этот день — 5 января по старому стилю — одна из крупнейших газет России «Русское слово» поместила на первой полосе сообщение, краткое и, казалось бы, несущественное: *«Прибыла в Киев и будет иметь здесь пребывание ее императорское высочество великая княгиня Мария Павловна-младшая»*. Казалось бы, и что с того? Но современники событий легко прочли между строк — отправлена в ссылку очередная опальная персона, 27-летняя внучка Александра II, а стало быть, двоюродная сестра, кузина императора Николая II, одна из активных участниц «великокняжеской фронды», сестра князя Дмитрия Павловича, который был непосредственно причастен к убийству Распутина. Потом княгиня напишет интересные воспоминания, в которых этот сюжет подается так: *«Дмитрий вернулся из дворца, бросил фуражку на диван, стал ходить по комнате. — Я получил приказ уехать на персидский фронт в сопровождении адъютанта императора, которому поручили следить за мной. Феликса (речь о Юсупове. — А. С.) отправляют в ссылку в его курское*

поместье. Дело было не в наказании — продолжает Мария Павловна, — оно на первый взгляд казалось очень мягким, а в том, что вся Россия ждала реакции двора на смерть Распутина и задавалась вопросом, каким будет отношение к его убийцам. Теперь она получила ответ. Но не станет ли он последней каплей, не выпустит ли на свободу все темные страсти, не разрушит ли все барьеры?» Итак, великая княгиня напрямую связывает вполне резонное преследование убийц как отказ от перемены политической линии, отказ от реформ и перемен, которых жаждут все, как говорится — и во дворцах, и в хижинах. Да, понимание момента было именно такое: «Безмерная преданность императрицы памяти Распутина подтверждает слухи о его влиянии и демонстрирует беспомощную пассивность императора. К чувству страха за любимого брата у меня примешивается острое ощущение катастрофы, предчувствие непоправимой и неминуемой беды. В Москве, например, царит нервное возбуждение, москвичи, считая брата Дмитрия своим земляком, похваляются его подвигом. Его с распростертыми объятиями встречают на погранзаставе и в штабе закавказского фронта. Кстати, местные офицеры тут же схватили и отправили назад в столицу нескольких распутинских прихвостней, которые следовали за великим князем, желая отомстить за смерть своего могущественного покровителя. К сожалению, смерть Распутина ничуть не изменила умонастроение императорского двора. Революция витает в воздухе». Итак, в стране неспокойно. Ухудшается и криминальная обстановка. Вот, к примеру, заметка в четвертом номере «Русского слова», помещенная рядом с информацией о великой княгине: «В Харькове по делу об ограблении двух с половиной миллионов из банка взаимного

кредита арестовано 15 профессионалов-громил. Вся "банда" — беженцы из Варшавы и других городов западного края, занятого теперь немецкими войсками. Профессионалы-кассоломы обладали отлично усовершенствованными механизмами для взлома касс, а также средствами. Подготовка к ограблению банка обошлась им в 20 тысяч рублей. 8 тысяч было истрачено на поддержание шайки, 11 тысяч на приобретение машин и оборудования для взлома». Для справки: средняя зарплата рабочего в начале 17-го года была около 25 рублей в месяц, а жалованье офицера — поручика, капитана — 100 рублей.

19.01

В этот день — 6 января по старому стилю — в Генеральном штабе подвели итоги наступления русской армии в Прибалтике. Не будем забывать, Первая мировая продолжалась, число среднесуточных потерь всех воюющих сторон шло на тысячи человеческих жизней. Между тем о военных действиях накануне Февральской революции мало вспоминают. И это странно хотя бы потому, что именно в тот момент были достигнуты определенные обнадеживающие результаты. Речь идет о так называемой Митавской операции. Митава — ныне город Елгава в Латвии — была форпостом обороны, ближайшим к Риге, стратегическому месту, на которое были нацелены тогда немецкие войска. Наша 12-я армия под командованием генерала Радко-Дмитриева численностью в сорок тысяч человек внезапно, после короткой артподготовки, перешла в наступление. Бои происходили в ужасных климатических условиях: мороз, снежная пурга. Кроме того,

уже начали появляться первые признаки разложения армии: нарушение дисциплины, ослабление порядка, отсутствие боевой слаженности. Так, командование не смогло вовремя ввести резервы в месте прорванной обороны противника. Несмотря на это, передовые немецкие позиции были взяты на всем участке наступления, угроза захвата немцами Риги на тот момент была ликвидирована.

Любопытно, что в Митавской операции принимали участие соединения, которые потом станут известны как дивизии латышских стрелков. Они перейдут на сторону советской власти и станут серьезной опорой большевиков. В январе 17-го всего за шесть дней наступления эти части потеряли две тысячи человек убитыми и шесть тысяч ранеными.

Об этом сражении упоминает писатель Алексей Толстой в своем знаменитом романе «Хождение по мукам»: *«Вместе с первыми залпами орудий поднялась снежная буря. Солдаты двигались в глубоком снегу, среди воя метели и пламени ураганом рвущихся снарядов. Десятки аэропланов, вылетевших в бой на подмогу наступающим частям, ветром прибывало к земле, и они во мгле снежной бури косили из пулеметов и врагов и своих. В последний раз Россия пыталась разорвать сдавившее ее железное кольцо, в последний раз русские мужики, одетые в белые саваны, дрались за империю, за самодержавие, некогда построившее землю и грозное всему миру»*. Да, это было последнее наступление русской армии в Первой мировой при Николае Втором. Кроме того, в мировую историю войн эта операция вошла как первая, в которой наступление пехоты активно поддерживала авиация, действующая на бреющем полете или пикирующая на позиции противника. Как мы уже отметили, в ходе сражения впервые были зафиксированы слу-

чаи массового дезертирства, антивоенная агитация в окопах. 92 солдата были преданы военно-полевому суду и казнены, сотни отправлены на каторгу.

Два слова о судьбе командующего 12-й армией. Генерал Радко-Дмитриев, болгарин по национальности, в ноябре 1918 года будет арестован в Кисловодске сотрудниками пятигорской ЧК и без суда и следствия убит — зарублен саблями. Та же участь постигнет и командовавшего в январе 17-го года Северным фронтом генерала Рузского.

20.01

В этот день — 7 января 1917 года по старому стилю — в Москве по приказу министра внутренних дел Протопопова была арестована рабочая группа московского Военно-промышленного комитета — ВПК. Не зная реалий того времени, можно подумать, что речь идет о преследовании каких-то радикалов, революционеров, может быть. Эта рабочая группа была подпольной? Нет и еще раз нет. Это была вполне легальная структура — Военно-промышленный комитет являлся общественной организацией, в которую, с одной стороны, входили фабриканты, заводчики, с другой — представители рабочих, профсоюзные активисты, а также политики. Инициатива создания ВПК принадлежала думским фракциям, причем главную роль в той, четвертой по счету Государственной думе, играл Прогрессивный блок, возглавляемый партией октябристов, то есть промышленников и капиталистов. ВПК был совершенно необходимой в условиях военного времени общественной площадкой для обсуждения и согласования

действий между, говоря марксистским языком, трудом и капиталом. Подобные структуры существовали тогда во всех воюющих странах. И с какой стати правительству следовало видеть в таком комитете своего врага? А между тем именно так и было. Цитирую по воспоминаниям одного из парламентариев-кадетов: *«Напряженные отношения в Петрограде не успокаивались. В Военно-промышленном комитете честно и открыто говорили о рабочем брожении как об опасности, но правительство только подливало масло в огонь, производя аресты... членов Военно-промышленного комитета»*. Согласитесь, впечатляющая картина разброда и шатаний в политических кругах России. Пытаясь перехватить инициативу, кабинет министров императора, как вскоре выяснится, последний, начнет борьбу с теми, кто объективно должен был быть его союзником. Ответная реакция была соответствующей. По столице поползли слухи, что министр внутренних дел готовит полицию к провокациям в день открытия новой сессии Думы, вооружает городских пулеметами. Действительно, Протопопов был убежден, что Военно-промышленный комитет — это мостик или звено, связующее лояльные профсоюзы и лояльные же партии кадетов и октябристов с революционно настроенной частью пролетариата и политической оппозицией в лице социал-демократов. И чем дольше противостояние продолжалось, тем большее раздражение вызывал этот министр в либеральной буржуазной среде. Фактически он стал нерукопожатной фигурой. За два дня до описываемых событий, на приеме в Царском Селе, председатель Госдумы Родзянко демонстративно отказался пожать руку министру внутренних дел. Тут же поползли слухи о неминуемой дуэли. Самое время... Представьте себе, на фоне тяжелейшей войны, кризиса на транспорте, придворных интриг стране

и миру будет представлено такое политическое шоу — дуэль спикера парламента с министром внутренних дел! Дальше ехать некуда. Дуэль, конечно, не состоялась, но осадок остался. Точно так же произошло с последствиями ареста комитета. Спустя два дня арестованные активисты Военно-промышленного комитета были освобождены, но власть от этого не выиграла. Многие только укрепились во мнении, что власть сама по себе не едина, и если придворный кабинет министров — это собрание каких-то упертых консерваторов, воспринимающих любую озабоченность и тревогу как крамолу и революционную агитацию, то есть желающие в той же Думе такую глупую власть сменить... Тем более что реальные проблемы требовали немедленного разрешения. Ведь в тот же день гласный Московской городской думы объявил, что если подвоз продовольствия прекратится, то запасов хлеба и муки в Первопрестольной останется всего на шесть дней.

23.01

В этот день — 10 января 1917 года по старому стилю — в центре внимания был скандал, связанный с арестом полицией членов Военно-промышленного комитета России — ВПК. Как уже говорилось выше, это была вполне лояльная властям структура. Тем более шокирующим был эффект, произведенный арестами. Действия министра внутренних дел Протопопова, кстати показательного исключенного из партии октябристов, привели к полному расколу между правительством и Думой, все фракции которой фактически оказались в оппозиции монархическому режиму. Но, может быть, у цар-

ского министра были основания для таких жестких действий? Спустя полгода, в июне 17-го арестованный к тому времени Временным правительством начальник Петроградского охранного отделения генерал Глобачев даст показания: *«Рабочая группа Центрального военно-промышленного комитета освещалась (оцените изящность стиля) нашим агентом по фамилии Луцук. Он состоял в секретариате этой группы. Его сведения были весьма ценны и имели документальные доказательства. А именно воззвание ВПК к рабочим Петрограда с призывом к выступлению 14 февраля с целью ниспровержения существующего государственного строя. Рабочая группа предполагала предложить Государственной думе, низвергнув царское правительство, опереться в дальнейшем на рабочих. Экземпляр такого воззвания был получен охранным отделением от нашего сотрудника Луцука»*. Напомним, на дворе начало января 1917 года. Задним числом представляется, что тогда в России еще все было относительно спокойно, ни одна из партий и движений революцию не готовила. Обстановка серьезная, да, но совершать переворот... Однако если верить показаниям Глобачева, то именно этим занимается вполне легальная, умеренная по своим целям организация — Военно-промышленный комитет, и никаких революционеров в привычном нам понимании там нет. Но в том-то и дело, что на фоне последовавших радикальных революционных событий настроения среди тех, кто потом станет контрреволюционерами в глазах большевиков, были как раз самые радикальные и революционные. Всего один пример — запись в дневнике великого князя Николая Михайловича, отправленного царем в ссылку за коллективное письмо императору Николаю II с требованием либо изменить политику, либо отречься от престола, после беседы с думцами Шульгиным и Терещенко:

«Какое облегчение дышать в другой атмосфере. Здесь другие люди, тоже возбужденные, но не эстеты, не дегенераты, как при дворе, а люди. Шульгин — вот бы кто пригодился, но конечно не для убийства а-ля Григорий Распутин, а для настоящего переворота. Другой, тоже цельный тип, Терещенко. Молодой, богатейший человек, но при этом глубокий патриот, верит в будущее, верит твердо, что через месяц все лопнет, что я вернусь из ссылки. Дай-то бог, его устами да мед пить. Но какая злоба у этих двух людей к режиму, к царю, к царице, и они вовсе не скрывают это, оба в один голос говорят о возможности цареубийства». Уточним, упомянутый Шульгин — тот самый, кто спустя полтора месяца доставит императору текст отречения, составленный депутатами Государственной думы.

24.01

В этот день — 11 января по старому стилю — продолжал набирать обороты публичный скандал, связанный с деятельностью влиятельной общественной организации — Военно-промышленного комитета — ВПК, который стал площадкой для обсуждения проблем между фабрикантами и рабочими. В работе ВПК принимали участие и политики-думцы. И выяснилось, что власти очень скептически смотрят на деятельность этого вроде бы лояльного комитета. В этот день руководитель комитета Гвоздев заявил, что *«в условиях, предлагаемых властями, ВПК работать не может»*. В чем же было дело? Оказывается, начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов, по едкому замечанию коллег, *«тиходум без всякой способности влиять на подчиненных»*, издал приказ

об обязательном предварительном информировании всеми общественными организациями столицы военного губернатора о своих собраниях, мероприятиях и так далее. Хабалова нещадно критиковали и левые, и правые, и центристы, Хабалову пеняли на закон, подписанный императором в сентябре 16-го года, который как раз не возлагал на общественные организации таких обязательств. И хотя в конце концов лидер промышленного лобби в Госдуме Гучков вынужден был публично согласиться с требованием властей, ответный удар не заставил себя ждать. В прессу просочилась информация о якобы имевшей место осенью 16-го года секретной встрече в Стокгольме министра внутренних дел России Протопопова с немецким банкиром Варбургом. Протопопов возвращался из Лондона, после участия в конференции стран Антанты, через столицу нейтральной Швеции. Это было известно. Возможность его общения с немецким подданным наводила на мысль об измене, двурушничестве. Окружение императора вынуждено было защищаться, оправдываться. Граф Олсуфьев, который был тогда в составе делегации, выступил с публикацией, в которой заявил: *«Беседа имела совершенно частный характер. Теперь всех интересует, кто таков этот самый Варбург. Право слово, беседа гамбургского банкира за чайным столом в небольшом кружке русских людей с формальной стороны не имеет больше значения, чем какая-нибудь случайная встреча с немцем в вагоне или беседа с военнопленным»*. Кто же так успокаивает? Самое главное, факт встречи признается сразу, а после этого рассуждать о невинности беседы, это уже все равно что пытаться догнать уходящий поезд, тот самый, со случайным немцем в тамбуре. И в самом деле, оправдания Олсуфьева были восприняты общественным мнением как разоблачение. Тем более что

и сам Протопопов в попытке уточнить детали встречи вошел в противоречие с рассказом Олсуфьева. В общем, все только укрепились в мысли, что предатели и реакционеры при дворе и в правительстве готовы душиť любую разумную альтернативу, действовать агрессивно, тогда как их оппоненты из либерального лагеря, наоборот, изображают покорность и просто разводят в недоумении руками. Симпатии явно были на стороне противников правительства. Но не будем забывать, что именно в те дни ВПК планировал на середину февраля проведение в Петрограде массовых демонстраций с требованием кардинальных политических реформ.

25.01

В этот день на календаре в России было 12 января. Заметных событий в политической жизни не произошло. Но не одной политикой живы люди. Газета «Русское слово» публиковала в тот день репертуар московского оперного театра Зимина: 13-го — «Евгений Онегин» с участием солиста Его Величества Леонида Собинова, 14-го — «Борис Годунов» с участием Федора Шаляпина. Что ж, показательно: у Шаляпина такого статуса, сродни званию народного, как у Собинова — солист Его Величества, — оказывается, не было. Сам император Николай II, исправно ведущий дневник, в тот день записал: *«После утренней прогулки принял Голицына и Покровского. По случаю именин Татьяны пошли к молебну в походную церковь. Миша завтракал у нас. Погулял с Ольгой и Марией. В 6 вечера был кинематограф»*. Выглядит так, словно государственная политика не интересует. Впрочем, это так выглядит,

если не знать, что Николай Голицын — это премьер-министр, а Николай Покровский — министр иностранных дел, оба только-только назначенные на свои посты. С другими именами проще: Миша — младший брат, великий князь Михаил Александрович, именно в его пользу отречется от престола Николай II спустя полтора месяца. Ольга и Мария — дочери, великие княжны. А кинематограф — отрада души императорской фамилии, даже не увлечение, а настоящая страсть. Ни дня без киносеанса. Детям очень нравилось. Впрочем, дети императора выполняли тогда и важные социальные обязательства. Был такой Феодоровский городок в Царском Селе — комплекс больниц, госпиталей для раненых, содержавшийся на императорский счет. Его часто посещали великие княжны. Капитан Михаил Геращинецкий, офицер гвардейского Кексгольмского полка, более года пролежавший в таком госпитале после тяжелого ранения, вспоминал потом: *«Девочки приходили каждый день, если только вели себя хорошо. Это было, пожалуй, самое эффективное условие и даже наказание, которое применяла их мать. За одним раненым солдатом, у которого пуля застряла в черепе, вызвав амнезию, княжны ухаживали особенно усердно и терпеливо, задавали ему вопросы, вызывали на разговор, пытались вернуть ему память. Дочери императора ничем не отличались от обычных детей, открытый и доброжелательный нрав был виден с первого взгляда. Единственно, что они, да и цесаревич Алексей, который особенно любил болтать с солдатами, настаивая, чтобы они рассказывали ему о войне, очень быстро говорили по-русски. Так, что можно было подумать, что они торопятся, боятся, что их позовут в любой момент обратно, тем более что общаются они с незнакомыми людьми.*

Младшие, Анастасия и Мария, всегда обязательно спрашивали об одном и том же, просили, чтобы им рассказали о жизни людей из внешнего мира. Они называли это “жизнью снаружи”, все, что не в замке, боясь пропустить хотя бы слово».

Внешний мир тоже хотел побольше знать об императорской семье. Союзники англичане сняли летом 1916 года целый полнометражный фильм о семье Романовых. Это к вопросу о кинематографе. Николай II был доволен, не имел ничего против, чтобы люди заглянули в его частную жизнь, тем более что на пленку попали, как потом станет ясно, самые счастливые моменты. И только подозрительная и вьедливая императрица Александра Федоровна возражала против показа этой ленты в Великобритании, требуя, чтобы из нее были вырезаны те эпизоды, «которые выглядели недостаточно по-императорски».

26.01

Этот день — 13 января 1917 года по старому стилю — был солнечный, при 12 градусах мороза. Приятный для прогулки на свежем воздухе. Именно так провел день Николай II: *«Погулявши утром, завтракал с контр-адмиралом Кедровым, начальником минной дивизии Балтийского флота. Днем сделал хорошую прогулку с Ольгой и Марией. В 6 часов принял Протопопова. Вечер был свободный».* Это цитата из дневника императора. Все благостно, все спокойно, если не знать, о чем был разговор с министром внутренних дел Протопоповым, который оказался в те дни в центре большого политического скандала. Пресса активно обсуждала встречу министра с немецким банкиром Варбургом, которая имела место в Сток-

гольме осенью 16-го года. Министр и его окружение факт встречи не опровергали, но пытались представить ее как случайное общение посетителей в ресторане. Общественность такие объяснения не устраивали. Виктор Чернов, лидер партии эсеров, будущий председатель Учредительного собрания, писал: *«Протопопов перед войной был председателем Совета металлообрабатывающей промышленности, отрасли, которая контролировалась банками, зависимыми от германских синдикатов. На злосчастной встрече в Стокгольме вместе с ним был видный финансист и нефтяной король по фамилии Поляк, а также шведский банкир Ашберг. Варбург доказывал, что Англия всегда обманывала своих союзников, в одиночку пользуется преимуществами войны. России выгоднее дружить с Германией. Если будет заключен вполне естественный сепаратный мир, Польша будет оставлена за Россией, к Германии перейдет только Курляндия, взамен Россия получит Буковину и другие части Галиции плюс Черноморские проливы, которыми, правда, надо будет еще овладеть, воюя с турками, но немцам это тема не интересна»*. Многое в событиях 17-го года задним числом будет объясняться всеобщей подозрительностью, недоверием общества к царской власти, шпиономанией. А как иначе, если в ходу были такие подробности и детали. Во всяком случае, выбор царем «германофила» Протопопова в качестве министра внутренних дел воспринимался как торжество прогерманской партии при дворе. А что касается происков врагов, то тот же Виктор Чернов приводит вопиющий пример: «...немецкое военное командование было так хорошо осведомлено о разногласиях в русском правительстве, что попыталось усилить раскол с помощью фальшивого царского манифеста, адресованного русским солдатам на фронте». Чернов цитирует

текст этого лжеманифеста, саморазоблачительного в каждой своей фразе: *«Солдаты, эта несчастная война началась против моей воли, она вызвана интригами при дворе, если бы я знал печальные последствия для России-матушки, но мои завистливые родственники и продажные генералы мешают мне пользоваться властью. Солдаты, не слушайте приказов продажных генералов и поверните свое оружие против тех, кто угрожает жизни и свободе царя. Ваш несчастный царь Николай»*. Надо отдать должное охранному отделению. Весь тираж этой фальшивки был изъят полицией. Но кто-то в Петрограде ведь эту фальшивку напечатал. Речь шла о том, что этот якобы манифест должен был прийти в окопы из тыла, из столицы, а не со стороны немецких позиций. Так вот, не пришел. Но факт попытки осуществления такой провокации в начале 17-го года говорил о многом.

27.01

В этот день — по старому стилю 14 января 1917 года — французский посол Морис Палеолог записал в своем дневнике: *«Старый князь Эс., маэстро в оккультизме, спирт и иллюминат, в последние дни имел удовольствие вызывать дух Распутина. Сеансы проходят в присутствии министра внутренних дел Протопопова и министра юстиции Добровольского. Все трое ежевечерне остаются часами взаперти, прислушиваясь к торжественным речам усопшего»*. На первый взгляд, всего лишь деталь. Спиритизм был модным поветрием по всему миру. Сродни нынешней популярности экстрасенсов.

Может, на государственных делах увлечение мистикой не сказывалось? Отнюдь. Генерал Михаил Бонч-Бруевич, после революции перешедший на сторону советской власти, описывает в своих мемуарах вопиющие вещи: *«Перед самой войной в Петербурге объявился известный хиромант и спирит Шарль Перрен. Протопопов, тогда зампред Государственной думы, немедленно отправился к нему на прием. Тот сообщил ему, что следует опасаться 14, 15 и 16-го числа каждого месяца, потом угадал имя его матери, чем окончательно пленил политика. Протопопов заплатил Перрену двести рублей, гонорар поистине сказочный. А контрразведка, заинтересовавшись хиромантом, выдававшим себя за американского подданного, тогда же установила, что он — австриец, и вовсе не Шарль, а Карл и по всем приметам — занимается шпионажем. В 16-м году, кроме подозрительной встречи Протопопова в Стокгольме с немецким банкиром Варбургом, Протопопов уже в качестве министра встретился с этим Шарлем, к тому времени из России уехавшим, а по возвращении стал требовать от подчиненного ему департамента полиции выдать разрешение на въезд хироманта в страну. Получив уведомление, что Перрен заподозрен в шпионаже, начал слать ему телеграммы, в которых с непонятной любезностью просил прощения за то, что не может решить вопрос с пребыванием Перрена в России. Контрразведке, — продолжает Бонч-Бруевич, — было известно, что Протопопов состоял в кружке Григория Распутина, который был сторонником сепаратного мира с немцами. Кроме того, Распутин был инициатором министерской чехарды, причем откровенно брал за назначения взятки. Так, упомянутый ранее Добровольский стал министром юстиции после того, как Распутин получил от привлеченного было за*

спекуляции банкира Рубинштейна 100 тысяч рублей. Получив должность министра, Добровольский, поклонник спиритизма, тут же закрыл дело».

Разложение власти достигло такого уровня, что гонениям подверглась такая, казалось бы, незыблемая структура, как военная контрразведка. Бонч-Бруевич пишет: *«Командующий фронтом генерал Куропаткин, приехав во Псков, приказал мне построить всех офицеров первой линии — так тогда назывались органы фронтовой контрразведки, — а также прокуроров и следователей и устроил им разнос: “Вами недовольны. Вы зазнались, забыли субординацию, вас обуяла шпиономания, по существу, вы сами сеете смуту, это подрывает доверие к верным слугам государя и особам, приближенным ко двору”».* Самое печальное, что разнос горе-полковника Куропаткина имел прямые последствия. Контрразведка Северного фронта в начале 17-го года была разогнана, и всякая борьба со шпионажем, ведущаяся в пользу Германии, прекращена.

30.01

В этот день — 17 января 1917 года по старому стилю — в Петрограде началась международная конференция, весьма представительная по составу участников и важная по сути. Это была последняя при царском режиме многосторонняя встреча союзников по Антанте — России, Великобритании, Франции и Италии.

Странно, но в хронологии событий рокового 1917 года эта Петроградская конференция редко упоминается. Между тем

это была весьма решительная попытка союзников повлиять на катастрофическое ухудшение ситуации в России. В повестке дня были проблемы совместного ведения войны, поставки вооружений. Западные союзники опасались, что Германия соблазнит Россию заключить сепаратный мир. Показаний к такому повороту было немало: действия прогерманской партии при дворе, усилия германского промышленного лобби в России, наконец, элементарный подкуп, коррумпированные чиновники, в первую очередь из окружения Григория Распутина. Все это, помноженное на тревожные данные о состоянии экономики России, иностранные дипломаты вслух озвучивали своим русским коллегам. Задним числом действительно сложится мнение, что войну Россия проигрывала, а военный потенциал ее был исчерпан. Статистические данные это не подтверждают. Прямые боевые потери русской армии в начале 17-го — около 900 тысяч человек, из них 20 тысяч офицеров. В то же время немецкие потери на Восточном фронте — 300 тысяч человек, Австро-Венгрии — 450 тысяч плюс 150 тысяч турок, убитых на Закавказском фронте, — вместе те же 900 тысяч. При этом удивительны показатели мобилизации. Если в Германии и Австрии в 17-м году уже 80 % мужчин трудоспособного возраста были призваны в армию — это четверо из пяти, — то в России этот показатель был всего 38 %, четверо из десяти, но даже в Англии он был выше — 50 %, а во Франции — 74 %. Особая статья — вооружение, боеприпасы. Здесь дела обстояли хуже. Но союзники были готовы увеличить поставки. И тут обнаружилась вопиющая некомпетентность царских министров. *«Сколько нужно транспортов для доставки заказанных вами военных грузов?»* — спросил на переговорах лорд Мильнер военного

министра России. Тот в замешательстве, после паузы, назвал цифру. Англичанин быстро посчитал на бумаге и укоризненным тоном сказал: *«Вы понимаете, что вы просите тоннаж водоизмещением в пять раз меньше, чем объем доставляемых вам грузов? О чем говорить дальше?»*

Между тем разговоры продолжались не один день, и не только на закрытых совещаниях. Конференцию сопровождала пиар-кампания. Часть делегатов в тот день переехала из Петрограда в Москву. В знаменитом ресторане «Прага» был дан званый обед. Руководитель французской делегации, будущий президент Франции Гастон Думерг произнес тост, в котором сказал: *«Каждый час, каждый день после приезда в Россию в нас все более укрепляется вера в то, что воля русского народа довести войну до победного конца останется непоколебимой. Здесь, в Москве, эта вера чувствуется еще крепче. Россия, которая, казалось уже, забыла о своей великой мечте — о свободном выходе к морю через Константинополь, должна осуществить ее. Необходимо, чтобы турки были изгнаны из Европы, а Константинополь стал бы русским Царьградом...»* Да, в желании поддержать слабеющего на глазах союзника на третий год войны Антанты устами полномочных лиц заявила, наконец, о готовности признать право Российской империи на обладание Черноморскими проливами и Константинополем.

31.01

В этот день — 18 января 1917 года по старому стилю — император Николай II в Александровском дворце Царского Села принял делегации союзников — англичан, французов,

итальянцев, прибывшие в Петроград для участия в конференции стран Антанты. Особый характер этого мероприятия, проводимого в условиях войны, подчеркивала трагическая гибель английского политика — лорда Китченера. Корабль, на котором он плыл в Россию, был потоплен немецкой подводной лодкой. Главный вопрос, который обсуждался, — состояние боеготовности русской армии, русской экономики — как долго выдержат страна и общество испытания войной и растущую политическую смуту. Сразу же по прибытии в порт Романов (так тогда назывался Мурманск) союзники были ошарашены. Присланное из Англии вооружение, доставленное с большим риском и потерями, по словам очевидцев, мокло под дождем и снегом. Тысячи тонн снаряжения были свалены в доках и на набережной, и не чувствовалось никакой надежды, что их вскоре отправят по месту назначения. Не лучше обстояли дела и в столице России. Знарок ситуации, французский посол в Петрограде Морис Палеолог писал в тот день: *«Здесь перестают интересоваться войной. Все правительственные пружины, все колеса административной машины портятся одно за другим. Лучшие умы убеждены, что Россия идет к пропасти. Нам надо спешить»*. Лидеры оппозиционных партий Госдумы, а в оппозиции царю тогда уже были фактически все фракции, открыто требовали от союзников повлиять на Николая II, склонить его в сторону политических реформ. Главным в тот момент было требование ввести ответственное перед парламентом правительство, то есть перераспределить властные полномочия в пользу ограниченной конституционной монархии. Первым, следуя призыву Палеолога, «поспешил» его коллега, британский посол в России Джордж Бьюкенен. Он лично встретился с им-

ператором еще накануне приезда иностранных делегаций. И уже войдя в двери кабинета Николая II, понял, что действительно поспешил: *«Во всех предыдущих случаях его величество принимал меня без формальностей, приглашая сесть, предлагая закурить. Поэтому я был неприятно удивлен, когда увидел, что император встречает меня стоя, в середине зала, придавая строгость обстановке и как бы намекая, что я не могу касаться сложных вопросов»*. Однако Бьюкенен решил броситься в бой: *«Ваше Величество, позвольте заявить, что перед вами открыт только один верный путь — это уничтожить стену, отделяющую вас от вашего народа, и снова приобрести его доверие»*. В ответ император выпрямился во весь рост и, жестко глядя в лицо послу, спросил: *«Так вы думаете, что я должен приобрести доверие своего народа, или что он должен приобрести мое доверие?»* В этом ответном вопросе весь Николай II, его поразительное самомнение и сакральное понимание своей исторической миссии. Уже в пустоту прозвучал последний вопрос Бьюкенена, видит ли Николай II опасность положения, знает ли, что на революционном языке говорят уже по всей России. Император ответил, что ему все известно из того, что говорят люди, просто Бьюкенен придает этому слишком серьезное значение. У посла получается, что государь должен быть просто каким-то поборником свободы слова, мнений. Но ничего из его критики в свой адрес Николая не страшит. На этом аудиенция закончилась, но результат от нее все-таки был — по совету жены, Александры Федоровны, Николай II поставил вопрос об отзыве посла Британии в России Джорджа Бьюкенена.

ФЕВРАЛЬ

Инфляция и дороговизна приводят к введению карточек на основные продукты в городах России. Перебои в добыче нефти и угля, паралич железнодорожных перевозок («паровозный кризис») становится причиной перебоев в снабжении столицы. Температура в домах Москвы и Петрограда не выше 11–12 градусов. Председатель Думы М. Родзянко представляет императору доклад о катастрофическом состоянии дел в России («в стране разруха»). Все фракции Думы выступают за создание правительства, ответственного перед парламентом. «Дело Манусевича-Мануйлова» — разоблачение придворных кругов, замешанных в коррупции и шпионаже в пользу Германии.

В Петрограде появляются первые очереди («хвосты») за хлебом. Фабрикант Путилов объявляет локаут бастующим на его заводах рабочим. Десятки тысяч людей выброшены на улицу.

22 февраля Николай II уезжает из столицы в Могилев, в Ставку Главнокомандования. Первые столкновения полиции и казаков с демонстрантами. Постепенно на сторону митингующих переходят части Петроградского гарнизона.

28 февраля депутаты Государственной думы объявляют о создании Временного комитета, который берет на себя всю полноту власти в стране.

В этот день — 19 января 1917 года по старому стилю — в Петрограде начались заседания Международной конференции стран Антанты, на которой должны были обсуждаться проблемы военного сотрудничества. Перед началом переговоров союзники, опираясь на многочисленные ситуации, ставшие им известными, давали понять, что очень озабочены состоянием дел в России, испытывают по этому поводу тревогу, поскольку не уверены в готовности императорского двора и правительства продолжать войну. Вслух даже озвучивались подозрения о возможности заключения между Петроградом и Берлином сепаратного мира. Со своей стороны союзники демонстрировали готовность помочь русской армии и в целом экономике Российской империи. Однако первый же раунд переговоров показал, что гости не так уж и готовы обсуждать что-либо конкретно. Стало понятно, что делегации Британии, Франции и Италии получили от своих правительств лишь неопределенные инструкции, и никакого направляющего принципа для координации усилий, никакой программы коллективного действия для ускорения общей победы у них нет.

Получалось, что целью визита был зондаж обстановки, выяснение, насколько усилились в России антианглийские настроения. И, соответственно, насколько правдивы слухи, что царь и его окружение ведут тайные переговоры с Германией. Показательно, что Ленин из своего швейцарского далека язвительно откликнулся в тот момент на происходящее: *«Спор идет между этими в кавычках милыми дружками*

только из-за того, когда и как повернуть от борьбы против Германии к борьбе против Англии». Под «милыми друзьями» лидер большевиков имел в виду две противоборствующие между собой придворные партии — германофильскую и англофильскую. Парадокс состоял в том, что, с одной стороны, все были уверены, что такие партии есть, но никто толком не знал и не понимал, какие именно люди в них состоят и насколько на самом деле к их мнению прислушивается Николай II. И даже задним числом в историографии вопроса в советские времена никакой ясности не появилось. Если фундаментальная трехтомная «История дипломатии» утверждала, что царизм в тот момент склонялся к сепаратному соглашению, то в четырехтомном издании «Мировые войны XX века» говорилось: *«В советское время в течение 70 лет во всех хранилищах днем с огнем искали свидетельства заговора двора, его готовность пойти на мировую с Германией. Не нашли ни единой страницы, ни единой строчки. И Николай, и Александра стояли за войну до победного конца»*. Это к тому, что в начале 17-го года ясности и понимания в этом вопросе было еще меньше. Единственное, что было очевидно, это нежелание царской семьи что-либо с кем-либо обсуждать всерьез. Руководитель британской делегации на Петроградской конференции лорд Мильнер после приема в Царском Селе, где он вручил Николаю два письма от его кузена короля Георга Пятого, сказал своим подчиненным: *«Император и императрица хотя и держались очень любезно, но отчетливо дали понять, что не потерпят никакого обсуждения российской внутренней политики»*. И что же? Можно ли решать серьезные вопросы без серьезных разговоров? Вопрос этот риторический.

02.02

В этот день — 20 января 1917 года по старому стилю — в Круглом зале Мариинского дворца в Петрограде состоялось очередное пленарное заседание конференции союзников по Антанте. Забегая вперед, скажем, что это крупнейшее в дипломатии военного времени мероприятие длилось целых три недели. Закончилась Петроградская конференция буквально за считанные дни до начала Февральской революции. И призвана она была, в первую очередь, предотвратить сползание России в революционную смуту. Вот правильно, с одной стороны, говорить, что Февральскую революцию никто не готовил специально — ни одна партия, все произошло стихийно. Но, с другой — общее мнение современников события говорит о том, что к этому все шло — о скором крушении монархии не говорил только ленивый. Можно было попытаться исправить ситуацию принятием каких-то конкретных общезначимых решений в области военного сотрудничества, слаженных действий на фронте. Но в этом смысле конференция потерпела полное фиаско, и обнаружилось это уже в первые дни ее проведения.

Во-первых, союзники вместо подтверждения ранее согласованного плана одновременного начала наступления на Западном и Восточном фронтах против немцев уже в феврале 17-го неожиданно получили отказ. Генерал Василий Гурко, сын прославленного фельдмаршала, освободителя Балкан, временно исполнявший тогда обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего, заявил, что русская армия не готова к наступлению в связи с глубокой

структурной реорганизацией. Это усилило подозрения тех, кто уже начал сомневаться в желании императорского двора продолжать войну с Германией. В конце концов союзники добились от Гурко обещания начать наступление на Восточном фронте во второй половине апреля 17-го года. Столь же неопределенно и сложно шло обсуждение взаимных поставок вооружений и продовольствия. Русская делегация сделала заявку на двадцать с половиной миллионов тонн грузов, для справки — это больше, чем вся пропускная способность железных дорог в стране. Союзники соглашались на поставки, в три раза меньшие по объему. Неожиданно трудно решался и вопрос об ответных поставках российского зерна в Англию и Францию. Казалось бы, что тут могли возразить союзники? Оказывается, как заявил источник на переговорах, *«не очень доверяя четкости и слаженности работы транспорта в России, англичане хотели, чтобы в этой работе участвовали их офицеры, и вообще, чтобы у британских специалистов был доступ к информации об использовании вооружения и техники, предоставляемой Антантой России»*. Показательно еще одно направление сотрудничества — платежи России по старым долгам и вопрос о новых английских займах. Это то, что потом откажутся платить большевики, — долги царского правительства. Но кто бы помнил, что все эти долговые обязательства были обеспечены, и не просто какими-то гарантиями на бумаге. В тот день постановили, что для решения финансовых дел внутри Антанты русское правительство высылает в Англию золота на сумму 20 миллионов фунтов стерлингов! Проще говоря, все необходимые России вооружения и снаряжение были оплачены, причем в предварительном порядке!

Ну и наконец, новой, но не менее сложной проблемой на конференции стал румынский вопрос. Вступив в войну на стороне Антанты, Румыния тут же начала терпеть поражения, ее столица Бухарест была захвачена австро-немецкими войсками, а спасать ситуацию вынуждена была Россия. Русская армия теперь на новом фронте — Румынском. С этой целью в Петроград в тот день прибыл сам премьер-министр Румынии Брэтиану. Впрочем, о положении дел на фронте подробнее расскажем в последующих сюжетах.

03.02

21 января 1917 года по старому стилю сводки с фронтов Первой мировой не содержали в себе ничего существенного. Шла обычная позиционная война, войска всех воюющих армий крепко сидели в своих окопах, что само по себе подтверждало мысль — в этой войне победит тот, у кого окажутся крепче нервы, у кого будет надежный тыл и достаточное количество ресурсов.

Однако было исключение. Румынский фронт — это исключение, подтверждавшее правило. Вступив в войну на стороне Антанты в августе 1916 года, румынское королевство оказалось небоеспособным. Немцы и болгары быстро стали одерживать над ним победы. И уже в декабре того же года был сформирован Румынский фронт русской армии. Полковник Александр Верховский, будущий военный министр Временного правительства, после Октября перешедший на сторону советской власти, а в тот момент — начальник штаба русских

войск в Румынии, описывал ситуацию в катастрофических тонах: «Немцы, естественно, не стали ждать, пока скрипучая машина русского командования придет в действие. Привезли в Трансильванию несколько дивизий и перешли в стремительное наступление. Первыми побежали румынские генералы, за ними офицеры, потом солдатская масса. Не лучше обстояли дела и у наших. Корпус генерала Вебеля столь же стремительно бежал от Черновиц к Станиславу (ныне Ивано-Франковску). Немного [времени] спустя болгары перешли в наступление, потеснив наш 47-й корпус, присланный на помощь румынам. Я думал о том, как устранить все то, что угнетало Россию, мешало успешному ведению войны. И тут мне пришла в голову нелепая мысль пойти к императору. Коллеги смеялись надо мной. “Пусть это смешно, — возражал я, — но так моя совесть будет чиста”. Я был Георгиевским кавалером, а тогда было такое правило — Георгиевских кавалеров по записи, из тех, что оказались в данный момент в Петрограде, приглашали на завтрак во дворец. Я решил этим воспользоваться. Император жил в маленьком двухэтажном доме рядом с оперативным отделом Ставки, обстановка была подчеркнута простая. Несколько офицеров с фронта, в том числе и я, стояли у двери во внутренние покои. Вошел император в походной форме — маленький, серый, неуверенно шагающий человек с усталыми глазами. По очереди подходил ко всем представлявшимся, останавливался, выслушивал фамилию, глядя куда-то в пространство, молчал, видимо не зная, что сказать. Мне повезло. Император, видимо, припомнил меня по событиям 1905 года и удостоил важным для меня вопросом: “Ну, что делается в Румынии?” Я кратко изложил тот кошмар, свидетелем которого стал на протяжении последних месяцев. Император сразу почувствовал, что разговор приобретает необычный характер,

насторожился. Уже внимательно посмотрел мне в глаза и спросил: “Как здоровье генерала Беляева?” — “О здоровье генерала ничего сообщить не могу, но должен сказать, что в Румынии идет прямая измена русскому делу”. Можно было ожидать, что за этим последует резонный вопрос: “А в чем же дело? В чем измена?” Но император сделал вид, что ничего не понял, повысив голос, повторил: “Передайте генералу Беляеву, что я его благодарю за верную службу”». Весьма показательный случай. Офицер, дворянин, воспитанный на исторических примерах Петра Великого, вдруг обнаруживает, что царская власть интересам Родины, России не отвечает. Столько мерзостей, столько ненужных поражений, столько напрасно пролитой крови... «Когда я ехал к царю, — заканчивает Верховский, — во мне горела еще какая-то искра надежды. Но после того, как удалился в свои внутренние покои этот маленький ростом и духом человек, развеялись мои последние иллюзии».

06.02

Характерное разнообразие событий начала февраля 1917 года лучше всего прослеживается по газетным публикациям. Газета «Русское слово» под заголовком «Эвакуация Румынии. Переезд королевской фамилии» писала: «Из Киева сообщают, что румынская королевская фамилия прибыла в Одессу, откуда переедет в Петроград. Управлению Юго-западных железных дорог предписано отправить для этого салон-вагон. Неизвестно, проследует ли сам король вместе с семьей в столицу России или останется в районе фронта». Проследовал. Фердинанд I с супругой и сыном,

принцем Каролем, будут приняты Николаем II. Румынский король предложит заключить династический брак, выдать старшую дочь русского императора Ольгу за своего сына. Предложение будет отвергнуто, причем чисто по семейным соображениям. Ну не понравился всему семейству принц, да и с родителями Ольге расставаться не хотелось, а родителям — с ней. Подметили также, что Кароль — ветреный юноша, на других великих княжон заглядывался. Задним числом, конечно, появится немало печальных пересудов, что вот, мол, если бы такой брак был заключен в начале 17-го, то как минимум одна из дочерей императора могла бы остаться в живых. Впрочем, в тот момент румынский двор сам искал пристанища: 6 декабря 16-го года немецкие войска захватили Бухарест, оставшиеся 22 дивизии румынской армии отступили в Молдову, а Румынский фронт пришлось держать русским войскам. И к существующим и без того большим проблемам прибавилась новая головная боль.

Еще один показательный заголовок газеты: «В дни трезвости. Винокуренный завод на кладбище». *«В Царицыне на православном погосте обнаружен большой, оборудованный по последнему слову техники тайный винокуренный завод. Владелец — кладбищенский сторож — при задержании пытался оказать сопротивление, был обезоружен и арестован. В одной могиле найдено 160 бутылок чистого спирта и пачка денег. Завод функционировал четыре месяца, продукцию оптом и в розницу отпускали в мелочные лавки и шашлычные».* О сухом законе в России, который Николай II ввел в самом начале войны, вроде бы всем известно. Но насколько строго выполнялись его требования? С одной стороны, были запрещены производство и продажа всех видов алкогольной

продукции, с другой — известно, что крепкий алкоголь разрешено было подавать в ресторанах и трактирах. В данном случае указание на сбыт нелегального самогона в учреждения, скажем так, общепита, оставляет место для недоумения. А как же, в случае тотального запрета на винокурение, снабжать рестораны и шашлычные разрешенным алкоголем?¹

Еще одна показательная заметка: «Владикавказ. К убийству миллионера Замкового». *«Закончилось следствие по делу бывшего начальника терской охранной стражи подполковника князя Макаева, он сознался в убийстве. Ревизия обнаружила крупные недочеты и злоупотребления при выдаче и покупке амуниции для стражи и недостачу оружия. Установлено, что князь Макаев фиктивно принимал на службу уклоняющихся от военной службы».* Что ж, яркая иллюстрация еще одной проблемы. Поставки оружия и снаряжения по госзаказу сопровождались фантастической коррупцией, как правило, чиновники и предприниматели действовали в сговоре, заодно, но бывали и ситуации, когда военному чиновнику приходилось прятать концы в воду. Как видим, в данном случае это было безуспешно.

07.02

В этот день — 25 января по старому стилю — французский посол в России Морис Палеолог записал в своем дневнике: *«У меня завтракают Думер, председатель Думы Родзянко, румынский премьер Братиано, несколько членов Госсовета*

¹ Частным лицам государство предоставляло право торговли спиртными напитками по винным откупам, — *Примеч. ред.*

и финансист Путилов. Кроме Путилова, который замкнулся в красноречивом молчании, все мои русские гости обнаруживают оптимизм, от которого они были далеки еще несколько дней тому назад. Впрочем, со времени прибытия иностранных делегаций на конференцию в Петрограде оптимизм циркулирует в столичном обществе. Но, увы, как только союзники уедут, барометр опять опустится до низшей точки. Ни один народ не поддается так легко влиянию и внушению, как русский народ». Когда русский политический бомонд покинет кабинет посла, Палеолог шепнет на ухо своему британскому коллеге лорду Мильнеру: «*We are wasting time*» — «Мы теряем время». Почему теряем? Не потому ли, что они не с теми людьми говорят? Чем вызвано красноречивое молчание Алексея Путилова? Не случайно же это отмечено послом. Путилов — одна из немногих фигур русского крупного бизнеса, которая часто упоминается в источниках. Один только машиностроительный завод — Путиловский, в советские времена Кировский, — флагман русской индустрии. Однако в списке тридцати богатейших фабрикантов и банкиров России по состоянию на 1917 год он занимал всего-навсего 24-е место. Общий капитал — около 10 миллионов золотых рублей, в пересчете на доллары США в соотносимых суммах и с учетом инфляции сегодня это было бы 110 миллионов долларов. Немного. Кстати, на первом месте по состоянию был мало кому известный Николай Второв. 60 миллионов золотых рублей — это около 700 миллионов долларов по сегодняшнему курсу. Золотопромышленник, к началу войны основатель новых производств — завода «Электросталь» под Москвой, химических производств, вагоностроения, а также первых коксохимических заводов в Донбассе. Судьба

Николая Второва удивительна, он остался в Москве после Октября 17-го, жил в своем доме на правах ответственного квартиросъемщика, был убит в мае 1918. Преступников не нашли. По неофициальной версии, на бытовой почве Второва убил его же побочный сын. Алексей Путилов, в отличие от Второва, который в политику не окунался, наоборот, председательствовал в Союзе промышленников, в Обществе изготовления снарядов и прочих боеприпасов, был членом Особого совещания при Военном министерстве. И его, Путилова, присутствие на Петроградской конференции, а также интерес к нему со стороны союзников оправданны и очевидны.

Молчание этого олигарха было вызвано теми же чувствами, что и Мориса Палеолога. Чего напрасно терять время — существующий механизм управления ломается на глазах, дееспособность правительства опять же на глазах тает. Нужны кардинальные перемены, о которых вслух за обеденным столом говорить глупо. Сразу после Февральской революции Алексей Путилов создаст Общество экономического возрождения России, станет сторонником продолжения войны до победного конца, поддержит Корниловский путч. И предчувствуя крах, покинет Петроград еще в сентябре 17-го года, до большевистского переворота. Активы и недвижимое имущество Путилова будут конфискованы специальным декретом Совета народных комиссаров 30 декабря того же 17-го года.

08.02

26 февраля 1917 года по старому стилю в Петрограде лидеры кадетской партии Милюков, Маклаков и Шингарев беседовали с французским послом Морисом Палеологом. Последний

потом запишет в дневнике: *«Заметил, что уроженец Москвы Василий Маклаков, тип истого жителя Первопрестольной, никогда не говорит “Петроград”, только “Петербург”. Спросил — “Почему?”. “Потому что Петербург — немецкий город, который не имеет права называться славянским именем. Когда заслужит, тогда буду называть Петроградом”»*. Подоплека с «бургом» или «градом» объяснялась тем, что в обществе царило недоверие к царской семье. Главным образом — к немке-императрице. Ее иначе как Алиса, Алиска не называли. Причем не только на улице, но и в высоких кабинетах. Палеолог продолжает: *«Считая, что мои гости слишком возбуждены, слишком уж рвутся в бой с царизмом, посоветовал им запастись терпением. Но при одном этом слове “терпение” Милюков и Маклаков вскопили, как ужаленные — “Довольно терпения! Если мы не перейдем к действиям, массы перестанут нас слушать...”»* Это к тому, что Февральскую революцию якобы никто не готовил, она произошла неожиданно и стихийно. Как минимум по ощущениям к перевороту были готовы и на улице, и в кабинетах. А что же в царском дворце? Неужели ничего этого не видели?

Александр Солженицын в своем «Красном колесе» пытается понять логику действий императора: *«После убийства Григория Распутина государь ни в чем не мог пойти на уступки обществу. Подумали бы, что, вот, — освободился из-под влияния. Или, наоборот, — вот, боится тоже быть убитым. Под упреками жены Николай вознамерился, наконец-то, перейти к решительному правлению. Наперекор общественному мнению, во что бы это ни обошлось. Нарочно стал выбирать в министры людей, которых так называемое общественное мнение ненавидело — Голицына, Протопопова. А преданного и прежде любимого министра Николая Маклакова — уволил»*. Прервем

цитату. Обратили внимание — и там, и там Маклаков. Да, родные братья — Василий и Николай. Первый, либерал, жаждет переворота, второй — убежденный монархист. Одна семья, одно воспитание, оба озабочены одним и тем же — как спасти государство. И рецепты — противоположные по целям — по форме одинаковые — хирургические. По мнению Солженицына, Николай II в начале 17-го года решил нанести опережающий удар — вернуть на свои места всех твердых монархистов и распустить Думу. Дождаться окончания срока ее полномочий, в конце года, и провести выборы в Думу новую, пятого созыва. И поручил Николаю Маклакову составить резкий по тону манифест, что тот и сделал. Да только император сам тут же и убоился своей решительности. Солженицын пишет об этом: *«Обессиливающие сомнения одолели государя, а нужно ли обострять, а не лучше ли — мирно, как оно все само течет, не обращая внимания на забияк. Переворот? Революция? Так это же все болтовня, во время войны никакой русский на переворот не пойдет. И армия беспредельно верна, да и смутьяны-заговорщики из Думы, тот же брат Маклакова, Василий, не решатся, хотя департамент полиции и подал на них рапорт с обвинением в подготовке заговора»*. В результате вместо манифеста о роспуске Думы в тот день государь на чертал резолюцию на рапорте охранного отделения: *«Общественных деятелей, да еще во время войны, трогать нельзя»*.

09.02

В ночь с 27 на 28 февраля 1917 года по новому стилю жандармы Петроградского охранного отделения произвели обыск в помещении рабочей группы Центрального

Военно-промышленного комитета (ЦВПК) и той же ночью арестовали на домашних квартирах 10 из 11 членов этой группы. Напомним, что ЦВПК было общественной организацией, в которую входили представители бизнеса, профсоюзные активисты и политические деятели, в основном центристско-либерального круга — кадеты, октябристы, прогрессисты. Комитет был создан в начале Первой мировой войны, ставил перед собой задачу решать конфликты между трудом и капиталом, содействовать росту военного производства, повышать мобилизационную активность, короче — спланировать различные слои общества в военное время. И, спрашивается, неужели царская охранка не делала различий между истинными революционерами-подпольщиками и легальными, лояльными к власти организациями? Но в том-то и дело, что лояльность царскому режиму в тот момент была уже явлением призрачным. Эдаким фантомом. В двусмысленную ситуацию попали и представители большого бизнеса. Шеф жандармского отделения генерал Глобачев докладывал министру внутренних дел Протопопову, что настроения в рабочих кварталах столицы подогреваются слухами, источник которых — руководство ЦВПК, миллионеры-фабриканты Гучков и Коновалов. А слухи очень опасные: будто полиция устанавливает на чердаках зданий и пожарных каланчах пулеметы, готовятся аресты. И здесь уже в сложном положении оказались сами полицейские чины. Не реагировать — получишь массовую манифестацию, для начала мирную, отреагируешь превентивно — тоже получишь, но уже в виде протеста. Генерал Глобачев требовал ареста и Гучкова, и Коновалова, но министр не решился трогать больших людей, известных политиков. Дело

ограничилось арестом именно рабочей группы. И тогда Гучков и Коновалов, пытаясь сохранить контроль над рабочим движением, показать свою заботу о людях труда, а главное, представить себя лидерами общественного движения, выступили с публичным заявлением, в котором говорилось: *«Чтобы устремления рабочего класса не приобретали агрессивного характера, нельзя загонять это движение в подполье, нельзя “выемкою” выборных людей ликвидировать такое стихийное явление, как движение в рабочей среде. Как минимум арестованные должны выйти на свободу».*

Согласитесь, любопытнейшая ситуация, большой бизнес пытается действовать в политике самостоятельно, но тут же оказывается между молотом и наковальней. Между царской охранкой и революционным подпольем. И в этом, пожалуй, заключался весь драматизм тогдашнего русского бизнес-класса. Хотя с победой Февральской революции поначалу будет казаться, что гучковым и коноваловым удалось оседлать ситуацию.

10.02

В этот день — 28 января 1917 года по старому стилю — в центре внимания была Петроградская конференция стран Антанты, о которой мы уже писали. Ее участники пытались понять, что же происходит в России, что в стране обсуждают, что думают, какого развития событий следует ожидать. Любопытный диалог на переговорах произошел в тот день между князем Оболенским и французской делегацией. Князь только что вернулся из поездки в Кострому, где у него

были крупные производства — мануфактурное и сельскохозяйственное (молоко, масло). Собеседники князя знали о Костроме, что эта старинная вотчина Романовых когда-то служила цитаделью и убежищем для первого царя из этой династии. Считалось, что по традиции вслед за Сусаниным, который отдал жизнь за царя, Костромская губерния относится к тем, где *«династический лоялизм наиболее живуч, где сохраняются в наибольшей неприкосновенности общественные привычки и национальные чувства»*. Итак, в кулуарах конференции зашел разговор о настроении умов, что думают, что говорят костромские мужики. *«Плохо дело... — отвечал князь Оболенский. — Устали от войны мужики. Ничего в ней больше не понимают, кроме того, что победа невозможна. Однако пока еще не требуют мира. Я чувствовал всюду унылое и покорное недовольство... Убийство Распутина произвело сильное впечатление на массы. — А какого рода впечатление? — в один голос спросили все слушавшие в тот момент князя. — А это очень интересное явление и характерное для русской традиции. Для мужиков Распутин стал мучеником. Он был из народа, он доводил до царя голос снизу, он защищал народ против придворных, и вот придворные его убили. Вот что сейчас повторяют во всех избах. — Но в Петрограде-то, — парировал кто-то, — в столице-то народ был в восторге, узнав о смерти Гришки. Бросились даже в церкви свечи ставить перед иконой святого Димитрия, потому что думали, что великий князь Дмитрий Павлович лично убил эту “собаку”. — В Петрограде слишком хорошо знали об оргиях Распутина, всю эту изнанку, — возразил Оболенский, — кроме того, радуясь смерти Распутина, столичные жители в некотором роде выражали недовольство императором и императрицей. Но, в общем-то, все русские мужики об этом деле думают, как костромские»*.

Это было еще одним обстоятельством, осложнявшим внутриполитическую ситуацию, потому что у части людей возникла иллюзия, что придворные избавились от защитника народных интересов. Надо ли говорить, что Распутин даже роли такой не пытался играть, в его демагогии не было подобного социального пункта. И очень показательны то, что во всей этой истории самые большие репутационные потери понес как раз Николай II, не сумевший ни защитить Распутина, ни наказать толком виновных в его гибели.

13.02

В этот день — 31 января 1917 года по старому стилю — император Николай II записал в своем дневнике: *«Накануне проснулся с хрипотой. Теперь она меньше. Погулял утром с Алексеем. Принял Беляева и Покровского. Обошел парк с Марией. До обеда читал. Вечером делали puzzle».*

Неверно, конечно, думать, что Николай был совсем далек от реалий жизни, от своих обязанностей, но все-таки одна эта, понятная теперь всем настольная игра — пазл — она же красной нитью проходит в дневнике императора, каждый вечер он его собирает.

А как пазл складывался в начале 17-го года за окнами дворца? Вот принято считать, что в Первую мировую не было в России карточной системы снабжения. Во-первых, в январе 17-го уже начали в отдельных местах вводить нормированное снабжение, а во-вторых, повсеместно уже была введена система закупок и торговли по твердым государственным ценам. Фактически введена ценовая монополия. Постановление

кабинета министров вышло с указанием на уголовную ответственность за *«возвышение или понижение цен на предметы продовольствия или необходимой потребности»*. Для примера: задержали группу сахароторговцев в Ростове-на-Дону, принудили продать на базаре свой товар по фиксированной цене — 35 копеек за фунт. К всеобщей радости. Так только пропал после этого в Ростове сахар на базаре. Черный рынок возник. Крестьянам в принципе стало невыгодно продавать ни зерно, ни муку, ни крупу, ни мясо по монопольной цене, тем более что промышленные товары, на которые они фактически меняли свою сельхозпродукцию, в условиях военного времени выпускались в меньшем количестве и вздорожали. Для регулирования рынка царским властям пришлось учреждать специальные структуры, одно название которых советским новоязом дышит — Центросахар, Центромука. Естественно, граждане стали часами промышленлять куплей-продажей, в челноков превращаться. В ответ власти ввели досмотр поездов, следующих из внутренних районов страны в столицы. Газета «День» писала: *«Желающие провезти пять фунтов масла прячут его в подушки, в чемоданы с бельем, как драгоценность. У пассажиров поездов, следующих из Сибири и в Петроград и Москву, городовые ощупывают и прокалывают тюки и корзины. Страна оказалась разделенной на большое число изолированных владений, обмен продуктами между которыми происходит с не меньшими затруднениями, чем между самостоятельными государствами»*.

Самое печальное, что как такового дефицита продуктов и товаров в России не было. Были проблемы с логистикой. Транспортный кризис. Газета «Русское слово» писала: *«На Алтайской железной дороге между Бийском и Семипала-*

тинском скопилось до 4 миллионов пудов мяса из-за отсутствия паровозов и недостаточности железнодорожных путей. Лишь сильные морозы оберегают пока это мясо от порчи».

С другой стороны, газеты пытались и морально воздействовать на публику, которая, как язвительно писала «Петроградская газета», «не в состоянии попить чая без чего-нибудь сладенького». Речь шла о появившихся тогда очередях в кондитерские, булочные. Слова «очередь» в известном нам смысле тогда в русском языке вообще не было. Вереницы людей, стоящих в дверях и на тротуарах, называли тогда «хвостами». Это было новое явление, которое, впрочем, сыграет вскоре свою революционную роль.

14.02

В этот день — 1 февраля 1917 года по старому стилю — министр иностранных дел России Николай Покровский отправил ноту своему французскому коллеге, в которой выразилось согласие России с предложениями Парижа о будущих послевоенных границах в Европе.

Заметим, что Покровский к тому времени был министром всего второй месяц, он сменил на этом посту одиозного Штюрмера, и это было воспринято российским общественным мнением как поражение «распутинцев» при дворе. Покровский слыл либералом, в Государственной думе, оппозиционной царскому режиму, его называли не иначе как «кристаллически честный» человек. Ходили слухи, что он тяготится своей службой в царском правительстве: *«Чувствует себя нехорошо и постоянно просится у царя в отставку, ссылаясь*

на происки германофилов, закулисные попытки придворной камарильи заключить с немцами сепаратный мир». В этом контексте становится понятным решительный жест министра иностранных дел в начале февраля 17-го года. В тот момент союзники по Антанте подстегивали Россию к продолжению войны и в качестве аванса озвучили свое согласие на возможность включения в состав Российской империи по окончании войны — разумеется, победном — Константинополя с Черноморскими проливами. Это согласие было озвучено на проходившей в те дни в Петрограде международной конференции. И ответ Николая Покровского на это предложение, по сути, стал ответным «реверансом». Любопытно, что же хотела для себя Франция? Первое — территории Эльзаса и Лотарингии, отошедшие к Германии после франко-прусской войны в 1870-е годы. Второе — область Саар, со *«всею заключающим в себе железную руду районом»*. И третье — германские области, расположенные на левом берегу Рейна, должны быть отделены от политического и экономического влияния Германии, устройство зарейнских областей должно быть основано на особых началах, и впредь, до их установления, Рейнская область должна быть оккупирована французскими войсками. Забегая вперед, скажем, что именно так во многом и произойдет после крушения Германской империи и поражения ее в Первой мировой войне, в ноябре 1918 года. По условиям Версальского мирного договора, который будет подписан уже без какого бы то ни было участия и влияния со стороны России, в которой тогда уже бушевала Гражданская война, Эльзас, Лотарингия и Саар войдут в состав Франции, а левобережье Рейна — основной промышленный комплекс — будет демилитаризовано и фактически выведено из полноценного политико-экономического процесса Германии.

То есть аппетиты, которые озвучила Франция в начале 17-го, будут удовлетворены ею спустя два года и без помощи России. Но любопытно, что царское правительство в последний месяц своего существования совершенно определенно на такой передел карты Европы соглашалось. Цитирую ноту Покровского: *«Имею честь заявить, что Франция может рассчитывать на поддержку императорского правительства России для проведения в жизнь вышеизложенных предначертаний».*

15.02

В этот день — 2 февраля 1917 года по старому стилю — газета «Московские ведомости» сообщала об открытии в галерее Ламерсье на Петровке выставки Московского товарищества художников, уточняя стоимость входного билета — 20 копеек. Много это или мало? Средняя зарплата фабричных рабочих, в зависимости от квалификации и солидности предприятия, составляла от 25 до 50 рублей в месяц. Офицер в звании поручика получал со всеми дополнительными выплатами 700 рублей в год. Служащие, инженеры, учителя в гимназиях — порядка 70 рублей в месяц. Но если фунт сахара, до войны стоивший 12 копеек, в начале 17-го шел уже по 64 копейки, а из-под полы, на черном рынке — за 90 копеек фунт, то понятным становится ключевое слово той зимы — ДОРОГОВИЗНА. Хотя сейчас сказали бы — инфляция. Действительно, зарплаты и жалованья в годы войны оставались на прежнем уровне, а количество денег в обороте росло, то есть рубль обесценивался. Если в начале 1914-го в обороте находилось 2 миллиарда 402 миллиона рублей

(в скобках заметим, что при населении в 128 миллионов получается, что деньги были очень, очень дорогие, каждая копейка была в цене), то к февралю 17-го года денежное обращение составило уже 10 миллиардов 7 миллионов рублей.

Но это еще не вся картина ухудшения ситуации. Накануне войны денежные расчеты проводились четырьмя способами — существовали кредитные билеты Госбанка, золотая монета (червонец), разменное серебро и медь. Сразу после начала Первой мировой металлические деньги стремительно начали исчезать из оборота. Первым ушло золото, люди стали припрятывать «николаевские империалы». А как иначе, если Государственное казначейство объявило о прекращении обмена кредитных билетов на золото. В тот момент золотой запас Госбанка Российской империи в монетах и слитках составлял 1 миллиард 604 миллиона рублей, а кредитных билетов, или, проще говоря, бумажных денег в обращении было на сумму 1 миллиард 664 миллиона, то есть гарантии обеспечения золотом были очень высоки — более 98 процентов. В феврале 17-го это соотношение выглядело уже совершенно иначе. Если сам по себе золотой запас уменьшился не критически, составляя, за вычетом необходимых затрат на ведение, 1 миллиард 476 миллионов рублей, то кредитных билетов было выпущено уже на сумму 9 миллиардов рублей с лишним, обеспеченность денег золотом, таким образом, составляла уже всего 15 процентов.

Это был неизбежный, печальный итог безудержной эмиссии, к которой Госбанк России вынужден был прибегать, чтобы обеспечить финансирование военных расходов. И это привело к тому, что главным должником перед Февральской революцией стало само Государственное казначейство, долг

которого Госбанку превышал уже сумму долгов всех прочих клиентов. Самое удивительное, что приток денежной массы, нарастание выпуска кредитных билетов привело к существенному увеличению депозитов и текущих счетов физических и юридических лиц. Если в 1914-м на таких счетах Госбанк имел 260 миллионов рублей, то в начале 17-го — уже два с лишним миллиарда. Получается, что и бизнес, и частные лица в России предпочитали тогда держать обесценивающиеся рубли на банковских счетах, а не тратить их на что попало. Любопытная ситуация, которая свидетельствует о том, что обвала или краха финансовой системы никто в феврале 17-го не предвидел.

16.02

В этот день — 3 февраля 1917 года по старому стилю — в московских газетах появились рекламные объявления: *«Вновь открыта в Москве грандиозная гостиница ДЕЛОВОЙ ДВОР в торговом центре на Варварской площади, близ Ильинки и Никольской. Лифты, роскошная обстановка, электрическое освещение, горячая и холодная вода, ресторан, бильярды, ванны. На всех вокзалах к встрече поездов с постояльцами, заказанными номерами, — автомобили-омнибусы, во все номера проведены телефоны. Цены дешевые — от трех до пяти рублей за комнату»*. Выглядит радужно, так, словно никакой войны нет, нет никаких проблем. Сплошная деловая активность.

Проблемы были.

С началом войны стали резко сокращаться буровые работы, разведка месторождений и экспорт нефти. Кроме

того, проблема энергоносителей обострилась и в силу непродуманной акцизной политики царского правительства. Акцизом были обложены все продукты нефтепереработки, но в разной степени. И если с пуда керосина акциз брали в размере 40 копеек, то для тяжелых масел, то есть мазута, акциз составлял 30 копеек за пуд. Нефтепромышленникам стало выгодно перерабатывать сырую нефть не в керосин, а в мазут. Это привело к тому, что темпы роста внутреннего спроса на керосин существенно превысили темпы роста нефтедобычи. А снабжение российской промышленности мазутом попало в прямую зависимость от объема экспорта керосина за границу, а не от использования его внутри страны. Это привело к энергорасточительной практике расходования нефтяных запасов.

Кроме того, неудачные военные действия в 1915 году привели к потере Россией западных польских губерний, где находились большие запасы каменного угля. Домбровский бассейн, дававший около 500 миллионов пудов в год, оказался на территории противника. Нужды российской индустрии обслуживал только один Донецкий бассейн, в котором ощущалась уже большая убыль рабочих рук, в силу призыва на службу в армию. В итоге к началу 17-го года в стране возник так называемый топливный голод.

Положение осложнялось проблемой транспортных перевозок. Из-за нехватки паровозов, в первую очередь использовавшихся для военных нужд, а также вагонов под военные перевозки, снабжение сырьем — углем, коксом промышленных предприятий Юга России оказалось под угрозой срыва. На некоторых металлургических предприятиях Донецко-Криворожского бассейна пришлось даже выводить из строя

доменные печи из-за нехватки кокса. Дефицит нефти и угля отразился на показателях производства в черной металлургии. Выплавка чугуна снизилась по стране с 293 миллионов пудов, что соответствует показателям 1913 года, до 231 миллиона. Такая же тенденция была и с производством стали. Для покрытия дефицита правительство разместило заказы в странах — союзниках по Антанте. Это, по определению, усиливало зависимость российской экономики от иностранных поставщиков. И объективно подрывало потенциал России и экономическую базу, необходимую для продолжения войны. Имеется в виду, продолжения ее в более-менее привычных, сопоставимых с мирным временем условиях, таких, с которых мы начали этот рассказ. Это когда газеты рекламируют роскошные гостиничные номера с электричеством, горячей водой, телефоном и прочими удобствами всего за пять рублей в сутки.

17.02

В этот день на календаре в России было 4 февраля. Страна жила в ожидании возобновления работы Государственной думы. Парламентарии были на каникулах, и возникло опасение, что император не разрешит им собраться вновь, в то время как полномочия той Думы, 4-го созыва, истекали в октябре 1917 года. В этой ситуации председатель Думы Михаил Родзянко, сторонник умеренной партии октябристов, целью которых было установление парламентской монархии, направил государю доклад о положении дел в стране. Любопытный

нюанс — Родзянко был женат на княжне Голицыной, дочери обер-гофмейстера двора императорского величества, и в силу этого обладал дополнительной возможностью напомнить о себе. Доклад Родзянко был выдержан в катастрофических тонах. *«В минуту грозной опасности самая плохая политика — закрывать глаза на всю серьезность положения, а оно катастрофическое, хотя армия не разбита и даже снабжена вполне предметами вооружения, но в тылу идет такой развал, который грозит сделать бесцельными все жертвы, всю пролитую кровь».*

Выше мы рассказывали о радужных объявлениях в газетах, об открытии в Москве новой гостиницы, номеров с электричеством и горячей водой. Родзянко же в своем докладе очень подробно описывает реальное положение дел: *«В зимний сезон Москве для отопления нужно ежедневно по 430 тысяч пудов дров, 60 тысяч пудов каменного угля и 75 тысяч пудов нефти, между тем прибытие дров упало с 17 января до половины нормы, а нефти и угля почти совсем не поступало. Запасы топлива на фабриках и заводах, заготовленные на два месяца вперед, уже свелись на нет. Многие предприятия, работающие на оборону, уже остановились или скоро остановятся. Дома с центральным отоплением имеют топлива всего на 50 процентов, а дровяные склады пусты. В квартирах обывателей температура редко поднимается выше 11–12 градусов по Цельсию, а в домах с центральным отоплением падает до 1–9. В учебных заведениях и того меньше — 6–8. В Москве развилась масса заболеваний инфлюэнцией и воспалением легких, а на почве недоедания — желудочные и кишечные заболевания. Что касается промышленности, — продолжал Родзянко, — то стоят из-за недостатка топлива фабрики — Даниловской*

мануфактуры, товарищества Гюбнер, завод сельскохозяйственных машин Головина, ткацкая фабрика Бебищева, суконная — Жучковой, Подольский снарядный завод Земгора, ряд мукомольных мельниц. Остановлено производство малых моторов на заводе “Динамо”, стоит Докторовский химзавод, остановлена работа литейных мастерских на Коломенских заводах, грозит остановка заводу боеприпасов Второва, заводам братьев Бромлей, товариществу Прохоровской Трехгорной мануфактуры...» И это только половина списка, который теперь, по прошествии века, скорее впечатляет обилием производств самых разных отраслей индустрии, располагавшихся тогда в Москве. А во вторую очередь, конечно же, заставляет смотреть на предреволюционные дни и недели 17-го года трезвым взглядом. Перед нами не просто дворцовые интриги и закулисная политическая возня, не просто революционная пропаганда социал-демократов, а действительно аховое экономическое положение в стране — что и было главной причиной наступавшего разлома.

20.02

В этот день — 7 февраля 1917 года по старому стилю — на рабочем столе императора Николая Александровича лежала записка, представленная Михаилом Родзянко, председателем Государственной думы. На самом деле это был обширнейший доклад об экономической ситуации в стране, который за один присест даже и не прочесть. Неизвестно, читал ли император эту записку. В своих ежедневных записях Николай II исправно сообщает, с кем встречался, пишет о том, что читал

доклады, но какие именно, никогда не называет. Но даже если прочел, то выводов, как покажет самое ближайшее время, не сделал. Все неизбежно катилось к революционному взрыву, и он произойдет сразу с наступлением весны. Пока же на дворе, как пишет Николай в своем дневнике, *«сильная метель. Поезда всюду задерживаются»*. Судя по этому отгослоску, император в курсе происходящего. Родзянко подробно рассказывает о топливном голоде, о продовольственном кризисе, об остановке предприятий из-за отсутствия подвоза сырья. Именно подвоза — и продовольствия, и нефти, и сырья в целом в стране хватало. Проблема была в логистике, как теперь бы сказали. Но от этого было не легче. Родзянко взывал: *«Где причина всей этой разрухи? Это не результат каких-либо непреодолимых сил, мы имеем перед собою творение рук человеческих. К счастью, налицо именно это — второе. У России есть все необходимое, но использовать это в достаточной степени мы не можем. Урожай только четырех из важнейших хлебов в 1916 году составил 3 миллиарда 336 миллионов пудов, при общем потреблении всего в два с половиной миллиарда. Ничего угрожающего нет и в вопросе обеспечения страны топливом — добывная способность одного только Донецкого бассейна на 1917 год два миллиарда с лишним пудов каменного угля и антрацита против потребности в полтора миллиарда. Металлическая продукция растет. Все проблемы потому, что отсутствует надлежащая организация тыла. Недостаток вагонов, паровозов, в целом железных дорог»*.

Любопытно, что Родзянко оперирует, как теперь бы сказали, открытыми источниками, ссылаясь на обзоры и отчеты общественных организаций, того же Военно-промышленного комитета. Это к вопросу о режиме секретности, об утечках, об информированности противника. Да, в этом плане ситуация

коренным образом отличается от советских времен. Так, Родзянко со ссылкой на опубликованный источник сообщает главе государства, что *«на питерском заводе военных и морских приборов “Сименс Шукерт” для изготовления минных взрывателей расходуется в рабочий день сталь восьми сортов в размере тысяча триста пудов, запасов осталось около 21 тысячи, хватит на три недели, если не будет подвоза»*. И это не просто единичная иллюстрация, дальше следует похожая тревожная раскладка по Балтийскому судостроительному заводу. Но больше всего теперь поражает, конечно, информация о том, что *«на Сибирских железных дорогах гниют миллионы пудов мяса, масла, дичи, зерна»*. Вывод Родзянко — отсутствие координации действий между армейскими и гражданскими структурами управления. Фронтовой тыл, опасаясь за поставку военных грузов, стремится удержать за собой вагонный парк. В результате дефицит достигает в иные дни 30 тысяч вагонов и около двух тысяч товарных паровозов. Спрашивается, кто здесь может навести порядок? Особое совещание по перевозкам или государь-император, обладающий фактически абсолютной властью? Парадокс, но потенциальный политический противник, Родзянко, лидер парламента, открытым текстом призывает царя употребить свою власть. Но, похоже, Николай свою миссию в тот момент понимал иначе — для него быть в курсе происходящего и успокаивать этим просителей было важнее, чем заниматься решением конкретных проблем.

22.02

В этот день — 9 февраля 1917 года по старому стилю — из Петрограда в Мурманск уезжали делегации стран Антанты,

принимавшие участие в международной конференции. Последней, как вскоре выяснится, многосторонней встрече на высоком уровне представителей России, Англии, Франции, Италии и Румынии. Перед отъездом глава британской делегации лорд Мильнер встретился с лидером партии кадетов Петром Струве, передав ему две записки. Одна называлась «О состоянии дел в России», вторая — «Продовольственный вопрос в России». Уже из самих названий следовало, что проблема, корень зла заключались не в состоянии армии, не в ее боеготовности, которая в тот момент была на приемлемом уровне, а в политическом и экономическом кризисе внутри страны. В тылу, который перестал соответствовать требованиям военного времени. В первой записке говорилось, что России необходимо правительство, которое могло бы добиться компромисса между различными слоями общества. Проще говоря, нужна была власть, способная сплотить общество. И здесь ничего нового и тем более неожиданного англичане не предлагали. Главным политическим требованием в тот момент, в преддверии, кстати, открытия очередной сессии Государственной думы, было требование, адресованное царю, — учредить кабинет министров, ответственный перед парламентом, чтобы вывести из ступора, бесконечных разговоров саму по себе управленческую вертикаль, заставить ее работать. Струве, конечно же, был в курсе дела, он знал содержание записки председателя Госдумы Михаила Родзянко, который открытым текстом писал царю: *«Административное бессилие в отношении организации железнодорожных перевозок вылилось в крайние злоупотребления чиновников различных ведомств, сложилась система сложного, трудно раскрываемого взяточничества, которая одна только*

и действует в настоящий момент сколько-нибудь удовлетворительно». Вдумаемся, стране, находящейся в чрезвычайно ситуации — идет война, — требуются военный порядок и дисциплина на транспорте, а вместо этого возникает система прикармливания казенных денег, выделяемых на поставки военных грузов, продовольствия, сырья. Замысловатая бюрократическая схема выдачи литеров — то есть специальных разрешений на формирование железнодорожных составов — выливается в элементарную торговлю этими самыми литерами. В стране даже возникла горькая поговорка, что теперь лучше всего возить товары по литере «Дабл Д» — деньги давай.

Что касается мнения союзников, то они за время пребывания в Петрограде воочию убедились, что при императорском дворе активно действует прогерманская партия, которая отбивает все предложения и требования реформ как проявление предательства и измены. И точно так же, как измену, но уже во дворце, воспринимают в либеральных кругах большого бизнеса и большой политики линию императора на сохранение статус-кво, на поддержание того, что есть в данный момент. Вывод лорда Мильнера: Россию ставят лицом к лицу с революционной ситуацией. При этом «ставят» и те и другие.

Встреча Мильнера и Струве закончилась безрезультатно. Англичане устали от бесконечных приемов, обедов, заверений, обещаний, пустословия, которым подменялись деловые переговоры. Потому что в тот момент в России те, кто мог что-то решить, разговоров не вели, а те, кто вел, не могли ничего решить.

27.02

В этот день — 14 февраля 1917 года по старому стилю — в Петрограде была проведена массовая политическая стачка, в которой приняло участие 80 тысяч рабочих столичных фабрик и заводов. Это было первое после однодневной стачки в память о событиях 1905 года, Кровавом воскресенье 9 января, массовое выступление питерского пролетариата. Во всех партийных советских изданиях эта акция, проводившаяся под лозунгами «Долой войну!», «Да здравствует республика!», проходит как предтеча вскоре грянувшей Февральской революции, как результат пропаганды и агитации социал-демократов — большевиков. Однако эта стачка была не стихийной и спонтанной, она была приурочена ко дню возобновления работы Государственной думы. Это уже многое объясняет. Во всяком случае, объясняет лозунг «Да здравствует республика!». Смысл стачки заключался в выражении солидарности законодательному органу власти, который к тому времени воспринимался многими как оппозиционный монархической власти. Практически все фракции Думы в большей или меньшей степени критиковали политику императора Николая II, а требование учредить кабинет министров, ответственный перед Думой и подчинявшийся бы ей, а не главе государства, разделяло подавляющее большинство депутатов.

Это обстоятельство, кстати, ставило под сомнение саму возможность возобновления работы Думы. Никто бы не удивился, если бы государь объявил о роспуске Думы. Ее полномочия истекали в октябре 17-го года. И были предложения

приблизить срок созыва следующей, пятой по счету, Думы за счет объявления досрочных выборов в нее, или, наоборот, отложить выборы до окончания войны. Кроме того, на протяжении января и начала февраля 17-го года многие думцы, причем из числа тех, кто не числился в радикалах — октябристы, прогрессисты и кадеты, что называется, «засветились» активными призывами к свержению монархии, к обсуждению будущих реформ. Причем такое обсуждение велось открыто, публично на переговорах с иностранными политиками, приехавшими в Петроград на международную конференцию стран Антанты. К активным выступлениям призывал тогда рабочих и Центральный военно-промышленный комитет, организация отнюдь не революционная. Но верно и то, что в начале 17-го года понемногу начала оживать и радикальная социал-демократия. Возобновило свою деятельность Русское бюро ЦК РСДРП, лидерами которого были тогда Заруцкий, Молотов и Шляпников. Они установили связь с заграничным бюро ЦК, которое возглавлял Ленин. Так что в упомянутой нами стачке принимали участие и большевистские агитаторы из Петроградского комитета партии, в распоряжении которого были подпольные типографии. А вообще-то в тот момент, в канун Февральской революции, партия большевиков в России состояла из 24 тысяч членов, объединенных в 154 местные организации. Уточним, речь идет обо всей стране, а не только о Петрограде.

28.02

В этот день — 15 февраля 1917 года по старому стилю — возобновила свою работу Государственная дума Российской империи. Накануне было немало слухов о том, что Николай II не станет созывать парламент в сложившихся обстоятельствах. Расхождение между Думой и Зимним дворцом достигло критической точки. Во время зимних думских каникул в стране произошло громкое политическое убийство Григория Распутина. Это было расценено при дворе как покушение на самую монархическую власть. При этом в глазах императрицы Александры Федоровны самым главным врагом престола в тот момент считался лидер партии октябристов, член императорского Госсовета Гучков, один из будущих министров-капиталистов Временного правительства. То есть не большевики, не эсеры, не радикалы считались тогда угрозой царскому трону, а вроде бы вполне лояльные мелкобуржуазные партии. Действительно, несмотря на присутствие в Думе крупной фракции правых — монархистов и националистов в количестве 98 человек, большинство, представленное партией народной свободы — кадетами, а также октябристами и прогрессистами, находилось в оппозиции монархии. Они сформировали так называемый Прогрессивный блок. Его платформой было сохранение единой и неделимой России (гипотетически признавалась возможность предоставления независимости только Финляндии), но при этом прогрессисты требовали конституционных ограничений монархии, реформ в экономике, демократических прав и свобод, а главное — формирования ответственного

перед Думой правительства. Подоплека этого требования заключалась в том, что в те годы царское правительство пыталось существенно переформатировать структуру большого бизнеса в России, создать систему госкорпораций с профессиональными топ-менеджерами во главе. Все топ-менеджеры были выходцами из коридоров власти, технократами и бюрократами, служившими в министерствах и ведомствах. А под удар попали владельцы и наследники крупных капиталов, сложившихся за полвека пореформенного развития страны. Все они — Второвы, Нобели, Поляковы, Рябушинские, Морозовы, Прохоровы, порой вынужденно для себя самих, оказались в другом лагере — том, который подвергался откровенному давлению со стороны правительства, требованиям продать свои доли в акционерных капиталах, уступить свой бизнес просто по причине своей якобы неэффективной деятельности, непонимания общих задач экономического развития страны. Все это привело к радикализации крупной российской буржуазии. К весне 17-го многие капитаны российского бизнеса — во главе с Гучковым, Терещенко, Коноваловым — уже откровенно делают ставку на свержение монархии, одновременно пытаясь оседлать рабочее движение и то недовольство и протесты, которые были вызваны военным временем. Противоречия эти усилились еще и потому, что после убийства Распутина Николай демонстративно приблизил к себе сторонников прогерманской партии, сторонников усиления монархической власти и, соответственно, противников каких-либо реформ и преобразований. В итоге вместо столь необходимого стране и обществу диалога в поисках компромисса возобновление работы Государственной думы лишь ускорило революционное развитие событий.

МАРТ

1 марта в Петрограде создаются Советы рабочих и солдатских депутатов. Части Петроградского гарнизона под красными знаменами приходят к стенам Таврического дворца и выражают свою поддержку Временному комитету Государственной думы. Фактически в столице осуществлен государственный переворот.

2 марта император Николай II подписывает текст отречения от престола за себя и своего сына Алексея.

3 марта великий князь Михаил Александрович под давлением думских лидеров в свою очередь отказывается от престола. Возникает вакуум власти, который пытаются заполнить Временное правительство и Петросовет. Феномен двоевластия.

Временное правительство объявляет полную политическую амнистию — все осужденные за уголовные и террористические преступления при царизме выходят на свободу; провозглашает равенство всех граждан независимо от сословной, религиозной и национальной принадлежности. Советы принимают так называемый Приказ № 1, которым отменяется смертная казнь в армии за дезертирство и вводится коллективный принцип руководства: приказы командиров вступают в силу после утверждения их солдатскими комитетами.

01.03

В этот день на календаре Российской империи было 16 февраля 1917 года, календарная зима еще не кончилась. Зима, кстати, была очень морозной и снежной, и этот природно-климатический фактор тоже сыграл свою роль. Снежные заносы на железных дорогах усиливали транспортный кризис. Тяжелая ситуация сложилась даже в таких южных городах, как Ростов-на-Дону. Газета «Русское слово» в тот день писала: *«Ночью и днем в городе бушует метель. Частично прекращено движение трамвая. От морозов лопнули водопроводные трубы. Уже 4-й день некоторые улицы без воды. В больших домах прекратилось отопление. Сообщают, что на линиях дорог ростовского узла на перегоне Царицын — Тихорецкая застряли в снегу 60 тысяч мешков, отправленных для перевозки зерна на платформах московскому Центральному военно-промышленному комитету и общественной организации»*. Обратите внимание на детальность корреспонденции, показательной в смысле описания цепочки проблем. Застрял состав не с зерном, а с мешками для зерна, в которые на станции Тихорецкой надлежит его затарить и отправить в Москву. То же самое и с поставками в Петроград. Нехватка продовольствия в столице спустя две недели выльется в уличные демонстрации, протесты и, в конечном счете, — революцию. Повода, который спровоцировал ее начало, можно было бы избежать, будь тогда просто нормальная погода и, скажем так, качественно иное, ответственное отношение властей к проблеме снабжения. Так что такая информационная мелочь — застрял товарняк

с рогожей, с мешками — на поверку оказывается вовсе и не мелочью. Тем более что в газетах уже присутствует постоянная рубрика «Продовольствие. Карточки»: «В Киеве в начале марта вводятся карточки на хлеб. Предполагается ежедневно выдавать по два фунта хлеба на человека, засчитывая в это количество приобретаемую муку. Полтава. По распоряжению уполномоченного по продовольствию населения, в городе введены карточки на пшеничную муку. Печеный хлеб продается пока без карточек. Ростов-на-Дону — 14 февраля введены карточки на муку. На душу в месяц отпускается 5 фунтов пшеничной и 5 фунтов ржаной. И, наконец, сообщение из Томска, из Сибири — В Новониколаевске городская дума постановила ввести карточную систему на дешевые сорта мануфактуры, главным образом на ситец. Каждому будет отпускаться бумажных и льняных тканей на сумму 5 рублей в месяц». Уточним, Новониколаевск — это теперь Новосибирск. И утешает только то, что в тех краях кризис не зерновой, так что там пока карточки не на хлеб, но уже на промышленные товары, на мануфактуру.

03.03

В этот день — 18 февраля 1917 года по старому стилю — в России началась масленичная неделя, проводы зимы, которая, казалось, не собиралась кончаться. Снег, метели, морозы, даже в южных губерниях, плюс проблемы с доставкой провианта, топлива в крупные города. Все это вылилось в вынужденное принятие ограничительных мер. Губернские

и уездные власти по всей стране начали вводить нормы снабжения населения мукой. И как видим, одна из причин для этого — следование традиции, ну как же без блинов. Перед булочными и магазинами в Петрограде начали выстраиваться «хвосты» — мы уже говорили, что так тогда называли непривычные глазу очереди. Невиданный доселе дефицит порождал слухи и подстегивал политическую активность. Начальник столичного охранного отделения генерал-майор Гловачев писал потом в своих мемуарах: *«Очереди за хлебом появились не потому, что его в действительности не было, а потому, что, с одной стороны, население Петрограда за годы войны стремительно увеличивалось за счет беженцев и мобилизованных, служивших в Петроградском военном гарнизоне, тогда как, с другой стороны, хлебопекарни закрывались из-за отсутствия мобилизованных на фронт работников, и очагов для выпечки достаточного количества хлеба хронически не хватало»*. Это было парадоксальное стечение обстоятельств, но оно не могло не сказаться на политической активности. В этот день на крупнейшем оборонном заводе России — Путиловском артиллерийском — вспыхнула забастовка. Встал лафетно-штамповочный цех. Его работники потребовали увеличения заработной платы на 50 %. Спустя два дня администрация завода пошла навстречу бастующим, при условии, что они незамедлительно возобновят работу. Рабочие активисты запросили паузу на сутки. И кто знает, как бы стали развиваться события дальше, но Алексей Путилов решил далее не идти на уступки и приказал закрыть этот цех, после чего в забастовку включились все остальные, до этого работавшие цеха, все 36 тысяч рабочих Путиловского завода. В ответ администрация завода объявила локаут.

Другими словами, десятки тысяч профессиональных, грамотных, а главное, потенциально активных в политическом плане пролетариев, жителей столицы, оказались на улице без средств к существованию и без брони от службы на фронте. То есть для внезапного обострения ситуации — лучше не придумашь.

Такая политика со стороны фабриканта Алексея Путилова выглядела вдвойне странной, потому что он-то как раз не принадлежал к олигархам и фабрикантам, оппозиционно настроенным к монархии. Он был представителем той самой новой столичной генерации большого бизнеса, выходцем непосредственно из коридоров власти, служившим в Министерстве финансов; топ-менеджером, сторонником создания крупных отраслевых госкорпораций, наконец, человеком, в короткий срок занявшим ключевые посты в экономике и финансах страны. Будучи управляющим и председателем совета директоров так называемого пула Петроградских банков, Путилов на протяжении всех лет войны конфликтовал с крупным частным бизнесом Нобилей, Рябушинских, Второвых, Морозовых, Прохоровых, которые в попытках усилить свои позиции пытались манипулировать рабочим движением и даже провоцировали забастовки и стачки на своих предприятиях, чтобы шантажировать этим правительство. Но когда к такой рискованной тактике прибег Путилов, то есть представитель бизнес-элиты из противоположного, проправительственного лагеря, ситуация начала выходить из-под контроля. Причем со стороны как тех, так и других.

06.03

В этот день — 21 февраля 1917 года по старому стилю — ситуация в стране накалялась. Все проявившиеся к тому моменту проблемы — война, недостаток продовольствия, кризис в промышленности, транспортный голод, разброд и шатания в политических кругах — начинали сходиться в одну точку. Возобновившая свою работу Государственная дума обсуждала тексты петиций к государю с требованием введения ответственного перед парламентом правительства. Один из столпов государственной экономической политики Алексей Путилов объявил локаут на своем артиллерийском заводе, флагмане оборонной промышленности. На улицах столицы в одночасье оказались 36 тысяч потенциальных сторонников революции. Что касается перебоев в снабжении продовольствием, газета «Русское слово» в тот день писала: *«Москва. Хотя при последнем распределении муки между хлебопекарнями градоначальником были удовлетворены все пекарни в полном объеме, тем не менее москвичи были вынуждены томиться в очередях у хлебных лавок. В провинции же проводятся реквизиции хлеба. Участились случаи спекуляции мукой. Из Вятки сообщают. Привлекается к ответственности по новому закону о мародерстве крупная фирма “Братья Гирбасовы” за повышение цены на хлебобулочные изделия в течение трех дней на 25 %»*. Ну а что касается положения дел на фронте, то, если судить не по штабным реляциям, а по письмам солдат из окопов, из числа перехваченных полевой цензурой, дисциплина в передовых частях на фронте рушилась на глазах. Так, солдат Григорий Попов писал в родное

село Ялты: «В один прекрасный момент наши герои и немцы вышли из окопов и сошлись вместе, подали руки и поцеловались. Они нас угощали папиросами, водкой и коньяком, мы им давали нашего хлеба, который нужно было рубить топором, и им этот наш хлеб не понравился, сказали, что им хоть и мало дают, но не такую гадость. Германцы просто одеты и веселый народ. Наши и их полевые караулы вместе по ночам теперь сидят, гуляют, а утром возвращаются пьяные. Да, подружались с немцами». Это иллюстрация к теме братаний на фронте, которые вскоре приобретут массовый характер.

И еще одно, непропущенное военной цензурой февральское письмо с фронта, в котором уже имеют место обобщения и выводы: «Наши военные дела не весьма важные. По-видимому, так и кончится на неблагоприятных условиях. Это потому, что мы можем только на бумаге хорошо все расписывать. Вот расписали, что вступление Румынии в войну на нашей стороне собьет противнику спесь, погибнет его армия, а он с перепугу взял да и занял Бухарест, с которым нам уже надо распрощаться навсегда. Так же, как и, скорее всего, с Польшей. А на бумаге мы все забираем и забираем, и похваляемся прежде времени. Так и будем похваляться в газетах, а войска наши будут бить». Насколько эти письма показательны для обозначения настроений, царивших тогда в окопах, сказать сложно, но сам факт, что люди писали об этом в письмах домой, свидетельствует о многом. Действительно, положение в армии, на фронте имело ключевое значение в тот момент. И этим можно объяснить на первый взгляд опрометчивое решение царя — покинуть Петроград. Казалось бы, зачем это делать в предреволюционной ситуации, но Николай II решил,

что в этот момент ему лучше будет находиться не в столице, не во дворце, а в Ставке главного командования, в Могилеве. Куда на следующий день он и отправится.

07.03

В этот день — 22 февраля 1917 года по старому стилю — император Николай II в два часа дня покинул Петроград. Выехал в Ставку, в Могилев. Как можно было покидать предреволюционную столицу в момент, когда все готово было взорваться? Впрочем, о неизбежности революционного взрыва нам известно по факту случившегося. А накануне, в преддверии? Да, тревожных сигналов хватало. Вот и утром петроградский градоначальник Хабалов докладывал: *«Среди рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба. Почти всем полицейским чинам приходится ежедневно слушать жалобы, что люди не ели хлеба по два-три дня и более, и поэтому легко можно ожидать крупных уличных беспорядков»*. Ну что ж, ожидается, так ждите. Что тут наперед войска на улицы выводить? Или что, лично доставкой продовольствия надо заняться? Везде сложно, надо держаться. Первым делом трудно на фронте. А оттуда тоже тревожные сообщения поступают: участились случаи братания с противником. Это, конечно, говорит о падении дисциплины и разложении германской армии. Не только русской. Но от этого не легче. И лучше императору сейчас быть там, в Ставке — там, кстати, скорее всего и может со- ставиться заговор...

Вот общее место в рассуждениях о Николае II: он был внушаем и в ключевой момент проявил удивительную нерешительность; плохо влияла на него имевшая власть над ним супруга, императрица Александра Федоровна. Да, она действительно влияла. А главное — влияла вполне определенным образом. В этот день, проводив мужа на вокзал и вернувшись домой, императрица написала Николаю вдогонку письмо, чтобы по приезде он сразу его получил. Письмо, удивительное в своей безапелляционности: *«В Думе все дураки, а в Ставке сплошь идиоты. В Синоде одни животные. Министры — мерзавцы. Дипломатов наших надо перевешать. Разгони всех. Прощу тебя, дружок, сделай это поскорее. Закрой Думу, прежде чем будут предъявлены их запросы. Газеты всем недовольны, черт бы их побрал. Все они должны научиться дрожать перед тобой. Когда же ты, наконец,хватишь рукой по столу и кричишь? Покажи им, что ты — хозяин, тебя должны бояться. Ты владыка в России. Помни, мы не конституционное государство, слава богу, будь львом в борьбе с кучкой негодяев и республиканцев, будь Петром Великим, Иваном Грозным, Павлом Первым, сокруши их всех. Ты — самодержец. Показывай свой кулак там, где необходимо. Они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать. Надо положить этому конец. И довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова. Твое старенькое Солнышко»*. Удивительной силы документ — и в констатирующей, и в провидческой части! На следующий день в Петрограде начнется революция.

09.03

Накануне — 23 февраля 1917 года по старому стилю — в Петрограде началась всеобщая стачка. Встала вся Выборгская сторона. Донесения полиции были все более тревожны. Рабочие бастующих предприятий окружают заводы и фабрики, на которых еще продолжают работать, и агитируют присоединиться к ним. На Невском проспекте появилась толпа в полторы тысячи человек, в основном женщины и подростки, они требовали хлеба. Императрица Александра Федоровна в письме мужу описывала происходящее так: *«Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, бедняки брали штурмом магазины. Вдребезги разнесли булочную Филиппова. Против них вызывали казаков. Обо всем этом узнала неофициально»*. А что же император? Он провел день в дороге: *«Проследовал из Смоленска в Могилев. Было холодно, ясно и ветрено. Читал все свободное время французскую книгу о завоевании Галлии Юлием Цезарем. По приезде был встречен начальником Генштаба генералом Алексеевым. Провел час времени с ним»*. На все дела — час, на изучение уроков истории — все свободное время.

24 февраля, 9 марта по новому стилю, императора в Ставке ожидала приятная церемония — ему был вручен бельгийский королевский военный крест. Вот разве что погода опять подвела: *«Неприятная метель. Погулял недолго в садике. Читал и перечитывал вчерашнее»*. Итак, император читает записки о галльской войне Юлия Цезаря. А в Петрограде тем временем конные патрули — казаки — и жандармы, вызываемые постоянно для разгона демонстраций то в один,

то в другой районы столицы, отказываются применять силу. Вот свидетельство одного из демонстрантов, участника событий: *«Офицер, привстав на стременах, что-то прокричал казакам и обнажил шашку. Сотня клинков сверкнула в воздухе. Конный строй рванулся вперед, но никто из рабочих не побежал, только расступились перед мордами коней. Придерживая своих лошадей, казаки не спеша въезжали по одному в бреши, сделанные офицерами, положив клинки на лошадиные головы. На лицах у них были презрительные улыбки в спину офицерам. Я заметил, как один казак помоложе задорно подмигнул молодой работнице, стоявшей рядом со мной. Что происходит, казаки даже не стегают нас нагайками, в это трудно поверить, неужели они — на стороне народа. И вдруг над нашей толпой прогремело “ура”. Тогда снова последовала команда, и снова казачьи офицеры рьяно врезаются в толпу, уже с тыла. И вновь “ура” в честь казаков, которые эту атаку не поддерживают. На искаженных бледных лицах офицеров злоба и страх, но перелом еще не произошел». Да, перелом в тот день еще не произошел. Показательная и впечатляющая картинка: «Один жандармский офицер в чине полковника особо усердствует, пытается бить нагайкой демонстрантов, кричащих “Ура!”». Несколько наиболее отчаянных рабочих дергают его вниз с лошади, полковник падает на булыжную мостовую. Его начинают избивать, рвут на нем шинель. Но тут же несколько конных жандармов приходят полковнику на помощь, осыпая ударами нагаек всех вокруг себя. В итоге едва-едва, но отбили уже полуживого начальника». Итак, ситуация переходная — казаки и конная полиция уже не стреляют и не рубят шашками, но на сторону бунтовщиков еще не переходят, держатся вместе.*

10.03

В этот день — 25 февраля 1917 года по старому стилю — император Николай II, находясь в Ставке в Могилеве, подписал указ о роспуске парламента: *«На основании статьи 99 основных государственных законов повелеваем — занятия Государственной думы и Государственного Совета прервать с 26 февраля сего года и назначить срок их возобновления в зависимости от чрезвычайных обстоятельств»*. Срок полномочий Думы Российской империи 4-го созыва истекал в октябре 17-го года. На свою последнюю весеннюю сессию Дума собралась всего за несколько дней до этого, по именному соизволению Николая. И никто бы не удивился, если бы он сразу отправил парламентариев в отставку. Так что эта, на первый взгляд, решительная и действенная мера, направленная на обуздание кризиса, была очередным проявлением нерешительности. Не иначе как Николай последовал советам жены, писавшей ему: *«Ударь, наконец, кулаком по столу, покажи, что ты — самодержец»*. Но вспомним, что Александра Федоровна требовала разогнать всех — и Думу, и Ставку, и правительство. Может быть, Николай созрел и для таких отчаянных действий? Но было уже поздно. Поезд ушел. Тот поезд, на котором к нему в Ставку приедут депутаты отставленной им Думы с текстом манифеста об отречении, уже стоял под парами. Ситуацию в любом случае определяла улица. Многотысячные толпы, как писал в своем дневнике в тот день французский посол в Петрограде Морис Палеолог, *«пели Марсельезу, носили красные знамена, на которых было написано “Долой правительство”, “Долой Протопопова” —*

министра внутренних дел, «Долой войну», «Долой немку»». И так, лозунгов «Долой Думу» не было вовсе. И думские политики это оценили. Они радикализировались. Многие из них сделали это вынужденно, но в какой-то момент они попытались овладеть уличной стихией. А стихия грозила вылиться в кровопролитие. Если накануне конные патрули еще сдерживали толпу, не применяя оружия, то в тот день уже появились первые жертвы. Стрелявшие из толпы убили трех жандармов, ответными залпами, хотя по большей части и направленными в воздух, жандармы и казаки убили трех манифестантов.

В целом, по донесению охранного отделения, обстановка выглядела так: *«Вызванные на помощь полиции войска хотя и не высказывают сочувствия демонстрантам, но не оказывают и устрашающего воздействия на участников уличных беспорядков»*. И так, ситуация патовая. Много в тот момент зависело от здоровой адекватной оценки происходящего. Но какой смысл говорить об адекватной оценке, если главный советчик государя, его супруга императрица Александра Федоровна писала мужу о происходящем в Петрограде так: *«Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба — просто для того, чтобы создать возбуждение, и бастующие рабочие, которые мешают работать другим. В случае если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Так что, прежде всего, твори свою волю, мой дорогой. Только что поставила свечку за тебя у Знаменья. Твоя женушка»*.

Ох уж эта погода, то плохо из-за того, что холода и морозы, вьюги да метели, то стало теплее, пришла весна, и потому все на улице.

13.03

В этот день — 28 февраля 1917 года по старому стилю — произошло ключевое событие Февральской революции. Депутаты распущенного царем парламента провозгласили создание Временного комитета Государственной думы, который брал на себя всю полноту власти в стране. Было издано обращение к народу с призывом: *«Во имя общих интересов щадить государственные и общественные учреждения и приспособления (так в тексте. — А. С.), а именно — телеграф, водокачки, электростанции, трамваи, правительственные здания»*. Временный комитет поручал гражданам охрану заводов и фабрик. Вообще стиль воззвания поразителен, словно бы неразумным детям адресован: *«Необходимо помнить, что порча и уничтожение имущества, не принося никому пользы, причиняет огромный вред как государству, так и всему населению, ибо всем одинаково нужна вода, свет и прочее. Пролитие крови и разгром имущества лягут пятном на совесть людей, совершивших эти деяния»*. Впрочем, из текста призывов становится понятно, что главная проблема тогда заключалась в том, чтобы остановить анархию — погромы и бесчинства. С другой стороны, это же парафраз большевистских революционных призывов к захвату телеграфов и учреждений.

Формально комитет Госдумы был нелегитимен, но в глазах восставшего петроградского люда именно этот орган власти еще воспринимался как действующий. Все демонстрации — солдат и рабочих — проходили по маршруту, заканчивавшемуся у Таврического дворца, места заседаний Госдумы. Ее лидеры выходили на крыльцо, приветствуя

революционную толпу. Председатель Госдумы Михаил Родзянко увещевал солдат: *«Не будем тратить время для долгих разговоров, сейчас надо найти друг друга, найти своих офицеров и ждать приказаний Временного комитета. Наша цель — полное единение армии, народа и Государственной думы. Это единственный способ победить. Это надо сделать сегодня, завтра, может быть, будет поздно»*. Вот еще один знакомый лозунг, оказывается, впервые прозвучавший в дни Февральской революции. Но если Родзянко держался настороженно, был явно обеспокоен необходимостью выступать перед такой аудиторией, то Александр Керенский сорвал аплодисменты и возгласы «ура», заявив: *«Товарищи рабочие, солдаты, офицеры и граждане! Это великий и знаменательный день. Мы собрались здесь, чтобы дать клятвенное заверение, что Россия будет свободна. Нашей главной задачей сейчас будет самоорганизация, мы должны в три дня создать полное спокойствие в городе и полный порядок в наших рядах. Весь народ заключил сейчас один прочный союз против самого страшного нашего врага, более страшного, чем германцы, — против старого режима. Да здравствуют свободные граждане свободной России»*. Что ж, красиво, а главное, обтекаемо и действенно. Дружное «Ура!» не смолкало несколько минут.

Эту бравурную картинку подтверждали и сообщения прессы. Петроградский комитет журналистов отмечал: *«В 2 часа дня член Государственной думы священник Попов 1-й с крестом в руках благословлял революционные войска, повторяя: “Да будет памятен этот день во веки веков”»*. Однако оставались еще очаги сопротивления. Например, Военно-морской штаб. Граф Капнист телеграфировал адмиралу Русину: *«Весь город в руках мятежников. Правительственные*

силы — несколько рот во главе с генералом Хабаловым — засели в Адмиралтействе, организуют оборону как последнего редута. Опасаюсь, что это послужит бесполезному истреблению драгоценных документов Морского штаба и кораблестроения. Телефоны прерваны. Мятежники появились со стороны Гороховой».

14.03

Этот день — 1 марта 1917 года по старому стилю — был во всех отношениях переходным. С одной стороны, еще нет, с другой — уже не да.

Император еще не отрекся от престола, формально он глава государства и от него все зависит. Но Николая II в столице, которая полыхает пожарами, в которой продолжаются перестрелки, льется кровь, — нет. И неизвестно, где он именно. Могилев покинул. Поезд направляется в Бологое, очень показательная развилка. Куда двинется император, на север — в Петроград, а может, поедет в Москву, чтобы там организовать сопротивление революции? Эта мысль в тот день приходила в голову многим рассудительным наблюдателям. В Петрограде царит анархия, верные монархии воинские части находятся в явном меньшинстве и уже практически разоружены. А Москва всегда была настроена критически к Питеру, там царила другая общественно-политическая атмосфера, там было много военных училищ. Юнкера, офицеры, а главное — отсутствует революционный Петроградский гарнизон.

В глазах рядового обывателя именно солдаты Петроградского гарнизона в тот день X обладают властью. Кабинет министров бездействует, но должны же быть какие-то приводные ремни этой стихии? Кто-то ведь должен хотя бы присвоить себе лавры руководителя революции? Оказывается, таких желающих предостаточно. Целых три претендующих на руководство событиями органа обнаружили в этот день. Вот что писал Морис Палеолог: *«Во-первых, Исполнительный комитет Думы под председательством Родзянко, состоящий из 12 человек, среди которых — Миллюков, Шульгин, Коновалов, Керенский и Чхеидзе»*. Таким образом, в Комитете представлены и прогрессисты, и октябристы, и кадеты, и эсеры, и социал-демократы (меньшевики). Позиция Комитета в тот день заключается в том, чтобы попытаться спасти монархический режим, провозгласив, в крайнем случае, другого императора. Однако эту линию с каждым часом все труднее осуществить. Таврический дворец, место заседаний Госдумы, переполнен повстанцами. Комитет заседает в обстановке, когда возгласы одобрения сменяются угрозами и гулом недовольства.

Второй центр: Совет рабочих и солдатских депутатов. Точно неизвестно, где он заседает, вроде бы на Финляндском вокзале. Но действует оперативно. За день наладил выпуск своего печатного органа — газеты «Известия», все публикации которой недвусмысленно требуют свержения монархии, создания социальной республики, призывают к прекращению войны. И, что тоже симптоматично, вожаки Петроградского совета уже называют думских политиков предателями революции. Налицо историческая аналогия с Великой французской революцией, когда Законодательное собрание выступает против короля, а Парижская коммуна — уже против Законодательного собрания.

Но и это еще не все. Существует «Главная квартира войск». Группа офицеров царской армии обосновалась в Петропавловской крепости и старается овладеть солдатской массой за счет организации снабжения, питания и соответствующих приказов солдатам, гуляющим по столице с оружием в руках. Фактически эта «квартира» и определяет перемену настроений солдат, собравшихся около Думы.

И наконец, еще один показательный штрих этого дня, свидетельствующий о роли армии в перевороте. Гарнизон Царского Села во главе с императорским конвоем, казаками свиты его величества плюс отборный полк георгиевских кавалеров, так называемый священный легион, а в довершение всего колонна императорской дворцовой полиции — отборные телохранители царской семьи, служба охраны царских дворцов и резиденций — торжественным маршем под красными знаменами приходят под стены Таврического дворца, заявляя о преданности новой власти, которая, по сути дела, в тот момент еще и не возникла.

15.03

В этот день — 2 марта 1917 года по старому стилю — император Николай II отрекся от престола.

«В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу было угодно ниспослать на Россию новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьбы

России, честь геройской нашей армии, благо народа требуют доведения войны до победного конца, уже близок час, когда наша армия совместно со славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных, и в согласии с Государственной думой признали мы за благо отречься от престола и сложить с себя верховную власть. Не желая растаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол. Во имя горячо любимой Родины призываем всех верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним — повиновением царю в тяжелую минуту испытаний, и помочь ему вместе с представителями Народа вывести государство российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России. Николай».

Итак, по сути, речь в письме идет не о свержении монархии, а о передаче монархической власти от Николая II своему младшему брату. То есть формально меняется только руководитель, сам режим сохраняется. Хотя это-то как раз было уже совсем не так.

Местом, где происходило это историческое событие, судя по подписи под манифестом, был город Псков, называется также и станция Дно — железнодорожный узел вблизи этого города. Факт остается фактом, всеобщее неповиновение, которое вспыхнуло в Петрограде в предшествующие дни, вылилось в революцию. Накануне сложили с себя полномочия члены царского кабинета министров, на сторону восставших перешли казаки из императорского конвоя, батальон

георгиевских кавалеров, особые части дворцовой полиции, телохранители царской семьи. Что уж говорить о Петроградском военном гарнизоне, о рабочих, бастовавших начиная с 21 февраля, о думских политиках, которые после указа о прекращении заседаний Думы — 25 февраля пытались овладеть вышедшей из-под контроля ситуацией. В первую очередь они нашли понимание в Главном штабе, все командующие фронтами и армиями путем телефонного опроса выразили свое согласие с лишением императора власти. Перемен, так или иначе, требовали все. Но по-разному. На улицах столицы толпились люди, спорили, кричали. Одни — «Надо требовать на престол Михаила». Другие — «Родзянко президентом». Третьи — «Власть Думе». Четвертые — «Власть Совету рабочих и солдатских депутатов». Так кто же в тот день обладал властью в стране?

Накануне вечером лидеры Думы успели образовать Временное правительство под председательством князя Львова: военный министр — Гучков, иностранных дел — Милюков, финансов — Терещенко, юстиции — Керенский. Это удалось сделать после многочасовых споров и торгов с Советами рабочих и солдатских депутатов во главе с левыми социалистами, которые понимали, что русский пролетариат еще в достаточной степени не организован, чтобы взять на себя ответственность официальной власти, а вот нависать над таким Временным правительством, оставляя за собой право применить силу, держать Временное правительство под контролем — в настоящий момент самая выгодная с политической точки зрения позиция.

16.03

В этот день — 3 марта 1917 года — великий князь Михаил Александрович, младший брат императора Николая II, в пользу которого тот отрекся от престола накануне, в свою очередь подписал документ об отречении от престола. Однако тот факт, что на протяжении суток формально действовал манифест об отречении Николая в пользу брата, дал потом основания для утверждений, что последним русским царем был Михаил.

Тут главный вопрос с какой стати Михаилу было отказываться от власти, ведь умеренная думская оппозиция в дни Февральской революции не стояла за то, чтобы отказаться от монархии вовсе, речь шла об уходе неугодного всем и ненавидимого всеми царя Николая. Однако так думали не все. Некоторые, как председатель Думы Родзянко, полагали, что появление нового царя подстегнет революционные страсти и повергнет Россию в более страшный кризис. Само собой, не горели желанием менять «шило на мыло» лидеры Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе и Керенский. В качестве компромисса они предлагали отложить решение вопроса до созыва Учредительного собрания. Забегая вперед, именно такое решение — отказ от монархии — и будет принято. Однако этому пытался препятствовать Гучков, лидер Прогрессивного блока, представитель крупной буржуазии, фабрикантов и заводчиков. И это интересно — откуда бы тут взяться особой симпатии к монархии? Однако Гучков увещевал великого князя: *«Если вы боитесь немедленно взложить на*

себя бремя императорской короны, примите по крайней мере верховную власть в качестве регента, с титулом "Прожектора народа", как в свое время назывался Кромвель». Опасное сравнение, но смысл в том, что Гучков словно бы предвидел последствия наступающего вакуума власти. Авторитет Временного правительства был невысок изначально и в дальнейшем только падал в глазах народа. И потому Гучков выступал за преемственность.

Этот разговор, проходивший в доме князя Путятина на Миллионной улице, д. 12, — тоже судьбоносный. Его историческое значение трудно переоценить. Присутствовавшие, а были еще председатель Временного правительства князь Львов, министр иностранных дел Павел Милюков, Шульгин, Набоков (отец будущего писателя) — все они в какой-то момент окончательно разругались, и среди общего смятения великий князь Михаил объявил, что ему нужно побыть одному, чтобы принять решение. Керенский тут же бросился к нему со словами: «Обещайте, ваше высочество, не советовать с супругой». Да, это был крест семьи Романовых: Михаил, так же как и старший брат, во всем слушался своей жены, графини Брасовой. Но в тот день ее в доме не было, она оставалась в Гатчине. А то, кто знает, как пошел бы ход русской истории... Через пару минут Михаил вернулся в зал и спокойным голосом объявил: «Я отрекаюсь». Керенский торжественно закричал: «Ваше высочество — вы благороднейший из людей». Что в переводе на язык политики означало — революция продолжается.

17.03

Этот день — 4 марта 1917 года по старому стилю — стал первым днем в постмонархической истории России. Сказать проще — новой республиканской государственности — нельзя, потому что будущее политическое устройство страны не было определено. Решение было отложено на будущее. Впредь до созыва Учредительного собрания и постановлений, которые там должны были быть приняты, Россия оставалась в неопределенном — временном — состоянии. Отсюда, кстати, и название правительства — Временное. Это уникальный случай в истории, никогда ни одна революция, бунт или переворот не заканчивались столь быстро и успешно и одновременно с этим столь же неопределенно и туманно. Отсюда и появление в официальных документах эмоционально окрашенных терминов, таких, например, как «держава Российская».

Это к тому, что великий князь Михаил, похоже, был не против принять на себя титул императора, но для большей легитимации хотел бы опираться на всеобщее мнение, поэтому, подписывая накануне акт об отречении от престола, он настоял, чтобы в тексте присутствовала мысль о том, что это «восхождение» может состояться: *«Принял я твердое решение в том случае воспринять верховную власть, возложенную на меня волею брата моего, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием в Учредительном собрании установить образ правления и новые законы государства Российского. Прошу всех граждан державы Российской подчиниться Временному правительству,*

по почину Государственной думы возникшему и облеченному всей полнотой власти, впредь до того, как будет создано Учредительное собрание. Михаил». Новые законы между тем в тот день приняло и само Временное правительство: «Первое. Полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям и аграрным преступлениям. Второе. Свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек с распространением политических прав и свобод на военнoслужащих. Третье. Отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений. Замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления. Неразоружение и невывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении». Последнее вызвало оторопь у наблюдательных людей: «Получается, что первым делом революционной армии было заставить обещать, что ее не пошлют больше на фронт, что она не будет больше сражаться. Какое позорное пятно на русской революции». С другой стороны, обстановка в столице понемногу, но входила в привычное русло. Возобновили работу магазины, некоторые предприятия. Меньше становилось праздно шатающихся с оружием в руках солдат и вообще публики на улицах. Вновь назначенный министром иностранных дел Павел Милюков, до этого лидер оппозиционной кадетской партии, выразил настроение момента такими словами: «В 24 часа я перешел от полнейшего отчаяния к почти полной уверенности». В чем именно была уверенность, Милюков, правда, не уточнил.

20.03

В этот день — 7 марта 1917 года по старому стилю — был опубликован первый манифест Временного правительства. Многословный, пафосный. В принципе его положения повторяли уже известную всем декларацию от 3 марта, в которой провозглашались всеобщая политическая амнистия, освобождение от уголовной ответственности за совершенные при царском режиме террористические акции и преступления. Подтверждались демократические права и свободы граждан, отмена сословий, равенство перед законом вне зависимости от происхождения, вероисповедания и национальности. Однако (и это было, пожалуй, впервые) была озвучена тема преобразований в национальных окраинах Российской империи. Еще не слышны хлесткие большевистские лозунги типа «Царская Россия была тюрьмой народов», еще не подали свой голос представители национально-освободительных движений на Западе и Востоке бывшей империи, сторонники суверенитета. Поэтому вдвойне показательно, что в этом манифесте Временное правительство излагает свою политику в отношении Финляндии: *«Облеченные всей полнотой власти, мы вновь подтверждаем и удостоверяем религию, основные законы, права и преимущества, которыми граждане Великого княжества Финляндского, от мала до велика, по конституции этой страны пользуются в настоящее время, обещая оные хранить в непреложной силе. Сейму Финляндии, который будет созван в самый ближайший срок, будут переданы проекты новой формы правления для Великого княжества Финляндского и будущие права сейма с учетом провозглашенных в России демократических свобод».*

Да, налицо парадокс. В России монархия свергнута. А пребывающая в ее составе с 1809 года Финляндия имеет статус княжества — хотя и автономного, со своим парламентом, денежной единицей и прочим, — но встроенного в монархическую модель, в единую государственную конструкцию Российской империи. Потому что великий князь Финляндский — это тот же русский царь Николай II, это просто один из его многих титулов. А теперь Николай II свергнут, и получается, что финны должны либо перейти на республиканскую форму правления, либо провозгласить полную независимость. Во всяком случае, достаточно спокойная и даже инертная обстановка в Финляндии была подхлестнута революционными событиями в Петрограде.

Впрочем, и в Москве тоже в те дни уже во всем чувствовался революционный дух свободы. Писатель Борис Зайцев, в тот момент ожидавший выпуска с ускоренных курсов прапорщиков Александровского военного училища, писал: *«Рота выбрала меня делегатом в Совет солдатских депутатов. Попал в Политехнический музей на митинг. Впервые за один вечер услышал столько раз слово “товарищ”. Все выступавшие с наивностью утверждали общеизвестное. Но были трогательные моменты. Приехал командующий войсками, вызвал к себе на эстраду солдата, поцеловал его и крикнул в зал: “В его лице всех вас целую, товарищи”. Гром рукоплесканий, чувствовалось, как взволнованы солдаты. Рядом со мной один, положив голову на барьер, даже заплакал. А один бородач, эдакий воронежский дядя, хлебороб, сидевший в проходе, опустился на колени и воскликнул: “Господин командующий, благодарим вас за добрые слова. Кланяемся вам земно”. Немолодой мужик стоял на коленях и плакал. Должно быть, — пишет Борис Зайцев, — впервые за свою жизнь услышал он от начальства ласковые человеческие слова».*

21.03

В этот день — 8 марта 1917 года по старому стилю — Временное правительство переместилось из здания Таврического дворца, места заседаний Государственной думы, в Зимний дворец. Премьер-министр князь Львов, фигура, в одночасье вознесшаяся на вершину власти, занял покои императора Александра III. Всего же в помещениях дворца разместилось более тысячи человек, в основном революционно настроенные солдаты, на добровольных началах составившие охрану Временного правительства.

Главным политическим событием в тот день продолжал оставаться Манифест Временного правительства, провозглашавший принципы и цели новой власти. Выяснилось, что союзники по Антанте не в восторге от прочитанного. Французский посол Морис Палеолог писал в своем дневнике: *«Манифест — длинный напыщенный документ, покрывающий позором старый режим, обещающий народу все блага равенства и свободы. О войне едва говорится. Временное правительство будет верно соблюдать все союзы и сделает все от него зависящее, чтобы обеспечить армии все необходимое для доведения войны до победного конца»*. В тот день французский посол добился встречи с министром иностранных дел Павлом Милюковым и устроил ему выволочку, как гимназисту, не выучившему урок: *«Я заявил Милюкову, что возмущен. Германия даже не названа своим именем как враг, ни малейшего намека на прусский милитаризм. Ни малейшей ссылки на наши общие цели войны. Милюков слушал меня очень бледный, совершенно смущенный, пытался возражать, что манифест предназначен специально для русского народа»*.

Показательный разговор. По всему видно, что Временное правительство ощущает свою слабость, что министры в глубине души, по закону любой революции, чувствуют себя опереженными и с ужасом спрашивают себя, что будет с ними завтра. Все зыбко потому, что расшатаны основы главного политического института — армии. И дело не в том, что солдаты требуют уважения к себе со стороны офицеров. Кстати, первым декретом Совета солдатских депутатов было решение запретить обращаться к солдату на «ты», отменить отдачу воинской чести вне строя. Все приказы командования вступают в силу только после их утверждения соответствующим комитетом солдатских депутатов, а они отныне существуют в каждой роте, в каждом батальоне, полку, дивизии. Фактически на кону само существование армии. И это в условиях войны. И слушает солдатская масса Временное правительство только потому, что в его состав вошел один из лидеров Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов Александр Керенский.

Неудивительно, что в завершение разговора с Милюковым французский посол подвел неутешительный для него итог: *«В общем, я понимаю так, что вы получили власть от революции. Неужели вы не видите, как крайние пролетарские теории распространяются по всей России, дезорганизуют армию, разрушают национальное единство и сеют повсюду анархию».*

22.03

9 марта 1917 года по старому стилю около полудня бывший император Николай II был доставлен под конвоем в Царское Село. Накануне он был арестован в Могилеве, в Ставке, куда прибыл из Пскова после подписания акта об отречении от престола. Вообще, факт пребывания царя и его семьи под стражей воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Дело только в том, кто именно держал под стражей — Временное правительство или большевики, которые потом расстреляли царское семейство без суда и следствия. Однако если это был арест, то должны были быть выдвинуты какие-то обвинения, подозрения. Никаких обвинений предъявлено не было. Но само по себе отречение от престола автоматически никак не означало, что Николай II лишается свободы. И первые пять дней император был, что называется, предоставлен сам себе. В Петроград его поезд не пускали, и он вместе со свитой вернулся в Могилев. Так что по умолчанию арест царской семьи говорит только об одном. Те, кто свергал императора, боялись, что все может повернуться вспять и выйти на исходную позицию. А еще удивительно, насколько публично и общеизвестно было происходившее. Газета «Русское слово» в этот день подробно описывает детали: *«Седьмого марта на дневном заседании совета министров, после непродолжительных прений, было решено отречьегося от престола Николая Второго и его супругу лишить свободы. Выполнение этого поручения в отношении Александры Федоровны было поручено командующему войсками Петроградского гарнизона генералу Корнилову»*. Речь в газете идет о важнейшем кадровом назначении новой власти. Ключевой пост — командующего ре-

волюционным гарнизоном столицы — занял любимец армии, харизматичный Лавр Корнилов, из казаков, из немецкого плена бежавший. Многие коллеги генералы ему в тот момент откровенно завидовали. Тот же Брусилов, сам рассчитывавший на эту должность, показно сетовал: *«Я, конечно же, приветствую, но справится ли, тут выдержка и такт нужны»*. В подоплеке тут откровенная боязнь негодования солдатской массы по отношению к старой власти. Но вернемся к «Русскому слову»: *«У большинства солдат, встречавших поезд в Царском Селе, на шинелях красные ленточки. У начальника конвоя, прапорщика Вахтадзе, красная повязка на рукаве. Двери вагона отворились, вышел бывший император. Он был бледен и безучастен. Быстро шагая, почти бегом, наклонив голову и опустив глаза в землю, ни на кого не глядя, Николай II прошел через вестибюль к автомобилю. Некоторые офицеры отдали ему честь. Из солдат — никто. Сев в автомобиль, Николай откинулся вглубь, как бы желая скрыться от взглядов толпы. Следом за ним поехал автомобиль Корнилова и коменданта Царского Села»*.

Местом пребывания царской семьи был выбран Александровский дворец. Здесь Николаю объявили, что ему запрещаются какие бы то ни было сношения с внешним миром. Никаких телефонных переговоров, переписка будет проходить контроль. Ну и наконец, очень любопытный аргумент приводит газета «Русское слово», объясняя, почему царю не дали возможности уехать за границу: *«Существовало предложение отправить царя в Англию, где у него имеются родственники. Но отрекшийся царь знает наши военные тайны, и было бы опасно выпустать его из России. Переехав из Англии в другое место, он может сообщить секретные сведения нашим врагам»*.

23.03

В этот день — 10 марта 1917 года по старому стилю — в газетах стали появляться первые сообщения о том, как революция в Петрограде воспринимается на местах, как проходит смена власти. Газета «Русское слово» поместила целую подборку корреспонденций — от Минусинска, уездного центра в Енисейской губернии, до села Авдеевки Екатеринославской губернии: *«Освобожденные борцы. Минусинск. Городской комитет общественной безопасности постановил открыть подписку на приобретение дома, где жила “бабушка русской революции” Брешко-Брешковская. В доме будет открыта школа для беднейших детей, о которых так много заботилась “бабушка”»*. Трудно понять, насколько саркастичны эти упоминания Брешко-Брешковской как бабушки, но факт остается фактом. Уже через неделю после отречения императора от власти в самых отдаленных уголках страны созданы, явно по инициативе снизу, новые органы самоуправления — комитеты общественной безопасности. Продолжим цитату: *«В гиблых местах. Якутск. Обновление прошло спокойно благодаря томлящемуся в ссылке депутату социал-демократу Григорию Петровскому и другим политическим ссыльным, организовавшим еще 3 марта комитет общественной безопасности. Городская дума передала свои полномочия этому комитету. Временно управляющим областью назначен депутат Ветровский. Начинаются приготовления к выборам в народную городскую думу и в учредительное собрание»*. Здесь любопытно описание Петровского, который станет в годы советской власти крупным партийным функционером, кандидатом в члены политбюро большевистской партии. Продолжим хронику

событий из газеты «Русское слово»: «Тамбов. По распоряжению губернского комиссара Временного правительства арестованы и посажены в тюрьму начальник местного жандармского управления генерал-майор Волков и его помощник подполковник Вечеслов. В отобранных у них делах обнаружены свежесвырезанные страницы. Ими также был уничтожен список секретных сотрудников охраны. В Казани арестованы жандармский подполковник Прогнаевский и ротмистр Кирсанов, поджегшие архив охраны». Итак, это характерная картинка происходящего — сотрудники спецслужб уничтожают компромат, но есть и такие, кто открыто противостоит революции: «Несдавшийся пристав. В Петрограде получена телеграмма из села Авдеевки Екатеринославской губернии о том, что становой пристав села, имеющий пять пулеметов и большое количество стражников, терроризирует местных жителей, угрожая расстрелом. Местный священник захотел прочитать прихожанам акт об отречении царя и рассказать о позитивном значении происшедших событий, но явившийся с вооруженной охраной пристав разогнал из храма всех собравшихся крестьян. Временное правительство по телеграфу отдало распоряжение обезоружить этого пристава и его охрану и передать их в руки общественных властей».

24.03

В этот день — 11 марта 1917 года по старому стилю — главной политической проблемой в революционной России была дальнейшая судьба Николая II и его семьи. За два дня до это-

го решением Временного правительства бывший император был арестован. То обстоятельство, что никаких конкретных обвинений бывшему императору предъявлено не было, по умолчанию свидетельствовало, что мера эта превентивная, и, может быть, вызвана даже опасениями за безопасность царской семьи. Такие опасения были небезосновательны, возбужденная своей силой и мощью, а главное, действенностью своего протеста, солдатская масса могла пойти и дальше. Во всяком случае, генералам и офицерам с большим трудом удавалось сохранять видимость контроля над армией. В эти дни в порядке вещей были многолюдные солдатские митинги, собрания, на которых офицеры показно и, скорее всего, вынужденно братались с нижними чинами, выражали им свою признательность и уважение. Как минимум косвенно эта атмосфера отречения от старых феодальных порядков, уничтожения прав и привилегий дворянского сословия сказывалась и на решении вопроса о судьбе императора.

В этой ситуации в центре событий вновь оказались французский и британский посланники в России. Последний, Джордж Бьюкенен, накануне официально заявил новому министру иностранных дел России Павлу Милюкову: *«Король Георг, согласно с мнением своих министров, предлагает императору и императрице убежище на британской территории»*. Это очень существенная деталь революционных событий 17-го года. Принято считать, что Временное правительство и сама царская семья просили короля Великобритании принять Романовых у себя в Туманном Альбионе, а тот, в свою очередь, медлил, а потом отказался. Выясняется, что ситуация в середине марта 17-го выглядела иначе: *«Бьюкенен уточнил, что британское правительство отказывается обеспечить не-*

прикосновенность Романовых в условиях войны, но выражает надежду видеть их в Англии еще до ее окончания. Милюков, по-видимому, был очень тронут таким заявлением, но с грустью ответил: «Увы, я боюсь, что слишком поздно»». Что же означало «поздно» в тот момент? Об этом пишет французский посол в Петрограде Морис Палеолог: «В самом деле, со дня на день, я сказал бы, почти с часу на час я вижу, как утверждается тирания Советов солдатских депутатов, деспотизм крайних радикальных партий, засилие утопистов и анархистов». Это соображение с учетом того, что будет происходить летом и осенью 17-го, выглядит как пророчество. Однако в первые недели революции у многих еще сохранялись иллюзии, что все необходимое и нужное для страны и общества уже свершилось. Революция уже победила, и смысл ее заключался в свержении монархии. Наглядный тому пример подавал великий князь Кирилл Владимирович, который вывесил на своем особняке в центре столицы красный стяг, давал интервью, в которых нещадно критиковал свергнутого царя и особенно царицу, проводя мысль, что Александра Федоровна была неприкрытым немецким агентом. Неожиданным следствием этих заявлений стало то, что прилюдным аргументом для отказа отпустить царскую семью за границу стало опасение, что бывший император, осведомленный о военных и государственных тайнах, может выдать их противнику.

27.03

В этот день — 14 марта 1917 года по старому стилю — в столичной «Петроградской газете» было опубликовано обширное интервью с великим князем Кириллом Владимировичем. Этот представитель царской фамилии находился в те дни на виду. Многие петроградцы видели его лично на улицах города в шинели, украшенной красным бантом, во главе военной колонны гвардейского морского экипажа, проследовавшего к зданию Таврического дворца. Великий князь приветствовал революцию, и похоже, что делал он это действительно искреннее. Напомним, что в самом начале года Кирилл Владимирович подвергся опале, отстранению от дел. И вызвано это было коллективным письмом родственников Николая II самому императору с требованием, чтобы он отрекся от престола. Знаковая фраза «Ники, уходи» тогда часто повторялась в пересказах и пересудах. Так вот, инициатором этого коллективного письма-протеста был именно Кирилл Владимирович. В первые дни после победы революции великий князь явно пытался стать рупором общественного мнения, субъектом большой политики, не чураясь явно популистских приемов. Он заявлял: *«Я не раз спрашивал себя, не сообщница ли германского императора Вильгельма наша бывшая императрица, но всякий раз силится отогнать от себя эту страшную мысль»*. Эта фраза призвана была убедить читателя в том, что императорский двор предательски сотрудничал с врагом.

Но появились к этому дню и настоящие персонажи большой политики, которые уже интуитивно чувствовали, что

события в России развиваются в катастрофическом направлении.

Сергей Дмитриевич Сазонов, министр иностранных дел России, отставленный царем в 1916 году, в тот день в разговоре с французским послом заявил: *«Мы заслуживали этой кары... но я не думал, что она будет так сурова. Вы знаете, как я люблю императора, с какой преданностью я служил ему, но я никогда не прошу ему, что он отрекся за сына. Он не имел на это права...»* Пожалуй, впервые столь определенно было озвучено понимание случившегося — то, что потом станут говорить, без преувеличения, миллионы. Отречение Николая от престола не только за себя, но и наперед за своего сына Алексея фактически породило вакуум власти. Безвременье, которым удачно воспользуются политические радикалы. Уже в марте в России фактически возникло двоевластие. Легитимность Временного правительства и Временного комитета Государственной думы активно, а главное, успешно оспаривали Советы рабочих и солдатских депутатов, обладавшие реальной вооруженной силой. А вот если бы Николай передал трон своему 13-летнему сыну, назначив при этом регентский совет, все, как казалось тогда, выглядело бы основательно и разумно. Кстати, для сравнения. Петр I был провозглашен царем в возрасте десяти лет при регентстве своей старшей сестры царевны Софьи. Так что дело было не в возрасте наследника. О чем и рассуждал бывший министр иностранных дел Сазонов: *«Разве существует какое бы то ни было законодательство, которое разрешало бы отказываться от прав несовершеннолетних? Что же сказать, когда речь идет о самых священных, августейших правах в мире. Прекратить таким образом существование 300-летней династии, пресечь грандиозное дело Петра Великого, Екатерины II, Александра Второго — какая*

слабость. Какое несчастье». Что ж, сказано с горечью и от чистого сердца. Но даже такие сетования ряды сторонников монархии в тот момент не умножали.

28.03

В этот день — 15 марта 1917 года по старому стилю — военный министр Временного правительства Александр Гучков добился от Совета рабочих и солдатских депутатов согласия пойти на компромисс в ключевом вопросе об армии. Речь шла о Приказе № 1 Совета, который вносил в вооруженные силы в буквальном смысле революционные изменения. Во-первых, согласно приказу в каждом полку избирался комитет из нижних чинов и унтер-офицеров, который обеспечивал контроль за использованием всех видов оружия — броневиков, пушек, пулеметов, не говоря уже о винтовках в руках каждого солдата. То есть применение оружия должно было быть санкционировано комитетом. Кроме того, командование, офицеры должны были согласовывать с комитетами планы и сроки проведения боевых операций. Добавим к этому отмену смертной казни за дезертирство. Надо ли говорить, что в боевых условиях, на фронте такая демократия означала просто коллапс армии как таковой. Словно в подтверждение этого один из пунктов Приказа № 1 Совета солдатских депутатов гласил об отмене всех внешних знаков различия. И в довершение ко всему офицер отныне обязан был обращаться к солдату на «вы», а старорежимные личные титулы «ваше благородие», «ваше высокоблагородие», напро-

тив, запрещались. Все возникающие на этом месте *«недоразумения и споры между офицерами и солдатами разбираются на заседаниях ротных комитетов»*. Ну, в общем, было чем заниматься военным людям кроме и помимо прямых своих обязанностей.

С первых дней своего назначения на должность военного министра Александр Гучков добивался отмены такого, мягко говоря, необычайного приказа. И вот, наконец, Петроградский совет солдатских депутатов согласился, чтобы действие Приказа № 1 не применялось в войсках на фронте. К тому моменту начальник Главного штаба генерал Алексеев уже бомбардировал столицу паническими телеграммами о том, что *«недисциплинированность делает страшные успехи на фронте»*. Так что достигнутый под напором Гучкова компромисс в тот момент воспринимался как очевидное достижение новой власти, то есть Временного правительства. Любопытно при этом, в каких тонах описывала происходившее газета *«Известия»*, печатный орган оппонентов этой власти: *«На совещании с военным министром возбужден вопрос о необходимости установления тесного единства распоряжений военных властей на фронте и в центре управления ведомством. Вопрос этот, упорно игнорировавшийся старой царской властью по соображениям, ничего общего не имевшим со службою, также получит осуществление»*. Сказано очень обтекаемо и даже витиевато. Впрочем, словно в качестве реванша появилось новое требование: *«На совещании группа молодых его участников возбудила вопрос о необходимости немедленного омоложения командного состава армии»*. Вот эта «военная хитрость» — по существу, кадровая революция среди высшего офицерства — вскоре приведет к очередному кризису в армии, к отставке большого числа опытных, боевых, заслуженных генералов только лишь по причине их немолодого возраста.

29.03

В этот день — 16 марта 1917 года по старому стилю — исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов опубликовал отчет своих представителей об условиях содержания семьи Романовых в Царском Селе. «Контрольную проверку» осуществляли некто Масоловский из Союза офицеров-республиканцев — было и такое, возникшее в одночасье сообщество, по совместительству комиссар Петросовета, и подпоручик Тарас Родионов с небольшой военной командой.

Газета «Известия» не без иронии сообщала, что придворная прислуга, повара, лакеи также находятся на положении арестованных, продолжая при этом исполнять и свои прежние обязанности. Кроме того, *«При бывшем императоре находятся его бывшие адъютанты, генералы, полковники Бенкендорф, Долгорукий, Нарышкин и Мордвинов. К их услугам также имеются лакеи разных рангов, скороходы и арапы, словом, этот уголок дворца сохранил полностью свою дореволюционную физиономию»*. Пафос сообщения очевиден: бывшему царю оказываются вполне настоящие царские почести! И это непорядок, несмотря на то, что бывший монарх *«по словам комиссара Масловского, имеет усталый вид, хотя и пытается бодриться, лицо опухшее, взгляд тяжелый, исподлбья, видимо, он стеснен своим новым положением»*. Что ж, тут спора нет. Николай II содержался во дворце изолированно, не имел возможности непосредственно общаться с детьми и супругой. Вся его свобода ограничивалась анфиладой комнат в левом крыле Александровского дворца.

Итак, говоря современным языком, повестка дня революционных СМИ в тот момент сводилась к тому, чтобы усилить в обществе чувство неудовлетворенности результатами переворота. Однако же многое тут было вызвано отнюдь не чувствами, а вполне практичными материальными интересами. В тот же день в газете «Русское слово» появилась небольшая заметка: *«В ближайшее время предполагается ликвидировать деятельность верховного управления санитарной и эвакуационной части, во главе которого стоял принц Ольденбургский»*. Вроде бы на первый взгляд вполне обоснованная отставка очередного царского вельможи? Нет. Принц Ольденбургский с 3 сентября 1914 года руководил специальной, не имевшей прецедента в истории и отсутствующей в других странах санитарно-эвакуационной службой. Ему была вверена вся полнота власти на фронте и в тылу по части организации и снабжения лечебных учреждений. В эту систему были включены и неправительственные частные организации, включая Красный Крест, сеть госпиталей, медсанбатов, систему санитарно-эвакуационных поездов. Резиденция самого принца в эти три года войны располагалась в одном из таких мобильных госпиталей, который курсировал между фронтом и тылом. Исследованию преимуществ и эффективности такой системы построения тыловой санитарно-медицинской службы в России теперь посвящены десятки научных работ, а в марте 17-го года это ведомство во главе с принцем, генералом свиты воспринималось как недопустимое в условиях революции сохранение монархических устоев. Ведь финансировалось оно на средства царской семьи, министерства двора. Спустя неделю генерал Ольденбургский будет уволен Временным правительством со службы, а само ведомство санитарной и эвакуационной частей расформировано.

31.03

В этот день — 18 марта 1917 года по старому стилю — генерал Лукомский, командующий 12-й армией, выступая на совещании в Ставке Главного командования, заявил: *«Выборы делегатов в комитет 12-й армии показали, что вся армия неуклонно революционизируется и, главное в том, что делегатам строго наказали стоять на “платформе” (как они говорят), на платформе тех, кто стоит за мир во что бы то ни стало».* Да, не только в 12-й армии было беспокойно, но и на всем обширном русско-германском и русско-австрийском фронте во всех частях. Узнавшие или прослышавшие о Приказе № 1, которым отменялась смертная казнь за дезертирство, нижние чины не желали подчиняться офицерам. Три года войны, перспективы окончания которой оставались туманными, привели к усталости и разочарованию. Революционная смена власти, крушение монархии в солдатской массе воспринималось как событие, за которым последует заключение мира с противником. Был, оказывается, и еще один аргумент, забытый теперь, но очевидный для современников: *«Война велась на чужих для русского крестьянина, одетого в серую шинель, территориях. Простым русским мужиком она не воспринималась как отечественная, хотя именно так ее именовали во всех официальных речах и документах. Солдаты желали немедленного мира и земли».*

Но как достичь этого, в принципе, общего желания? Просто перестать воевать? Вот как коротко охарактеризовал ситуацию полковник Александр Верховский, летом 17-го он станет военным министром Временного правительства,

а в те дни, в конце марта, наоборот, уезжает из Петрограда, *«не чувствуя возможности что-либо делать для поддержания военной дисциплины в столице»*. Это решение Верховский, конечно же, принимал не на свой страх и риск, что было бы только подтверждением распада и развала. Полковник получил новое назначение. В Крым, в Севастополь, где должна была формироваться Черноморская дивизия. Командующим Черноморским флотом был тогда адмирал Колчак. Принято считать, что Колчак был чуть ли не единственным из числа высших офицеров, которые не поддержали идею отречения Николая II от престола. Вот как описывает личность Колчака и сложившуюся в Крыму ситуацию Александр Верховский: *«Колчак еще со времени японской войны был в постоянном столкновении с царским правительством и, наоборот, в тесном общении с представителями буржуазии в Государственной думе, приход к власти Гучкова и князя Львова давал ему надежду, что новое правительство будет лучше руководить войной, чем царь. Поэтому Колчак мог показать свое сочувствие перевороту и найти искренние нотки, тем самым завоевав сердца своих подчиненных. Но мысль о том, что народ может принять какое-либо участие в строительстве государства, была ему глубоко враждебна»*. Критика из уст Верховского станет более понятной, если учесть, что писал он свои воспоминания, уже будучи комбригом Красной армии, перейдя на сторону советской власти. Однако наблюдения за событиями весны 17-го года у Верховского максимально объективны. И главная мысль в них — революция воспринята народом как отмена каких-либо обязательств, как снятие с себя ответственности за происходящее. В первую очередь, это выражалось в вопиющем падении дисциплины. *«Когда я вышел в первый день*

пребывания в Севастополе из дома, — пишет Верховский, — увидел, что новая жизнь уже везде наложила свой отпечаток. Роты в Черноморской дивизии стали отказываться выходить на занятия. Появились случаи отказа выхода в караул. Солдаты и матросы перестали отдавать честь. Пришедшие ко мне офицеры были в тревоге. Обстановка накалена. Солдаты взволнованы, боятся провокаций со стороны офицерства. “Куда-то господа нас еще потянут?” — спрашивали они. Надо было что-то делать, чтобы рассеять эти настроения».

АПРЕЛЬ

В Петроград возвращаются лидеры запрещенных революционных партий — Ленин, Плеханов.

Ленин обращается к соратникам с «Апрельскими тезисами». Курс на продолжение революции, превращение империалистической войны в гражданскую с установлением диктатуры пролетариата. Курс на мирный захват власти. «Вся власть Советам». Первые обвинения в адрес Ленина и его соратников в шпионаже в пользу Германии. Союзники по Антанте зондируют готовность Временного правительства продолжать войну до победного конца.

Кинематограф откликается на бурные события. Премьера фильма «Великие дни революции в Москве». Новая власть приходит в сферу культуры. Комиссары Временного правительства назначаются руководителями театров.

Нота министра иностранных дел Милюкова с заверениями союзников о готовности России воевать до победного конца приводит к первым отставкам в кабинете министров Временного правительства. Вооруженные столкновения в Петрограде между сторонниками правительства и теми, кого Плеханов, целиком и полностью приветствовавший Февральскую революцию, определил как «черносотенцев, которые, наслушавшись речей Ленина, стали анархистами».

04.04

В ночь на 22 марта по старому стилю Ленин, накануне прибывший в Петроград из-за границы, впервые огласил тезисы доклада «О задачах пролетариата в данной революции». Собрание происходило в особняке Матильды Кшесинской на Кронверкском проспекте. Кшесинская была одной из самых одиозных фигур свергнутого режима. Ее особняк был захвачен еще в первые дни Февральской революции. К моменту приезда Ленина здание было самовольно занято солдатами мастерских запасного автобронедивизиона, распропагандированного большевиками. По договоренности с солдатами в особняке разместились Петроградский комитет РСДРП(б), а вскоре и ЦК партии, экспедиция газет «Правда» и «Солдатская правда». Ленин в первые дни своего пребывания в столице несколько раз выступал перед толпой с балкона этого особняка.

Напомним суть «Апрельских тезисов» — абсолютный отказ от революционного оборончества; закончить войну путем свержения капитализма и перейти к революции социалистической; власть должна перейти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Никакой поддержки Временному правительству, требования передачи всей собственности Советам рабочих депутатов. Конфискация всех помещичьих земель и — внимание — национализация земли, принадлежащей крестьянам, то есть перевод собственности на нее в категорию государственной. Слияние всех банков в один общенациональный, подконтрольный Советам. И наконец, контроль над общественным производством и распределе-

нием продуктов. Собственно, все то, что станет лозунгами, а потом и реалиями Октябрьской революции. Но в тот момент даже самые близкие соратники Ильича восприняли такую радикальную программу скорее с удивлением, чем с восторгом. Поддержки Ленин не нашел. В следующие несколько дней он неоднократно выступал со своими «Апрельскими тезисами» — то есть повторял их, агитировал сподвижников. Однако на заседании бюро ЦК тезисы, что называется, «не прошли», против них выступили Зиновьев, Каменев и Шляпников, заявив, что страна не созрела еще для социалистической революции. Петроградский комитет большевиков также не поддержал вождя — двое «за», тринадцать «против». Ленин вынужден был признать, что его доклад вызвал разногласия в среде самих большевиков и в редакции газеты «Правда».

Чтобы переломить ситуацию, Ленину понадобится мобилизовать всю свою энергию, дар убеждения и уверенность в своей правоте. Спустя три недели большевистский актив все же проникнется радикальными идеями своего вождя, и партийные организации постепенно начнут принимать резолюции в поддержку «Апрельских тезисов».

Однако особенность момента заключалась в том, что по замыслу Владимира Ильича захват власти большевиками в тот момент мог и должен был быть осуществлен мирным путем, поскольку Временное правительство было еще совсем беспомощным.

Но дееспособность новых органов власти начала восстанавливаться. Спустя месяц комиссариат милиции Петроградского района и столичная прокуратура начнут дознание по факту разграбления имущества Кшесинской и возбудят дело о выселении большевистских организаций из особняка.

Будет также подан иск на имя Ульянова Владимира Ильича, но его оставят без рассмотрения по факту «непроживания этого гражданина в особняке Кшесинской». В итоге — в мае 1917 года Центральный и Петроградский комитеты РСДРП официально заявят, что покидают захваченные ими помещения особняка Матильды Кшесинской.

05.04

В этот день — 23 марта 1917 года по старому стилю — в Петрограде состоялись похороны жертв Февральской революции. *«По самому умеренному расчету, — писал в тот день в своем дневнике французский посол Морис Палелог, — число манифестантов превышало девятьсот тысяч. А между тем ни в одном пункте по дороге к Марсову полю не было беспорядка или опоздания. Все процессии соблюдали при своем формировании, в пути, при остановках и даже в своих песнях — идеальный порядок. Повсюду звучала только одна песня — рабочая “Марсельеза”. Но больше всего меня поразило то, чего недоставало церемонии — присутствия духовенства. Ни одного священника, ни одной иконы, ни одной молитвы, ни одного креста — только одна “Марсельеза”».* Февральская революция была отнюдь не бескровной. Только в тот день было произведено 210 захоронений. Специальная комиссия собирала тела по всем больницам Петрограда. Но современники отмечали другое: *«Еще вчера религия управляла всей публичной и частной жизнью, врывалась в нее своими великолепными церемония-*

ми, своим обаятельным влиянием, с полным господством над воображением, умами и сердцами людей, и какой контраст сегодня. Все совершается в отсутствие церкви. Поистине в калейдоскопе идей русский человек всегда ищет крайнее, абсолютное». Однако во всем царят порядок и организованность. Кто из политических сил мог приписать на свой счет такое достижение? Керенский? Он накануне лично проинспектировал Александровский дворец, проверил, как содержится под охраной царская семья. Долго беседовал с бывшим императором, причем в самом любезном тоне. Несколько раз спохватывался, ловя себя на том, что называет Романова — государем. Привычка-с. Николай потом запишет в дневнике: «Зачем-то приезжал Керенский, был многословен, почему-то постоянно пытался пожать мне руку...» А заканчивает Николай так: «Разбирался в своих вещах и книгах, начал откладывать все то, что хочу взять с собой, если придется уезжать в Англию». Но в том-то и дело, что в тот момент Временное правительство уже считало опасным для своей репутации отправлять царскую семью из России. Это было бы проявлением слабости, а вот арест, стража, контроль, постоянные апелляции к ответственности мнились проявлением силы и дееспособности Временного правительства. Прежде всего, новая власть заигрывала перед массами. Потому что на самом деле все было далеко не спокойно. Совсем рядом, в Кронштадте, а это не только крепость и порт, но и город с населением в 55 тысяч человек, царила анархия. Войска местного гарнизона не признавали ни Временное правительство, ни Совет рабочих и солдатских депутатов. Половина офицеров уже уничтожена возмущенными матросами, около двухсот че-

ловек остаются в положении заложников. Их показательно заставляют выполнять, по мысли матросов, унижительные работы, как то: подметание улиц или разгрузка угля в порту. В соседнем со столицей Шлиссельбурге власть в руках самопровозглашенной повстанческой Коммуны. Коммуна эта первым делом вступает в переговоры с союзом немецких военнопленных, один из лагерей которых находится в городе. Непокойно было и в Гельсингфорсе (Хельсинки). Во всем чувствует неопределенность — куда качнется маятник? То, что качнется, — не обсуждается. Вопрос в том, вправо или влево.

06.04

В этот день — 24 марта 1917 года по старому стилю — в Первую мировую войну на стороне Антанты, то есть Англии, Франции и России, вступили Соединенные Штаты Америки, до этого сохранявшие благожелательный нейтралитет по отношению к странам, воевавшим против Германии, Австро-Венгрии и Османской империи.

Непосредственным поводом к объявлению войны стала телеграмма министра иностранных дел Германии Артура Циммермана, в которой был изложен план вовлечения Мексики в мировую войну на стороне Берлина. В телеграмме, адресованной германскому послу в Мехико, говорилось о подготовке тотальной подводной войны против стран Антанты. Мексике в случае победы были обещаны территории Техаса, Аризоны и Нью-Мексико. Телеграмма эта была перехвачена

британской разведкой, расшифрована и передана американским властям. Любопытно, что все это произошло еще в январе 17-го года. 1 марта этот документ был опубликован в американской печати. После чего «изоляционисты» — сторонники невмешательства США в процессы, происходившие на других континентах планеты, сами оказались в изоляции. Усилились позиции сторонников вступления Америки в войну. Их решительность подкрепляли вопиющие факты. Германские подлодки в феврале и марте потопили несколько американских кораблей. В результате в этот день конгресс США после бурного обсуждения официально принял решение об объявлении войны Германской империи.

Эта новость была с воодушевлением встречена в Лондоне и Париже, поскольку формат участия Штатов в войне изначально предполагал не только и не столько войну на море или на периферии, в колониях, а прямое участие крупных воинских контингентов армии США на фронте в Европе. Первые американские подразделения придут во Францию уже в июне 1917 года, однако непосредственное участие в боях американские дивизии примут только в октябре того же года.

В России известие о появлении нового союзника, разумеется, восприняли положительно. Но без особого энтузиазма. Понятно было, что помощь США Временному правительству будет заключаться в более масштабных поставках вооружения, техники и материальных ресурсов, в отношении которых еще предстоит договариваться о формах и сроках оплаты, получения кредитов.

Русских политиков, генералитет больше волновало состояние русской армии, боеспособность которой после возникновения Советов рабочих и солдатских депутатов,

появления Приказа № 1, отменявшего ответственность за дезертирство, стала крайне невысокой. Некоторые исследователи считают, что уровень разложения дисциплины в русской армии уже в начале апреля достиг критической точки. Ни о каких наступательных операциях речи быть не могло. Более того, даже действовать в обороне некоторые части уже не могли, бросая оружие при виде наступающего противника.

Показательно в этом отношении свидетельство стороннего наблюдателя. Морис Палеолог в этот день сделал такую запись в своем дневнике: *«В то время как войска на фронте с каждым днем все больше разлагаются под влиянием социалистической пропаганды, маленькая армия, которая сражается на Закавказском фронте под командованием генерала Баратова, мужественно продолжает свое трудное дело».*

Речь шла о малоизвестной, а теперь и незаслуженно забытой наступательной операции 1-го Кавказского кавалерийского корпуса. Передовые части этого корпуса, заняв Керманшах, проникли в Месопотамию и соединились с британскими войсками на северо-восточных окраинах Багдада.

10.04

В этот день — 28 марта 1917 года по старому стилю — в Пскове был убит начальник гарнизона полковник Самсонов. Это была характерная, ставшая уже привычной в те дни деталь, достойная разве что краткого упоминания в газетной хронике. Что, кстати, и имело место. Однако подробности этого дела спустя

десятилетия описал в своих мемуарах очевидец событий, генерал Михаил Бонч-Бруевич. В марте 17-го он был начальником штаба Северо-Западного фронта, который размещался в Пскове, там же находилась и ставка Главнокомандующего: *«Шел 12-й час ночи, когда я срочно был вызван к главкому. Сел в штабной автомобиль. Было морозно, пустынно. Когда открытая машина поравнялась с “распределительным пунктом” (места регистрации возвращающихся и едущих на фронт солдат), послышался громкий окрик “Стой”. Человек пять солдат, за ними двое штатских. “А ну, живо вылезай”. Солдатские штыки уперлись мне прямо в шинель. Не задумываясь, я раздраженно отстранил руками штыки. Назвал себя и свою должность. Солдаты переключились на шофера, стали отнимать у него висевший на пояском ремне кинжал. Я, — продолжает Бонч-Бруевич, — демонстративно вышел и пошел пешком. И тут один из штатских обратился ко мне на ломаном русском: “Я вас буду просить садиться в машина, герр генерал, вы есть позваны к генерал Рузский... И это не есть можно ходить пешком”. Этот человек, вероятно из немецких или австрийских военнопленных, с трудом подбирал русские слова, но главное, что он командовал русскими солдатами, даже прикрикнул на них, чтобы они отстали от заупрямившегося по моему примеру шофера».* Итак, что происходит? Падение дисциплины, появление солдатских комитетов в воинских частях, Приказ № 1, отменявший смертную казнь за дезертирство, — об этих обстоятельствах, разлагавших русскую армию после свержения монархии, хорошо известно. Но чтобы солдаты в своем самоуправстве принимали руководство со стороны вчерашних врагов? Кстати, в Пскове действительно располагался один из пересыльных лагерей военнопленных. Это, согласитесь, по-

казатель глубины развала. Неудивительно, что Бонч-Бруевич согласился продолжить свой путь, но предусмотрительно попросил иностранца в штатском сопровождать его. По прибытии в штаб генерал узнал, что ночной вызов к начальству был связан с неожиданной расправой солдат над полковником Самсоновым, начальником того самого «распределительного пункта». Самсонов выполнял также функции начальника Псковского гарнизона. Продолжим цитату из воспоминаний Бонч-Бруевича: *«Возможно, полковника убили те самые солдаты и неизвестные в штатском, которые остановили меня на шоссе. Кто были эти люди, так и осталось невыясненным. О причинах убийства можно было только гадать»*. Впрочем, одну догадку генерал озвучил: *«Полковник Самсонов вел себя с поступавшими на пункт фронтовыми солдатами так, как привыкли держаться окопавшиеся в тылу офицеры, деспотично, изводя мелкими и зряшными придирками»*. Что ж, в дни революции этого, может, и было вполне достаточно. Но скорее всего, генерал просто о многом умолчал, рассказывая эту историю. Тут надо иметь в виду такое обстоятельство. Бонч-Бруевич станет первым генералом русской армии, который перешел на сторону большевиков в октябре 17-го года. Благо его брат, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич, был видным революционером, соратником и помощником самого Ленина. Михаилу Дмитриевичу удалось уцелеть в годы репрессий, его арестовывали всего один раз в 1931-м и вскоре отпустили. И свои воспоминания под характерным названием «Вся власть Советам» он писал уже в 40-е — начале 50-х годов, когда о многом, тем более обо всем, говорить не приходилось. Так что упоминание о военнопленных в штатском вдвойне интересно.

11.04

В этот день — 29 марта 1917 года по старому стилю — газета «Русское слово» поместила очень любопытные сообщения из Крыма: *«Гостиницы Симферополя переполнены едущими на крымские курорты. Вследствие недостатка автомобилей ждут отправки в Ялту целую неделю. Цены на автомобили бешено вздулись. Четырехместный [номер] стоит 350 рублей, отдельные места — по 100 рублей. Многие, махнув рукой, сворачивают по железной дороге в Евпаторию»*. Действительно, очень неожиданно сегодня узнавать, что бархатный (а именно весенний курортный сезон в Крыму называли тогда бархатным, поскольку было еще достаточно прохладно для летних платьев, и дамы ходили в замшевых и бархатных), что революционный бархатный сезон имел место в Крыму. Большой наплыв отдыхающих. Соответствующая светская хроника, правда с трагическим привкусом. То же «Русское слово» в другой корреспонденции писало: *«Днем в центре Симферополя на глазах прохожих разыгралась тяжелая драма. Прапорщик Зиздо открыл стрельбу из револьвера в усаживающуюся в экипаж парочку — слушательницу московских курсов госпожу Николаеву и военного чиновника Беляева. Первым же выстрелом в висок Николаева была убита наповал. Беляев тяжело ранен шестью пулями. Сам Зиздо последним выстрелом смертельно ранил себя в голову. Из найденных в ридикюле Николаевой писем выясняется, что драма произошла на романтической подкладке»*. Итак, стрельба, но отнюдь не революционная, а на бытовой любовной почве. Даже напрашивается циничный парадокс — революция революцией, а жизнь с ее романтическими страстями продолжается.

Впрочем, писали в тот день и о событиях, имевших как раз сугубо политическую подоплеку: *«В Конотопе арестовано четверо рабочих железнодорожных мастерских, оказавшихся провокаторами. Они служили в местном жандармском управлении и получали 30 рублей ежемесячно. Они, так же как и арестованный в Киеве провокатор Ермаков, игравший видную роль среди большевиков, выдали полиции многих рабочих»*. Некоторые публикации представляли собой просто списки тайных агентов, обнаруженные в секретных архивах полиции: *«Симбирск. При разборке бумаг охранки выяснено — Матвей Мордов, бывший учитель, канцелярист губернского правления. Кличка “Смоленский”, получал 40 рублей в месяц, “освещал” деятельность социал-демократической партии в городе. Новочеркасск. Тайным агентом работали следующие — студент донского политехникума Письменный, на службе с 1910 года. Кличка “Киевлянин”. Получал 50 рублей. “Освещал” студенческую и общественную жизнь»*. Мы упомянули только двух фигурантов, а речь в публикациях шла о десятках разоблаченных агентов.

Еще одной актуальной темой была тогда позиция церкви по отношению к революционным событиям: *«Кишиневский архиепископ Анастасий вызвал священников, подозреваемых в активном противодействии новому строю, и убеждал их повлиять на паству — относиться к событиям сдержанно и спокойно, а в случае надобности выходить к прихожанам с крестом с целью отрезвления толпы. Священники дали торжественное обещание произносить соответствующие проповеди, а начальнику городской милиции (в скобках заметим, именно народной милиции — полицию Временное правительство ликвидировало. — А. С.] поручено арестовывать духовных лиц, замеченных в противоревolutionной агитации, и заключать их в тюрьму»*.

12.04

В этот день — 30 марта 1917 года по старому стилю — главной новостью в России было возвращение из эмиграции Георгия Валентиновича Плеханова. Газета «Русское слово» интригующе пафосно писала: *«Накануне в 12-м часу ночи из-за границы через Финляндию прибыл в Петроград вождь российской социал-демократической партии Плеханов, не выдавший родной земли 40 лет»*. Уточним — 37 лет. Лидер народнической партии «Черный передел», один из первых русских марксистов, Плеханов покинул страну еще в 1880 году, еще при Александре II. Уезжал, когда ему было 24, вернулся в 61. Вся его сознательная политическая жизнь прошла в Швейцарии, и неудивительно было бы, если в России о нем забыли. Отнюдь. Продолжим цитату: *«Для встречи маститого писателя и деятеля на Финляндский вокзал собралась огромная масса публики, представители от воинских частей, от заводов, делегации от правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов. Платформа, к которой должен был прибыть поезд, была переполнена народом. Рабочие и милиция Выборгского района с винтовками выстроились по обеим сторонам прохода, охраняя порядок. Колонны военных выстроились для прохождения строем. Каждая депутация была со своими красными знаменами, развевались лозунги “Да здравствует земля и воля”, “Да здравствует демократическая республика”, “В борьбе обрешь ты право свое”, “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”. Впереди под большим плакатом “Единство” стояла группа соратников Плеханова по работе в газете, выходящей в Петрограде под этим названием. Два оркестра*

военной музыки непрерывно играли «Марсельезу». Поразительно. У человека с советским опытом и представлениями о революции при ответе на вопрос, кто мог вызвать такой ажиотаж, заслужить такую встречу, есть только один ответ. Ленин, кто же еще! Нет, оказывается, Плеханов. Владимира Ильича встретят гораздо скромнее, вернее, как положено по установленной Временным правительством процедуре для жертв политических преследований царизма, которые в те дни в большом количестве возвращались в столицу из ссылки или эмиграции.

Плеханов действительно был крупнейшим авторитетом социал-демократического движения. Старался объединить все партии и фракции. Отсюда и название его группы — «Единство». С началом Первой мировой войны последовательно призывал к борьбе против германского империализма, был оборонцем. И это было принципиальное его отличие от большевиков, которые были тогда, по собственным словам Ленина, «пораженцами». Никакой поддержки царскому, а теперь и Временному правительству! Никакой войны до победного конца! Штык в землю. Мира, хлеба. Как осуществить — непонятно. Чистейшей воды популизм. Кстати, Плеханов первым делом это и заявил, назвав «Апрельские тезисы» Ильича бредом: *«Захват власти одним классом или — еще того хуже — одной партией может иметь печальные последствия. Русская история еще не смолола той муки, из которой со временем будет испечен пшеничный пирог социализма»*. Не без красоты, но мысль ясная — рано, несвоевременно.

В «Открытом письме к петроградским рабочим» Плеханов и вовсе предостерегал: *«Захватив политическую власть,*

русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая заставит отступить далеко назад от завоеваний февраля и марта нынешнего 17-го года». Предостережение, как видим, провидческое...

13.04

В этот день — 31 марта 1917 года по старому стилю — в России, как и сто лет спустя, была Страстная неделя. Пасха выпала на тот же день 16-го по-новому, 3 апреля по юлианскому календарю. Причем совпала с иудейской Пасхой. В южных губерниях России это вызвало обострение национальных и религиозных конфликтов. Под тревожным заголовком «Черные силы. Подготовка к погрому» газета «Русское слово» писала: *«В Тирасполе раскрыта инсценировка ритуального убийства, организованная с целью вызвать еврейский погром. Бывший городской организовал мнимое убийство своего сына, пытаясь спровоцировать массовый протест. Подросток был обнаружен связанным на крыше пекарни, принадлежащей еврейской общине, в ней в эти дни готовят пасхальные опресноки иудеев — мацу. Одновременно провокаторы разбрасывали погромные листки. Кроме городского в подстрекательстве беспорядков уличены член городской управы Кирилюк и бывший капитан-исправник Сергеев, который при аресте до обыска заявлял: “Можете меня повесить, если найдете хотя бы один патрон”. При обыске в кладовой у Сергеева было найдено в ящиках с надписью “макароны” — 12 тысяч патронов,*

70 револьверов, 80 винтовок, три бомбы и сабля. В погромном заговоре участвовали и другие представители бывшей местной власти, в связи с чем опечатан кабинет городского головы Ольшевского». Тема провокаций со стороны правоохранителей и должностных лиц свергнутого царского режима доминировала в те дни в прессе и как минимум оправдывала внимание газет к разоблачениям тайных агентов охраны. Их списки в тот день пополнил житель Елисаветграда, некто Струков. В бурные дни Февральской революции ему удалось стать членом городского совета рабочих депутатов, а накануне даже получить должность помощника губернского комиссара милиции. Однако при разборке дел жандармского отделения выяснилось, что Струков с 1911 года сотрудничал с охранкой, сообщая о готовящихся забастовках на заводах. Подытоживая этот случай, местная газета писала: *«Событие крайне взволновало всех, особенно рабочую группу, выдвигавшую Струкова в городскую управу. Предстоят дальнейшие разоблачения»*. После некоторой паузы, вызванной затишьем на фронте, в газетах в тот день вновь появились сообщения о боевых действиях: *«В Галиции в районе Озерков после артиллерийской подготовки противник атаковал наши позиции и занял было их, но последовавшей с нашей стороны контратакой был выбит, и положение восстановлено. В районе Богородчан австрийцы (внимание!) произвели газовую атаку. Однако газовые волны, дойдя до реки Быстрицы, рассеялись, не причинив нам вреда. Вслед за тем австрийцы открыли огонь из штурмовых орудий, во время которого в передовых окопах противника было замечено замешательство, часть австрийцев уходила в тыл, другая — с белыми флагами пыталась приблизиться к нашим окопам и, очевидно, сдаться в плен. Обстрелянные огнем своей же артиллерии австрийцы*

бежали в свои окопы». Из сообщения следует, что боевой дух и дисциплина во фронтовых частях весной 17-го года были невысоки как с одной, так и с другой стороны.

14.04

В этот день — 1 апреля 1917 года по старому стилю — в Ташкенте был арестован генерал Алексей Куропаткин. Персонаж, печально известный по неудачной Русско-японской войне. Куропаткин командовал русскими войсками во всех проигранных нами сражениях — при Ляояне, Мукдене, Шахэ. Во время Первой мировой Куропаткин командовал Северным фронтом. В очередной раз проявил нерешительность во время Брусиловского прорыва, не поддержал на своем участке наступление, промедлил. И в июле 16-го был отправлен в Туркестанский край генерал-губернатором. Любопытно, что это назначение тогда многие приветствовали. У Куропаткина была репутация человека, знающего нравы и обычаи местного населения, человека, умеющего находить, как писали тогда, «общий язык с туземцами». Тем более странно выглядели обстоятельства и причины ареста генерала. Как сообщала газета «Русское слово», *«причиной ареста послужила раздача Куропаткиным оружия из арсенала русским поселенцам края, опасавшимся повторения прошлогоднего восстания туземцев. Соединенное заседание советов солдатских и рабочих депутатов, исполнительного комитета, представителей крестьянского союза и совета мусульманских депутатов усмотрело в этом провокационное*

сеяние племенной розни между русским и туземным населением. Сейчас в городе спокойно». На самом деле Куропаткин стал жертвой не двоевластия между Временным правительством и Советами, а последствий серьезного конфликта, о котором в корреспонденции упомянуто вскользь: «Прошлогоднее восстание туземцев». Речь шла о так называемом Среднеазиатском восстании лета 16-го года, которое вбило клин между местным населением и русской администрацией. Поводом стал царский указ о принудительном привлечении на тыловые работы в прифронтовых районах мужского населения из числа — по терминологии, принятой в царской России, — мусульманских иноверцев, в возрасте от 19 до 43 лет. Недовольство быстро вылилось в погромы и расправы над русскоязычным населением, грабежи казенного и частного имущества. Центром стихийного выступления был город Ходжент Самаркандской области. Попытку возглавить восставших предприняли некоторые муллы, призвавшие к священной войне против гяуров-русских. Конные отряды, в основном из числа киргизского населения, перерезали телеграфное сообщение между Бишкеком, Верным (теперь Алма-Ата), Ташкентом и Европейской Россией. Волна межэтнического насилия захлестнула район Семиречья. Банды дунган (так тюркское население Средней Азии называло мусульман китайского происхождения) терроризировали русские поселения в Пржевальском уезде. Было убито и пропало без вести более трех тысяч человек. В тургайских степях отряды под руководством Амангельды Иманова штурмовали крепость Тургай, которую гарнизону царской армии тогда удалось отстоять с большим трудом. Другими очагами возмущения стали павлодарское Прииртышье и районы, прилегавшие к Акмолинску (ныне Астана).

В ходе подавления восстания генерал Куропаткин (напомним, он стал губернатором туркестанского края как раз летом 16-го года) распорядился конфисковать для нужд русских колоний и поселений земли коренного населения. Он также обеспечил формирование отрядов самообороны и координацию действий боевых частей, брошенных на подавление восстания. Кроме того, ему все-таки удалось мобилизовать на тыловые работы около 100 тысяч человек — из 450 тысяч, подлежащих повинности. Понятно, что Куропаткин не устраивал одновременно и местное население Туркестанского края, и органы советской власти, возникшие там.

17.04

В этот день — 4 апреля 1917 года по старому стилю — в газетах появились сообщения о назначении генерала Михаила Алексева главнокомандующим русской армии. Накануне ночью министр-председатель (а именно так называлась должность руководителя Временного правительства) князь Львов отправил в Могилев, Ставку, телеграмму: *«Правительство назначает вас Верховным главнокомандующим. Оно верит, что армия и флот под твердым руководством вашим исполнят свой долг перед родиной до конца. Временное правительство шлет всей армии и флоту сердечный привет и поздравление с наступающим светлым праздником — пасхальной неделей»*. Начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего генерал Алексеев сыграл ключевую роль в драматических событиях, пред-

шествовавших и сопровождавших отречение императора Николая II от престола. Если подходить сугубо формально, по-буквоедски, то именно Алексеев это отречение и принял. Потому что собственноручный текст манифеста имеет адресата — «Начальнику штаба». В этом, конечно, присутствует и казенный педантизм самого царя, но и то значение, которое Николай придавал армии и флоту. Однако правильно ли думать, что два неизменных союзника России — армия и флот — как раз совершили измену в конце февраля — начале марта? Нет. Генералитет видел, как на глазах рассыпается дисциплина, как зреет недовольство, как пройдена красная черта, отделяющая императора не только от политических партий, но и от самой фамилии Романовых. Наблюдал, насколько нерешителен и как минимум неубедителен Николай в роли главкома. Михаил Алексеев был уверен, что речь идет просто о смене правителя, а отнюдь не о крушении монархии. На место главкома вернется великий князь Николай Николаевич, на троне будет младший брат царя — Михаил. Последовавшее тут же отречение Михаила Александровича и «воцарившиеся» вместо это вакуум и неопределенность Алексеев отнюдь не приветствовал. Он требовательно вопрошал: *«Неужели нельзя было убедить великого князя принять временно до созыва Учредительного собрания монаршую власть? Это сразу бы внесло определенность... Уверен, что на армию это произвело бы наилучшее бодрящее впечатление. Трудно представить себе, как примет стоящая в окопах солдатская масса манифест об отречении Михаила. Через полгода же все выяснится ближе, лучше, и всякие изменения протекли бы не столь болезненно, как теперь»*. Через полгода все действительно выяснится,

только отнюдь не то, что имел в виду генерал Алексеев. Ему рубеж развития событий виделся в созыве Учредительного собрания, да и большевикам тоже, но последним только с другим выводом — «завтра выступить будет поздно».

Свои вопросы Алексеев высказал новому военному министру Гучкову. Кроме того, он выразил принципиальное несогласие с политикой чистки генеральских кадров, которую провозгласил Гучков в первые же дни марта. Кстати, первой жертвой чистки стал великий князь Николай Николаевич, тот самый, который командовал русской армией в первые два года войны. Николай Николаевич вернулся было на свой пост главкома, но продержался всего неделю. Под давлением Советов солдатских депутатов, да и Временного правительства удалился восвояси. Фактически армией в те дни командовал Алексеев, но в качестве временно исполняющего обязанности. И вот после долгих колебаний новая власть утвердила боевого генерала в должности. Михаил Алексеев, в свою очередь, продержится на посту до конца мая. Его попытки восстановить дисциплину и порядок в армейских частях не увенчаются успехом. Алексеева сменит на посту главкома генерал Брусилов. В июле уже ему на смену придет генерал Лавр Корнилов. Одна только эта чехарда с армейским руководством будет свидетельствовать о нарастании политического кризиса и неустойчивости Временного правительства.

18.04

В этот день — 5 апреля 1917 года по старому стилю — в газетах появились сообщения о приезде в Россию Ленина. Показательно, что привычного отношения к псевдониму Владимира Ильича тогда не было. Так, «Русское слово» писало: *«Вчера поздно вечером из-за границы приехал глава большевистской партии Н. Ленин, он же Ильин. Встреча отличалась торжественностью. На Финляндском вокзале собрались рабочие с заводов Выборгской и Петроградской стороны, представители войск. Было много народа и на прилегающих к вокзалу улицах. На перроне были делегаты от исполнительных комитетов Совета солдатских и рабочих депутатов, от социал-демократической партии, партии эсеров и других социалистических групп. Председатель исполкома Советов Чхеидзе произнес приветственную речь. Ленин был на руках перенесен в парадные комнаты, где он в ответ на приветствия произнес речь о необходимости для пролетариата выполнить лежащую на нем важную историческую задачу»*. Как видим, провозглашенный Лениным курс на захват пролетариатом политической власти и социалистическую революцию в этой публикации напрямую не упомянут, все более-менее обтекаемо. Еще один нюанс: судя по этой публикации, Ленин выступал не с броневика, а в «парадных комнатах» вокзала перед заведомо целевой аудиторией — делегатами, представителями. Скорее всего, газета просто умолчала о продолжении церемонии. Тем более что пресловутый броневик тогда постоянно дежурил у Финляндского вокзала, и многие вернувшиеся из ссылки революционеры тоже выступали

с этой импровизированной трибуны. Это явное разночтение. В советские времена в официальной лениниане будет утверждаться, что Ленин демонстративно проигнорировал аудиторию, составленную меньшевистским руководством Советов, то есть те самые «парадные комнаты», и сразу проследовал к уличной толпе. Однако, скорее всего, было и то и другое...

День приезда Ленина совпал с окончанием работы Первого Всероссийского совещания Советов рабочих и солдатских депутатов. Но Ильич не воспользовался этой влиятельной, как теперь бы сказали, информплощадкой. Свои знаменитые «Апрельские тезисы» он озвучит, выступая с балкона особняка Матильды Кшесинской, который еще в первые дни революции был захвачен солдатами Петроградского гарнизона и в котором в те дни размещался столичный комитет РСДРП(б). Даже для многих соратников по партии план действий Ильича выглядел слишком радикально. Тем более на съезде Советов, где преобладали меньшевики и эсеры, рассчитывать на понимание было трудно. Тут само по себе показательно, какого рода решения и резолюции были приняты на упомянутом совещании Советов. Это были требования восьмичасового нормированного рабочего дня, свобод коалиций, предложения о профессиональном строительстве, создании профсоюзных ячеек на каждом предприятии, о примирительных камерах (так называли комиссии по согласованию трудовых споров между работниками и работодателями), о биржах и об инспекции труда, о контроле организации промышленного производства, о ввозном труде (термина «гастарбайтер» в русском языке еще не было), о социальном страховании и пособиях по безработице. С точки

зрения Ленина, все это было проявлением политического малодушия, соглашательства, склонности к компромиссам и почти что предательством интересов рабочего класса.

19.04

В этот день — 6 апреля 1917 года по старому стилю — в Бухаре вспыхнули волнения, вызванные «задержкой в обнародовании эмиром бухарским манифеста о реформах». Временное правительство предложило эмиру Бухарскому немедленно обнародовать манифест.

Очень любопытный сюжет. Бухарский эмират, возникший в 1785 году, являлся протекторатом Российской империи с 1868 года. После присоединения Средней Азии к России ряд территорий — Хивинское, Кокандское ханства и Бухарский эмират получили особый статус. Внешние сношения, защита границ, дислокация войск — эти полномочия принадлежали Российской империи, зато внутри страны власть эмира была абсолютной и носила при этом теократический характер, то есть управление осуществлялось по законам шариата. Естественно, после крушения монархии в России возникла необходимость в подтверждении существующего статус-кво. Временное правительство сделало это еще в марте. Однако демократические преобразования в центре неизбежно повлекли за собой обострение внутривнутриполитической обстановки на окраинах, и в частности в Бухаре. Связано это было с так называемыми «младобухарцами» — общественно-политическим движением, представленным местными купцами,

торговцами, предпринимателями. Это была малочисленная, но активная прослойка, в основном поставщики хлопка в Центральную Россию — люди, в силу своего бизнеса связанные с европейской культурой и ценностями. Они организовали серию массовых манифестаций с требованием свержения монархии или как минимум ликвидации феодально-кастовой системы и ограничений религиозного порядка в пользу светских гражданских свобод. Кроме того, на территории эмирата с конца 80-х годов XIX века возникали современные, читай русскоязычные, поселения. Одно из них — русское поселение при Закаспийской железной дороге — Новая Бухара стала своего рода убежищем для оппозиционеров, выступавших против абсолютной власти эмира.

Пикантность ситуации заключалась в том, что сам эмир Бухары Сейид Алим-хан и по возрасту, и по взглядам вроде бы тоже был младобухарцем. Во-первых, ему было всего 37 лет. Правил он начиная с 1910 года, и начало этого правления было многообещающим. Эмир торжественно объявил, что не принимает подарков и подношений, и запретил эту, казалось бы, неистребимую восточную практику для всех чиновников и должностных лиц. На паритетных началах развивал культурные связи. На деньги Сейид Алим-хана в 1915 году в Петрограде была построена Соборная мечеть, а в Новой Бухаре появились православные церкви и часовни. Тогда же эмир Бухарский получил воинское звание генерал-лейтенанта по Терскому казачьему войску. И почетное звание генерал-адъютанта русского императора.

Весной 17-го от эмира Бухарского ждали манифеста о коренной реформе государственного правления, ликвидации феодальных сословий. Но этого не произошло. Изменения

носили чисто декоративный характер. Более того, лидеры младобухарцев были демонстративно высланы в Москву и Казань, остальные укрылись в уже упомянутой нами Новой Бухаре. Неопределенность в отношении Бухарского эмирата и его политического будущего продлилась и после Октябрьской революции, когда декретом советской власти формальная независимость эмирата будет в очередной раз подтверждена. И лишь в конце 1920 года, после вступления в Бухару частей Красной армии, это государственное образование было ликвидировано.

20.04

В этот день — 7 апреля 1917 года по старому стилю — «Петроградская газета» поместила интервью на злобу дня с известным тогда общественным деятелем, публицистом Владимиром Бурцевым. Его называли Шерлоком Холмсом русской революции за его журналистские расследования революционной деятельности эсеров, большевиков. Сам Бурцев в молодости был активным участником студенческого движения, но разочаровался скорее в революционерах, чем в революции. Значение упомянутой публикации заключается в том, что в ней впервые было публично озвучено подозрение, что появление Ленина в России стало результатом спецоперации разведки или даже самого правительства Германской империи: *«Зная Ленина лично, я утверждаю, что проповедь этого вожака социалистов против войны характеризует его как политического деятеля с определенной программой.»*

Потому-то немцы и пропустили Ленина и его единомышленников через Германию, ведь вернувшиеся эмигранты невольно будут содействовать осуществлению желания германцев ослабить нашу страну. В этом для нас, противников возвращения Ленина, весь смысл и значение факта его проезда в нынешних условиях по вражеской германской территории». Однако при этом Бурцев сделал неожиданно оптимистичный вывод: «Может быть, мои слова покажутся странными, но я твердо убежден, что такой саморазоблачительный способ появления Ленина в России — через Германию — будет иметь отвлекающее влияние на многих сторонников большевиков». Самое ближайшее время покажет, что интервью с Бурцевым было действительно на злобу дня. «Шпионский след» в эпизоде с возвращением эмигрантов в Россию станет предметом не только политической дискуссии, но и судебного преследования группы большевиков-эмигрантов со стороны Временного правительства.

Кстати, один из ключевых министров Временного правительства в тот день стал главным персонажем курьезного инцидента. Цитирую по той же «Петроградской газете»: *«Министр юстиции Керенский днями возвращался из Гельсингфорса в Петроград. На станции Белоостров, при проверке документов, пограничная стража потребовала от министра предъявить удостоверение личности, не поверив его словесному заявлению. Документов при Керенском не оказалось, и он был задержан. Через некоторое время личность Александра Федоровича Керенского была удостоверена официально, и он был освобожден. После того как недоразумение прояснилось окончательно, пограничная стража принесла свои извинения министру. Керенский, в свою очередь, разъяснил чинам по-*

границной стражи, что им извиняться не в чем, и поблагодарил их за строгое исполнение своих обязанностей». В этой цитате все интересно. И то, что внутреннюю границу между Финляндией и Россией преодолевали именно как внешнюю, пограничную, и то, что сопровождающих лиц, начальников, которые могли бы своим подчиненным объяснить, кто такой Керенский, при министре не обнаружилось. И наконец, то, что у Ленина, с которого мы начали этот сюжет, никаких проблем на границе не возникло.

21.04

В этот день — 8 апреля 1917 года по старому стилю — в Северном море немецкой подводной лодкой был потоплен британский пароход «Зара», следовавший из Лондона в норвежский Берген. На борту корабля находилась группа русских политиков-эмигрантов, возвращавшихся на родину после объявленной Временным правительством амнистии. Министр иностранных дел Милюков сделал срочный запрос британскому правительству. Министр юстиции Керенский распорядился выяснить судьбу всех революционеров, находившихся на борту, и проследить, что с ними случилось. Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов тоже отреагировал, причем очень болезненно: *«На обсуждение бюро вынесен факт потопления парохода “Зара” наравне с фактом свободного проезда через Германию Ленина»*. Словом, большой переполох, и может показаться, что речь идет о большой группе людей. Нет — только о трех персонах. Двое, Кар-

пович и Янсен, погибли, а третий — Яковлев — был спасен кораблем береговой службы. Все они были эсерами, членами боевой группы, то есть участниками покушений и терактов. И это тем более указывает на неадекватность реакции в прессе. О других пассажирах, об экипаже, сколько их было, сколько погибло, в газетах как раз не писали. Обсуждение свелось только к личностям революционеров. Для характеристики морального состояния общества очень показательны. Более того, в центре внимания оказалась только одна фигура, Петр Карпович. Правнук Екатерины II. Якобы, конечно. Однако многие, в первую очередь соратники по революции, и среди них такой авторитет, как Вера Фигнер, были тогда уверены в этой легенде, согласно которой Карпович был внебрачным сыном черниговского помещика Александра Савельева. А тот, в свою очередь, был сыном побочной дочери императрицы Екатерины II и князя Безбородко. Не будем тратить время на опровержение этой сложносочиненной легенды. Важно, что весной 17-го Карпович для многих являл пример для подражания в выборе гражданской позиции. Пример спайки аристократа с народом. На самом деле случай Карповича представлял гораздо больший интерес для психоаналитика. Почему этот человек превратил свою жизнь в яростную попытку отомстить своему классу? Почему хотел стать своим среди чужих — среди простых крестьян? Карпович с юных лет окунулся в революцию, в Шлиссельбургскую крепость впервые попал еще в 1898 году за участие в студенческих беспорядках. В Шлиссельбургской крепости, кстати, и познакомился с Верой Фигнер. Вскоре был выслан за границу, в Берлин, но вернулся и 14 февраля 1901 года совершил покушение на министра народного просвещения

Боголепова. Явился на прием под видом посетителя и выстрелом из пистолета в спину смертельно ранил министра. Таким образом он отомстил за приказ Боголепова отдать в солдаты большую группу студентов Киевского университета за участие в антиправительственных демонстрациях. Был осужден, но дважды попадал под амнистию в годы первой русской революции и освободился еще в 1907-м. Тогда же и бежал за границу. И вот десять лет спустя — такой финал. Финал человека, о котором весной 17-го писали, что это был *«смелый сокол, воодушевивший молодежь на борьбу с прогнившим царским режимом»*.

24.04

В этот день — 11 апреля 1917 года по старому стилю — в Петрограде начались русско-французские переговоры. Накануне в Россию прибыл министр вооружений Франции, лидер социалистической партии Альбер Тома. Примечательно, что встречали его тоже на Финляндском вокзале, как и вереницу политэмигрантов, возвращавшихся в те дни из-за границы. И с таким же энтузиазмом. После официальных приветствий на перроне автомобильный экипаж с французским министром сопровождали всеобщей овацией. Зрелище произвело на гостя большое впечатление. Тем более что годом ранее Альбера Тома встречали в русской столице весьма и весьма прохладно. Французский посол Морис Палеолог, искушенный дипломат, по взглядам консерватор, не без иронии запишет в своем дневнике: *«Восторг толпы привел в волнение*

революционные фибры господина Тома. Несколько раз он сказал мне: “Да это революция во всем ее величии, во всей красе...”» Наблюдения Мориса Палеолога, знатока русской жизни, до-тошного исследователя, очень любопытны. Его впечатления и от Финляндского вокзала, и от самих петроградцев весьма интересны: *«Повсюду видны образчики революции — эдакие апаши с красными повязками, лентами, галстуками, коими гордится город Петроград. Повсюду “красная гвардия”, заменившая городскую милицию. На Финляндском каждый день кого-то встречают, массы народа, однако сам вокзал едва освещен, холодный туман виснет в воздухе, какие-то тюки громоздятся на каждом шагу, хаос багажа, неразбериха, так что возвращение изгнанников одновременно и торжественно, и мрачно».*

Тома был послан в Россию со специальной миссией вдохновить Временное правительство на продолжение войны, поддержать боевой дух и, конечно, пообещать разнообразную помощь. Поэтому за столом переговоров с российской стороны оказались не только министр иностранных дел Милюков и управделами МИДа Нератов, но и министр финансов Терещенко и минпромторга Коновалов.

И обсуждать для начала пришлось не вопросы сотрудничества, а внутренний конфликт, возникший между министрами Временного правительства. Речь идет о знаменитом апрельском кризисе, разногласиях между Павлом Милюковым и Александром Керенским в военном вопросе. Милюков в своей знаменитой ноте союзникам по Антанте заявил о готовности русской армии не просто продолжать войну, но вести ее наступательно. И тут выяснилось, что эсер Керенский, представитель Советов, вошедший в правительство

как медиатор, фактор смычки, не разделяет решительности министра иностранных дел. Но это еще полбеда, если бы расхождения касались только степени активности русской армии на Восточном фронте. Но Керенский предложил союзникам поменять ни много ни мало как цели войны. Он предложил мир без аннексий и контрибуций. Да, да — это та самая программа революционного выхода из войны, которой осенью воспользуется Ленин. Оказывается, еще весной 17-го исполком Советов рабочих и солдатских депутатов принял резолюцию о мире без аннексий и контрибуций, и Керенский начал ее отстаивать уже в апреле 17-го на переговорах с союзниками по Антанте, доказывая, что в противном случае союзники потеряют всякий кредит доверия в глазах русской демократии.

25.04

В этот день — 12 апреля 1917 года по старому стилю — в Петрограде бурно обсуждали события минувшего дня, когда группа манифестантов попыталась штурмом взять здание посольства Соединенных Штатов Америки. Напомним, что за три недели до этого США вступили в Первую мировую войну на стороне Антанты, то есть и России в том числе. И акция эта была вдвойне неожиданна. Газета «Единство» — рупор умеренной социал-демократии во главе с Георгием Плехановым, вернувшимся, кстати, в начале апреля на родину, о чем мы уже писали, сообщала: *«Пытавшиеся устроить погром забыли, что Америка была тем государством, где на-*

ходили прибежище все изгнанники старого мира, часто лишены огня и воды даже в демократических странах Европы, не говоря уже о самодержавной России». Показательна и реакция уважаемой вечерней газеты «Время»: «По поводу дикой выходки кучки анархистов, которые накануне вечером выкинули черный флаг перед дворцом госпожи Кшесинской, оккупированным ныне господином Лениным, и под этим флагом двинулись громить посольство США. Только в состоянии бредового помешательства могла у кого-то из посетителей этой митинговой беседки, в которую большевики превратили дом балерины, возникнуть фантазия “проучить американцев”». Негодование центристской и либеральной прессы было очень сильным, джентльменский стиль был отставлен в сторону: «Не находилось ли большинство анархистов под парами денатурата?» — вопрошала газета «Время».

Событие действительно нарушало сложившееся представление о раскладе политических сил. После свержения монархии только противники войны могли протестовать против появления у России еще одного союзника. А кто они, эти противники? Большевик Ленин, после выступления которого с балкона особняка Кшесинской и пошли якобы накачанные денатуратом анархисты громить посольство США? И тут появилось новое неожиданное объяснение: *«Анархизм не является спутником нового революционного строя, как это может показаться запуганному обывателю. Наоборот, анархизм, к тому же, как видим, погромный, — это отпрыск низложенного самодержавного немецко-голштинского режима, опиравшегося на темные силы, на охранку, призывавшую несознательные элементы черни к насилию над студентами, над интеллигенцией и вообще над внутренними*

врагами реакции». Да, ответственность за попытку нападения на посольство США в Петрограде была возложена на монархистов-черносотенцев. И это вполне соответствовало логике Февральской революции, к которой многие, в том числе генералитет русской армии, примкнули из таких убеждений, что Николай II готовит заключение сепаратного мира, а его супруга императрица вообще немецкая шпионка. Продолжим цитату: «На трезвую голову никакие зажигательные речи вдохновляемых из Германии “коммунистов” и анархистов действовать не в состоянии, русский человек добр по своей природе и не склонен к бессмысленным разрушениям, анархисты не могут сослаться ни на одно действительно авторитетное имя, кроме имен организаторов еврейских погромов и сотрудников пресловутого погромного “Вече” Доказывать близкую связь черного флага анархистов со знаменем черной сотни едва ли нужно».

Итак, в середине апреля 17-го года была выведена новая политическая формула — черносотенцы, наслушавшиеся речей Ленина, становятся анархистами.

26.04

В этот день — 13 апреля 1917 года по старому стилю — в Петрограде открылся съезд крестьянских организаций и депутатов, представленных во вновь возникших Советах. Местом проведения стало здание парламента — Таврический дворец. Советы фактически уже во многом определяли тогда политическую повестку дня, но это были Советы рабочих и сол-

датских депутатов. Самая обширная масса, крестьяне, еще не была вовлечена в революционный процесс, для которого радикальные революционеры уже изобрели лозунг: «Временное правительство — власть без силы, Советы — сила без власти». Невзирая на то, что этот задиристый лозунг был неверен. Ключевой фигурой в кабинете министров был эсер Керенский, один из руководителей исполкома Советов. Его позиции были сильны, вскоре он станет премьер-министром. Так что и сила, и власть имели один и тот же источник. На это парадоксальным образом указывали даже «Апрельские тезисы» Ленина, в тот момент Владимир Ильич считал, что Советы должны взять власть мирным путем, путем замены министров-капиталистов в правительстве на представителей народа.

А «народ» в понимании идеологов советской власти — это некоторые сословия. С одной стороны — люди наемного труда, но не все, а только фабричные и железнодорожные рабочие, а с другой — мелкие частные собственники, крестьяне. Но, как известно, последнее сословие всегда было епархией эсеров. Социалисты-революционеры наиболее последовательно и детально занимались крестьянским вопросом. Их проект «Социализация земли» предусматривал конфискацию помещичьего землевладения с передачей земли крестьянским хозяйствам в зависимости от численности семьи, по так называемому принципу «по едокам».

Численно эсеры на созванном съезде внушительно преобладали — более половины из тысячи делегатов. Социал-демократы, меньшевики имели около 100 представителей. А группа твердых большевиков во главе с Михаилом Фрунзе насчитывала всего девять человек.

Кроме крестьянской темы, первоочередным был вопрос о войне и мире. Исполком Советов рабочих и солдатских депутатов принял в те дни резолюцию о мире без аннексий и контрибуций, что в принципе обнуляло смысл военных действий и любую национал-патриотическую платформу, которая возникала на почве идеи войны до победного конца. И озвучил это требование уже упомянутый Керенский. Это обострило ситуацию. Тем более что в тот момент пресса и общественность шумно обсуждали пораженческие призывы Ленина. «Петроградская газета» под характерным заголовком «Жуткие речи» писала: *«Ленин возбуждает всеобщие протесты и негодование своей уличной аудитории, повторяя столь приятную германцам мелодию “Долой войну”. Жутко для человека. Такую именно жуть возбуждал полковник Мясоедов, разоблаченный агент германской разведки, рывший яму позора для родины и ее героев»*. Для справки: Сергей Мясоедов до начала Первой мировой был лоббистом германского бизнеса в России, вошел в доверие к военному министру Сухомлинову. Имя Мясоедова всплыло потом в ходе расследования покушений на Столыпина, но после гибели премьера полковника оставили в покое. И только в феврале 1915 года, уже в разгар войны, он был арестован и казнен по обвинению в шпионаже в пользу Германии.

27.04

В этот день — 14 апреля 1917 года по старому стилю — состоялась премьера фильма «Великие дни революции в Москве». Ленту одновременно показали в девяти крупнейших

синематографах Первопрестольной. Под знаком известной фразы о том, что кинематограф — важнейшее из искусств, любопытно будет узнать, что уже весной 17-го кинематограф в России был не только самым востребованным искусством, но и средством массовой информации. С началом войны союзники стали присылать еженедельные документальные киноальбомы. «Патэ-кино», смешные комедии с Чарли Чаплином, мелодрамы. Все это пользовалось большим успехом. По статистике, в 16-м году на одну прочитанную в стране книгу приходилось пять проданных билетов в кино. Премьера фильма о революции прошла в девяти залах, а всего их в Москве было в тот год — 71. Для полуторамиллионного города — много. Но главное, иностранная кинопродукция, породив зрительский интерес, вызвала к жизни отечественное кинопроизводство. Если в 1913-м в России было снято 129 художественных фильмов, то с весны 16-го по апрель 17-го — уже более 500. В основном это были экранизации, но отнюдь не высокая классика уровня протазановского «Отца Сергия», а детективчики, разбойничьи драмы а-ля «Сонька Золотая Ручка». Кстати, это был первый русский киносериял — восемь фильмов. Бешеный успех. А в подражание Максу Линдеру и Чарли Чаплину сделали сериял с русским героем-недотепой по имени Антоша. Уже из названий серий понятно, о чем это: «Антоша — укротитель тещи», «Антоша лысеет», «Антоша не умеет обращаться с порядочными женщинами». Автор и исполнитель главной роли Антон Фертнер был, правда, поляком, но благо кино было немое, проблем не возникало. Успех этого «Антоши» был настолько ошеломляющим, что главный продюсер русского кино Ханжонков срочно начал делать альтернативный сериял про Аркашу.

В том же духе. «Аркаша женится», «Аркадий — контролер спальных вагонов». Как видим, хотя и на потребу публике, как отклик на желание отвлечься от серьезных проблем, но факт — кино было на подъеме. И даже не только развлекало. В бурные дни Февральской революции в Москве сразу несколько групп вели документальные съемки. Так что на политическую злобу дня кинематограф тоже отвечал, причем на скорую руку. Патриотическая лента «Отречемся от старого мира», разоблачительное расследование «Предатель России Мясоедов» — об этом персонаже мы уже упоминали в наших репликах. Скандальное дело полковника Мясоедова, казненного по обвинению в шпионаже в пользу Германии, поистине было «притчей во языцех». И именно весной 17-го.

Любопытно, что некоторые старые довоенные ленты выпустили на экраны вновь — с незатейливой рекламной приманкой типа «Теперь без царских вырезок», то есть без цензуры.

Были, впрочем, и серьезные работы. Уже упомянутый режиссер Яков Протазанов в те дни заканчивал монтаж новой ленты «Не надо крови», о которой критик писал: *«Революция оказала благотворное влияние на кинематограф. Картина Протазанова смотрится с новым чувством. Новые образы, переживания. Впервые мы видим на экране потрясающе просто рассказанную драму девушки, осужденной на 20 лет каторги за политическое убийство. В финале картины освобожденная героиня вдохновенно кричит: "Не надо крови!". Призыв, который должен разделить каждый из нас».*

28.04

В эти дни сто лет назад — в апреле 1917-го — события в России развивались бурно, причем не только в сфере политической. Культурная жизнь тоже давала много поводов для обсуждения, споров и конфликтов. Цитирую по одной из московских газет: *«Оперная звезда покидает казенную сцену. На этих днях окончился контракт дирекции казенных театров с Федором Шаляпиным. Нам сообщают из верных источников, что он категорически отказался от возобновления контракта и заявил о своем уходе с казенной сцены. Спектакли весеннего сезона с участием Шаляпина в Большом театре не состоятся. Артист будет гастролировать у Зимина (владельца частной оперы). Причины ухода толкуют неясно»*. Неясность в творческом процессе, конечно, присутствует во все времена. Однако в данном случае само по себе навязчивое употребление слова «казенные», «казенное» проясняет ситуацию. Революционный дух свободы захлестнул всех и вся. Но выражалось это не просто в бунтарстве или даже анархии. На глазах росло самоуважение, корпоративная солидарность, осознание собственной важности. Да, это выглядело порой комично, дворники вместо того, чтобы убирать дворы и улицы, организовались в Союзы дворников, выбрали руководителей, спешили на совещания, вели дебаты, дискуссии. Что говорить о представителях творческих профессий, людях мнительных и капризных. Продолжим цитату: *«Автономия сейчас повсюду. Если даже уголовные преступники в тюрьмах постановили выбирать себе надзирателей, неудивительно, что в театрах возбудился вопрос о "самоуправлении"». В грубых чертах схема такой автономии заключается в том, что артисты данного*

театра составляют "коллегию", которая руководит театром путем кооптирования в нее новых лиц, то есть управляется выборными лицами. Что ж, есть примеры жизнеспособности такого рода самоуправляющихся театров, например Русское оперное товарищество. Но кто знает, насколько такие артистические кооперативы устоят при первом же натиске грубой действительности. Потому что подлинной причиной разложения является профессиональная разрозненность артистов и чрезмерный их индивидуализм». Что ж, сказано горько, но верно, а главное, — не об одном только театре.

Печально, но дух свободы в мире театра в первую очередь проявился в том, что многие вообще перестали работать в привычном режиме: «Режиссер Вахтангов прекратил репетиции спектакля "Росмерсхольм" Генрика Ибсена, как считается, по болезни Ольги Книппер. Но у Евгения Багратионовича много другой работы. У него есть своя драматическая студия, где работают до тридцати любителей. Театр этот, расположенный в крохотном зале на Остоженке, уже дал более сорока спектаклей. Вахтангов обещает в следующем сезоне показать свою молодежь широкой публике». Очень примечательное, едва ли не первое свидетельство о новом Вахтанговском театре. Но были и противоположные по последствиям примеры: «Художественный театр не особенно спешит с постановкой "Роза и Крест" Александра Блока. Из-за этой пьесы возник конфликт между Таировым и Немировичем-Данченко. Блок ранее обещал пьесу Камерному театру, но "художественникам" удалось перехватить ее и взять себе. Однако главные исполнители то болеют, то заняты в других постановках. Так, пожалуй, осыплются все "Розы" и останется только тяжелый "Крест"». Тоже провидческие по содержанию слова. Пьеса Александра Блока так и не увидит сцены ни в Камерном, ни в Художественном театре.

МАЙ

5 мая образовано новое коалиционное Временное правительство. Начинается восхождение А. Ф. Керенского, занявшего ключевой пост военного министра. На Украине Центральная рада выступает за национально-территориальную автономию и федерализацию государственного строя в России. Украинизация частей русской армии, дислоцированных на Украине. Отставка адмирала Колчака с поста командующего Черноморским флотом под давлением большевистских агитаторов.

Возвращение из эмиграции Троцкого, Мартова, Кропоткина. Троцкий становится лидером «межрайонцев» (Межрайонной организации объединенных социал-демократов).

Первый Крестьянский съезд Советов принимает решение о ликвидации помещичьей земли без компенсации. Принята эсеровская программа социализации земли по числу едоков в семье. Реализация проекта отложена до повсеместного создания земельных комитетов.

«Кронштадтский кризис». Моряки Балтийского флота отказываются признавать полномочия Временного правительства.

01.05

В этот день ровно 100 лет назад во многих городах России прошли первомайские манифестации. Несмотря на то что на календаре в России было рядовое число — 18 апреля, День международной солидарности трудящихся отмечался по принятому в остальном мире григорианскому календарю. И это очень показательно с точки зрения интернационализма революционного рабочего движения. Благодаря пропаганде большевиков в массах росла убежденность в том, что дальнейшие социальные преобразования возможно осуществить в мировом масштабе. И если пролетарии Европы выходят на улицы в этот день, то различием в календаре можно пренебречь. В Москве митинги прошли на Ходынке, в Петровском парке, в Сокольниках. Потом последовало общее шествие на Красную площадь. Всего на улицы вышло около 500 тысяч человек.

Были и события будничные, благо формально день был рабочим. Мировой судья Петроградской стороны принял к рассмотрению иск Матильды Кшесинской о выселении большевистских организаций, самовольно захвативших здание ее особняка. В документе назывались имена конкретных персон, среди которых был и Ульянов-Ленин, поселившийся в особняке сразу после возвращения в Россию. Сам Владимир Ильич в этот день впервые выступил перед обширной статусной аудиторией — депутатами и активистами Совета рабочих и солдатских депутатов в Таврическом дворце. Цитирую по газете «Утро России»: *«Внутри дворца был собран митинг офицеров-инвалидов под лозунгами “Война до конца. Долой*

Ленина". Сам Ленин в этот момент читал длиннейшую лекцию о столыпинской реформе, о психологии крестьян, наконец из зала послышались возгласы "Довольно, регламент"». Ситуация была напряженной. Ленину пришлось покинуть трибуну, но его сторонники потребовали дать Владимиру Ильичу возможность ответить на вопросы. И очень любопытно, как Ленин опровергал обвинения в пораженчестве и прогерманских настроениях: «Утверждают, что я сторонник сепаратного мира, — это клевета. Я говорю только, что война, затеянная капиталистами всего мира и Николаем Романовым, ведется нашим правительством, также состоящим сплошь из капиталистов. Рабочему классу война не нужна. Почему не опубликовать тайные договоры Антанты? Мне, например, известно, что в этих документах есть план разделения Китая между Францией, Англией и Россией". Шум и возгласы — "Откуда это вам известно? Фантазия"». Ленин не сказал, откуда он это знает, продолжая подчеркивать капиталистическую сущность всех действующих в мире правительств. Тогда ему был задан еще один скользкий вопрос: «Почему отвоевание Курляндии Россией вы называете аннексией?» Ответ — "Мы не имеем права отвоевывать Курляндию (то есть часть Прибалтики) у Германии. Пусть каждый народ сам решает, с кем ему идти, когда войска уйдут". Реплика из зала — "Поезжайте-ка в Германию проповедовать там свои идеи". Ленин покидает трибуну при аплодисментах явного меньшинства и протестах другой части собрания». В конце концов, этот день «подарил» событие, которое спровоцирует серьезный политический кризис. Министр иностранных дел России Павел Милюков отправил союзникам по Антанте официальную ноту, в которой было сказано о безоговорочном намерении Временного

правительства вести войну «до победного конца». И то, что это было сделано без согласования с исполкомом Советов, обострило ситуацию в России до предела.

02.05

В этот день — 19 апреля по старому стилю — в стране вспыхнул острый политический кризис. Стало известно о ноте Временного правительства союзникам по Антанте, в которой подтверждалось безусловное участие России в войне до победного конца. В принципе большинство политических сил соглашалось с такой постановкой вопроса. И более того, большевики с Лениным во главе, предложившие альтернативу — *«Никакой поддержки Временному правительству с немедленным заключением мира между всеми воюющими странами без аннексий и контрибуций»*, — пребывали в явном меньшинстве. Накануне Владимир Ильич был согнан с трибуны исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, после того как призвал отдать немцам завоеванные русской армией земли в Курляндии. Однако инициатива министра иностранных дел России Милюкова изменила настроения. Возмущение было вызвано тем, что нота носила тайный, секретный характер, а в условиях революции, нового политического режима это было совершенно неприемлемо. И хотя Милюков на страницах вечерней газеты «Время» оправдывался, что *«принятию опубликованной ноты предшествовало не одно заседание кабинета министров, все всесторонне взвешивалось»*, неудовольствие выплесну-

лось на улицы. Начались массовые выступления против Временного правительства, стычки, причем с жертвами, так что некоторые газеты даже стали называть происходящее началом гражданской войны. Протесты показали, что в стране действительно существует двоевластие. Временное правительство должно учитывать мнение власти Советов — исполкома Петросовета как минимум. А там в те дни как раз родилась концепция завершения войны путем заключения мира без аннексий и контрибуций. И сформулирован этот тезис был даже не большевиками, а эсерами во главе с Керенским. Собственно, он и его многочисленные сторонники и использовали ноту Милюкова как повод для возможной радикализации кабинета министров.

Министры парировали претензии к себе, прямо скажем, вяло и неубедительно. Газета «Время» писала: *«Когда люди начинают вмешиваться в управление государством, начинают тормозить работу правительства, создавая искусственные преграды, то управление становится невозможным»*. Впрочем, эти слова можно было переадресовать ее же авторам, напомнив о событиях февраля — начала марта 17-го, когда вследствие именно такого вмешательства с улицы был свергнут монархический строй, арестовано царское правительство, в общем, произошла революция, первые бенефициары которой уже спустя пару месяцев оказались в положении жертвы.

На этом фоне все события дня выглядели символично и тревожно. В Петрограде у подъезда своего дома по Кирочной улице был убит отставной генерал-майор Кашталинский, ветеран Русско-японской войны. Убийцей оказался душевнобольной человек, некто Стрючков, накануне выписанный из лазарета. В Москве на Петроградском шоссе сгорели три

корпуса складов, в которых хранились декорации театра Зимина. Убыток определили в 4 миллиона рублей, потому что сгорело не что-нибудь, а работы таких мастеров, как Врубель и Коровин. И наконец, из Екатеринодара пришло сообщение о решении местного совета снять с постаamenta памятник императрице Екатерине II и переплавить его на снаряды.

03.05

В этот день — 20 апреля 1917 года по старому стилю — политический кризис, вызванный обнародованием «ноты Миллюкова», достиг кульминации. Напомним, что министр иностранных дел Временного правительства Павел Миллюков официально заверил союзников по Антанте, что Россия будет продолжать войну, но при этом якобы превысил и свои полномочия, и полномочия всего кабинета, не согласовав документ с исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов. Большевики на экстренном заседании ЦК своей партии постановили вывести на улицы солдат Петроградского гарнизона и, разумеется, всех своих сторонников с требованием передать государственную власть в руки революционного пролетариата. Повод был подходящий — от войны все устали, лозунги «Долой войну» находили сочувствие. Однако у солдат 180-го запасного Финляндского, а также Московского полков, вышедших в три часа дня к Мариинскому дворцу, в руках были плакаты «Долой Миллюкова», «Долой Временное правительство» К вечеру, после нескончаемых речей ораторов, показательно, что разных направлений, солда-

ты вернулись в казармы. Между тем на Дворцовую площадь вышла манифестация в поддержку правительства, ее участники, впрочем, тоже кричали «Долой», но «Долой Ленина». На Невском проспекте, у Казанского собора, эти два шествия столкнулись лоб в лоб. Начались стычки, драки. Французский посол Морис Палеолог писал в своем дневнике: *«Противники Милюкова одерживают верх в этом столкновении. Вечером волнение усиливается. У Маршинского дворца вновь собирается уже толпа в 25 тысяч вооруженных людей плюс рабочие, объявившие забастовку. Положение правительства критическое, но его твердость не ослабевает. С балкона, откуда видны Маршинская и Исаакиевская площади, сам Милюков, генерал Корнилов и Михаил Родзянко, председатель Думы, мужественно уговаривают толпу. Вдруг распространяется слух, что верные Временному правительству царскосельские полки, отряженные в том числе и на охрану царской семьи, идут на Петроград. Совет как будто верит этому, ибо поспешно рассылает распоряжение прекратить манифестацию. Что будет завтра?»*

Что ж, налицо революционная ситуация, все как в феврале, однако повод неочевидный, скажем так — не явно основательный. Тем более что построен он на недоразумении. Потому что адресаты ноты — союзники — усмотрели в ней как раз огромную уступку пораженцам. Как пишет далее Морис Палеолог, *«под давлением Совета рабочих депутатов, Керенского и, к несчастью, Альбера Тома, французского министра-социалиста, находившегося в те дни в Петрограде, Милюков сообщил нам манифест, в котором взгляд правительства Новой России на цели войны излагается пресловутой формулой «ни аннексий, ни контрибуций». Единственно, что*

Миллюков добавил к нему — объяснительное примечание, которое в расплывчатом виде исправляет, по возможности, выводы манифеста». То есть Миллюков проиграл дважды, и в глазах российской общественности, и перед лицом союзников. Вывод французского дипломата: «Наш представитель в России Альбер Тома делает ужасную ошибку, поддерживая Керенского против Миллюкова. Его “революционные иллюзии” вынуждают меня просить президента Франции об отставке».

04.05

В этот день — 21 апреля 1917 по старому стилю — произошла развязка серьезного кризиса, поставившего страну на грань гражданской войны. Накануне в Петрограде произошли стычки между сторонниками и противниками Временного правительства. Последние, казалось, одерживают верх, потому что были представлены вооруженными солдатами революционного Петроградского гарнизона, рабочими, а их визави даже центристские и правые газеты называли представителями буржуазной массы. Впрочем, на поддержку Временному правительству из Царского Села пришли несколько полков, которыми командовал генерал Корнилов. Сам генерал, а также министр иностранных дел Миллюков (он, можно сказать, и был виновником кризиса) уговаривали толпы манифестантов разойтись. Причиной всему, как мы уже говорили, послужила «нота Миллюкова», адресованная правительствам стран Антанты, которая была не согласована с Советом рабочих и солдатских депутатов.

Нюанс заключался в том, что в Советах в тот момент большинство принадлежало умеренным социалистам. И большевики, требовавшие передачи государственной власти Советам, получается, действовали не ради самих себя. Однако понятно, что их расчет строился на том, чтобы радикализовать органы власти Советов и возглавить их. Что, кстати, и произойдет осенью 17-го года. Но в конце апреля этого не случилось.

Еще в начале дня по всей столице проходили манифестации, порой перераставшие в драки и столкновения, а юнкера и офицеры Михайловского артиллерийского училища даже отказались выполнять приказ Корнилова вывезти на Дворцовую площадь свои пушки. Но в пять часов дня исполком Петроградского совета большинством в 34 голоса против 19 принял резолюцию: *«Считать инцидент с нотой Миллюкова исчерпанным, немедленно принять меры по усилению своего контроля над деятельностью Временного правительства, настаивая на том, чтобы без предварительного ознакомления Советов не издавался ни один крупный политический акт»*. Это уже означало, что переворота не будет. Двоевластие сохраняется, но баланс полномочий склоняется в сторону альтернативных органов советской власти. Об этом свидетельствовали и, скажем так, технические решения, принятые общим собранием Петросовета: *«В течение следующих двух дней никаких демонстраций и митингов на улицах не производить, вооруженным на улицах не появляться, всякого призывающего к вооруженному выступлению и производящего выстрелы — считать изменником делу революции. Председатель исполкома Петросовета Николай Чхеидзе»*.

Можно подумать, что это была победа Совета, демонстрация его растущей силы и влияния. Вот любопытная оценка ситуации человеком, равноудаленным как от левых, так и от правых, — французский посол в России Морис Палеолог писал: *«Несмотря на заявление Петросовета, кровавые столкновения продолжились и вечером. Возвращаясь в посольство, видел вооруженные толпы, взывавшие — “Да здравствует Интернационал! Долой Милюкова! Долой войну!”*. Петросовет испугался. Он боится, что Ленин его превзойдет и заменит. С другой стороны, боится, как бы не двинулись в столицу царскосельские войска генерала Корнилова, отсюда — призывы к спокойствию и порядку, чтобы “спасти революцию”». Однако в полночь спокойствие было восстановлено.

05.05

В этот день — 22 апреля 1917 года по старому стилю — во многих городах России отмечали День рабочей печати — пятую годовщину выхода в свет первого номера рабочей газеты «Правда». Между тем сама газета «Правда» в этот день публиковала неутешительный для партии материал — резолюцию ЦК РСДРП(б) об окончании политического кризиса и о тактике большевиков в условиях продолжения двоевластия. Речь о попытке радикальных сил сместить Временное правительство путем передачи всей полноты государственной власти Советам рабочих и солдатских депутатов. На протяжении трех дней в Петрограде происходили массовые стычки, митинги и манифестации, но выход был

найден путем переговоров и компромиссов между кабинетом министров и исполкомом Петросовета, руководство которого было представлено умеренными социалистами, в основном — эсерами. Кстати, в этот день Петросовет в присутствии двух с лишним тысяч депутатов принял важную резолюцию о политической поддержке «Займа свободы», против этого голосовало всего 112 человек. Противники принятия резолюции — большевики во главе с Львом Каменевым, возглавлявшим в тот момент партийную фракцию в Петросовете. В самой резолюции отмечалось, что «крупные денежные средства необходимы немедленно для закрепления революционных завоеваний и для защиты их от нападения извне». «Займ свободы» был инициативой Временного правительства. Не скрывалось, что средства пойдут на военные нужды, на продолжение боевых действий. И неожиданным образом эта инициатива нашла тогда горячий отклик в самых разных слоях населения. Была проведена невиданная по тем временам рекламно-агитационная кампания. Такие поэты, как Ахматова, Есенин, Хлебников, Северянин, Саша Черный, выступали со своими стихами и писали специальные «агитки», посвященные займу. Федор Шаляпин подписался на огромную сумму в 100 тысяч рублей. Сообщалось, что даже бывший император Николай II купил облигаций на 50 рублей.

Займ имел ряд привлекательных особенностей. Во-первых, подписная цена облигаций составляла 85 процентов номинальной стоимости, то есть за облигацию в 100 рублей заплатить надо было только 85, причем платить можно было в рассрочку — для начала 10 рублей, остальные — потом, в течение года. Разрешалось оплачивать облигации ранее

выпущенными государственными облигациями, что было особенно выгодно для крупного бизнеса. Если добавить, что выплаты по дивидендам в первый год составляли семь процентов, затем — пять, и их предполагалось производить раз в полгода, то получалась очевидная и прямая выгода. Облигации были снабжены картой купонов, с указанием даты обналичивания. Надо сказать, что Временное правительство даже успеет начать эти обязательства выполнять. 16 сентября 1917 года — по прошествии полугода — подписчики, которых были миллионы, получили первые дивиденды, причем даже те, кто только оформил заявку, а самих облигаций на руках еще не имел. К тому моменту общая сумма подписки на «Займ свободы» составляла 4 миллиарда рублей, еще не подточенных серьезной инфляцией. Показательно, что, взяв власть, большевики не отменяют сразу, а лишь через какое-то время приостановят выплаты и сделки по этим ценным бумагам, декрет Совнаркома о прекращении платежей будет подписан только 29 декабря 1917 года.

10.05

Этот день — по старому стилю 27 апреля 1917 года — был в России особым. Впервые в стране отмечали новый праздник, только-только введенный. Или, как язвили злые языки, наспех придуманный — 11-ю годовщину начала работы Государственной думы первого созыва. В принципе, дата внушительная — это точка отсчета истории русского парламентаризма. И если принять во внимание, что февральские

события 1917 года были во многом спровоцированы решением Николая II временно прекратить заседания Думы, то все сходится. Роль парламента в революциях была заметной. Напомним, что Первая дума в 1906 году была распущена указом императора уже спустя два с небольшим месяца с начала ее работы, так как быстро выяснилась ее оппозиционность царскому правительству. А в 1917-м очередная попытка разогнать Думу уже привела к революции. Парламентарии создали Временный комитет, который стал наиболее легитимным органом власти после отречения Николая от трона.

Однако в эти дни 1917 года Временное правительство, составленное в основном из думских политиков, переживало кризис. Все заметнее становился голос радикальных революционных партий и организаций. Тем более что действия и решения кабинета министров чаще всего носили декларативный и пафосный характер. Так, в этот день Временное правительство утвердило правила о свободе печати. Упразднилось ведомство, которое управляло делами печати. Провозглашалось, что *«печать и торговля произведениями печати отныне свободны. Применение к ним административных взысканий не допускается»*. Таким образом, это была не просто отмена цензуры, а запрет на какое бы то ни было регулирование издательской деятельности, вне зависимости от политического, этического, морально-воспитательного содержания, не говоря уже о религиозно-духовном.

Любопытно, что этот день стал последним днем пребывания в России французского посла Мориса Палеолога, большого знатока России и ее политического бомонда. Показательно, что последнюю запись в своем дневнике Палеолог

посвятил Александру Керенскому, политику, который стремительно набирал популярность и в тот момент уже считался многими подлинным лидером страны: *«Я признаю, что молодой трибун Керенский необыкновенно красноречив. Мастер импровизации, его речи замечательны богатством языка, ритмом фраз, лиризмом метафор. Он по очереди и надменен, и прост, льстив и запальчив, ясен и мрачен. Он играет на всех душевных струнах. Он выступает на митингах каждый вечер, как Робеспьер у якобинцев. Ничто не поражает так, как его появление на трибуне с бледным истерическим изможденным лицом. Всех поражает его таинственное вдохновение, неожиданные переходы, контрасты. От пламенного напряжения до медлительной сомнамбулы. Трепет пробегает тогда по аудитории. Всякое сопротивление исчезает, все индивидуальные воли растворяются, все собрание охвачено каким-то общим гипнозом»*. На этом месте можно было бы и прервать цитату, и тогда ее смысл заключался бы в очевидном восхищении Керенским, признании его первенства. Но Палеолог добавил к этой картинке еще две фразы: *«Но что за этим театральным красноречьем, за этими подвигами с трибуны и эстрады? Ничего кроме утопии, комедиантства и самовлюбленности»*.

11.05

В этот день — 28 апреля 1917 года — в Петрограде проходила Всероссийская конференция РСДРП(б), на которой с докладом о текущем моменте выступил Ленин. *«Война спутала все человечество в один кровавый клубок, — заявил он, — и выхода*

*поодиночке нет. Невозможно покончить с войной просто от-
казом солдат какой-либо из воюющих сторон от продолжения
ее». Это было важное уточнение пораженческой политики
большевиков. Слишком уж очевидны были антипатриотиче-
ский и антигосударственный характер призывов Ленина
не оказывать никакой поддержки правительству России,
лозунги — штык в землю, хватит, навоевались... Если против-
ник не ведет себя так же, то таким образом в одностороннем
порядке можно только обрушить и фронт, и все остальное.
«Апрельские тезисы» Ильича, которые он озвучил сразу по
приезде в Россию, вызвали активное несогласие у патри-
стически настроенной публики, по столице прошли митинги,
на которых несли лозунги «Вернем Ленина Вильгельму».
И тогда большевики решили внести коррективы: «Выход
из войны заключается в переходе власти во всех воюющих
странах из рук империалистической буржуазии в руки про-
летариата...» Это уже была ставка на мировую революцию,
интернационализм. Итак, пропагандистский вектор больше-
виков изменился с акцентом в классовую плоскость, а в этом
плане недовольных существующим положением вещей было
предостаточно. Во всяком случае, вести агитацию в пользу
передачи власти Советам рабочих и солдатских депутатов
было не в пример логичнее.*

Показательно, что действующая власть — Временное
правительство — утвердило в тот день «Положение об уч-
реждении гимназий, прогимназий и реальных училищ для
совместного обучения детей обоего пола». По сравнению
с проблемой войны и мира — мелочь, хотя в любой другой
ситуации это новшество поразило бы революционной новиз-
ной, даже переломом в общественной жизни. Любопытно, что

большевики, придя к власти, это решение не отменят, и более того, с годами станет считаться, что именно советская власть реализовала принцип равного доступа мужчин и женщин к получению образования.

Впрочем, и проблемы армии Временное правительство тоже не оставляло без внимания. В тот день было принято важное решение о создании системы военных комиссаров в действующей армии. Сам по себе институт комиссаров как представителей новой власти на местах возник еще в первые дни Февральской революции. А их появление в армии мыслилось как мера усиления дисциплины и порядка на фронте и в тылу. Военные комиссары должны были стать модераторами или медиаторами — в общем, посредниками между генералами и офицерами — командирами соединений и частей и полковыми солдатскими советами. Объяснять, растолковывать, решать конфликты и споры. Однако, по мнению генерала Антона Деникина, появление в действующих частях комиссаров только усилило развал армии. Для начала потому, что это были люди разных убеждений и партийной принадлежности — в диапазоне от тех же большевиков до кадетов и октябристов, и единой точки зрения на политические процессы и текущие события у них не было, да и быть не могло. Многие генералы в принципе считали политпросвещение солдат идеей, вредящей военному делу, кроме того, возникновение еще одного руководящего механизма в армии, помимо командования и солдатских советов, для поддержания единства и порядка было уже явным перебором.

12.05

В эти дни — конец апреля 1917 года по старому стилю — в Москве в Большом театре проходили бенефисы знаменитого оперного певца Леонида Собинова, приуроченные к 20-летию творческой деятельности. Накануне в Большом театре прошли чествования лирического тенора русской оперы номер 1. Любопытно, что певец в тот момент был не только ведущим исполнителем театра, его визитной карточкой, но и начальником труппы. Должность его называлась по-революционному — комиссар театра. Это было частью новой системы назначений после свержения монархии. Временное правительство назначало своих представителей во все действующие организации и органы власти, вне зависимости от того, будь то театр или городская управа, — и руководитель назывался комиссаром. И в данном случае выбор неудивителен, в расчет принимались не административные таланты, а именно что талант, громкое имя при, разумеется, условии, что этот талант или эта яркая фигура общественной жизни готовы служить новой России, придя на смену старой чиновничьей бюрократии.

Однако в этот день Большой театр привлек к себе всеобщее внимание совершенно иным образом. Газета «Время» опубликовала статью-разоблачение под заголовком «Тайны министерской ложи»: *«В Большом театре случайно сделано открытие довольно скандального и пикантного характера. Как известно, в бенуаре находится бывшая царская ложа, над ней, в бельэтаже, великокняжеская, по бокам с одной стороны — директорская, с другой — министерская. Во всех*

четырех, помимо маленьких фойе, имеются уборные. Прежде в эти ложи доступ был, конечно, закрыт. В них сидели высокопоставленные зрители, теперь же тут помещаются канцелярии комиссаров и труппы, а сами ложи открыты для членов Совета рабочих и солдатских депутатов, политических амнистированных, журналистов и прочее. Им-то и открылась потаенная страница жизни Большого театра при старом режиме. Оказывается, в министерской ложе, в коридорчике, ведущем в уборную, на стене, на высоте человеческого роста, находится дверца в виде отдушины. Она запирается на ключ, и если ее открыть, то откроется витая решетка, за которой можно узреть соседнее помещение — а это комната, гримерная, в которой переодеваются участвующие в спектакле артистки балета. «Балетоманы», потушив электричество в коридорчике, сколько угодно могли наблюдать за дриадами, нимфами и русалками в трико и без оногo. Этот секретный глазок никогда не вызывал подозрений, имея вид безобидной отдушины, каких в театре сотни. Окошечко, впрочем, служило и для других целей, соединяя приятное с полезным. Через него не только было все видно, но и прекрасно слышно. Так что окошком пользовались и осведомители конторы. Всякое высказанное кем-нибудь из артистов недовольство немедленно передавалось начальству». Как говорится, два в одном — и пошлость, и политика. Характерное сочетание для того текущего момента. Любопытно, что обнаружили секретное окошечко и сообщили о нем — и руководству театра, и прессе — зрители из числа новой элиты, члены Московского совета солдатских депутатов.

Пресса, как видим, новость подхватила, не оставив в стороне и фигуру Леонида Собинова: «Комиссар Большого театра теперь занят розыском того лица, у которого

постоянно хранился ключ от секретного окошка. Лицо это упорно не объявляется, но Собинов не теряет надежды его найти».

15.05

В эти дни — начало мая 1917 года по старому стилю — жители Москвы с удивленным недоумением читали расклеенные в большом количестве по всему городу воззвания и листовки: «Товарищи воры и грабители! Мы живем сейчас, как затравленные звери, принужденные насилием добывать себе пропитание или помирать от голода, ибо “честные и сытые” люди не допускают нас к честному труду. Каждый день множится озлобление против нас и наше против всех... Все на митинг в Харитоньевский переулок, у здания работного дома». Теперь это может показаться чудовищным фейком. А ведь было на самом деле — митинг уголовных элементов, протестующих против травли и преследований со стороны общества. Газета «Утро России» писала: «Авторы воззвания — амнистированные революцией воры Сергей Муров и Иван Брыкин приглашали преступников на митинг, и призыв их нашел отклик. Около ста человек собралось у здания работного дома. Выступающие отмечали, что все русское общество теперь страшно раздражено против преступников, несмотря на амнистию. Ежедневно в городах России совершаются страшные самосуды. Ораторы яркими красками описывали ужасные случаи — то выкинули из окна вагона, то сбросили с третьего этажа... Толпа чинит самосуд сплошь и рядом.

“Временное правительство отменило смертную казнь, а толпа ввела казнь в свой обиход”, — горько жаловался один из выступавших. Он отметил, что в документах, которые выдает бюро по амнистии, всегда есть отметка об уголовном прошлом, а с ней никто не принимает бывших уголовников на работу. “Мы не родились преступниками, голод и нищета заставили нас воровать и грабить, — подчеркивали другие ораторы. — Сейчас никто не дает нам чистого документа, не поддерживает нас морально. Нам надо найти выход самим, создать свою организацию, свою газету, надо порвать со старой жизнью”».

Все-таки моральную поддержку собравшиеся получили. На митинг пришел член Московского совета от социал-демократической фракции рабочих Васин, пришли известные правозащитники того времени — профессор Михаил Гернет, эксперт по уголовному праву, автор капитальной монографии «История царской тюрьмы», революционерка Екатерина Кускова, оппонент Ленина, автор теории экономизма — идеологии, ограничивавшей рабочее движение борьбой за социальные права и экономические блага. Они призвали бывших уголовников бросить преступную жизнь, обещали материальную поддержку, помощь в организации собственной газеты.

Теперь понятно, откуда у Ильфа и Петрова в «Золотом теленке» сюжет про Сухаревскую конвенцию — собрание мелких уголовников — детей лейтенанта Шмидта, решающих свои профессиональные проблемы. Гротеск, пародия на подлинную гражданскую активность. Однако весной 17-го года все это было на самом деле. И представитель Московского совета на том митинге всерьез пообещал, что паспорта амнистированным преступникам скоро начнут выдавать без отметок об их уголовном прошлом.

16.05

В эти дни сто лет назад — а по старому календарю это было начало мая 1917 года — революционная смута проявлялась даже в погоде. К Москве подошел невиданной силы холодный атмосферный фронт. Город накрыло снежной бурей. Было прервано железнодорожное сообщение, из-за обрыва проводов нарушилась телеграфная и телефонная связь. Жители старой столицы в массовом порядке выражали недовольство действиями городских властей и, современным языком говоря, жилищно-коммунальных служб. В городе итак уже перестали убирать улицы и вывозить мусор, а природная стихия усугубляла катастрофическую ситуацию. «Московские ведомости» писали: *«Гротуары, заваленные мокрым снегом, нигде не расчищаются. Спрашивается, где они, граждане-дворники, устраивающие митинги с единственной целью — назначить себе жалованье от 100 рублей и выше? Между тем пешеходы идут по улицам по щиколотку в воде, скользят, падают. Вот такие пертурбации переживаем мы во всем — на земле, в воде и в воздухе»*. Кроме погодных, было и немало поведенческих аномалий. Газеты столь же активно обсуждали множившиеся проявления анархии, безрассудства. «Московские ведомости» сообщали: *«Хулиганские выходки случаются теперь почти ежедневно, и удивительнее всего — они имеют как бы успех. В Евпатории какие-то неведомые субъекты, приведя с собой команду солдат, произвели среди приезжих на курорт повальный обыск. Выяснилось, что ни одна из правительственных организаций не давала предписаний на это. В Алтыре некто Петров, демобилизованный*

по ранению солдат, отправился безобразничать в церковь. А именно — потребовал, чтобы молящиеся исполнили “Марсельезу”, и когда все, разумеется, отказались это сделать, Петров пропел французский гимн, так сказать, соло. В настоящее время он арестован и, вероятно, понесет наказание. Но как мог этот Петров оказаться вершителем судеб всего города?» Были и случаи более серьезные: массовые насилия, грабежи, поджоги, мародерство. Иногда такие бесчинства охватывали целые города. Такое в те дни происходило в сибирском Енисейске: «Безобразия в городе удивительны и непостижимы. В Енисейске каждый день поджигают дома, причем преимущественно такие, где ютится беднота. Ходят слухи, что поджигатели — выпущенные по амнистии уголовные преступники. Но тогда почему они жгут жалкое имущество таких же нищих, как они сами? Городское население в панике, многие бросают дома, пожитки и бегут... Правда, последнее сообщение из Енисейска вселяет надежду. Накануне Совет солдатских и рабочих депутатов объявил город на осадном положении. Из Красноярска прибыла пожарная команда и 150 человек солдат — пожары прекратились. Как говорится, в добрый час. Но нельзя же всякий раз наводить порядок жизни при помощи чрезвычайных положений. Необходима твердая власть, нужна усиленная охрана личности каждого гражданина. Надобно нейтрализовать действия самозванцев и подонков общества, тогда законность и порядок войдут в сознание масс». Из этой заметки, кроме всего прочего, следует, что власть в некоторых сибирских городах уже весной 17-го была не у эмиссаров Временного правительства, а в руках Советов рабочих депутатов.

17.05

В этот день — 4 мая 1917 года по старому стилю — в Петрограде прекратились столкновения между вооруженными отрядами Советов солдатских и рабочих депутатов и сторонниками Временного правительства. Петросовет принял резолюцию, в которой говорилось: *«Для предотвращения смуты, грозящей делу революции, запретить в течение ближайших двух дней всякие уличные митинги и манифестации»*.

Конфликт вспыхнул после опубликования ноты Милюкова, телеграммы, в которой министр иностранных дел России выражал готовность страны продолжать войну до победного конца и подтверждал действие всех международных соглашений, подписанных при царском режиме. Парадокс заключался в том, что все политические силы, кроме большевиков и анархистов, так или иначе выступали за продолжение войны, то есть не принимали идею выхода из нее в одностороннем порядке, как предлагал Ленин. Эта пораженческая тактика осуждалась, но и обратное вслух не произносилось, тем более на бумаге под подпись. Откровенное заявление Милюкова было воспринято как циничный призыв продолжать бессмысленную бойню на фронте. Ситуация обнажила огромную психологическую усталость общества от войны, казалось, что никто не в силах помешать Советам сбросить Временное правительство и взять власть в свои руки. К чему и призывали большевики. Однако произошло совсем другое. Во-первых, Советы рабочих и солдатских депутатов приняли резолюцию против «братания с немцами» на фронте. Во-вторых, приня-

ли компромиссное решение — сформировать коалиционное правительство, по партийному признаку.

На этом настаивал Александр Керенский, который уже входил в кабинет министров в качестве министра юстиции. Он предложил, чтобы такие же, как он, представители левого лагеря — эсеры, меньшевики, народные социалисты, другие социал-демократы, да хоть те же большевики — также вошли в состав кабинета. Таким образом, была бы преодолена проблема двоевластия и можно было бы «жить дальше мирно и дружно» в ожидании созыва Учредительного собрания. Такова была программа умеренных левых.

Однако лидер меньшевиков Юлий Мартов выступал категорически против сотрудничества с буржуазными элементами. В этом вопросе он ничуть не отличался от Владимира Ульянова. Но если Ленин препятствовал заключению компромиссов, находясь на месте событий, в Петрограде, то Мартов еще не успел вернуться в Россию из эмиграции. Он слал из Цюриха гневные телеграммы, но его соратники не устояли перед искушением — меньшевик Матвей Скобелев согласился принять портфель министра труда, а руководитель Петросовета Ираклий Церетели — стать министром почт и телеграфа, ведомства доселе не существовавшего и созданного, по мнению оппонентов, специально для этой фигуры из революционного лагеря.

Впрочем, переговоры о конкретном составе кабинета в тот день еще продолжались. Ясно было только одно: профессор истории Павел Милюков как начинающий дипломат стал жертвой наивной принципиальности в вопросе о войне и мире. Он должен уйти. Второй значимой потерей для кабинета стал уход со своего поста министра обороны октябриста

Александра Гучкова. Он ратовал за сохранение в армии прежних традиций и дисциплины, делая ставку на авторитетных боевых генералов Алексеева, Корнилова и Деникина.

18.05

В этот день в 1917-м — 5 мая по старому стилю — в России появилось новое Временное правительство. Оно было коалиционным, то есть многопартийным. В отличие от первого состава, в котором министры являли собой яркие или не очень, но индивидуальности, выступали от своего имени, как специалисты в своем деле, новый кабинет стал очевидно политизированным, с партийной подкладкой. И в первую очередь это было видно по эсеру Александру Керенскому, который стал военным министром. Для генералитета и вообще профессиональных военных это назначение было сигналом тревоги. Сугубо штатский, никогда и ничем не связанный с военным делом Керенский мог только усилить разложение в армейских рядах. И, забегая вперед, надо сказать, что именно это объективно и произошло. Во многом из-за личных качеств Керенского и, в частности, его нескрываемой вражды с генералом Корниловым, который как раз многими тогда и виделся в качестве военного руководителя страны.

Почему же председатель правительства князь Львов, которого в симпатиях к левым, к социалистам-революционерам заподозрить было невозможно, выбрал Керенского, а не Корнилова, которого уже тогда предлагали на пост

министра? Надо учитывать эмоции и настроения момента. А этим психологическим фактором Керенский манипулировал очень ловко. Он солировал на политической сцене. В разгар апрельского кризиса, когда на улицах Петрограда слышалась стрельба, а столичная публика в тревоге ожидала появления карательных полков с Корниловым во главе, Керенский на одном из митингов произнес: *«Я жалею, что не умер два месяца назад, в первый день свободы. Мы не должны потерять завоевания революции».*

А в день назначения министром Керенский в один момент преобразился. Публика с удивлением смотрела уже не на усталого, измученного и разочарованного неудачника, который — по собственным словам — оказался *«в стаде взбунтовавшихся рабов».* Все вновь лицезрели вождя. Вечерняя газета «Время» писала: *«Сильный, смелый, решительный, презирающий смерть и любые опасности. Как хочется верить, что этот вождь снова спасет Россию, уведет ее от опасного места, всенародно раскаявшись в своих неосторожно сказанных три дня назад словах».* Вот что тут удивительно: никто не цитирует Львова, мало кто вообще интересуется мнением этого человека. А ведь как минимум формально легитимность князя на посту председателя Временного правительства была вдвое выше, чем у прочих. Премьером он был назначен последним указом ушедшего императора Николая II, затем это назначение было утверждено заново — Временным советом Государственной думы. Налицо — преемственность, мостик, соединяющий несходящиеся берега. В ситуации, когда многие начинали уже трезветь, Львов — представитель земства и городских советов — казалось бы, был фигурой самой подходящей, чтобы объединить общество. Но не о нем речь, не

он в центре внимания. С Керенским связывают надежды на единство нации. Причем очень показательно, что вопреки призывам радикалов к классовой розни, как писала газета «Время», *«как счастливы будут все любящие Россию — не буржуазную Россию, не рабочую Россию, не крестьянскую, не республиканскую или монархическую — а просто Россию, Родину! Как счастливы будут сыны России, когда любимый и уважаемый ею министр и гражданин — Керенский — произнесет — “Я счастлив, что живу”»*.

19.05

В этот день — 6 мая 1917 года по старому стилю — у Николая II был день рождения, который он отмечал уже в ранге гражданина Романова Николая Александровича. Бывший император в тот день записал в своем дневнике: *«Мне минуло 49 лет. Недалеко и до полсотни. Мысли особенно стремятся к дорогой Мам'а. Тяжело не быть в состоянии даже переписываться. Ничего не знаю о ней, кроме глупых или противных статей в газетах. День прошел по-воскресному: обедня, завтрак наверху, puzzle. Дружная работа на огороде, начали копать грядки, после чая всенощная, обед и вечернее чтение — гораздо больше с милой семьей, чем в обычные года»*. Да, в обычные года государь не уделял столько времени чтению, причем вслух. Теперь он исправно, почти каждый день, записывает, что читает. В эти дни это были «Le mystere de la chambre jaune» и «The hound of the Baskervilles». «Тайна желтой комнаты» и «Собака Баскервилей». Разумеется, на языке оригиналов.

Наверное, многие с удивлением узнали, что императору в 17-м не было еще и пятидесяти, да, просто он начал царствовать в молодом возрасте — в 26. В своих дневниках Николай редко упоминает о матери. И то, что эта запись практически целиком проникнута сыновними чувствами, — тоже удивительно.

Вдовствующая императрица Мария Федоровна, урожденная Мария София Фредерика Дагмара, — дочь короля Дании Кристиана IX. Родная ее сестра Александра Датская вышла замуж за короля Великобритании Эдуарда VII, сына королевы Виктории. Старший ребенок от этого брака — король Георг V, таким образом, был двоюродным братом Николая II. Они были поразительно похожи, буквально одно лицо.

Дагмара Датская тоже должна была обручиться с наследником престола, только российского — великим князем Николаем Александровичем, но он умер в 1865 году от туберкулезного менингита. Дни агонии князя Дагмара провела в кругу семьи Романовых, умирающий благословил возможный союз датской принцессы со своим младшим братом — Александром. Так и произошло. Приняв православие, Мария Федоровна стала супругой императора Александра III. Февральская революция 17-го года застала мать Николая II в Киеве. Она пыталась встретиться с сыном, выехав в Могилев. Но новые власти быстро разлучили мать с сыном. Марии Федоровне предложили удалиться в Крым. Что она и вынуждена была сделать.

Почему Николай II говорит о «глупых и противных» статьях в газетах? Пресса в те дни много писала о конфликте в доме Романовых, отчасти спровоцировавшем революцию. Речь шла о так называемом письме великих князей с требо-

ванием «Ники, уходи» в самом начале 17-го года. Читатель уже смог с ним познакомиться в данной книге. Под этим письмом стояла и подпись Марии Федоровны. Тогда Николай II и удалил Марию Федоровну от двора. Но, как видим, на прочность чувств к матери все это не повлияло. Весной 17-го никто не мог предположить, что высылка в Крым спасет жизнь матери последнего русского императора. С началом Гражданской войны Крым стал оплотом и тылом Белого движения, то есть Мария Федоровна оказалась в безопасности, в отличие от самого Николая и его семьи, попавших в Тобольск, а затем Екатеринбург. В апреле 1919 года на борту британского линкора «Мальборо» Мария Федоровна была эвакуирована в Великобританию, откуда вскоре переехала на родину — в Данию, где и жила вместе с сестрой Александрой, о которой мы уже упоминали.

Умерла императрица в октябре 1928 года. В сентябре 2006 года останки императрицы были перезахоронены в Петропавловском соборе Петербурга.

22.05

В этот день — 9 мая 1917 года по старому стилю — в России бурно обсуждали решения Всеукраинского военного съезда, завершившегося накануне. Среди этих решений было, во-первых, требование немедленного провозглашения принципа национально-территориальной автономии, во-вторых, «немедленное назначение при Временном правительстве министра по делам Украины» и, в-третьих, «реорганизация

армии по национально-территориальному принципу» или, проще говоря, украинизация воинских частей, расположенных в малороссийских губерниях.

Украинская тема — особая статья в событиях 17-го года. Если в Петрограде после свержения монархии возникло двоевластие — Временное правительство, с одной стороны, и Советы рабочих и солдатских депутатов — с другой, то в Киеве фактически появилось троевластие. Центральную раду образовали сторонники самостоятельности Украины, в диапазоне от умеренных прогрессистов во главе с Винниченко, требовавших автономизации, до радикалов, стоявших за немедленное провозглашение суверенитета и независимости. Деятельность Центральной рады на первых порах носила, скажем так, декларативно-разговорный характер. Властные функции осуществляли губернские и уездные комиссары Временного правительства, с которыми Рада отношений не обостряла. Во многом потому, что с органами власти Советов у нее с самого начала ничего общего не было. Ситуация обострилась в середине апреля, когда в Киеве прошел Первый Всеукраинский национальный съезд, который признал, *«что только национально-территориальная автономия Украины в состоянии удовлетворить чаяния нашего народа и всех других народов, живущих на украинской земле»*. Для Временного правительства России обострение национальной темы было совершенно излишней проблемой, хотя вопрос этот назревал не только на Украине, но и в Закавказье. Тут все российские политики, и правые, и центристы, и эсеры, и меньшевики, считали необходимым отложить решение впредь до окончания войны, разумеется победного, и тогда уже определиться с федеративным устройством российской

республики. И только Ленин, так же как и в вопросе о войне и мире, в вопросе национальном был оригинален — он заявлял о праве наций на самоопределение, то есть подстегивал объективно сепаратистские тенденции.

Ситуация на Украине была крайне сложной потому, что на западных ее территориях проходил русско-германский, русско-австрийский, а с декабря 16-го еще и румынский фронт. Треть российской армии — 25 корпусов — была дислоцирована только на Юго-Западном фронте, а всего на Украине находилось 4 миллиона 315 тысяч солдат и офицеров русской армии, из которых полтора миллиона человек были украинцами. Поэтому требование Всеукраинского военного съезда было вроде бы оправданным этими обстоятельствами, но по сути эта была мина замедленного действия, которая могла изнутри подорвать целостность русской армии как единого социального организма единой страны, к тому же находящейся в состоянии войны. Однако вопреки этим очевидным соображениям инициаторы украинизации частей русской армии, дислоцирующихся на территории Украины, наоборот, заявляли, что выделить украинцев в отдельные боевые части надо именно «в интересах поднятия боевой мощи в армии и восстановления дисциплины».

Для решения этого вопроса в Петроград из Киева вскоре отправится делегация украинской Центральной рады.

23.05

В этот день — 10 мая 1917 года по старому стилю — адмирал Колчак, командующий Черноморским флотом, в частном письме Анне Тимиревой писал: *«Третья ночь в море. Тихо, густой мокрый туман. Иду с кормовыми прожекторами. Гидрокрейсера выполнили операцию, судя по обрывкам радио. Погиб один или два гидроплана. Мой миноносец был атакован подлодкой, но увернулся от мин. Наши крейсера у Босфора молчат — и это значит, что все идет хорошо. Ибо говорят — только когда неудача. Настроение боевое. Люди распускаются как раз в спокойной и безопасной обстановке, но в серьезных делах они делаются очень дисциплинированными и послушными».*

Речь идет о Босфорской операции Черноморского флота, постановке заградительных мин у турецких берегов. Это была самая крупная операция, которую русская армия и флот планировали на 1917 год. Но в политическом плане вопрос о проливах уже привел в начале мая 17-го к отставке первого кабинета Временного правительства. Колчак имел возможность лично наблюдать за этим кризисом. В поход к турецким берегам, о котором он пишет, адмирал ушел сразу после возвращения из Петрограда, куда его вызывал военный министр Гучков. Министр хотел, чтобы Колчак возглавил Балтийский флот. Это был замысел по укреплению боеспособности армии и флота. В сухопутных войсках главный — Корнилов, на флоте — Колчак. Но отчасти из-за профессиональной ревности других генералов, в том числе Алексева, Бонч-Бруевича и Рузского, эти назначения не

состоялись. *«Из Петрограда я вывез две сомнительных ценности, — писал Колчак в письме Тимиревой, — твердое убеждение в неизбежности государственной катастрофы со слабой верой в какое-то чудо, которое могло бы ее предотвратить. И — второе — нравственную пустоту»*. В самом деле, если корабли и экипажи своего флота Колчак еще, хотя и с трудом, держал в боевом состоянии — сам факт похода к проливам говорит за себя, — то безволие главного командования было налицо. Начальник Главного штаба генерал Алексеев заявил Колчаку во время его пребывания в столице, что в армии нет и пяти дивизий, которые могли бы осуществить десант, провести наступательную операцию. Так что усилия Колчака по большому счету изначально были бесполезны. Ну разве что приезд нового военного министра Керенского в Севастополь мог что-то изменить. Но пафосные речи, призывы выполнять свой долг, сражаться... Какой очевидный пример расхождения между словом и делом! Керенский — говорил. Колчак — действовал. К сожалению, удача отвернулась от адмирала. Спустя три дня после написания того текста, с которого мы начали этот рассказ, два из четырех наших минных баркасов, вошедших в устье Босфора, в результате неожиданного самоподрыва затонули, погибло 15 матросов и офицеров, 29 человек было ранено. Это стало сильным деморализующим фактором, невообразимым для флота в нормальном состоянии. О чем говорить, если матросский комитет эсминца «Жаркий» после получения известия о потерях Черноморского флота у берегов Босфора потребовал списать на берег своего капитана, георгиевского кавалера Михаила Веселаго с формулировкой «за излишнюю храбрость»! Надо ли удивляться, что после этого случая команды других кораблей вообще стали отказываться выходить в море «на рискованные боевые задания».

24.05

В этот день — 11 мая 1917 года по старому стилю — известный толстовец Владимир Чертков, друг и издатель сочинений великого писателя Льва Толстого, обнародовал проект особого судопроизводства для лиц, уклоняющихся от военной службы по религиозным убеждениям. В царской России таковых в мирное время отправляли в так называемые «арестантские роты». С началом Первой мировой наказание было ужесточено — каторжные работы сроком от 8 до 15 лет. За три года войны таких осужденных было свыше десяти тысяч.

Рассказывая о предложениях Черткова, газета «Утро России» уточняла: *«Речь идет не только о толстовцах, это баптисты, ново-израильтяне, малеванцы, субботники, трезвенники и так называемые свободные христиане. Для всех этих сект вопрос о военной службе разрешается неодинаково. Часть из них отказывается только брать в руки оружие, но на нестроевую службу идут, и даже исполняют ее с должным рвением. Новый суд предложено организовать наподобие трибунала, существующего в Англии. Это особые комиссии в тех городах, где находятся управления военными округами. В комиссию в качестве судей войдут лица, сведущие в религиозных учениях, профессора богословия и представители различных сект. Кроме того, военные судьи и представители военной власти. Комиссия будет опрашивать самих подсудимых, а также свидетелей, которые знали, что подсудимые действительно принадлежат к той или иной религиозной секте, которая отвергает военную службу. Таким образом, будет выясняться, действуют подсудимые именно по религиозным убеждениям*

или мистифицируют суд». Таким образом, основной посыл законопроекта Черткова заключался в том, чтобы, как говорится, отделить овец от козлищ, убеждаясь в каждом конкретном случае, уклоняется ли человек от военной службы по религиозным убеждениям как член религиозной общины, в которой действуют соответствующие запреты и ограничения. А вот если будет установлено, что «отказчик» руководствуется всего лишь «личными соображениями», его ждет наказание, причем весьма строгое. Явно предвидя негативный резонанс в обществе, Чертков уточнял: *«Те, кто будет признан действующим по религиозному убеждению, подлежат особой ссылке на окраины России»*. Какие именно окраины, не уточнялось. Но факт остается фактом: в ситуации, когда боевой дух в армии и на флоте падал на глазах, а в тылу и на фронте усиливалась антивоенная пропаганда, забота о правах такой особой категории верующих, как сектанты плюс толстовцы, не могла не вызвать конфликта. Кстати, тогда вспомнили о шумном процессе 1916 года в Тульской губернии против членов толстовской общины Ясной Поляны по обвинению их в пацифизме и призывах к уклонению от службы в армии. Благодаря моральной и материальной поддержке семьи Льва Толстого (были внесены залогов, освободившие обвиняемых от предварительного заключения, наняты опытные сильные адвокаты) группу обвиняемых оставили без наказания. Как видим, закон уже действовал избирательно.

Предложение вызвало противоречивую реакцию. Слишком очевидно было, что справедливость с большой буквы в данном случае явно не торжествует. Черткову и толстовцам язвительно напоминали, что сам Лев Николаевич неоднократно заявлял: *«Я — Толстой, а не толстовец»*, и указывали

на явный парадокс, связанный с идеями и призывами великого писателя. Тот, кто понимает Толстого, не следует за ним. А тот, кто следует, не понимает его.

25.05

В эти дни сто лет назад — в середине мая 1917 года по старому стилю — в России было много бурных событий. Обновился кабинет Временного правительства, в него вошли представители революционных партий. Из эмиграции вернулись известные амбициозные деятели — Лев Троцкий и Юлий Мартов. Эскадра Черноморского флота адмирала Колчака совершала боевой поход к турецким берегам Босфора, устанавливала минные заграждения. Газеты много писали о падении нравов, дисциплины и порядка. Но не менее активно обсуждались проблемы, о которых, казалось бы, все уже должны были забыть в условиях войны, революции, предчувствия катастрофы.

Вечерняя газета «Время» рассуждала: *«Издавна так повелось, что все заграничные технические изобретения, цель которых — удобство практической жизни, неизбежно попадают в Россию через цепкие руки всевозможных дельцов. На месте простого торгового факта — купил-продал — расцветает бесшабашная спекуляция. Фирмы-посредники стараются сбыть устаревшие модели, надо ли прибавлять, что девять десятых из них — немецкие? Между тем за границей модельный ряд велосипедов, швейных машинок, автомобилей, мотоциклов уже*

обновился. И что получается, перед войной велосипед, лучшие модели, можно было выписать с места его производства за 120 рублей. В эту сумму входили стоимость, перевозка и таможенная пошлина. А покупка того же самого велосипеда в Москве или Петрограде обходилась уже в 300–320 рублей. Такой же процент наживали комиссионеры на автомобилях и пишущих машинках (в среднем автомобиль без дополнительной оснастки стоил 2000 рублей, при средней зарплате в 100 рублей в месяц). Так что благодаря волчьим аппетитам вошедших в тайное ценовое соглашение комиссионеров автомобиль и считается у нас “предметом роскоши”», — восклицала газета.

Странно теперь читать такое. В нашем понимании многое, если не все, объясняется обстоятельствами военного времени, инфляцией, вообще тем, что называется «не до того было». Но нет, запрос общества на новейшие технические изделия налицо, все противоположные резоны отвергаются: *«Фабричная стоимость первоклассной американской пишущей машинки — от 30 до 50 рублей, оптовая же цена для России в мирное время была не более 110 рублей, за войну выросла всего лишь до 130 — вздорожала перевозка, изменение курса валюты сказалось крайне незначительно — так почему же торговцы в России, продавая такую печатную машинку до войны за 275 рублей, на 150 процентов больше ее оптовой цены, теперь требуют за нее 575, наживают около 350 процентов. Это что — объективное следствие войны? Нет, это алчность торгующих фирм, прибыль которых составляет миллионы рублей. Потому что спрос на указанные товары постоянно растет. Это просто наглядная иллюстрация кабалы, в которой безвылазно сидит русский покупатель, благодаря инертности,*

непредприимчивости и отсутствию деловой энергии у отечественных промышленников и коммерсантов». Это отрывок из публикации московской вечерней газеты «Время» в середине мая 1917 года.

26.05

В этот день — 12 мая 1917 года по старому стилю — в Петрограде завершила работу Конференция Междурайонного комитета. Межрайонцы — социал-демократы, не принявшие в свое время раскола партии на меньшевиков и большевиков. Фактически это была третья самостоятельная партия в рабочем социал-демократическом движении. Ее лидером был Лев Давидович Троцкий, всего за неделю до этого вернувшийся из эмиграции в Россию. Его путь на Родину был более тернист, чем у Ленина. Троцкий жил в США, возвращался морем и в канадском порту Галифакс был интернирован британскими властями как нежелательный для пребывания в стране-союзнице по Антанте элемент. Что ж, опасения были разумными. Его поместили в лагерь для интернированных лиц, и только по настоянию Петросовета и лично министра иностранных дел России Павла Милюкова Троцкого отпустили восвояси. К этому дню Милюков уже был в отставке, а Троцкий начинал путь к титулу «льва революции». На конференцию межрайонцев в качестве гостей пришли лидеры большевиков Ленин, Каменев, Зиновьев и лидер меньшевиков Юлий Мартов. Журналисты засыпали политиков вопросами: «Почему вы

не вместе? Ведь вы же заодно, судя по речам — долой войну, власть Советам, да здравствует пролетарская революция?»

Да, действительно, главным вопросом на конференции стал вопрос об объединении. Межрайонцы, или, как их еще называли, «впередовцы», по названию печатного органа организации, газеты «Вперед», кроме того, что стояли на тех же позициях, что и ленинцы, представляли собой влиятельную политическую силу. Среди них было много интеллектуалов, теоретиков, наконец, просто заметных ярких лидеров: Урицкий, Володарский, Иоффе, Луначарский, Сокольников, Антонов-Овсеенко, Чичерин, Коллонтай. О некоторых теперь даже странно слышать, что они начинали как троцкисты. В 1917-м эксперты называли межрайонцев Троцкого *«блестящим созвездием генералов без армии»*. Да, на полтора десятка вождей всего четыре тысячи рядовых членов. Яркие личности тогда были в цене. Поэтому Ленин, выступая на конференции, заявил: *«Объединение желательно немедленно. Свобода дискуссии по спорным вопросам будет обязательно обеспечена»*. Молотов потом в своих воспоминаниях отнесет это предложение к разряду тактических — Ленин был мастером привлечения на свою сторону полубольшевиков или даже четверть-большевиков. Это к тому, что после революции в ходе уже внутривластной борьбы главным упреком Троцкому станет его, Троцкого, «небольшевизм». Весной 17-го Ленин сам признавался, что слово «большевики» ему не нравится, так же как и *«некоторые “старые большевики”, которых надо бы сдать в архив»*.

Однако в тот момент «межрайонцы» уклончиво отреагировали на предложение Ильича объединиться. Луначарский был против в принципе, другие заявляли, что для начала

нужно бы объединиться с меньшевиками во главе с Мартовым, третьи указывали *«на сектантские повадки большевиков и отсутствие демократии в партии Ленина»*. Впрочем, все это не мешало Троцкому, выступая в те дни на митингах, постоянно повторять: *«Мы — большевики и интернационалисты»*. Так что благодатная и благодарная аудитория этих митингов — рабочие и солдаты — уже воспринимали межрайонцев как отряд одной большой пролетарской партии.

29.05

В этот день — 16 мая 1917 года по старому стилю — в Киеве в ставке командующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова обсуждался вопрос о создании украинских воинских частей на базе действующих соединений русской армии. Речь шла о так называемой «украинизации» армии, дислоцированной на территории Украины. В ней тогда фактически имело место, как мы писали выше, троевластие. Комиссары Временного правительства управляли губерниями и уездами, в крупных городах властью были Советы рабочих и солдатских депутатов, а кроме того, возникла Украинская Центральная рада, орган, представленный сторонниками независимости. Газета «Русские ведомости» писала: *«В совещании участвовал военный министр Керенский. Признано, что переформировывать всю армию по национальному принципу в настоящее время невозможно. Решено украинизировать лишь три корпуса, находящихся на Юго-Западном фронте. Они будут пополняться исключительно*

украинским элементом и иметь украинские знамена. Входящие в состав войсковых депутатов (то есть солдатских Советов) украинцы образуют особую фракцию с целью объединить всех депутатов-украинцев в вопросе проведения в жизнь национально-территориальной автономии Украины в составе демократической федеративной Российской Республики». Именно такое (локальное) требование — автономизации в рамках создания в будущем федеративной республики — выдвигали тогда сторонники самостийности. И в целом это было характерно для всех национальных окраин бывшей Российской империи. То есть о выходе из состава единого государства речи весной 17-го националисты ни в Закавказье, ни на Украине еще не вели, однако трансформация армии, проходившая явочным порядком, была в этом смысле серьезным тревожным звонком. Добавим, что в тот день из Киева в Петроград для переговоров с Временным правительством выехала делегация Центральной рады во главе с Винниченко и Ефремовым. В тот момент Рада претендовала на включение в состав автономной Украины девяти губерний бывшей царской России: Харьковской, Полтавской, Черниговской, Киевской, Подольской, Волынской, Херсонской, Екатеринославской и Таврической. По умолчанию считалось, что в состав автономии войдет и Галиция, находившаяся в прифронтной полосе.

Эти и все последующие переговоры покажут, что у Временного правительства не было твердой позиции в данном вопросе. Оно лишь стремилось оттянуть его решение до окончания войны. Кроме того, Рада воспринималась еще как некая общественная организация, не обладающая легитимными властными полномочиями. Петрограду тогда было

важно сохранить статус-кво или просто плыть по волнам. Показательна в этом смысле позиция генерала Брусилова. В феврале 17-го он приветствовал революцию, свергшую царя. В мае в принципе согласился с возможностью формирования воинских частей по национальному признаку (три корпуса Юго-Западного фронта). Спустя три дня Брусилова назначат Верховным главнокомандующим, и он тут же издаст приказ о создании «ударных революционных батальонов» из *«навербованных волонтеров в центре России, чтобы вселить в армии веру в русский народ»*. А после Октябрьского переворота Брусилов станет одним из первых генералов, перешедших на сторону большевиков.

30.05

В этот день сто лет назад — 17 мая 1917 года по старому стилю — балерина Матильда Кшесинская приехала в свой особняк на Петроградском острове, захваченный революционными солдатами еще в дни Февральской революции. На протяжении трех месяцев здание было занято солдатами запасного броневого автомобильного дивизиона, кроме того, в нем расположились типография и, современным языком говоря, офисы большевиков. Корреспондент вечерней газеты «Время», сопровождавший хозяйку, писал: *«Второй этаж — настоящая цитадель большевизма. Тут и Центральный комитет, и Петроградский комитет, и Военно-милиционная комиссия, и коллегия агитаторов. Посторонних не видать, все свои — из комитетов»*. На руках у хозяйки дома было

судебное предписание мирового судьи со знаковой фамилией — Чистосердов — о выселении из дома всех революционных организаций и проживающих лиц в течение двадцати дней. Кроме того, городской прокурор возбудил дознание о расхищении имущества Кшесинской. В качестве одного из ответчиков указывался «кандидат прав Владимир Ульянов (литературный псевдоним — Ленин)». Однако, как писал репортер газеты «Время», «Во втором этаже народ оказался серьезный. Приход Кшесинской, судебного следователя, милиции их ничуть не смутил. С неохотой принесли ключи от гардеробной. Кшесинская осмотрела помещение и заявила, что у нее пропали все меховые вещи на сумму 227 тысяч рублей. В шкафах, действительно, ничего не было, кроме балетных туник. В первом этаже, — продолжал репортер, — обнаружился солдатский клуб. В большом, облицованном мрамором зале каждый вечер ведут свою тлетворную пропаганду большевики. В зале от старой обстановки остались рояль, плюшевые и кожаные стулья, из новой — гипсовый бюст Маркса и портрет Августа Бебеля». Однако любопытно — индустрия производства гипсовых бюстов вождей мирового пролетариата, оказывается, имела место уже в мае 17-го года.

Судебные приставы попытались оценить масштаб ущерба. Тут надо иметь в виду, что накануне в особняке случился пожар, и возникло подозрение, что новоявленные жильцы устроили сознательный поджог. Впрочем, броневики, как называли солдат упомянутого бронедивизиона, наоборот, считали, что Кшесинская должна быть им благодарна: «Солдаты доказывали, что они предохраняли имущество балерины, выставляя караулы, то есть самим фактом своего присутствия в доме». Что ж, мебель была почти не тронута, фарфор, хру-

сталь и люстры — на месте. Кроме того, все вещи и предметы были собраны в одной из гостиных, которая превратилась, по словам репортера, в фешенебельный магазин — посуда, серебро, драгоценности. Однако *«произвести подробный осмотр и установить, что пропало, нет никакой возможности. Много ящиков заперто, ключей от них — нет, а реестр куда-то затерялся. Единственно, что по первому беглому взгляду Кшесинской, многого недостает, а на мебели — следы пребывания посторонних людей»*. Действительно, ситуация, близкая к анекдотической. Репортер резюмирует: *«Поражает бездна всевозможных умывальников, мраморных бассейнов, ванн, диванов для отдыха. Прямо какие-то римские бани. Но бани большевиков не смущают. Из мраморного бассейна они ухитрились сделать “военно-милиционную комиссию”. При чем заседают в ней исключительно девицы»*. Заканчивается репортаж язвительной фразой: *«Наконец, дом Кшесинской охраняют, но охраняют не балерину, а большевиков»*. Время покажет, что большевики так и не съедут из особняка, наоборот, сама Кшесинская в июле 17-го навсегда покинет Петроград.

31.05

В этот день — 18 мая 1917 года по старому стилю — в центре внимания оказался адмирал Колчак. Накануне на заседании Временного правительства обсуждалось заявление командующего Черноморским флотом, в котором он сообщал о намерении сложить с себя полномочия.

Любопытно, что начальник Колчака — военный министр Керенский в тот день находился на месте событий, в Севастополе. Ему удалось уладить конфликт, но ненадолго. А суть конфликта между командованием флота и матросскими комитетами состояла в том, что Колчак продолжал регулярно выводить корабли в море, к берегам Босфора, отвлекая моряков от политической активности. А между тем с Балтики на Черноморский флот прибывали делегации матросов, которые, по словам одного из лидеров большевиков Якова Свердлова, должны были сделать Севастополь Кронштадтом на юге. Напомним, что в Кронштадте в дни Февральской революции были убиты командующий гарнизоном и большое число офицеров. Юг же благодаря усилиям Колчака держался. Адмиралу удалось даже сформировать контрделегацию из числа «революционных оборонцев» во главе с матросом Баткиным, которые отстаивали позицию «Война до победного конца». И тогда агитаторы левых радикалов пошли на военную хитрость. Решением исполкома флота был арестован комендант севастопольского порта Петров, якобы по обвинению в хищениях казенного имущества. Колчак отказался утвердить этот арест и сам получил обвинения в незаконном обогащении. Упомянутые выше агитаторы с Балтики, выступая на многочисленных митингах, начали тиражировать слухи, что Колчак — крупный землевладелец, у него огромное состояние и поэтому он заинтересован в продолжении войны. Для адмирала, который как раз не нажил за свою службу ни имений, ни капиталов, а, наоборот, потерял свое скромное имущество в начале войны во время германского обстрела порта Либавы, эти обвинения были особенно оскорбительны. На одном из митингов Александр Васильевич заявил: «Если

кто-нибудь найдет у меня хоть какое-нибудь имение или недвижимое имущество или какие-то там капиталы обнаружит, то я могу охотно им это передать, потому что их не существует в природе». Эти слова произвели впечатление. Муссировать тему «адмирала-олигарха» большевики перестали. А вот контрпропаганда, которую вела делегация Черноморского флота во главе с матросом Баткиным, набирала силу.

Газета «Время» писала: *«Прибывшая в Петроград черноморская делегация заявляет на собраниях, митингах и съездах, что флот всецело доверяет своему адмиралу и пойдет по первому приказанию в бой. Надо надеяться, что адмирал Колчак, сумевший связать врагов по рукам и ногам в Черном море и пользующийся заслуженным доверием среди всех чинов флота, согласится сохранить за собой пост главкома». Казалось, ситуация меняется в пользу поборников дисциплины, порядка и боеспособности армии и флота. Однако спустя пару недель Колчак вынужден будет покинуть Черноморский флот.*

ИЮНЬ

Временное правительство утверждает проект, представленный комиссией Академии наук, о реформе правописания и алфавита.

Инициатива создания женских добровольческих батальонов, с которой выступила М. Бочкарева, находит поддержку у военного министра А. Керенского.

В приволжском городе Камышин возникает «республика во главе с президентом Ванькой Сельдереем». В Тамбовской губернии власти с трудом ликвидируют самопровозглашенную Кирсановскую республику. В Севастополе революционные матросы в массовом порядке учиняют расправы над офицерами Черноморского флота. Криминогенная обстановка в стране стремительно ухудшается.

Наступление русской армии на Юго-Западном фронте, инициированное Керенским, не приводит к ожидаемым результатам. Большевики требуют создать военные формирования по национальному признаку. Временное правительство отвергает требования представителей национальных окраин Российской империи о федерализации.

Впервые в мировой практике в России проходят всеобщие равные и тайные выборы с предоставлением права голоса женщинам. Первыми женщинами-депутатами (московской городской думы) становятся И. Арманд и Е. Пешкова, жена Максима Горького.

Временное правительство принимает новые законы о налогообложении. Вводится прогрессивная шкала, допол-

нительный налог на прибыль, единовременный повторный налог на доходы, полученные в 1916 году, и налог на наследуемые капиталы и имущество.

01.06

В этот день — 19 мая 1917 года по старому стилю — Московское губернское земство отправило телеграмму протеста председателю Совета министров князю Львову. Временное правительство готовилось принять закон о «выведении города Москвы в самостоятельную единицу». В царской России такое не практиковалось. Губернские центры имели структуры внутреннего городского самоуправления, думы, но, как и прочие провинциальные города, входили в состав губерний. При этом городские жители, в том числе и первопрестольной, платили налоги как в государственный, так и в местный губернский бюджет. Собственно, конфликт и возник на этой финансовой почве. Московская губернская земская управа теряла солидный источник налогообложения, потому что законопроект предполагал, что недвижимое имущество в Москве вообще будет освобождено от земского сбора.

Тут нужно уточнить. До революции в России действовала четко разграниченная, но многоступенчатая система взимания налогов. Кроме государственных, поступавших в централизованный бюджет, и местных налогов, существовал еще так называемый «земский сбор», как результат земской реформы, проведенной в царствование Александра II. Тогда

были созданы выборные органы самоуправления — земские управы, ведавшие системой здравоохранения, просвещения, жилищно-коммунального обслуживания. Строительство и функционирование школ, больниц, дорог, канализации, водопровода и прочего соцкультбыта на местах вплоть до вывоза мусора осуществлялось земскими управами на деньги особого «земского сбора». Его размер не был фиксированным, он взимался в процентном выражении от ставки соответствующего госналога, и разброс был велик. Где-то 2–3 процента, а в Московской губернии — 15. Объектов обложения земским сбором было три — недвижимость, так называемые торговые документы — патенты на предпринимательскую деятельность и подушевой оклад. Понятно, что по Москве размеры такого земского сбора были внушительны, и возможный вывод города из юрисдикции земских властей существенно снижал уровень их финансирования. Так что в итоге, как гласила телеграмма протеста, *«все земское хозяйство Московской губернии, лишившись крупного источника обложения, будет в корне потрясено»*. В самом деле, зачем было усложнять и без того сложную обстановку, лишая Московскую земскую управу одного из трех источников финансирования?

В том-то и дело, что правительство, как всегда, хотело сделать как лучше. Избавить население Москвы от перекрестного, а фактически двойного налогообложения. Кто же будет возражать против того, чтобы платить налог в один адрес, а не в два? В тот момент, правда, никто не задумывался, а не увеличат ли под это новшество размеры самих налоговых ставок, не придется ли платить единожды больше, чем когда платили дважды? В общем, популизм законопроекта легко просматривался.

Кроме того, была в этом и конъюнктурная политическая составляющая, отражавшая борьбу между московским и петроградским кланами. Весной 17-го в повестку дня была вброшена тема — а где, в каком городе будет заседать Учредительное собрание, которое примет важнейшие решения о будущем российского государства? В Петрограде? А почему не в Москве? Почему не в Первопрестольной, изначальной, в которой монархи всегда венчались на царство, где созывались Земские соборы... Вот и становится понятно, из-за чего именно в тот момент и возник вопрос о предоставлении Москве особого административного статуса.

02.06

В этот день — 20 мая 1917 года по старому стилю — представитель Временного правительства, выступая на съезде военно-промышленных комитетов, посетовал на то, что *«у нас теперь на каждом шагу попирают безнаказанно законы, а в массах под влиянием революционных течений утверждается принцип, будто сила выше и права, и правды»*. Любопытен сам по себе посыл выступления официального лица, в котором, да простится мне каламбур, налицо признание силы пропаганды и агитации, в первую очередь — уличной. Теперь, задним числом, ее воспринимают как революционную. Но в чем же заключалась ее суть? День в день — сто лет назад — газета «Московские ведомости» объясняла ситуацию так: *«Странно слышать такие жалобы от человека, облеченного властью. Приходится констатировать, что наверху*

власть отсутствует, а внизу — абсолютное отсутствие чувства законности, которое должно быть фундаментом существования государственного порядка. Кто у нас теперь поставлен в самое невыгодное положение? — вопрошала газета. — Тот, кто, вообразив, будто он находится в благоустроенном государстве, решил жить согласно законам. Да, его только ленивый не обидит, не обманет и не наступит ему на ногу при всяком удобном случае. И лучший пример тому — Временное правительство, которое делает вид, будто безусловно верит в полную лояльность граждан».

На первый взгляд, досужие рассуждения, ворчливое нытье. Но парадоксы в настроениях общества подмечены метко: *«Вот, на каждом шагу восклицают — свобода, равенство, братство. Однако в моде братания с одними только немцами на фронте, а внутри страны братство упразднено вплоть до особых распоряжений. Какое тут братство, когда у нас в официальной рабочей “Марсельезе” в торжественные дни распевают — на воров, на собак — на богатых, да на злого вампира царя — бей, губи их, злодеев проклятых. Понятие “богатый” весьма растяжимое, под него можно подвести любого, кто хоть что-нибудь имеет. Стало быть, братства внутри общества — нет. Свобода? Тут уже последовало компетентное разъяснение, что революция не есть еще сама свобода, а только процесс ее зарождения. Напрашивается вывод, что свободой у нас могут пользоваться только немногие избранные, а остальные “трепещут и повинуются”».* Примечательно, что эта статья в «Московских ведомостях» появилась в относительно спокойный, можно даже сказать, тихий период. Правительственный кризис преодолен, радикальные призывы большевиков — вся власть Советам — не

восприняты. Тем более показательны эти размышления на распутье, на развилке истории: *«Что ждет представителей имущих классов — сперва их хотят лишить прибылей, потом разорить и пустить по миру, а потом, наверно, за грехи отдельных лихоимцев, нахитивших барыши на страданиях народа, целый класс общества — купцы и промышленники — будет приговорен к немилосердной каре. Что ждет армию? Если уже сейчас офицеры стали париями, какими-то страстотерпцами, которых преследуют революционные солдаты. Да если взглянуть поглубже, то и вся интеллигенция если не зачислена уже в разряд подозрительных, то очень близка к этому»*. Поразительно, но провидческий вывод сделала в тот день газета «Московские ведомости» о, казалось бы, рядовом, дежурном материале: *«Призрак гражданской войны уже идет на нас, идет неумолимо, если какое-нибудь чудо не остановит его грозного наступления»*.

05.06

В этот день — 23 мая 1917 года по старому стилю — на проходившем в Петрограде Первом Всероссийском крестьянском съезде выступил Ленин. Газета «Утро России» писала: *«Желающих послушать оказалось много, громадный зал народного дома был переполнен делегатами. На галерке собрались единомышленники Ленина, не входившие в состав съезда»*. В самом деле, из 1167 депутатов 537 были эсерами, а большевиков всего — 9. Даже меньшевиков было 90. Неудивительно, что Ленина встретили холодно: *«Аплодировали мало, среди та-*

ких преобладали слушатели с галерки. Самые боевые места речи аудитория выслушала спокойно, сдержанно, временами откликаясь неодобрительным гулом. Лозунг Ленина — земля принадлежит народу, а не помещикам — впечатления на съезд не произвел никакого». Но, может, мелкобуржуазная газета «Утро России» выдавала желаемое за действительное? Вообще впечатление теперь такое, что Ленин все время что-то предлагал кардинальное, революционное, а его все не слушали, не слушали, ничего другого не предлагая.

Кому-то покажется удивительным, но Крестьянский съезд без рекомендаций большевиков примет решение о ликвидации помещичьего землевладения. То есть аграрный вопрос будет решен именно революционным образом. Просто в отличие от Ленина, который предлагал осуществить передел земли немедленно, явочным порядком, без соответствующего плана или процедуры действий, более осмотрительные эсеры решили: *«впредь до созыва Учредительного собрания все земли должны перейти в ведение земельных комитетов с предоставлением им права определять порядок обработки, обсеменения, уборки полей, укоса лугов и прочее»*. Такая правопреемственность была вызвана очевидной необходимостью. Узнав о переделе земли «вдруг и сразу», массы крестьян, одетые в серые солдатские шинели, скорее всего, тут же и дезертировали, боясь опоздать. Создание земельных комитетов давало уверенность, что землю крестьяне, несущие службу в армии, обязательно получают. Тем более что право окончательного решения аграрного вопроса признавалось за Учредительным собранием.

Однако Ленин был готов к такому контраргументу и пытался парировать: *«Мне возражают, что немедленный захват*

помещичьих земель вызовет возбужденное настроение в рядах армии. Я заявляю, что это лишено всяких оснований, напротив, слух о немедленном переходе помещичьих земель в руки трудового крестьянства послужит только укреплению в рядах армии уверенности, что земли навсегда перейдут в руки крестьянства». Любопытно, что затем Ленин сделал, как бы он сам сказал, «архиважнейшее» уточнение: «Захват не должен привести к закреплению земли на праве собственности, а быть всего лишь формой временного владения землей». Вот это действительно поразительно. Во-первых, Ленин открытым текстом признает, что речь идет о захвате (никаких компенсаций и выплат), а во-вторых, что крестьяне собственниками земли не станут, будут лишь временными пользователями. То есть власть дала, власть и заберет обратно. Что спустя 12 лет и подтвердит принудительная коллективизация.

06.06

В этот день — 24 мая 1917 года по старому стилю — любопытная полемика развернулась на страницах газет по поводу влияния большевиков на происходившие события. Газета «Время» попыталась вбить клин в стан большевиков, поместив любопытный репортаж с очередного митинга в здании Калашниковой биржи Петрограда. Среди прочих ораторов на нем выступил большевик Кливанский (партийная кличка — Максим). Этот человек был членом Совета рабочих и солдатских депутатов, фигура весомая. Но что он говорил с трибуны? *«Какая разница в тактике Ленина*

и бывшего царизма? Никакой. Ленинцы, так же, как и прислужники старого строя, прибегают к насильственному захвату, к ограничению свободы слова, к полному невниманию к чуждому мнению, нетерпимости к верованиям кого бы то ни было. То, что делают рабочие ленинского толка, захватывая заводы и фабрики, — какой тут социализм? Одно только насилие и прямой грабеж. Социалистический строй может стать результатом только длительного исторического хода событий, даже такие демократические страны, как Америка, Германия и Англия, с крупным развитием промышленности еще не созрели для социализма, так что говорить о России?»

Положим, мысль о несозревшей еще для социализма России была не нова. И тут даже тот факт, что соглашался с ней член большевистской партии, — не удивителен. Любопытно, насколько точна, не задним числом, а наперед, оценка ситуации человеком с партийной кличкой Максим. Продолжим цитату из газеты: *«Ленинцы говорят, что добиваются власти для пролетариата, а на самом деле — для себя, ибо ведь, по их учению, только они — истинные представители пролетариата, даже не сами рабочие и тем более не крестьяне. Вся та темная крестьянская масса, которая сейчас насильно захватывает помещичьи земли, она, может, и думает, что достигает этим чего-то реального, все рабочие, захватывая теперь заводы, тоже думают, что строят этим свое благополучие, но им придется вскоре горько разочароваться».* В очередной раз удивляешься — на дворе еще весна 17-го года, а разговор уже вовсю идет о захвате фабрик рабочими, земли — крестьянами. Важна, конечно, поправка. Газета «Время» называет Семена Ароновича Кливанского большевиком, а в списке арестованных ВЧК в январе 1918 года Семен Аронович будет

фигурировать уже как меньшевик. В любом случае, скорая расплата за безжалостный вывод из речи, произнесенной в мае 17-го, последовала... А вывод Кливанского звучал так: *«Ленин — русский азиат, продукт анархизма, выращенного под гнетом рабства в темной народной массе».*

В тот же день газета «Утро России» на тему агитации и пропаганды со стороны социал-демократов писала: *«С легкой руки интернационалиста Троцкого, заявившего, что вокруг имени Керенского создали ореол бонапартизма, обвинять Керенского стали и большевики. На заседании Петросовета поставлен вопрос о поведении Керенского на фронте. Опасность увидели в том, что, выступая на фронтовом съезде в Одессе, Керенский произнес такую фразу: “Идите вперед туда, где земля и воля”. Однако, — продолжала газета, — процитированное вслух, это заявление было встречено долгими несмолкающими аплодисментами большинства членов рабочей секции, и большевикам пришлось снять его с обсуждения».*

07.08

В этот день — 25 мая 1917 года по старому стилю — бывший император Николай II записал в своем дневнике: *«День рождения моей дорогой Аликс. Да ниспошлет ей Господь здоровье и душевное спокойствие. Перед обедней все жильцы дома принесли свои поздравления. Днем Аликс вышла с нами в сад. Рубил и пилил в парке. В полвосьмого покатался с дочерьми на велосипеде. Вечером начал читать вслух “Ле конт де Монте-Кристо”».* Теперь сложно судить, совпадение это

или нет, но в тот день газета «Утро России» обстоятельно затронула тему царской семьи: *«Охрана Царскосельского дворца значительно усилена в связи с наплывом массы приезжих. Караулы охватывают дворец тремя поясами, причем у всех выходов и входов поставлены усиленные патрули. Время прогулок бывшего царя ограничено промежутком с 9 до 10 часов утра и с 4-х до 5-ти — дня. Караул сопровождает Николая Романова, держась на расстоянии десяти сажень. Все дети бывшего царя, оправившись от болезни, также гуляют в саду, но в различное с отцом время. Ежедневно в 12 часов дня и в пять вечера Николай Романов и Александра Федоровна подходят к окнам своей комнаты и показываются караульному начальству. Для посторонней публики царская семья во время прогулок совершенно невидима ввиду отдаленности от ограды»*. Кроме того, что наплыв посетителей в Царское Село вызывает мысль о каком-то «человеческом зоопарке», бросается в глаза нестыковка. Газета пишет об ограничениях и строгостях в прогулках — вечером с четырех до пяти, а Николай Александрович, явно примеривающий на себя судьбину графа Монте-Кристо, невозмутимо фиксирует в дневнике велосипедную прогулку с дочерьми в полвосьмого вечера. Кто-то ошибается, и скорее всего не государь.

Но симптоматично то, что дальнейшая судьба императора была в те дни в центре внимания. Рабочая секция Петросовета обсуждала вопрос об изменении положения семьи Романовых. Причем даже после того, как председатель Анисимов предложил снять этот вопрос с повестки дня, депутаты настояли на своем. Привожу отрывок из газеты «Утро России»: *«Поступило предложение — перевезти Николая Романова немедленно в Петропавловскую крепость. Другое предложе-*

ние — отправить бывшего императора с семейством в Кронштадт. И, наконец, — перевезти семью Романовых немедленно на золотые прииски в Сибирь. Все эти предложения вносятся при общем смехе в зале. В этой несерьезной обстановке эсеры, народные социалисты и меньшевики отказываются голосовать. И тогда проходит предложение перевезти Романовых на заключение в Кронштадтскую крепость. Большевики встречают такое решение шумными возгласами одобрения». Тут нужно знать, что Кронштадт в те дни фактически объявил о своей независимости, депутаты от Балтийского флота, моряки и военные гарнизона отказались выполнять распоряжения Временного правительства, и Кронштадт стал для большевиков своего рода островом свободы. Отсюда и их воодушевление принятым решением. Оно, правда, не имело никакой юридической силы. И выполнено не было. Но в том своеобразном перетягивании каната, которое представляло собой двоевластие, судьба царской семьи, что с ней делать, а главное, кто будет ее решать, была, похоже, самой злободневной.

08.08

В этот день — 26 мая 1917 года по старому стилю — великий князь Андрей Владимирович отправил на имя министра юстиции Временного правительства телеграмму следующего содержания: *«На протяжении полутора месяцев моя мать, великая княгиня Мария Павловна, находится под домашним арестом без предъявления обвинения, прошу Вас назначить следствие, которое выяснило бы причину ареста, а в про-*

тивном случае настоятельно прошу освободить ее. При этом требую провести расследование против появившихся в печати гнусных и оскорбительных статей, подозревающих мою мать в преступлении против Родины». Внук императора Александра II, великий князь Андрей Владимирович, в те дни уже был в отставке. Судьба Владимировичей, двоюродных братьев и сестер Николая II, уникальна. Они все уцелели после революции. Старший брат Андрея Кирилл провозгласит себя в эмиграции императором, правда, далеко не все родственники с этим согласятся. Сестра Елена Владимировна выйдет замуж за греческого принца Николая, переживет революционную смуту и князь Борис. Андрей Владимирович женится на балерине Матильде Кшесинской. Сын от этого брака — Владимир Красинский — уже в годы Второй мировой войны будет арестован гестапо и посажен в концлагерь за участие в просоветском подпольном Союзе младороссов, впрочем, это уже другая история.

Весной 1917 года великая княгиня Мария Павловна была в центре политических спекуляций. Урожденная Мария-Элизабета Мекленбург-Шверинская, она была немкой, истовой лютеранкой, долго отказывалась принять православную веру, несмотря на выгодный династический брак с сыном русского императора Александра II князем Владимиром. Этого уже достаточно, чтобы прослыть немецкой шпионкой. Но, главное, Мария Павловна действительно была деятельна в политическом плане. До революции ее роль в императорской семье была весомой. Императрица Александра Федоровна, жена Николая II, серьезно опасалась интриг амбициозной княгини. *«Не существовало в Петербурге двора популярнее и влиятельнее, чем двор княгини Марии Павловны»*, — писал

осведомленный современник. Но газеты такие оценки интерпретировали в негативном ключе. Мария Павловна стала дежурным объектом обвинений в прогерманских симпатиях. И хотя тут не было ни доказательств, ни внутренней логики, получалось, что враждовавшие соперницы — императрица и княгиня, обе — немецкие шпионки — должны быть заодно. Княгиня Мария, так же как и семья Николая II, находилась под арестом.

После телеграммы Андрея Владимировича министр юстиции Переверзев отменил наказание, заменив его подпиской о невыезде. Это уже не помешало дальновидной княгине покинуть Петроград, она уехала с сыновьями в Кисловодск, затем оказалась в Крыму и далее — в Константинополе, где и скончалась в 1920 году. И еще одна любопытная деталь. Мария Павловна стала едва ли не единственной из Романовых, кому удалось спасти свои фамильные драгоценности. Причем весьма неожиданным способом. В ноябре 1918 года в большевистский Петроград пришла посылка в двух наволочках — адресатом была шведская миссия в Советской России. Только спустя 90 с лишним лет — в 2009-м — в архиве министерства иностранных дел Швеции была обнаружена неучтенная по описи коробка — две наволочки, в целости и сохранности, с пояснительной запиской, в них 60 изделий знаменитой фирмы Фаберже — золотые портсигары, запонки, кулоны. Правительство Швеции передало ценности наследникам Марии Павловны. Они выставили их на аукцион Сотбис — и выручили семь миллионов фунтов, сумму в разы большую, чем изначальная стоимость драгоценностей великой княгини.

09.06

В этот день — 27 мая 1917 года по старому стилю — Временному правительству удалось преодолеть так называемый «Кронштадтский кризис». За пять дней до этого Совет рабочих и солдатских депутатов крепости Кронштадт объявил себя единственным учреждением местной власти, подчеркнув, что по делам государственного управления он не будет входить в сношения только с органами советской власти, а именно с Петроградским советом рабочих и солдатских депутатов.

Фактически это означало провозглашение как минимум территориальной автономии, и это стало «основным» пунктом обвинения со стороны политических противников. Газета «Утро России» не без ехидства писала: *«Кронштадтский совет выступил с воззванием, в котором уверяет, что буржуазная пресса сознательно клеветает на него, приписывает ему стремление отложиться от России и образовать независимую республику. Такие вздорные, нелепые помыслы как нельзя более далеки от нас»*. Здесь нужно уточнить, что речь шла не просто о политических маневрах. В Кронштадте в те дни царил революционная анархия. Аресты и убийства офицеров и адмиралов Балтийского флота, многие из них вынуждены были спешно эвакуироваться в Ревель, Гельсингфорс, Петроград. Революционный террор в Кронштадте — малоизвестная страница событий весны 17-го года, зато, пожалуй, она объясняет репутацию балтийских матросов как самой надежной опоры большевиков в дни Октябрьского переворота и в целом в годы Гражданской войны. Заодно становится ясным, что и уже

антисоветский мятеж в Кронштадте в марте 1921 года возник именно там неслучайно, живы и сильны были бунтарские настроения и опыт неповиновения.

Впрочем, в мае 17-го вожаки революционных матросов Балтфлота проявляли и некоторую гибкость, умение лавировать. Продолжим цитату из воззвания: *«Мы признаем центральную власть Временного правительства до тех пор, пока вместо существующего не возникнет новое, пока всероссийский центральный Совет рабочих и солдатских депутатов не найдет возможным взять власть в свои руки»*. Согласимся, позиция выражена ловко и недвусмысленно, балтийцы просто предлагают Петросовету сделать то же самое, что и они сделали в масштабах Кронштадта. Однако это предложение принято не было. Петросовет, где доминировали эсеры и меньшевики, тоже умел лавировать и маневрировать. По предложению Церетели и Скобелева в тот день было принято постановление, в котором кронштадтцам предлагалось *«наметить кандидатов на должность представителя Временного правительства»*, прямо-таки в стиле известного афоризма «тот, кто нам мешает, тот нам поможет». Кроме того, кронштадтцев обязали провести выборы в городскую думу по правилам, опять-таки установленным Временным правительством. И наконец, принять следственную комиссию Минюста, которая должна была разобраться со всеми актами насилия и убийствами, учиненными в Кронштадте с февраля по май 1917 года.

13.06

В этот день — 31 мая 1917 года по старому стилю — все газеты писали о прибытии в Петроград князя Кропоткина. Идеолога анархизма, патриарха революции Петра Алексеевича Кропоткина на Финляндском вокзале встречал лично Александр Керенский, в тот момент военный министр Временного правительства. Пресса не скупилась на похвалы, в ней в изобилии печатались приветственные телеграммы в адрес Кропоткина от общественных и государственных организаций, многочисленных частных лиц. Все так или иначе отмечали вдумчивую осмотрительную позицию Кропоткина, который призывал *«не позволить германскому и австрийскому императорам вырвать у нас из рук дорогую нам свободу»*. Да, князь-анархист занимал оборонческую позицию, призывал сохранить порядок и дисциплину в армии, что, в свою очередь, было, по его мнению, залогом сохранения всех завоеваний революции.

Кропоткин в эмиграции жил в Англии и перед отъездом опубликовал в британских газетах прощальное письмо с симпатиями и благодарностями Великобритании от новой молодой России. Самому ему было тогда 65 лет, но он был полон задора и энтузиазма. Кропоткин благодарил английское правительство за непреклонную твердость в вопросе о его выдачи царскому правительству. Да, британцы действительно отказывались, несмотря на союзнические связи и взаимные обязательства, выдать Кропоткина в руки царской охраны. Кроме того, по словам самого Кропоткина, *«огромное количество полученных мною в Англии приветствий по случаю русской*

революции и пожеланий ей полного успеха стало еще одним проявлением симпатий, проснувшихся в Британии к России, когда в ней началось освободительное движение. Вместе с огромным большинством русской нации я, — писал Кропоткин, — могу только сказать, что счастлив видеть мою родину, находящуюся в одном лагере с западными демократиями в борьбе против центральных империй».

Наверное, это покажется странным и неожиданным, но политическая позиция лидера идейных анархистов была в тот момент совершенно не радикальной, наоборот, умеренно-взвешенной, целиком укладываясь в представления о либеральных ценностях так называемой буржуазной демократии. Впрочем, сам Кропоткин тогда предпочитал не вдаваться в детали политических идеологий, главным для него было решение сугубо практического вопроса об опасности завлечения России в сети германских поборников захватнической идеи». Так, несколько витиевато, Кропоткин определял основного, по его мнению, противника — кайзеровскую Германию, стремившуюся вырвать Россию из рядов Антанты. Поэтому в своих первых речах Петр Алексеевич делал упор на необходимость противостоять германцам на фронте, а в тылу пресекать пораженческие настроения и большевистскую пропаганду против войны, потому что это *«привело бы к реставрации жестокого режима царя-германофила и восстановлению священного союза “Трех императоров” — германского, австрийского и российского».* Но если для англичан этот тезис был исчерпывающим, не нуждался в доказательствах, то в России Кропоткин сразу почувствовал другие настроения. Огромной силы запрос на справедливость и равенство. Поэтому уже в первой своей речи он заговорил

о социальных проблемах: *«Нам надо немедленно приступить к строительству новых форм жизни, чтобы доставить каждому благосостояние в обмен на его труд, дать каждому полную возможность развития и сознательного участия в устройстве новой общественной жизни»*. Звучало это привлекательно, но слишком уж общо.

14.06

В этот день сто лет назад — 1 июня 1917 года по старому стилю — в Петрограде прошла крупная облава на наркотические притоны. Газета «Время» под броским заголовком «Исчезновение девушек» писала: *«Начальнику уголовной милиции поступают заявления об исчезновении девушек, принадлежащих к состоятельному классу. Выяснилось, что в столице существует клуб кокаионистов, где и проводят время лица, об исчезновении которых делаются эти заявления. Инспектор уголовной милиции Н. в кафе “Ампир” обратил внимание на некоего Боргмана, раздававшего посетительницам, а заодно и мужчинам, преимущественно военным, какие-то карточки, наподобие пригласительных билетов. Добыть такое инспектору не составило труда. В нем сообщалось, что в доме номер 12 по 1-й Рождественской улице ежедневно с 10 до 3 часов ночи происходят собрания скучающих. Всем, у кого не спокойна душа, любезный хозяин, некий г-н Костромин, рекомендует прийти к нему и на миг забытья от всего мирского»*.

Наркотики в годы Первой мировой войны стали серьезной проблемой во всех воюющих странах. В России увлечение

морфием и кокаином стало еще и модой на волне декадентства и подражания Западу. Была даже издана почтовая открытка с репродукцией картины французского художника Альбера Матиньона «Морфинистки». Особое словцо появилось и в русском языке — «марафет», так на жаргоне называли кокаин. Никакого внятного противодействия в царской России этой напасти не было. А «сухой закон» только увеличивал спрос на опиум. Временное правительство с большей тревогой отнеслось к повальному самоодурманиванию. Но ситуация, как говорится, была уже сильно запущена. Знаток вопроса — купец из Владивостока Попов рассказывал: *«Есть прочная организация, целая сеть контор и агентов, наиболее дорогой опиум везут из Персии и Туркестана, там заделывают в стенки поездов-экспрессов и переправляют в Харбин. Главная агентура этого транзита — нарядные, но при этом очень развязные дамы, умеющие в нужных случаях стать дамами, приятными во всех отношениях, они зарабатывают за один рейс несколько десятков тысяч рублей, что является большим искушением для тех агентов власти, которые могут помешать такой торговле».*

Но вернемся в Петроград, на Рождественскую, к репортажу в газете «Время»: *«Начальник уголовной милиции Кирпичников, предварительно выяснив все связи Костромина, благодаря которым стал известен действующий в эту ночь пароль “АННЕКСИЯ” (в скобках отметим очевидный сарказм наркодельцов в отношении политической повестки дня — “мир без аннексий и контрибуций”. — А. С.) — итак, пароль, плюс четыре условных звонка в дверь, и наряду народной милиции предстала картина оргии. Человек сорок, типичные дамы полусвета, но и девицы 17–19 лет, дочери интеллигентных*

родителей, то есть те самые, из-за которых и проводилась операция. Шум, переполох, кто-то перерезал провода, погас свет. Но и под светом ручных фонарей милиционеров открылась неприглядная картина. В 12-ти комнатах квартиры опиекурильня, мужчины и женщины в полубессознательном состоянии. Выяснилось, что постоянных клиентов пускали бесплатно, при условии, что приведут новичков, а за дозу морфия брали пять рублей, но только с мужчин. Однако одна молодая девица взмолилась, что ее уже два месяца как силой заставляют присутствовать на всех оргиях, а пристрастившись к морфию, она вынуждена приносить из дома различные ценные вещи. И что она уже пристрастилась к морфию. При обыске, кстати, было обнаружено много пустых кошельков, серебряных портмоне и дамских ридикюлей». В итоге хозяин квартиры и несколько наркодельцов были арестованы, а дело передано в суд. Что ж, очевидная победа Временного правительства над одним отдельно взятым притоном.

15.06

В этот день — 2 июня 1917 года по старому стилю — газета «Время» опубликовала обширное интервью с выдающимся поэтом Валерием Брюсовым о его отношении к реформе русского языка. Поводом явилось то, что Временное правительство заслушало доклад Орфографической комиссии Академии наук, в котором были сделаны поистине революционные предложения об изменении системы правописания и алфавита. Те самые, что были реализованы вскоре после

Октябрьской революции. *«Я не знаю буквы “ять”, где и как ее писать»*. Итак, новации не были плодом усилий собственно большевиков. Орфографическая комиссия работала начиная с 1904 года, первый проект представлен в 1912-м, отправлен на доработку... И вот спустя пять лет приговор: отменить буквы «ять», «фита», твердый знак, букву «ер», была такая, ее в ряде случаев писали вместо «е». Например, в слове «советы». Предлагалось даже упразднить употребление мягкого знака в конце слов, заканчивающихся на шипящие. То есть «мыш», «ноч», «печ», «любиш», «не любиш» — пиши без мягкого знака.

Накануне Министерство просвещения издало циркуляр о введении в школах России нового правописания и алфавита уже с 1 сентября 1917 года. Но полемика продолжалась. И поэт Валерий Брюсов высказал свое решительное несогласие с новшествами: *«Тут предлагают упростить наше правописание и думают, что это можно сделать, заменив его на фонетическое “то есть пишется, как слышится”*. Я считаю, что это гибельная ошибка. В России много говоров, чуть ли не каждая губерния говорит несколько по-своему. Если каждый начнет и писать так, как говорит, многое просто станет непонятным. Аканье, оканье, иканье — это произношение, но не правописание. А последнее тем и хорошо, что, написанное по правилам, понятно каждому русскому и останется понятным на века. Кроме того, мы говорим теперь иначе, чем наши деды сто лет назад, но и наши современные речи неизбежно станут непонятными следующим поколениям. И если позволить писать, как слышится и говорится, то придется издавать отдельно книги для Московской, для Костромской или Киевской губерний. Подумать страшно, к каким нелепостям при-

ведет такое кажущееся “упрощение” правописания. Лучше уж школьникам потратить время на усвоение правил орфографии, нежели внести хаос во всю русскую литературу».

Ни Брюсов, ни другие литераторы и словесники, конечно, не могли тогда предвидеть, какую классовую заостренность приобретет орфографическая реформа, какой проверкой на лояльность пролетариату станут сами по себе буквы русского алфавита. Лев Успенский писал об этом в своей книге: *«Навеки ушло время, когда не только школьники, учившиеся грамоте, но и весь народ наш буквально бедствовал под игом твердого знака — этой буквы-разбойника, буквы-бездельника, лодыря, буквы-паразита, которым полагалось венчать каждое слово, заканчивающееся на согласную букву. С гневом и негодованием писали о твердом знаке лучшие ученые-языковеды. А защищали его все те, кто желал народу темноты, невежества и угнетения... В 1918-м букве-паразиту и ее хозяевам-паразитам была объявлена решительная война».*

После такой безжалостной оценки стоит ли удивляться, почему в первые 10–15 лет после Октябрьской революции привычный нам «твердый знак» был изъят из обращения, фактически репрессирован, а его место в таких нужных советской власти словах, как съезд и подъем, занимал скромный нейтральный местоблюститель — апостроф, или, в просторечии, запятая.

16.06

В этот день — 3 июня 1917 года по старому стилю — новый импульс приобрела тема сотрудничества большевиков с иностранными представителями, которых пресса называла более определенно — агенты. Так, в этот день гражданину Швейцарии Роберту Гримму было предъявлено требование немедленно покинуть пределы России.

Видный политик, социал-демократ, один из основателей компромиссного «двухполовинного» Интернационала, Гримм после Февральской революции активно помогал вернуться в Россию эмигрантам из числа тех, кому в странах Антанты отказывали в визах, подозревая в сотрудничестве с немцами. Используя связи в швейцарском правительстве, Гримм действовал тайно, чтобы не повредить статус нейтралитета Швейцарии. При этом в мае 1917 года, отправляясь в Петроград, Гримм по просьбе прогермански настроенного швейцарского политика Артура Гофмана согласился прозондировать почву для подписания сепаратного мира между Россией и Германией. И уже после первых встреч с министрами Временного правительства из числа социалистов начал сообщать Гофману, что такой мир вполне возможен при соответствующих гарантиях — в частности, отказа немцев от наступления на Восточном фронте. Одна из телеграмм Роберта Гримма была перехвачена другим иностранным эмиссаром, находившимся тогда в Петрограде, французским социалистом Альбером Тома. Этот человек, разумеется, действовал в интересах Антанты и агитировал русских социалистов за продолжение войны до победного конца. Возник скандал,

причем международного масштаба, поскольку Швейцария, повторяю, считалась нейтральной страной, и действия Роберта Гримма сильно подорвали ее авторитет в этом качестве. Гримм был объявлен немецким шпионом и выслан из России. На самом деле он был типичным «полезным идиотом», как называл Ленин наивных леваков, пацифистов, которые искренне ратовали против войны. Кстати, в те дни газеты указывали на прямую связь Гримма с большевиками. «Утро России» писало: *«Гримм вошел в тесные сношения с группой Ленина, принимал участие в митингах. Причем считался после Ленина и Зиновьева лучшим оратором. Показательно, что, владея французским и английским, Гримм выступал исключительно на немецком языке, что вызывало, конечно, недоумение в рабочих кругах. При этом речи его были немецкими не только по языку, но и по духу. Между прочим, — продолжала газета, — распоряжение немедленно покинуть Россию Гримм встретил с чувством живейшего удовольствия, так как имел основания опасаться гораздо худшего для себя исхода».* Итак, редкий случай — человек, агитирующий против войны, был на основании документов разоблачен как действующий в интересах Германии, способствующий сепаратным переговорам. А это, в свою очередь, вызвало скандал уже и на российском политическом олимпе, причем и в правительстве, и в исполкоме Советов. Министр труда, меньшевик Скобелев заявил, что разоблачение Гримма явилось для него полной неожиданностью. Лидер Петросовета Церетели вынужден был что-то мямлить: *«Пока вопрос о Гримме не обсуждался, но если будет затронут на Всероссийском съезде, то, вероятно, исполком даст исчерпывающие объяснения».* Пожалуй, только Павел Милюков, экс-министр иностранных дел, отправленный

в отставку за твердую позицию в отношении продолжения войны, был доволен: *«Я очень рад, что Временному правительству удалось удостовериться, кто такой Роберт Гримм. У меня и раньше еще были бесспорные сведения о том, что он агент германского правительства. И пока я был министром, разрешения на приезд в Россию Гримм не получал...»*

19.06

В этот день — 6 июня 1917 года по старому стилю — в Петрограде разразился громкий скандал, связанный с высылкой из России швейцарского политика, социал-демократа Гримма, который был изобличен в связях с германским правительством при организации возвращения из Швейцарии в Россию группы политэмигрантов во главе с Лениным. Гримм пытался оправдаться, но как? Он доказывал, что на последнем этапе переговоры с немцами вел не он, а другой деятель международного социалистического движения — Фриц Платтен. Но дело-то было не в фамилиях — Гримм или Платтен, а в сути сделки. Какое-то время и большевики, и их друзья в Швейцарии отрицали факт переговоров с германским правительством, теперь же это оказалось доказанным фактом. Огласку получили письма и документы, которые Гримм после отъезда Ленина передал остававшимся в Швейцарии русским революционерам, лидерам меньшевиков Мартову и Боброву. В конце мая 17-го они уже сами приехали в Россию. И организовали утечку информации. Окольным путем. Популярная газета партии эсеров «Воля

народа» опубликовала текст условий проезда через Германию Ленина и его соратников: *«Я, Фриц Платтен, беру под свою полную ответственность вагон с политическими эмигрантами и легальными лицами, желающими проехать в Россию через Германию. Вагону присваивается право экстерриториальности. Без разрешения Платтена никто не может проникнуть в запертый на все время путешествия вагон. Проверки документов ни при въезде в Германию, ни при выезде из нее не должно быть. Всем едущим Платтен выдает билеты по их нормальному тарифу. Разрешение на проезд дается на основе обмена едущих на немецких и австрийских пленных и интернированных лиц в России».* Гримм фактически признал достоверность этой информации, выразив сожаление, что *«наши хлопоты таким легкомысленным образом стали предметом циркуляра, получившего общее распространение и вышедшего за пределы тесного круга лиц».* Не менее скандально выглядел и еще один компромат, опубликованный в том же номере «Воли народа», в нем, подтверждалась во-первых важная роль Роберта Гримма во всей операции, а во-вторых готовность большевиков вести деморализующую и обществу, и армию агитацию. Выписка из протокола заседания Заграничной коллегии ЦК РСДРП гласила: *«Постановили. Принять предложение, сделанное товарищем Гриммом относительно возвращения в Россию через Германию. Переговоры велись товарищем Гриммом с представителем правительства нейтральной страны — Швейцарии, потому что английское правительство, несомненно, усмотрело бы в этом нарушение нейтралитета, так как Англия не желает пропустить в Россию интернационалистов. Предложение вполне приемлемо, так как гарантирована свобода проезда независимо*

от отношения едущих к вопросу о так называемой защите отечества, о продолжении Россией войны или заключения ею мира. Предложение основано на плане обмена русских эмигрантов на пленных немцев в России, и это дает нам основания для агитации за такой обмен по прибытии в Россию. Известить всех членов нашей партии о немедленном отъезде и пригласить всех желающих из других партий ехать вместе с нами. Цюрих. 31 марта 1917 года. Подписано — Ленин и Зиновьев».

20.06

В этот день — 7 июня 1917 года по старому стилю — в российских газетах впервые была поднята тема формирования женских воинских частей. Под заголовком «Женщина и война» «Московский листок» писал: «Третьего дня в камерном театре состоялось первое организованное собрание “женского батальона смерти”. На нем присутствовало около 100 человек, председателем избрана гражданка Р. Случ, которая во вступительной речи обрисовала будущую роль женщины-воина на фронте. Говорили также и “большевички”, они призывали присутствующих оставить свою затею и отдать все силы и знания культурно-просветительной работе в тылу. Большевички успеха не имели и покинули собрание. После обсуждения ряда технических вопросов была избрана особая делегация к военному министру Керенскому, которого будут просить отдать приказ по военному ведомству о направлении всех женщин, желающих идти на фронт в качестве воинов, в “московский батальон смерти”».

Итак, место создания батальона — Москва. Первый руководитель — гражданка Случ, о которой практически ничего не известно. Все это совершенно не вяжется с устойчивым представлением, что инициатор формирования женских добровольческих батальонов — Мария Бочкарева, что все мероприятия проводились в Петрограде и что все родилось с подачи Керенского.

Да, конечно, старший унтер-офицер Мария Бочкарева, находившаяся на фронте по высочайшему разрешению императора еще с 1914 года, станет потом командиром первого добробата. Он примет участие в июльском 17-го года наступлении русской армии. Да, многое в решении вопроса о формировании таких частей — заслуга Керенского. Достаточно сказать, что при царской власти женщинам было запрещено служить в частях действующей армии. Но, как видим, инициатива была на местах, в той же Москве. И, безусловно, она вызывала немало споров. Но если профессиональные военные просто сомневались в реальной боеспособности женских батальонов, генерал Брусилов (в те дни главком русской армии) при встрече с Бочкаревой высказывал такие опасения, то политические оппоненты, в первую очередь большевики, стали всячески пытаться дискредитировать моральный облик женщин-волонтеров, не гнушались при этом самых пошлых и облыжных обвинений. Между тем социальный состав батальона, которым командовала Бочкарева, оказался весьма пестрым. Там были и представительницы знатных дворянских фамилий, и дочери офицеров и генералов, но и простые крестьянки, и горожанки, работавшие прислугой, нянями. То есть те самые «кухарки», которых потом, по словам Ленина, следовало научить управлять государством.

Но пока большевики были не у власти, они, как видим, активной гражданской и патриотической позиции от женщин не требовали, совершенно по-мелкобуржуазному оставляли за ними место только в семье, на кухне и в целом — в тылу.

Что касается численности женских добровольческих батальонов, то к октябрю 17-го в составе русской армии числились 1-й Петроградский, 2-й Московский, 3-й Кубанский ударные батальоны, Морская женская команда, расположенная в Ораниенбауме, кавалерийский батальон Женского военного союза и Минская отдельная караульная дружина. При этом первые три из названных частей имели опыт участия в боевых действиях на фронте против немецкой армии.

21.06

В этот день — 8 июня 1917 года по старому стилю — тихий уездный город в Саратовской губернии Камышин оказался в центре внимания. *«Доселе славный своими арбузами, — писала газета «Московский листок», — ныне Камышин прославился бродягой из Астрахани Ванькой Сельдереем, который захватил в нем власть и провозгласил Камышинскую республику».*

Действительно, *«собрав кучу горлопанов и проходимцев, “Сельдерей” сумел привлечь на свою сторону довольно многочисленную группу солдат запасного полка, которым заявил, что он уполномочен Лениным и “кронштадтским императором Рошалеи” объявить Камышинскую республику».* Тут интересно, что вопреки расхожему теперь мнению, что о Ленине в тот

момент еще мало кто знал, тем более в глубинке, ссылка на него как на авторитет, хотя бы и таким комическим персонажем, как Ванька Сельдерей, очень любопытна. То же самое и с опять-таки анекдотично звучащим «императором Рошалем». А это-то кто? Семен Григорьевич Рошаль — член РСДРП(б), секретарь Кронштадтского комитета большевистской партии. Активный участник революционных событий, благодаря ему в мае 17-го Кронштадт провозгласил власть Советов, отказался подчиняться Временному правительству. С большим трудом исполкому Петросовета удалось восстановить статус-кво, обязать кронштадтцев провести выборы и назначить органы местного самоуправления по установлениям Временного правительства.

Впрочем, провозгласив независимость Камышина, Ванька Сельдерей тут же исчез, и, забегая вперед, установить его подлинное имя так и не удалось. Но появились другие агитаторы, продолжившие, так сказать, дело революции. Причем довольно экстравагантно. Камышинцев стали уверять, что сам праведный Илиодор прислал благословение на «немедленное отобрание помещичьих земель и буржуйских имуществ» и создание в городе республики. На первый взгляд очередная нелепость. Однако царицынский иеромонах Илиодор — реальная фигура. В 17-м году он провозгласил себя мессией и начал ратовать за экспроприацию земель и собственности с церковных амвонов. Согласитесь, любопытный религиозный ресурс в поддержку пролетарской революции. В солдатских казармах стали появляться какие-то юродивые фанатики, бабы-кликуши. Солдаты местного гарнизона разделились на две части. Одни — как писала газета «Московский листок» — создали боевой комитет и за-

явили, что отделяются от России, которой правят богачи. Потребовали от Петрограда прислать в город полномочного посла для установления дипломатических отношений с «камышинскими штатами». И начали готовиться к избранию президента Камышинских штатов.

«В городе стало тревожно, — продолжала газета. — Появились пьяные. Но в этот момент энергично проявил себя местный Совет солдатских депутатов, состоявший из крестьян-эсеров и меньшевиков. Совет заявил, что решительно пресечет анархию и заставит анархистов подчиниться организованной власти народа, то есть Временному правительству. В итоге все анонимные погромщики и агитаторы бежали из города, двое из них были сильно избиты бабами-солдатками на пароходной пристани, а запасной камышинский полк вновь приступил к занятиям. Милиционеры делают свое дело. Вопрос об отделении от России ликвидирован». Цитата на этом заканчивается. И впечатление такое, что взята она из Салтыкова-Щедрина и рассказывает об истории города... с другим названием.

22.06

В этот день — 9 июня 1917 года по старому стилю — в Севастополе прошел грандиозный митинг, в котором приняли участие десятки тысяч матросов Черноморского флота и солдат сухопутных частей, расположенных в Крыму. Депутатское собрание матросов Черноморского флота решило заручиться массовой поддержкой для того, чтобы сместить со своего поста и арестовать командующего флотом адмирала

Колчака. Но за арест адмирала высказались лишь команда одного корабля и одна дружина из береговой охраны, остальные были против. Александр Васильевич пользовался огромным уважением среди матросов, при нем Черноморский флот продолжал боевые операции — минирование Босфора, нейтрализацию турецкого флота и германской эскадры — даже в условиях нарастающей анархии. Какое-то время после февраля 17-го Колчаку, казалось, удалось уберечь Черноморский флот от такого распада, который происходил на Балтийском флоте. Но в мае 17-го с Балтики в Крым прибыло несколько десятков матросов из так называемого «делегатского собрания», которые развернули активную большевистскую агитацию. Главным требованием стало снятие с поста Колчака. И тут не помогло даже прямое вмешательство и присутствие военного министра Керенского. Его призывы к сохранению дисциплины не возымели действия. Несмотря на отказ массового митинга поддержать активистов, радикально настроенные члены делегатского собрания той же ночью начали арестовывать морских офицеров. Пришли и на корабль, где находился Колчак, потребовали сдать и сдать оружие. Адмирал, взяв в руки свою именную золотую саблю, пожалованную за оборону Порт-Артура, заявил комитетчикам: «Японцы, наши враги, — и те оставили мне оружие. Не достанется оно и вам. И с этими словами выбросил саблю за борт». Эта сцена стала потом легендой. Но на следующий день ее описание будет опубликовано во многих газетах. Тогда же станет ясно, что Колчаку удалось избежать ареста, грозившего тут же обернуться расстрелом. *«Положение несколько выясняется, — писала газета «Утро России». — Адмирал уехал из Севастополя без инцидентов. Американская миссия,*

пытавшаяся использовать свой статус неприкосновенности для защиты Колчака, последовала вслед за ним. В Севастополе продолжаются бурные митинги, большевики-балтийцы развивают энергичную агитацию против войны».

Что говорить, в те дни судовые комитеты Черноморского флота принимали резолюции об аресте командиров за излишнюю храбрость, за свои приказы выводить корабли в море на боевые задания. И если для Турции 1917 год начался безнадежно — русский флот минировал Босфорский пролив, готовя плацдарм для высадки в Константинополе, то, как писал адмирал Смирнов, *«к лету деятельность русского флота на Черном море стала заметно ослабевать. С уходом Колчака с поста командующего флотом Россия явно начала выходить из строя союзников, ее флот умирал. Революция и большевистский переворот его окончательно добились».*

23.06

В этот день — 10 июня 1917 года по старому стилю — газета «Утро России» опубликовала репортаж о крупном ЧП, произошедшем накануне в Москве. В Бутырской тюрьме вспыхнул бунт, закончившийся применением вооруженной силы: *«Около 10 часов вечера дезертиры, содержащиеся в Бутырской пересыльной тюрьме, были выпущены в уборную. Воспользовавшись этим, они внезапно набросились на надзирателей и обезоружили их, после чего стали отпирать камеры, где сидели уголовники. Затем вместе с уголовной*

толпой человек до шестисот высыпали на так называемый церковный двор тюрьмы, намереваясь вырваться на улицу. Никакие уговоры начальства не действовали. Вскоре на место происшествия прибыли комиссар московского градоначальства Никитин, представители прокуратуры и Совета солдатских и рабочих депутатов. Они обратились с увещеваниями к возбужденной толпе. Но безрезультатно». Известно, что по инициативе Советов солдатских депутатов в русской армии была отменена смертная казнь за дезертирство. И это несмотря на военное время, боевые действия на фронте. Цена тюремного срока по сравнению с жизнью — мелочь. Число дезертиров в эти месяцы угрожающе росло. Более того, эти люди апеллировали к завоеваниям революции. Кричали: «Не хотим быть в тюрьме — мы теперь свободные граждане». Известие о происходящем в Бутырке быстро облетело округу, и улицу, прилегающую к тюрьме, заполнили тысячные толпы москвичей. Согласитесь, довольно странно идти туда, откуда могут выбежать сотни вооруженных уголовников. Но картина была именно такой. Растерявшееся было начальство наконец пришло в себя, и вскоре к тюремным стенам подошли части 56-го пехотного полка и конные казаки. Взбунтовавшиеся встретили их револьверными выстрелами. Тогда солдаты пошли в наступление, завязался настоящий бой: «Двор Бутырской тюрьмы огласился стонами. “Мы вам этого не забудем!” — кричали дезертиры. “Марш по местам! — кричали им в ответ казаки и солдаты. — Ежели не хотели сидеть в окопах, так посидите здесь”». Ошеломленные такой решительностью, дезертиры начали разбегаться по камерам, солдаты подгоняли их прикладами. В результате,

по сведениям редакции газеты, семь человек было ранено, из них четверо тяжело. Среди раненых был один солдат из конвойной команды. Примечательно, что не меньший интерес, чем описание самого тюремного бунта, «Утро России» проявило и к реакции горожан: *«До глубокой ночи по улицам и переулкам, прилегающим к Бутырской тюрьме, кучки граждан оживленно комментировали на РАЗНЫЕ ЛАДЫ этот печальный факт, возмущаясь при этом не столько взбунтовавшимися дезертирами, сколько агитаторами, которые, по слухам, проникли в тюрьму и взбунтовали заключенных»*. Вот и думай теперь, чего в такой оценке события больше, социальной безответственности — «даешь всем свободу» — или наоборот.

26.06

В этот день — 13 июня 1917 года по старому стилю — обострилась полемика вокруг подрывной деятельности Германии внутри России. В ней появилась новая тема. До этого ломали копыя исключительно вокруг пораженческой тактики большевиков, требовавших незамедлительного заключения мира с противником. Кстати, накануне в большевистских газетах была опубликована статья «России не нужны Дарданеллы», где доказывалась выгодность торгового сотрудничества с Германией и Австро-Венгрией, а в этот день, 13 июня, всеобщее внимание было обращено на сенсационное сообщение газеты «Утро России»: *«Центральный комитет по делам военнопленных при главном*

управлении Красного Креста передал сообщение о тактике германцев по отношению к Украине и украинцам. При осмотре врачебным персоналом прибывшего инвалидного поезда из германского плена было обращено особое внимание на то обстоятельство, что среди инвалидов резко выделялась группа лиц, у которых был несравненно более здоровый вид, чем у остальных военнопленных. Эту группу составляли украинцы. Из опроса оказалось, что, в отличие от других, с украинцами обращались совершенно иначе. Они не терпели никаких лишений, имели газеты на родном языке, пользовались значительной свободой передвижения». Очень интересно. Во-первых, интересен сам по себе факт обмена военнопленными. Инвалидный поезд. Известно, что практика обмена действовала на русско-турецком фронте на протяжении трех лет, причем она не замыкалась на больных и раненых, а имела адресный характер — офицера на офицера. Но оказывается, на основном театре военных действий летом 17-го существовала и практика возвращения именно больных и раненых военнопленных. Общее число солдат и офицеров русской армии, оказавшихся в плену, было очень существенным — более двух миллионов человек. Один поезд погоды не делал, но, как видим, мог сделать погоду сугубо политическую — вбить клин в межнациональные отношения. И на это прямо указывает «Утро России»: «В берлинском “Русском вестнике” — органе политэмигрантов, под заголовком “Плохое обращение с украинскими офицерами в русской армии” сообщается о якобы недостойном положении украинских офицеров. Только в окопах они полноценные товарищи русского офицера, но картина меняется уже в тыловых позициях. Здесь русские офицеры смотрят на

коллегу-украинца свысока или сторонятся его. Ему говорят в глаза, что он малоросс, не умеет вести себя в порядочном обществе и неспособен по своему происхождению занять какой-либо высокий пост в армии». Теперь понятно, что речь идет об офицерах военного времени, мобилизованных, в данном случае, из числа сельской интеллигенции южных губерний России. О «пышноусых пасечниках с Полтавщины» — как называл их Михаил Булгаков в своей «Белой гвардии». Отношение кадрового офицерства русской армии к офицерам военного времени действительно было высокомерным, но оно при этом не строилось на этнической, национальной почве.

Однако тема эта была актуальной. В те дни шел процесс так называемой украинизации воинских частей русской армии, дислоцированных на Украине. Комплектование их жителями малороссийских губерний. Этим занимался сам главком генерал Брусилов. В процессе активно участвовали национальные политические силы, оживившиеся в тот момент. Достаточно сказать, что в этот день военный министр Керенский подписал протокол о признании Генерального секретариата Центральной рады Украины в качестве легитимного политического органа. Это событие, в свою очередь, станет прологом провозглашения Украинской народной республики 7 ноября 1917 года, сразу же после захвата власти большевиками в Петрограде.

27.06

В этот день — 14 июня 1917 года по старому стилю — Тамбовский совет солдатских депутатов известил Моссовет о ликвидации так называемой Кирсановской республики. Уездный город Кирсанов в Тамбовской губернии стало лихорадить сразу после известия об отречении Николая II. Начались бесконечные митинги, по всему уезду — погромы усадеб, похищения людей. Комиссары Временного правительства были не в силах восстановить порядок. Тут на горизонте возник некий господин Трунин, владелец магазина, по специальности — столяр-мебельщик. Трунина почему-то потом будут величать купцом, но суть не в этом, а в том, что на пустом месте возникший «блок Трунина» победил в мае 17-го на выборах в местную городскую думу. Будучи человеком жестким, а по взглядам праворадикальным, если не сказать — антисемитом, Трунин, опираясь на бывших жандармов и полицейских, и вообще тех, кого не обрадовала воцарившаяся после Февральской революции анархия и вседозволенность, стал наводить в уезде порядок. Разбой прекратились. На улицах города воцарились тишина и порядок. Войдя во вкус, Трунин потребовал от Временного правительства выслать из страны Ленина — это была, так сказать, внешнеполитическая программа, потому что внутренняя содержалась в том, что город Кирсанов объявил об автономии, а Трунин провозгласил себя генерал-губернатором Кирсановской республики. Напомним, что до 1917 года этот край процветал в экономическом плане — это была самая настоящая житница — чернозем, пшеница, крепкие хозяйства.

Население увеличивалось, а главное, чувствовало себя самодостаточным. Многих устраивало, что новоявленный диктатор избавил уезд от реквизиций со стороны центра и от бандитизма внутри. Однако оппоненты Трунина резонно доказывали, что избавил он всех от бандитизма просто потому, что сам стал бандитом и «крышует» погромщиков. В самом деле, Трунин обложил местных торговцев особой данью на содержание своей дочери, учившейся тогда в Москве.

В конце мая 17-го года для подавления сепаратизма, причем столь колоритного и неоднозначного, в Кирсанов прибыл эмиссар Временного правительства, губернский прокурор Антонов. Да-да. Тот самый Александр Антонов, который три года спустя возглавит крестьянское восстание на Тамбовщине, то есть фактически превратится в такого же Трунина. Но в мае 17-го его отряду милиции не удалось арестовать местного диктатора. Толпа отбила своего лидера на вокзале, когда Трунина попытались этапировать в Тамбов. Более того, сам Антонов был арестован. И только спустя две недели удалось, как пишет газета «Утро России», *«организовать Трунину сопротивление со стороны наиболее сознательной части населения Кирсанова и гарнизона города. Туда были посланы агитаторы, организован выпуск специальной газеты. Благодаря усилиям наиболее культурных элементов местного гарнизона удалось употребить вооруженную силу для ареста трунинской шайки. На улицах Кирсанова завязалось форменное сражение, в результате которого восемь человек было убито и более десяти ранено. Только после этого удалось арестовать Трунина и 40 его единомышленников, которые содержатся теперь в тамбовской тюрьме»*. Любопытно, что Трунин пережил лихие годы — революцию и Гражданскую

войну, в начале 20-х вернулся в родной Кирсанов, правда явно повредившись в уме. Ходил по улицам, размахивал руками и громко разговаривал. В общем, стал городским сумасшедшим. Хотя некоторые считали, что, наоборот, это был здравый и дальновидный ход со стороны неудавшегося диктатора.

28.06

В этот день — 15 июня 1917 года по старому стилю — обострилась полемика вокруг главной проблемы — войны и мира. Принято считать, что агитация за мир без аннексий и контрибуций, за немедленное прекращение боевых действий, словом, все то, за что ратовали большевики, не встречала аргументированной контрпропаганды. Вовсе нет. Газета «Утро России» под заголовком «Завоеватели», со ссылкой на материалы швейцарской печати впервые рассказала о невыносимом положении, в котором оказались жители оккупированных немцами районов Литвы и Польши, входивших в состав Российской империи перед началом мировой войны. Газета писала: *«Экономическое положение Литвы отчаянное, в особенности в больших городах. Лишенные всякой помощи люди глядят в глаза голодной смерти. Число детей до десяти лет уменьшилось наполовину. Причину этого нужно искать в недостатке пищи. Запрещение германскими властями вывоза конденсированного детского питания, молока из Швейцарии и Дании является тяжким ударом для детей Литвы. Ответственный Литовский комитет, действующий в Вильно, раз-*

дает ежедневно 35 тысяч порций хлеба — это капля в море. Литве грозит голод. В первых числах июня в католических церквях мира был проведен сбор средств в пользу литовцев, которые взывают о помощи». Малоизученная тема — положение подданных Российской империи на оккупированных немцами территориях. Летом 17-го линия фронта проходила к западу от Риги, в нескольких десятках километров восточнее Вильно (теперь Вильнюса), далее на юг через Барановичи и Пинск, на Западную Украину. То есть вся так называемая «русская Польша» оказалась в руках Германии. Показательно, что поляков, в том числе и активных в политическом плане, в России было тогда очень много. Проблема заключалась в том, что немцы обещали восстановить после войны независимость Польши, но и Временное правительство объявило о готовности рассмотреть планы федерализации России, права национальных автономий вплоть до отделения. Кстати, в рамках этого решения в декабре 17-го уже советская власть в лице Ленина признает независимость княжества Финляндского. Что касается Польши, судя по публикациям лета 17-го года, в России вовсе не считали, что это отрезанный от большой страны ломоть: «Польский язык по-прежнему преследуется в немецкой Польше. "Народная газета", выходящая в Катовицах, пишет о вопиющем инциденте. Учитель начальной школы, собрав в школьный зал учеников, которые дома говорят по-польски, начал объяснять им, что существует только единственная "немецкая родина" и поэтому надо говорить только по-немецки. Для пущей наглядности учитель пригрозил хлыстом. В довершении всего было объявлено, что дети из малоимущих семей не будут получать бесплатные школьные принадлежности до тех пор, пока не

перестанут дома говорить по-польски». Вывод, даже лучше сказать, мораль, которой газета «Утро России» завершала эту публикацию, была явно адресована русским революционерам: «Так подготавливают завоеватели мир “без аннексий и контрибуций на праве самоопределения народов”... Теперь польские дети, которым пригрозили хлыстом, это право на самоопределение изучают на практике».

29.06

В этот день — 16 июня 1917 года по старому стилю — в Петрограде произошло очень характерное ЧП. Как писала газета «Утро России», *«в кавказском погребке князя Макаева на Невском проспекте разыгрался дебош, едва не закончившийся печально. В одном из кабинетов группа неизвестных, одетых в военную форму, неожиданно запела старорежимный гимн “Боже, царя храни”. При этом некоторые открыли стрельбу».* Картинка прямо как из известного всем фильма про неуловимых мстителей. Царский гимн запрещен, но не в запрете дело, а в кажущемся единстве мнения, что так тому и быть, монархистов в России не осталось. И вот такой афронт. «Одетые в военную форму», не проще ли сказать — группа офицеров...

Впрочем, продолжим цитату, потому что реакция на эту эскападу явно политического свойства тоже показательна. *«Огромная толпа окружила ресторан. Группа кутил, исполнявших царский гимн, была арестована толпой, которая потащила их топтать в Мойку. Милиция и сознательные солдаты еле*

удержали толпу и с большим трудом доставили группу в комендантское управление. Толпа долго не расходилась, требуя самосуда над черносотенцами, посмеявшимися петь гимн старой России». Эпизод этот просто, как дважды два, доказывает, что в стране все готово к гражданской войне. Стремительная самоорганизация толпы... Ведь «ответка прилетает» тут же в процессе исполнения гимна. Однако пока еще перевешивает масса — нет, не покоя и инертности, а масса здравомыслия и ответственности. В который уже раз рассказывая об уличных конфликтах и беспорядках весны и лета 17-го года, заканчиваем утешительно. Торжествует закон. И нарушители порядка — офицеры, певшие «Боже, царя храни», — отправлены в комендатуру, а радикалы, боевики-анархисты, готовые чинить самосуд на каждом шагу, обузданы сознательными солдатами. Пока что таковые преобладают.

Еще одна проверка на прочность этой сознательности имела место в тот же день: *«У дворца Кшесинской, ввиду систематического разгрома, которому подвергается в последние дни этот особняк, по распоряжению генерала Половцева поставлены были патрули гвардейского Павловского полка для охраны от расхищения драгоценностей. Сегодня солдатский патруль заявил себя сторонником ленинцев, вследствие чего Половцев распорядился охрану снять».*

Не совсем понятно. Снять... и прислать другую? Или снять вообще? Потому что судьба печально знаменитого особняка Кшесинской — это маркер. Постоянно, с первых дней Февральской революции это объект чьего-либо интереса. Захвачен анархистами, потом революционными солдатами, в апреле там разместились партийные структуры РСДРП(б), типография большевиков, да и сам Ленин там обитал некото-

рое время, выступал с балкона. Хозяйка обращалась в суд. Суд вынес решение — освободить помещение от посторонних лиц, но в силу оно так и не вступило. Кшесинская к этому моменту уже покинула Петроград. Может, там уже и охранять нечего было? Но вопрос был в другом. Как долго будет продолжаться такой странный порядок вещей, когда на заявление «Караул устал» можно было ответить: «Хорошо. Пришлите другой».

30.06

В этот день — 17 июня 1917 года — в печати впервые появились сообщения о введении летнего времени в России: *«В данный момент Временным правительством поднят вопрос о переводе часовой стрелки на один час вперед в целях экономии топлива. Уже принято решение о проведении этого мероприятия с 1 июля сего года по всей России».*

Привычная теперь тема возникла в свое время только в связи с началом мировой войны. Поэтому «стрелки переводили» — извините за каламбур — исключительно из экономии. И первой это сделала Германия 30 апреля 1916 года. В том же году, но чуть позже, летнее время было введено в Великобритании и ее доминионах, а также англоязычных странах-союзницах. Россия, как видим, последовала этому примеру из тех же сугубо рациональных соображений только после революционных изменений в стране. А вот Соединенные Штаты к такой патриотической мере прибегли лишь в 1918-м, когда война была уже на исходе. И уже в следующем, 1919-м, от нее отказались. То же самое сделали и немцы.

Между тем сама идея принадлежит энтузиасту здорового образа жизни англичанину Уильяму Уиллету. Он лоббировал ее начиная с 1905 года, печалась, что люди все равно летом спят в ранние солнечные часы, а потом вынуждены проводить в сумерках опять же лучшие вечерние часы.

Этими эмоциональными резонами в 1917 году не руководствовалась газета «Время», в тот день ссылаясь на мнение эксперта-электротехника: *«Значительное сбережение запасов топлива от этого новшества с переводом часовой стрелки на один час вперед возможно лишь при условии, что продолжительность дневной деятельности в городах будет сокращена во всех отношениях, то есть население должно приспособиться раньше ложиться спать и раньше заканчивать всевозможные развлечения. И по этой логике необходимо будет прекращать трамвайное движение к 10 часам вечера, а пригородное железнодорожное — к часу ночи. В то же время новое мероприятие сократит потребность в топливе почти наполовину, и если считать стоимость киловатта электроэнергии в 30 копеек в час, то сэкономлено будет 800 тысяч пудов нефти»*. Вопрос о «летнем времени» в России, в отличие от замыслов Временного правительства, оказался долгоиграющим. Во-первых, срок действия его должен был закончиться 31 августа 1917 года. Но никакого решения об этом Временное правительство не приняло. Только декретом уже власти советской 22 декабря 1917 года стрелки часов были переведены на час назад. Но самое интересное, что с 1918 по 1924 год сохранялся круглогодичный сдвиг часов на один час вперед, так что уже в 1919-м летнее время в Москве фактически опережало среднее солнечное на два часа. В 1924 году это состояние было зафиксировано введением так называемого

Июнь

«поясного» времени. А летом 1930-го последовал очередной сдвиг на час вперед, причем обещанного возврата на зимнее время с октября того же года не произошло. Действие летнего времени было продлено впредь до отмены. И это состояние, длившееся уже десятилетиями, было впоследствии названо «декретным» временем.

ИЮЛЬ

Попытка большевиков свергнуть Временное правительство. Июльское «гибридное» восстание в Петрограде. Солдаты столичного гарнизона мирно, но с оружием в руках пытаются захватить ключевые объекты. Лозунги «Вся власть Советам» и «Долой министров-капиталистов». Временное правительство с трудом подавляет восстание большевиков, анархистов и кронштадтских матросов. Министр-председатель Временного правительства князь Львов уходит в отставку. Ленин временно снимает с повестки дня лозунг «Вся власть Советам». Правительство Керенского объявляет в розыск большевистских лидеров. Ленин и Зиновьев переходят на нелегальное положение. Троцкий соглашается «предстать перед буржуазным судом».

13 июля Временное правительство во главе с новым премьером — А. Керенским — объявляет о восстановлении смертной казни на фронте за дезертирство. Одновременно приняты меры по розыску и аресту Ленина и его соратников, обвиняемых в шпионаже в пользу Германии.

Окончание режима «двоевластия», укрепление позиций эсеров и меньшевиков в Советах рабочих и солдатских депутатов. Приняты законы об охране личности, о тайне переписки, сохранности жилья, порядке задержания и ареста, выборности судей, об отмене полицейского надзора и правил «чрезмерной охраны» на железных дорогах. Объявленные на сентябрь выборы в Учредительное собрание перенесены на ноябрь 1917 года.

Второе коалиционное Временное правительство, состоящее из эсеров, меньшевиков и «революционных демократов», расширяет полномочия министра-председателя А. Ф. Керенского.

VI съезд РСДРП(б), проходивший подпольно, берет курс на установление диктатуры пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством путем вооруженного восстания. В партию большевиков вливается «межрайонная» организация во главе с Л. Д. Троцким.

03.07

В этот день — 20 июня 1917 года по старому стилю — наступление русской армии на Юго-Западном фронте, в Галиции, было приостановлено. Это было последнее масштабное событие Первой мировой на Восточном фронте, вошедшее в историю как «наступление Керенского». В день его начала — 18 июня по старому стилю — военный министр пафосно провозглашал: *«Сегодня великое торжество революции. Русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление»*. На самом деле все было не так. Подготовленное в штабном отношении самым лучшим образом, кадрово обоснованное (генерал Брусилов, генерал Корнилов), материально обеспеченное, наступление захлебнулось по одной-единственной причине — катастрофического падения воинской дисциплины во фронтовых частях. После прорыва передовой линии обороны противника в районе Злочева и Бржезан, что было сделано ударными, отборными

ми частями, продвижение в сторону Львова затормозилось, потому что в обычных пехотных частях этот вопрос — о наступлении — был вынесен на рассмотрение полковых комитетов, и начались митинги, обсуждения. Причем резоны выдвигались самые нелепые: *«Наша артиллерия так хорошо поработала, что на захваченных позициях противника все разрушено, даже заночевать негде»*. В итоге, несмотря на преимущество в живой силе и в той же артиллерии, дело застопорилось из-за невозможности заставить войска идти вперед.

Такая же картина сложится и на другом участке, уже русско-австрийского фронта, где в наступление пойдет 8-я армия под командованием Корнилова. Оно начнется спустя три дня на участке Галич — Станислав. Оборона австрийцев, действительно во многом более слабая, чем германская, будет прорвана на всем участке наступления. Семь тысяч пленных только за первый день боев. Спустя неделю русская армия займет города Станислав (ныне Ивано-Франковск), Галич, Калуш, выйдет на рубеж реки Ломница. Но и здесь возникнет та же проблема: ряды «ударников», то есть части, подготовленные и дисциплинированные, понесут потери, а не то чтобы заменить, даже просто усилить их окажется нечем. И хотя общие потери трех армий фронта за две недели наступательных действий, то есть к середине июля, были отнюдь не катастрофичны — 1222 офицера и 37 с половиной тысяч солдат, качество этих потерь оказалось невосполнимым. Погибли те, кто действительно соответствовал прекраснодушной оценке Керенского — и патриоты, и революционеры, люди, верившие в победное окончание войны и готовые отдать за это свои жизни.

Благодаря безудержной контрпропаганде, которой занимались большевистские агитаторы, в действующих частях

фронта началось массовое дезертирство. Генерал Головин в своих мемуарах писал: *«Толпы бегущих с фронта заполонили все дороги, производя величайшие зверства, расстреливали попадавших на пути офицеров, грабили и убивали местных жителей, без различия сословия и достатка, хотя делалось все под внушенный большевиками лозунг “режь буржуя”»*. О масштабах падения дисциплины можно судить по такому факту. Ударный батальон, присланный в качестве заградотряда в тыл 11-й армии в местечке Волочиск, только за одну ночь задержал 12 тысяч дезертиров. 19 июля 1917 года, несмотря на серьезные проблемы такого же рода в своей армии, немцы перейдут в наступление на этом участке фронта.

04.07

В этот день — 21 июня 1917 года по старому стилю — Временное правительство приняло закон о предоставлении женщинам-юристам права вступать в адвокатуру, быть частными поверенными и присяжными стряпчими. *«Фактически с этого момента словосочетание “женщина-адвокат” обрело реальный смысл»,* — писала газета «Утро России», уточняя, что *«за несколько месяцев, прошедших после революции, то есть с февраля 17-го, в сословие присяжных поверенных было принято значительное количество женщин, но они были обречены на бездействие, поскольку суды не выдавали им свидетельств на право ведения чужих дел»*. Но главное, конечно, заключается в том, что равноправие между мужчинами и женщинами в столь важной сфере жизни, как судопроизводство, мож-

но было считать достижением революции без каких-либо оговорок.

В те дни социальная и политическая активность женщин наглядно проявляла себя. Напомним, что днями ранее в Москве и Петрограде прошли собрания женщин, готовых пойти добровольцами в армию, началось формирование женских батальонов. Стали появляться и женские политические лидеры.

Громкую полемику вызвала публикация в большевистской «Правде» статьи Александры Коллонтай «Пленники русских империалистов», в которой предлагалось предоставить пленным солдатам и офицерам германской и австро-венгерской армий все свободы наравне с русскими гражданами. По той простой большевистской логике, что эти люди в свое время оказались заложниками своих империалистов, германских и австрийских, погнавших их силком на войну, а теперь они в положении пленников уже империалистов русских. В то время как общие цели и задачи пролетариата требуют объединить усилия, и сотни тысяч военнопленных вражеских армий, оказавшихся внутри России, — это потенциально мощный отряд в поддержку пролетарской революции. С жесткой критикой таких призывов, апеллируя к национальным, патриотическим чувствам, выступили две общественные организации. Кто бы помнил о них: это были Комитет бежавших из плена (председатель ефрейтор Медведев) и Союз инвалидов войны (председатель солдат Артемьев). В их заявлении говорилось: *«Госпожа Коллонтай заботливо посвящает целую статью вражеским пленным, хотя в настоящее сложное время им уже неосторожно предоставлены свободы, о которых и мечтать не могут два*

миллиона наших злополучных товарищей, русских военнопленных, приниженных до скотского состояния и планомерно, всеми способами истребляемых в германских и австрийских лагерях. Но Коллонтай о них почему-то вовсе не вспоминает. Не говоря уже о том, что ее тезка — сердобольная царица-немка Александра Федоровна с придворными немцами и без того постоянно улучшали положение германских и австрийских пленных в России». Итак, первое заметное участие Александры Коллонтай, в будущем видного партийного и государственного деятеля, в событиях 1917 года выразилось в хитроумной попытке соединить антивоенные взгляды, призывы к человеколюбию с революционной экстремой сторонников диктатуры пролетариата.

05.07

В этот день — 22 июня 1917 года по старому стилю — начальник московской милиции Никитин подписал приказ, в котором говорилось: «Прошлого дня имел место случай обстрела чинов милиции вооруженными черкесами, нанятыми частным лицом для охраны своего владения. В результате возникшей перестрелки был ранен один милиционер. Считаю необходимым разъяснить, что наем частными лицами особых стражников, телохранителей, никоим образом не будет мною допущен в Москве. Всякие такого рода охранники должны быть немедленно распущены. Контроль за исполнением приказа возлагаю на участковых комиссаров милиции». Февральская революция упразднила не только монархию,

одновременно была ликвидирована существовавшая при царизме система органов безопасности, охраны порядка. Были ликвидированы жандармские управления. Причем в первые послереволюционные дни прямо в газетах печатались списки тайных агентов и осведомителей охранного отделения (органа политического сыска). Все городовые, участковые чины полиции автоматически были уволены, причем с запретом заниматься, скажем так, профессиональной деятельностью впредь. Исключение было сделано для представителей следственных органов, ведущих дознания по криминальной и уголовной части.

Естественно, образовалась пустота, которую заполнили люди другой закваски. На офицерские должности были назначены представители общественности, партийные активисты, депутаты местных выборных органов власти и земства. Рядовой состав пополнили студенты, горожане-обыватели, в основном молодежь. С одной стороны, все они были не запятнавшими себя пособничеством с царизмом, но с другой — профессионально неискушенными. Авторитет новой власти и без того был невысок. Кроме и даже помимо милиции общественный порядок в городах в первую очередь поддерживали вооруженные отряды из солдат местных запасных полков и гарнизонов. Они ориентировались на соответствующие исполкомы солдатских и рабочих депутатов. И представления о порядке и нарушениях закона у них были специфические. Словом, на улицах царило двоевластие. Но как выяснилось, обыватель в этой ситуации решил защищать себя сам. Не каждый, конечно, а такой, у кого для этого были средства. Бизнесмены, купцы, хозяева магазинов стали нанимать вооруженную охрану, иногда, как видим из

процитированного документа, — характерную и знаковую, кавказцев и черкесов.

Показательно, что начальник московской милиции Никитин, упомянув этнический аспект проблемы лишь однажды, все свое возмущение обратил на явление как таковое: *«Существование учреждений охраны, образованной частной инициативой, допустимо лишь в качестве вспомогательных органов с полным подчинением начальнику милиции города Москвы. От него зависит как само по себе разрешение существовать таким органам охраны на правах дополнительной милиции, так и определение круга обязанностей и порядка несения службы. Предупреждаю, что всякие частные охраны, созданные без ведома управления милиции, совершенно недопустимы. О каждом случае обнаружения подобной организации немедленно доводить до моего сведения»*. Вроде бы все жестко и однозначно. Но осадок остался. До сведения начальника московской милиции о таких случаях, конечно, доводили и впредь, но просто потому, что мало кто послушался его приказа.

06.07

В этот день — 23 июня 1917 года по старому стилю — Москва жила ожиданием предстоявших в ближайшее воскресенье выборов в Московскую городскую думу. *«Уже избирателям на квартиры разносят билеты на право участия в выборах с семью партийными списками лиц»*, — писали в тот день «Московские ведомости». *«Стены запестрели программами,*

призывами с неизменным припевом “голосуйте за нас”. Увы, творцы этих программ, быть может, очень милые, очень честные, но только мечтатели, а не деловые люди, потому что все программы обещают избирателям молочные реки с кисельными берегами, райское житье в Москве и чуть ли не дворцы для этого жилья вместо нынешних скромных, а зачастую обладающих многими недостатками жилищ». В цитате виден сарказм и даже оттенок разочарования. Между тем речь в газете идет о первых в истории России выборах по новому, самому либеральному по тем временам закону. Он был принят Временным правительством в апреле 1917 года. Впервые право избирать и быть избранным получали все граждане старше 20 лет, независимо от пола, национальной принадлежности, отменялись имущественный ценз, ценз оседлости, в выборах впервые могли принять участие военнослужащие — независимо от чина.

Мало кто отдает себе отчет в том, что отнюдь не советская власть предоставила женщинам равные политические права, это сделало, как видим, Временное правительство уже весной 1917-го. Добавим, что на таких же максимально свободных основаниях осенью 1917-го пройдут и выборы в Учредительное собрание.

Однако, судя по откликам в прессе, общественность мало волновали эти соображения. «Московские ведомости» писали: *«Поговорим не о прекраснодушных обещаниях, а о действительности. Хозяйство города и его финансы находятся в такой ужасающей, в такой вопиющей разрухе, что гласным Московской городской думы предстоит думать не о постройке дворцов, а о всемерной экономии, чтобы сводить*

концы с концами и привести хозяйство Москвы к приличному состоянию, в котором оно было еще лет пять назад». Пять лет назад — это значит перед войной. И москвичам, должно быть, есть с чем сравнивать, и сравнение было не в пользу будущих обещаний. Тем более что городская управа в те дни сообщила о готовившемся повышении цен на проезд в городском транспорте — с 10 до 20 копеек, о повышении тарифов на воду с 16 до 35 копеек за сто ведер. Учитывая, что четыре из семи партий, участвовавших в московских выборах, принадлежали к так называемому революционному лагерю — эсерам, меньшевикам, большевикам, народным социалистам, многое в предвыборной агитации строилось на классовых началах. На это «Московские ведомости» скептически замечали: «Мечтатели обещают взять в пользу города что-то от капиталистов. Но как сумасшедшая плата за трамвай отягчит долю олигарха? Это ударит по городскому обывателю, по бедноте. Мечтатели думают обложить налогом домовладельцев, а те переложат довесок на своих жильцов, увеличив арендную плату». Удивителен этот критический настрой против обещаний социалистов, с которыми газета, похоже, ассоциирует и само Временное правительство. Потому что на тот момент правительство увеличило ставку подоходного налога для богатых и супербогатых. Но и это, оказывается, не радовало, потому что «с капиталиста, как и с вола, можно содрать не более одной шкуры, и та дань, которую они отныне станут платить, уйдет в госбюджет, то бишь на войну, а не на городское хозяйство, тем более не столичное, а московское».

07.07

В этот день — 24 июня 1917 года по старому стилю — московские газеты продолжали оживленно обсуждать тему предстоящих выборов в городскую думу. Напомним, что они проходили впервые по новому закону, принятому Временным правительством в апреле 17-го. И это были первые в истории страны и мира выборы, в которых наравне с мужчинами участвовали женщины. Потому что действовавшее в тот момент всеобщее избирательное право в Англии, США, Франции, Швейцарии и еще семи странах все-таки существенно ограничивало прямое участие женщин в голосовании. Кроме того, за рубежом право голоса предоставлялось в 23–25 лет, а в России возрастной ценз был 20 лет. При этом все другие цензы — имущественный, ценз оседлости были отменены. Таким образом, число избирателей в Москве летом 17-го составило миллион двести тысяч человек, из которых в выборах приняло участие 646 тысяч. Выборы проходили по партийным спискам. В них участвовало семь партий. «Московские ведомости» отмечали: *«До сих пор на выборах в городскую думу борьба шла между двумя-тремя партиями, еще никогда не было такого обилия программ, как сейчас. Но, выиграв в количестве, программы потеряли в качестве. При внимательном их прочтении обнаружится один общий недостаток — программы эти совершенно невыполнимы»*. Наверное, на этой несбыточности отразилось то обстоятельство, что большинство было за партиями левого революционного толка, которые много места в своей агитации уделяли несбыточным, как тогда казалось, социальным

преобразованиям. Газеты подметили и такую особенность предвыборной кампании, как недосказанность, заигрывание с избирателями. Газета «Время» в тот день опубликовала фельетон — диалог на улице между городским обывателем и агитаторами, все равно какой партии: *«Позвольте ознакомиться вас с задачами нашей партии... — Вы лучше скажите, что вы обещаете? — А что вас интересует? — Трамвай... — Наша партия предлагает не допустить повышения проездной платы. — Немного. Тут до вас агитатор предлагал уменьшить ее. — Но ведь это же невозможно! — В этот момент появляется еще один агитатор. — Что вы его слушаете. Идеал нашей партии — бесплатный проезд по всем трамваям. — Вы за кого меня держите? — За избирателя... — Не иначе как за сумасшедшего избирателя. — Почему же это? — Да разве даром могут возить? — Так я же говорю о нашем идеале»*. Вывод, к которому приходит газета «Время»: *«чего ни пожелаешь, то все и обещают. Скоро услышим, что каждому пассажиру трамвая будут платить по гривеннику, чтобы он в нем проехался при новой партии»*.

Что касается итогов выборов — в Московскую городскую думу прошли пять из семи партий. Победили эсеры — социалисты-революционеры, то есть партия Керенского. 117 мест из 200. Второе место заняла партия народной свободы — или кадеты. Из процитированного фельетона это были те, кто обещал самое небольшое — не увеличивать плату за проезд в трамвае. Единственная из умеренно-буржуазных. 24 места в Московской думе досталось меньшевикам, 23 — большевикам, 3 депутата представляли народно-социалистическую партию. Среди новых гласных городской думы было 12 женщин. Это были первые женщины-депутаты в истории страны.

Самые известные из имен — Инесса Арманд, соратница Ленина, и Екатерина Пешкова, жена Максима Горького.

В дни Октябрьской революции Московская городская дума станет оплотом и защитницей Временного правительства и будет распущена большевиками 5 ноября 1917 года по старому стилю, в день провозглашения в Москве советской власти.

10.07

В этот день — 27 июня 1917 года по старому стилю — завершилась конференция военных организаций РСДРП. К этому времени партия большевиков была уже заметным явлением. В первую очередь благодаря жесткой антивоенной пропаганде и призывам к экспроприации. Мало кто вникал в аргументы и тезисы Ленина о пролетарской революции, о социализме. Зато большевики успели произвести впечатление, проводя митинги и манифестации, перераставшие в захват особняков, дворцов и прочей «буржуйской собственности». Наблюдатели отмечали, что в этих акциях на стороне РСДРП выступают анархисты и радикально настроенные солдаты и матросы. Кстати, во многом из-за активности большевистских агитаторов-матросов, прибывших с Балтики в Севастополь, радикалам удалось в июне 17-го добиться отставки адмирала Колчака с поста командующего Черноморским флотом. Поэтому внимание к упомянутой конференции объяснимо. Но в данном случае внимание это вдвойне примечательно, поскольку в тот день, пожалуй,

впервые не в партийной большевистской печати, а в общенациональной прессе было упомянуто имя Сталина. Цитирую заметку в газете «Утро России»: *«С докладом о национальном движении и национальных полках на конференции выступал Сталин. Докладчик раскритиковал политику Временного правительства в области национального вопроса. Финны — заявил Сталин — захотели оформить существующую уже десятки лет автономию. Временное правительство воспротивилось этому. Украинцы захотели реализовать свое право на самоопределение в виде провозглашения еще несуществующей национальной автономии. Временное правительство заявило свой протест и против этого, передавая решения по этим вопросам в Учредительное собрание. Сталин предложил резолюцию, которая утверждает за Украиной право на полное национальное самоопределение, вплоть до государственного отделения и создания национальных полков».*

Вот так считается, что Временное правительство заигрывало с сепаратистами и националистами, проявляло слабость. С точки зрения большевиков, и в частности Сталина, летом 1917-го Керенский и компания вполне твердо и жестко стоят на позиции сохранения единого государства, откладывая решение вопроса об автономии или федерализации до окончания войны или как минимум до созыва Учредительного собрания. На Украине между тем явочным порядком провозглашается создание Центральной рады, идет украинизация частей русской армии. И, оказывается, большевики все это приветствуют, даже подталкивают своими резолюциями. Логика понятна: пока мы не у власти, любые властные решения следует подвергать критике и работать в противоположном направлении. Потом, в годы советской

власти, об этой позиции главного специалиста в национальном вопросе — Сталина, — конечно, забудут. На упоминания о том, что Украина имеет право на самоопределение, вплоть до отделения, будет наложено ТАБУ. Страшно даже будет подумать о том, что сам Сталин такое мог говорить. Но факт остается фактом. Усугубляя политический кризис в России летом 17-го с целью захвата власти, большевики в тот момент ратовали за отделение от России не только Финляндии и Польши, но и Украины.

11.07

В этот день — 28 июня 1917 года по старому стилю, — как и в другие последние дни июня, в России активно обсуждали новые законы Временного правительства, которые должны были вступить в силу с 1 июля. Три закона чрезвычайной важности. Первый — устанавливал прогрессивную шкалу налогообложения, от 1 % при годовом доходе в тысячу рублей до 30 % и выше при доходе более 400 тысяч рублей. Второй — утверждал (вводил) единовременный налог в размере подоходного, то есть удваивал сумму. Третий закон — о дополнительном налоге на прибыль торгово-промышленных предприятий — и вовсе был беспрецедентен. Прирост прибыли облагался дополнительным платежом в бюджет в размере от 40 до 80 %. Учитывая некоторые перекрестные и совпадающие позиции, в законе пришлось делать уточнение: «общая сумма налога на прибыль не может превышать 90 %». Каково? Кроме того, закон этот имел обратную силу.

Распространялся он на финансовые показатели прошедшего, 1916 года.

Конечно, все познается в сравнении. И на фоне большевистских лозунгов «фабрики — рабочим» это было социал-соглашательство, полумеры. Но факт остается фактом, финансы при Временном правительстве в исполнении либералов-кадетов и умеренных социалистов — эсеров и меньшевиков пели грозные революционные романсы. Отдать треть общего дохода и девять десятых от прибыли, да еще дважды, за прошлый год! Это круто. Бизнесмены были шокированы. А общее мнение состояло в том, что если первый закон о прогрессивном налогообложении еще можно оправдать кризисной ситуацией военного времени, то второй — о единовременном повторном налогообложении — вызывал, мягко говоря, сомнения. Многочисленным акционерным обществам (а именно такая форма собственности преобладала в российской промышленности) предстояло изъять обратно выплаченные акционерам дивиденды, что было технически невозможно осуществить и требовало либо брать банковский кредит, либо изымать деньги из текущих оборотных средств, то есть ставить под угрозу действующее производство, выпуск той же военной продукции. Либо... пускаться во все тяжкие — всячески уклоняясь от предъявленных выплат, скрывать размеры налогооблагаемого имущества, товаров и так далее. Что, по мнению экспертов, и должно было произойти в первую очередь.

Но больше всего бизнес-сословие было возмущено третьим законом — фактически это был закон об изъятии прибылей производителей товаров и услуг. Сам по себе это был сигнал наступающего финансового краха, обнищания госу-

дарства и страны. Госдолг к лету составлял 50 миллиардов золотовалютных рублей. Брать лишнее с промышленности в условиях нестабильной финансовой ситуации, инфляции значило обескровить, обессилить российскую промышленность. Потому что такая жесткая фискальная мера была по тем, кто пытался развивать и наращивать производство. Газета «Утро России» на простом примере доказывала это: *«По новым законам с прибыли в 100 тысяч рублей за 1916 год предпринимателю придется платить, если по средней ставке, 60 тысяч плюс по первым двум законам 28 тысяч 126 рублей, итого 88 тысяч 500. А тот, кто ничего не делал, не производил и не вкладывал, то есть прибыли не имеет, при том же капитале в 130 тысяч будет платить налог на 25 тысяч рублей меньше»*. Мораль — инициатива наказуема.

12.07

В этот день — 29 июня 1917 года по старому стилю — газета «Московские ведомости» опубликовала редакционную статью, больше походившую на сигнал SOS: *«Третьего дня, ночью, мы получили из Петрограда сообщение, что на днях, в особо тревожной обстановке, Финляндия предполагает объявить себя отделившимся от России, вполне независимым государством. Мы отказывались верить этому слуху об ударе в спину, который финны будто бы пытаются нанести демократической России, освобождение которой от царизма явилось и освобождением Финляндии. Финляндия уже свободна, фактически русская революция дала ей самостоятельность,*

а для формального признания надлежало повременить до Учредительного собрания, которое одно вправе декретировать новое государственное устройство. Финны могут сослаться на центробежное движение, охватившее всю страну, могут указать нам на украинцев. Но, относясь к сепаратистской деятельности украинской Центральной рады так же отрицательно, как и к призывам об отделении Финляндии от России, мы все же делаем разницу между наивной примитивностью мировоззрения наших малороссов, их недостаточной политической подготовленностью и Финляндией, страной идеального политического порядка и высокой европейской культуры. Мы поняли бы финнов, если бы они подняли восстание против самодержавного режима, под игом которого томилась вся мыслящая Россия. Но под палкой русских царей финны терпели, не осмеливались на активные выступления. Сейчас же, когда самодержавие сброшено, и сброшено не финнами, а дружественной им революционной русской демократией, сейчас освобожденная нами Финляндия отлагается от России, отказываясь потерпеть какие-нибудь три месяца до Учредительного собрания».

Итак, газета, выражавшая либерально-буржуазные позиции, выступает против сепаратизма. С другой стороны, в эти дни большевики, в частности устами Сталина на своей всероссийской конференции, выражают поддержку идеям независимости и Финляндии, и Украины, опираясь на лозунг «о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения». Любопытно, какие именно события вызвали такую панически негативную реакцию «Московских ведомостей»? В те дни по инициативе заместителя председателя финского сейма Оскари Токоя Временному правительству России был пред-

ставлен законопроект «О передаче решения некоторых дел Сенату и генерал-губернатору Финляндии». Имелось в виду, что все собственно внутренние дела финны будут решать самостоятельно, а компетенция Временного правительства России ограничивалась вопросами внешней политики и военного управления. То есть речь шла всего лишь о полноценной автономии, но в рамках России, поскольку созыв и роспуск финского парламента оставался прерогативой Временного правительства, так же как и решение вопросов русских граждан и организаций, находившихся на территории княжества Финляндского.

Спустя несколько дней, во время попытки большевиков взять власть в Петрограде, парламент Финляндии поспешит провозгласить себя верховным органом власти на территории Великого княжества. Однако устоявший против большевиков Керенский устоит и против центробежного движения финнов. Указом Временного правительства в июле 1917-го финский парламент будет распущен, а его здание занято частями русской армии.

13.07

В этот день — последний день июня 1917 года по старому стилю — были обнародованы статистические данные об уровне безработицы. Неожиданно выяснилось, что в одном только Петрограде безработных уже более 80 тысяч человек. Казалось бы, ситуация однозначно складывается в пользу радикально настроенных революционеров, тех же

большевиков, призывавших взять за горло буржуев и капиталистов. Однако в заочной газетной полемике тех дней обнаруживаются неожиданные контраргументы. Статья в «Московских ведомостях», заголовок — «У разбитого корыта»: *«В большевистской “Правде” еще недавно печатался какой-то дикий бред на тему, что трудящийся люд должен хватать работодателей за горло и жать покрепче, требуя хотя бы увеличения расценок труда, но теперь, оказывается, все обстоит не так просто, как казалось революционным “просветителям масс”. Если нет работы, то, понятно, нет и работодателей. И вместо того, чтобы хватать за горло, рабочие попали в цепкие лапы нужды, которая хватает за горло самих рабочих».* Действительно, в эти дни в Петрограде активность рабочего люда заключалась в том, что они осаждали заводских старост просьбами обеспечить их работой. Кстати, любопытная, малоизвестная деталь социальной инфраструктуры: в профсоюзных организациях существовала должность старост, занимавшихся трудоустройством. В частности, в те дни повышенный ажиотаж царил в союзе металлистов, куда с отчаянными мольбами обращались тысячи питерских безработных. Не лучше обстояло дело и в Москве, где в те дни закрылся крупный машиностроительный завод Семенова, работавший на нужды обороны. То, что кризис — понятно. Но важно понять и внутреннюю логику процесса, конкретные причины. Продолжим цитату из газеты: *«Владелец завода особым письмом министру торговли объяснил, что вынужден прекратить производство вследствие сильного падения производительности труда, непрерывного роста заработной платы и полного финансового истощения предприятия».* Если вспомнить то, о чем мы уже писали, — что с 1 июля 1917 года

в России начинали действовать новые законы о налогах предприятий, согласно которым вводились прогрессивная шкала налогообложения (до 30 %), дополнительный налог на прибыль (от 40 до 80 %, в зависимости от формы собственности), а кроме того, заводчики и фабриканты должны были повторно уплатить подоходный налог за предыдущий 1916 год, то «финансовое истощение» представляется отнюдь не надуманным самооправданием. Еще одна любопытная деталь. В Донецком угольном бассейне местные промышленники, идя навстречу требованиям шахтеров, вообще отказались в их пользу от всех прибылей. Но в ответ получили лишь новые требования о прибавках к жалованью, на десятки миллионов рублей превосходившие размер и прибылей, и основного капитала угольных предприятий. Рабочих, в принципе, можно было понять. Они ссылались на дороговизну. Однако, по расчетам министра труда Скобелева, если молоко, мясо, хлеб и масло (кстати, без каких-либо талонов и ограничений) вздорожало за годы войны на 400–500 %, а плата за жилье всего на 10–15 %, потому что действовал строгий запрет на увеличение арендной квартирной платы (не более 20 %), то себестоимость рабочей силы — на примере производства одного пуда продукции металлургических заводов — выросла с 98 копеек до 9 рублей. *«Разве это нормально, не на 900 же процентов вздорожала русская жизнь»*, — сетовали «Московские ведомости». И делали вывод: *«Рабочие ведут себя как победители в завоеванной стране. Нельзя резать курицу, несущую хотя бы и простые яйца»*.

14.07

В этот день — 1 июля 1917 года по старому стилю, — как потом выяснится, накануне попытки переворота, осуществленной в Петрограде силами революционного столичного гарнизона под руководством большевиков, в прессе активно обсуждались перспективы будущего. «Куда мы идем?» В данном случае так звучал заголовок статьи в «Московских ведомостях». И постановка вопроса была вызвана всеобщим мнением, что февральский порыв, крушение монархии — эти свершения уже состоялись, и в повестке дня стоят новые проблемы, возможно, даже более капитальные, чем победа над царизмом. Она уже не казалась конечной целью происходящего. Может быть, поэтому отнюдь не симпатизировавшее левым радикальным идеям издание писало: *«Надо отдать справедливость, деятели социализма проявляют замечательную энергию и настойчивость, проводят его — социализма — домогательства в практику русской жизни. Прежде всего, заметно приспособление в принципе отвлеченных программ социалистических партий к условиям действительности. Вот, например, на проходившем в Петрограде съезде народных социалистов обошли молчанием вопрос о безвозмездном отчуждении частновладельческой земли. Не иначе, партия убедилась в необходимости заплатить собственникам стоимость ее в случае отчуждения»*. Положим, в этом вопросе — о земле — газета приводит нехарактерный пример. Партия народных социалистов шла в арьергарде социал-демократического движения. Доказательство — три места из двухсот на выборах в Московскую городскую думу. Для сравнения: у меньшеви-

ков — 24, у большевиков — 23. А победили эсеры — 111. При этом социалисты-революционеры занимали более жесткую позицию в отношении экспроприации, и тот факт, что их поддержка была в разы весомее, убеждает как раз в другом, что «приспособление» к действительности отражало усиление радикальных требований. С другой стороны, в середине лета 1917 года эта чаша весов еще не склонилась на сторону тех, кто искренне пел в те дни на митингах «Отречемся от старого мира». Неудача с попыткой захвата власти явочным порядком, без вооруженного насилия, доказывает это вполне. Так что попытки успокоить общественное мнение имели под собой основание. «Московские ведомости» продолжали: *«Народные социалисты — последователи традиций народничества, раньше признавали возможным только мелкую частную собственность в лице кустарных производств и вообще проповедовали стремление к натуральному хозяйству, к домашнему производству. Теперь эта партия изменяет свой взгляд и уже не отрицает капитализма, стараясь, правда, приспособить его в своих интересах»*. Это были не просто общие слова и оценки. Представитель партии народных социалистов во Временном правительстве, министр продовольствия Пешехонов в те дни внес любопытное предложение: *«Направить все усилия к переходу нынешнего народного хозяйства на коллективно-капиталистическую основу, в виде трестов и синдикатов. Это облегчит переход к социалистическому строю, потому что, не ставя препятствий к возникновению частных предпринимательских объединений и даже требуя организации таковых, мы будем настаивать на подчинении их строгому государственному контролю»*. Проще говоря, министр ратовал за систему, которую принято называть

«народным капитализмом». Систему, в которой большинство так или иначе является дольщиком, акционером, работником или менеджером в коллективном капиталистическом предприятии. Это была серьезная, а главное, реальная альтернатива призывам к тотальной экспроприации собственности. И очень показательно, что накануне очередного политического кризиса разговор о путях развития России был предметом открытой широкой дискуссии.

17.07

В этот день — 4 июля 1917 года по старому стилю — и без того напряженная ситуация в стране обострилась до предела. В Петрограде вспыхнули вооруженные столкновения. Все тревожные процессы: промышленный кризис, политические распри, неудачное июньское наступление русской армии, сепаратистские проявления в Финляндии и на Украине — все это стало прологом попытки переворота. В историю события тех дней вошли под названием «Июльское восстание». Его инициаторами были большевики и анархисты. Показательны их лозунги: «Вся власть Советам» и «Даешь безвластие и самоустройство». Силовой ресурс — распропагандированные части Петроградского гарнизона, в частности Первый пулеметный полк, вышедший на улицы с оружием. Вообще, особенностью этого выступления было то, что все было обставлено как мирная демонстрация с требованием отставки Временного правительства — но с оружием в руках. Момент, казалось, был выбран удачно. Накануне министры-кадеты

заявили о выходе из состава правительства. Якобы из-за уступок Керенского украинской Центральной раде. И хотя на самом деле во время переговоров в Киеве между ними был достигнут компромисс и решение вопроса о суверенитете было отложено впредь до созыва Учредительного собрания, а Временное правительство лишь признало полномочия Рады как политической структуры, большевики-ленинцы и троцкисты-межрайонцы умело использовали ситуацию, заявляя о праве Украины на самоопределение вплоть до отделения, то есть попытались разыграть карту национального вопроса.

К двум часам ночи 4 июля к стенам Таврического дворца подошло до 30 тысяч рабочих Путиловского завода, матросы-анархисты из Кронштадта. В этот момент ЦК РСДРП(б) принял решение возглавить «мирную, но вооруженную демонстрацию». Утром манифестанты прошествовали от Английской набережной к особняку Кшесинской, где располагался штаб большевиков. К десяти утра туда подошел еще один, по словам Луначарского, большевизированный полк — 2-й пулеметный. С Петроградской стороны процессия, достигавшая, по оптимистическим оценкам, 500 тысяч человек, прошла по Троицкому мосту, Садовой, Невскому и Литейному проспектам, продвигаясь уже обратно, снова к Таврическому. На углу Литейного и Пантелеймоновской улицы передовой отряд матросов был встречен пулеметным огнем из окон одного из домов. Возможно, это была провокация, причем как со стороны протестантов, так и сторонников Временного правительства. Перестрелки тут же вспыхнули в других местах города, и ситуация быстро вышла из-под контроля. Начались грабежи магазинов, мародерство. К концу

дня ни исполком ВЦИК, призвавший защищать здания госучреждений от большевиков, ни штаб военного округа, ни сами большевики из военной организация РСДРП(б) не могли уже повлиять на происходившее. И только в полночь, после того как к Таврическому дворцу подошел оставшийся верным Временному правительству Волынский полк, а ВЦИК Советов рабочих депутатов объявил в городе военное положение, стрельба стихла и начались первые переговоры с демонстрантами.

18.07

В этот день — 5 июля 1917 года по старому стилю — в Петрограде продолжалось восстание, поднятое большевиками и анархистами с целью свержения Временного правительства. Несмотря на серьезное различие — большевики требовали передать всю власть Советам, а анархисты — отменить власть вообще и перейти к началам подлинного народного самоуправления, и те и другие действовали заодно, но им еще надо было победить. А накануне, в первый день восстания, этого добиться не удалось. Во многом потому, что сами Советы, Всероссийский исполнительный центральный комитет призвали горожан и военных защищаться от большевиков. Последним пришлось пойти на переговоры. От имени ЦК РСДРП(б) их вел Иосиф Сталин, а ВЦИК был представлен меньшевиком Николаем Чхеидзе. Всем, конечно, бросалось в глаза, что оба — грузины, значит, могут быстрее найти общий язык. Кроме того, у Сталина в тот момент была репута-

ция «умеренного» революционера. Кстати, факт ведения им переговоров будет потом учтен Временным правительством. Сталин не попадет в список большевиков, подлежащих аресту после подавления восстания.

К моменту начала переговоров матросы-анархисты, ворвавшиеся в Таврический дворец в поисках министров Временного правительства, захватили Виктора Чернова, министра земледелия. Вроде бы успех. Но вышла неувязка. Искали министров-капиталистов, а в руки попался эсер, лидер партии социалистов-революционеров, которая в тот момент обладала самым большим ресурсом поддержки в стране. В Москве, например, на выборах в городскую думу за эсеров проголосовало более 50 % избирателей. Ошибку пришлось исправлять. И сделал это Лев Троцкий, член исполкома Петроградского совета. Он обратился с зажигательной речью к агрессивно настроенной толпе солдат и матросов, прославляя их революционный порыв, и, воспользовавшись замешательством, увел Чернова. В эти же часы начал проявлять решительность и командующий военным округом генерал Половцев. Он вывел на улицы артиллерийскую батарею и казаков 1-го Донского полка. Этот отряд выгнал вооруженную толпу, в которой были заметны люди в арестантских робах, с Литейного проспекта. Благодаря решительности и смелости одиночек, таких как штабс-капитан Цагурия (который вообще случайно оказался в центре событий, он был командирован в штаб контрразведки с Кавказского фронта, но, убедившись, что штаб захвачен, возглавил группу офицеров и казаков), удалось обескуражить и разогнать толпу, собравшуюся вокруг Таврического дворца. В те же часы наспех заключенные команды георгиевских кавалеров и юнкеров стали разо-

ружать и производить аресты большевиков и анархистов. Остатки боевых отрядов восставших укрылись в особняке Кшесинской и в Петропавловской крепости. А большая часть матросов-анархистов поспешила уехать обратно в Кронштадт. Однако в Петропавловской крепости оставалась еще целая рота Первого пулеметного полка, того самого, с действий которого началось Июльское восстание. Эти люди готовы были защищаться до конца. Поэтому решено было вступить с ними в переговоры, одновременно собирая силы для возможного штурма. В течение всего дня силами юнкеров по всему городу продолжались аресты и реквизиция зданий, занятых большевиками. Так, была захвачена редакция и типография газеты «Правда». Буквально за несколько минут до появления юнкеров это помещение успел покинуть находившийся в нем Владимир Ильич Ленин.

19.07

В этот день — 6 июля 1917 года по старому стилю — в Петрограде продолжались бурные события, вызванные попыткой большевиков и анархистов свергнуть Временное правительство и передать власть Советам. К началу этого дня стало понятно, что план не сработал. Всероссийский центральный исполком Советов призвал солдат и рабочих защищать Временное правительство, к тому же часть войск Петроградского гарнизона не поддавалась революционной агитации, восставшим было оказано вооруженное сопротивление. И уже накануне большая часть балтийских матросов,

в основном анархисты, отправилась обратно в Кронштадт, а оставшиеся и готовые сопротивляться засели в Петропавловской крепости. Ночью были собраны силы для штурма, отряд возглавил капитан Кузьмин, заместитель командующего Петроградским военным округом. Это был известный человек, в феврале 17-го Кузьмин возглавил впервые возникший Совет солдатских депутатов. Ночью Кузьмин дал приказ штурмовать особняк Кшесинский, штаб большевиков. Но те даже не стали его защищать, и Кузьмин арестовал семь человек, среди которых был личный охранник Ленина, Василий Васильев. Самого вождя не обнаружилось. Газета «Утро России» писала: *«Самой крупной политической новостью сегодняшней ночи стало внезапное исчезновение из Петрограда Ленина, Зиновьева и прочей руководящей компании. И это произошло в ситуации, когда ВЦИК решил пригласить их на совещание»*. Сам по себе факт свидетельствовал далеко не в пользу лидеров большевиков. Они были вынуждены оправдываться. В тот же день была опубликована резолюция ЦК Петросовета, в которой отмечалось: *«Ввиду распространяющихся в прессе и на улицах слухов, порочащих имена лидеров большевистской фракции, в частности Ленина, указывающих на их виновность в государственной измене, бюро объявляет, что приняты меры к полному расследованию этого дела, как судебными органами, так и особой комиссией. Результатом этого расследования будет привлечение виновных к ответственности»*. Это очень важный документ. Он объясняет основания, на которых летом 1917-го народная милиция вела поиски Ленина в целях обеспечения его явки в суд для дачи показаний. То есть речь шла не об облыжном и задним числом выдвинутом подозрении, что Ленин является не-

мецким шпионом, разговоры об этом велись еще с апреля, когда Ленин не прятался, а, наоборот, активно выступал на митингах. Речь о квалификации событий Июльского восстания как государственной измены. Примечательно то, что не все большевистские лидеры попали под подозрения. Иосиф Сталин остался вне их, его на суд вызывать не собирались. И во многом это было вызвано тем, что в эти дни Сталин никуда не прятался. Наоборот, был на виду, вел переговоры с ВЦИК Советов и восставшими. То есть был посредником. И после очередного раунда таких переговоров Сталину удалось уговорить засевших в Петропавловской крепости солдат и матросов сложить оружие. Они в свою очередь заявили, что не собираются делать из себя *«мучеников революции»*. Эти люди были разоружены и отправлены в Кронштадт, куда, как мы уже сказали, вернулась основная масса восставших.

В то же время в этот день в Петроград начали прибывать снятые с фронта войска, верные правительству: самокатный полк, бронедивизион, эскадрон малороссийских драгун. В конце дня прибыла пехотная бригада, направленная лично Керенским, который в те дни находился в Киеве. Июльское восстание застало лидера Временного правительства за переговорами с Центральной радой Украины.

20.07

В этот день — 7 июля 1917 года по старому стилю — в Петрограде стало известно о покушении на министра обороны Александра Керенского. Это произошло в Полоцке

во время возвращения фактического лидера Временного правительства из Киева в столицу. Газета «Утро России» писала: *«Слухи, что на военного министра готовится покушение, циркулировали давно. Еще в конце июня в Елизаветграде местный комиссариат получил разведдонесение от штаба Юго-Западного фронта о посылке немцами своих агентов для убийства членов Временного правительства, препятствующих заключению мира с Германией. И вот, по сообщениям из Полоцка, слухи подтвердились. Подробности покушения пока неизвестны, но бросается в глаза совпадение по времени с событиями в Петрограде и на фронте»*. Напомним, что в Петрограде в тот день вновь слышалась стрельба, хотя казалось, что восстание, поднятое большевиками и анархистами, уже подавлено. В результате переговоров, которые со стороны большевиков вел Сталин, удалось избежать штурма Петропавловской крепости, где засели радикально настроенные кронштадтские матросы и солдаты революционного Петроградского гарнизона, — они были разоружены и отправлены в казармы. Милиция и военные отряды, верные Временному правительству, начали производить аресты. Однако, как писала газета «Утро России», *«прибывающие с фронта по приказу Керенского части столкнулись с тем, что их сплошь и рядом встречали на вокзалах какие-то неизвестные, одетые в офицерскую форму, они указывали им совершенно ложные маршруты к местам стоянки. С утра до вечера бродили эти войсковые части по городу, отыскивая отведенные им помещения, подвергаясь на пути следования обстрелам из, очевидным образом, заранее оборудованных мест. Эта стрельба, несомненно, яв-*

ляется провокацией германских шпионов. Ее цель — довести утомленные войска до такого озлобления, чтобы они открывали ответный огонь по всякому даже ничтожному поводу, и в результате в столице была бы гражданская война». Согласитесь, это совершенно забытая страница бурных событий 17-го года, в которой, при всем различии оценок, все соглашалось в одном — Петроград оказался на грани гражданской войны. Положение усугублялось тем, что в тот день в отставку подал министр-председатель Временного правительства князь Георгий Львов. Лидер земства, с огромной натяжкой, но фактический преемник отрекшегося от престола императора, Георгий Евгеньевич был не просто компромиссной фигурой, он уравнивал различные политические силы, начиная от левых революционных, представленных эсерами и меньшевиками, до правых центристов — партии октябристов. Кризис правительства, представлявшего собой многопартийную коалицию либеральных, демократических и умеренно революционных сил, обнулял успех, достигнутый при подавлении вооруженного выступления большевиков. Впрочем, цитадель ленинской партии, особняк Кшесинской, в котором располагались штаб, типографии и вооруженные отряды большевиков, был в тот день занят войсками, присланными Керенским с фронта. Газета «Утро России» писала: *«С любезного разрешения командира самокатной роты капитана Вержбицкого наш корреспондент обошел все комнаты особняка и убедился, что помещение целиком испорчено, разграблено, все завалено песком, грязью, обрывками бумаг, номеров "Правды". На рояле из красного дерева следы от горячей посуды».*

21.07

В этот день — 8 июля 1917 года — было опубликовано обращение Временного правительства, которое подводило итоги бурных и кровавых событий предшествующих дней: *«Виновные в публичном призыве к убийству, разбою, грабежу, погромам и насилию над какой-либо частью населения наказываются заключением в исправительном доме или крепости на срок не свыше трех лет. Такому же наказанию подвергаются виновные в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти. Виновные в призывах к офицерам и солдатам не исполнять действующие при новом демократическом строе законы и распоряжения военной власти наказываются как за государственную измену. Всякие самочинные действия, аресты и обыски, производимые случайными группами лиц, недопустимы как нарушающие революционный порядок и будут преследоваться со всей строгостью закона»*. Что такое три года по сравнению со смертной казнью, которая отменена? Кто будет производить аресты и обыски у тех, кто сам производит обыски и аресты? Самочинно. Какой грабеж и насилие является собой революционный отряд? Каждой фразой этого обращения Временное правительство расписывалось в собственной слабости. Все в буквальном смысле держалось на честном слове. Логика развития ситуации заключалась в том, что настроение масс все больше радикализировалось, левая революционная фраза звучала все громче, а силы умеренные, призывавшие к терпению, выдержке, к порядку, соблюдению дисциплины, слабели.

В тот день Россия взошла или опустилась — это уж с какой точки зрения смотреть — на очередную ступень революционной смуты. Министр-председатель Временного правительства князь Георгий Львов выступил с последней пресс-конференцией, на которой объяснил причины своей отставки. Об этом написала газета «Утро России»: *«Министр обратил внимание на те невероятные трудности, которые ему пришлось преодолевать в стремлении побороть контрреволюционное движение и наладить порядок. По словам князя Львова, все предлагавшиеся им мероприятия встречали решительное противодействие со стороны министров-социалистов»*. Теперь и не сразу поймешь, кто является здесь контрреволюционером. С точки зрения Временного правительства — большевики и анархисты, все те, кто мечтает свергнуть демократическое правительство, отбросить завоевания Февральской революции. Каким мероприятиям, по мнению Львова, противодействуют радикалы? Попыткам сохранить характерные для военного времени экономику, финансы, производство, общественные институты. Усилиям по сохранению дисциплины и порядка в армии в условиях войны. Понятно, что война всем надоела, но как из нее выйти, если враг продолжает сражаться? В июле 17-го все осознали уже, что из трех главных лозунгов Февраля — «Хлеба», «Мира» и «Долой самодержавие» — за один день, что называется, враз можно достичь только отречения императора. А хлеб и мир одним росчерком пера не появятся.

Поэтому самая выгодная позиция в те дни — критиковать тех, у кого власть в руках, — за бездействие, невозможность решить проблемы. В этой ситуации в ловушку попали эсеры и меньшевики, которые доминировали в Советах с первого

дня их возникновения, они конвертировали свои уличные рейтинги в министерские посты, увеличивали свой вес и влияние во Временном правительстве, но одновременно с этим увеличивали и свою ответственность в глазах общества за нерешенность названных выше проблем. И все это приведет к новому витку гражданской войны, уже осенью. Но пока — 8 июля 1917 года по старому стилю — эсеры на коне. Их представитель Александр Федорович Керенский назначен министром-председателем Временного правительства, причем с сохранением за собой постов военного и морского министра.

24.07

В этот день — 11 июля 1917 года по старому стилю — в Петрограде подводили итоги подавления Июльского восстания большевиков и анархистов. Временному правительству удалось собрать силы, пусть и небольшие, но надежные — это были юнкера, офицеры штабов, с фронтовым опытом, несколько боеспособных частей, переброшенных в столицу с фронта. Сыграла свою роль и твердая позиция ВЦИК во главе с меньшевиком Чхеидзе. Советы рабочих и солдатских депутатов не поддержали предложенную Лениным формулу «Вся власть Советам». В результате кабинет министров вновь обновился, и снова в левую революционную сторону. Из него ушли так называемые «министры-капиталисты», а пришли министры-социалисты. Пост председателя вместо князя Львова занял эсер Керенский. *«Где Ленин*

и Зиновьев? — вопрошала в тот день газета «Время». — Они до сих пор остаются неарестованными. Кроме того, не подтверждаются сведения об аресте Луначарского и Троцкого. В редакции газеты «Правда» проведен вторичный обыск. Следователями обнаружены пачки прокламаций с деловыми пометками типа «на распространение немецких прокламаций о мире выдано 50 рублей по ордеру номер 338». Удалось захватить и список сотрудников «Правды» с пометками о выдаче жалованья. В нем указано, что Ленин получал 450 рублей в месяц. Незначительность этой суммы заставляет сомневаться в ее действительности. Не на эти же деньги жил Ленин». Как видим, газета «Время» не скрывает своего злорадства и жажды мести. С другой стороны, нельзя отказать этой газете в тонких наблюдениях общественных нравов. В статье под названием «Нечто о буржуях» находим такие грустные размышления: «Новые люди, вынесенные на гребень революцией, принесли с собой два ругательных слова «интеллигент» и «буржуй». Еще недавно за все про все ругали только правительство, теперь ругают интеллигенцию и буржуев. Рубль падает — виноваты буржуи, железные дороги стоят из-за нехватки угля, заем не идет — виноваты буржуи. Скоро буржуев будут винить в том, что часто идет дождь. Но если отличие интеллигента от неинтеллигента очевидно — это наличие общего образования, то как отличить буржуя от небуржуя? Извозчик, зарабатывающий чистоганом 300–400 рублей в месяц, — пролетарий. Судебный исполнитель — в лучшем случае 25 рублей жалованья в отсутствие возможностей заработать еще где-нибудь — буржуй. Вагоновожатый, кондуктор, дворник, требующие к окладу в 120 рублей в месяц прибавок и выплат за детей, за квартиру — пролетарии,

а преподаватель гимназии, не имеющий по закону права получать более 150 рублей в месяц, — буржуй, не говоря уже о том, что интеллигент». Но это еще не вся линия сравнения. Автор газеты «Время» бил в самую больную точку: «Ленин, Зиновьев, Троцкий, Каменев — носят буржуйские костюмы, живут по-джентльменски в комфортабельных домах, правда, захваченных их вооруженными сторонниками, получают гонорары за выступления в печати и на митингах, при этом на митингах кричат, что Керенский продан буржуям, что “обуржуился” Плеханов, Вера Засулич. Все вокруг все предали и продали. Кому, кого и за сколько? На эти вопросы они отвечают молчанием». Вывод: принципиальной разницы между пролетарием и буржуем нет. Потому что каждый пролетарий стремится жить лучше, богаче, комфортнее, стало быть, мечтает поскорее обуржуазиться. Так зачем же раздувать будто бы классовую борьбу? Дело не в ней, а в тех людях, которые с ее помощью держат в послушании рабочих и обделывают за их спиной свои делишки.

25.07

В этот день — 12 июля 1917 года по старому стилю — в газете «Новая жизнь» было опубликовано письмо за подписями Ленина, Зиновьева и Каменева, в котором вожди большевиков оправдывались от обвинений в прогерманской деятельности. В частности, они отмежевывались от связей с Парвусом, немецким социал-демократом, который пытался стать посредником между лидерами русской эми-

грации и правительством кайзеровской Германии. Парвус действительно был авантюристом, и контактов с ним во время решения вопроса о переезде из Швейцарии в Россию Ленин не имел. Но в июле в центре внимания, в том числе и органов следствия, была попытка государственного переворота — Июльское восстание, поднятое по инициативе большевистской партии. И преследование вождей партии было вызвано именно этим обстоятельством. Газета «Время» с негодованием писала: *«Те пулеметы и броневики, которые должны были отражать германцев в Галиции, работают в тылу, подавляя смуту, а солдаты, которым место на фронте, завязли в трясине митинговых споров и защитой революции прикрывают свою трусость»*. Накануне ночью Ленин и Зиновьев перебрались из конспиративной квартиры в столице в Разлив, где их приютил рабочий Сестрорецкого оружейного завода Емельянов. Любопытно, что в этом престижном курортном предместье Петрограда у Емельянова был большой зимний дом, который в тот момент ремонтировали, но был еще и двухэтажный летний дом, на чердаке которого спрятали Ленина и Зиновьева. Соседям их представили как наемных батраков — финнов-косарей. Сезон косьбы действительно имел место. И когда в поселке появились полицейские, вождям пришлось на самом деле переместиться, так сказать, к месту работы — в шалаш на другой стороне Разлива.

Между тем плоды большевистской агитации зрели с каждым днем, даже несмотря на, казалось бы, поражение. Цитирую газету «Время»: *«Страшно подумать, что творится в душе у тех полуграмотных людей, которые, как бабочки на огонь, летели на красивые слова большевиков, на их заманчивые*

обещания. Какой развал и смуту внесли эти растлители народа...» Пикантность ситуации заключалась в том, что в тот день существенно обновился кабинет министров Временного правительства. Он изрядно полевел, и на первых ролях оказались те, кто весной 17-го оправдывали Ленина. Продолжим цитату: *«Нынешний министр внутренних дел Церетели еще недавно называл Ленина "идейным работником", не обращая внимания на то, что "идея" у Ленина состоит в том, чтобы расправиться с русской революцией. Вожди большевизма в короткий срок присвоили себе монополию на представительство мнений и интересов не только русского народа, но чуть ли не мировой демократии. Клеймили всех и каждого, кто не с ними».* Проблема заключалась в том, что действия большевиков следовало описывать отнюдь не в прошедшем времени. Радикальные призывы большевиков находили все большее число сочувствующих им. На этом фоне как-то трагически беспомощно звучали речи оппонентов. Например, князя Львова на прощальной пресс-конференции: *«Господа социалисты, ищите правды не на панелях Петрограда, а в глубине России. Очиститесь от анархической грязи, если хотите руководить жизнью русской демократии. А тем, чьи слова на митингах подобны спрятанным ножам, кто в своей жажде власти готов разорвать Родину, вам, предателям за немецкие серебряники, не место в русской революции».*

26.07

В этот день — 13 июля 1917 года по старому стилю — Временное правительство приняло важнейшее на тот момент решение — восстановление смертной казни на фронте за дезертирство. Это был первый закон, принятый новым кабинетом министров, который возглавил эсер Александр Керенский. Отмена смертной казни в стране, провозглашенная Февральской революцией и воспринимавшаяся как наиболее зримое воплощение идей свободы, демократии, гуманизма, на практике привела к тому, что в тяжелых боевых условиях на фронте стала падать воинская дисциплина. На волне большевистской антивоенной агитации произошло июньское наступление русской армии в Галиции. Вот всего один показательный пример. Накануне в Проскуров (ныне Хмельницкий) с линии фронта прибыл целый поезд с бегущими дезертирами и арестованными ими офицерами, которых они готовились расстрелять. Отряд юнкеров каким-то чудом сумел переломить ситуацию. Потребовал выдачи зачинщиков и агитаторов, которые как раз и были расстреляны. Во многом положение удалось удержать на грани краха благодаря решительности командующего фронтом генерала Лавра Корнилова. Он прибег к жестоким мерам. Еще до принятия закона — 9 июля по старому стилю — по приказу Корнилова за мародерство и насилие над мирным населением Галиции было расстреляно 14 человек. Позже Корнилов назовет эти дни самыми позорными в истории русской армии, указывая, что соотношение сил на этом участке фронта было один к пяти в нашу пользу, однако деморализованные части не могли оказать никакого противодействия немцам и австрийцам.

В заявлении правительства по поводу восстановления смертной казни, уточним — на фронте, за военные преступления, говорилось: *«К сожалению, это неизбежная для восстановления дисциплины мера, поскольку пример трусливых и малодушных заражает многих солдат, и именно ввиду слабой наказуемости изменнических действий они начинают самовольно покидать позиции и не подчиняются воинским приказам».*

Между тем газета «Время» в тот день сообщила о случае коллективного протеста со стороны военнослужащих в адрес правительства: *«Группа матросов с крейсера “Аврора” накануне послала полное циничной брани письмо военному и морскому министру Керенскому с требованием уйти со своего поста. Впрочем, сегодня команда крейсера заявляет, что возмущена этим гнусным письмом, которое послано неизвестными лицами, скрывающимися за спиной экипажа».* Крейсер «Аврора» в тот момент стоял в Кронштадтском порту на ремонте, который носил, мягко говоря, вялотекущий характер. Команда постоянно митинговала, на крейсере выступали видные большевики Калинин, Володарский, Позерн, корабельная ячейка РСДРП насчитывала 42 члена. Как видим, ситуация была далека от безмятежной. Хотя власти, развивая успех подавления вооруженного восстания в Петрограде, продолжали арестовывать видных большевиков. Так, в этот день в Торнео, а это финская глубинка Лапландия, по дороге из Стокгольма в Петроград была задержана Александра Коллонтай, обвиненная в прогерманской агитации. А в Кронштадт, фактически находившийся под контролем Совета солдатских и матросских депутатов, был отправлен ультиматум с требованием ареста и выдачи властям руководителей местной

большевистской организации — мичмана Раскольников, подпоручика Ремнева и Семена Рошáля, очень популярного в тот период революционера. Имя этого человека упоминалось в одном ряду наравне с Лениным, Троцким, Каменевым и Зиновьевым.

27.07

В этот день — 14 июля 1917 года по старому стилю — в центре внимания общества было следствие по делу большевиков, обвиненных в организации вооруженного восстания в Петрограде, произошедшего 4–6 июля по старому стилю. Показателен диалог между Александрой Коллонтай, арестованной накануне и доставленной в «Кресты», и провожавшим ее в камеру тюремным инспектором Антиповым. Коллонтай язвительно спросила: «Я правильно думаю, что в Петрограде контрреволюция?» — «Это не совсем так, — с улыбкой ответил Антипов, — контрреволюцию хотели сделать ваши товарищи». В том и дело, что июльский кризис запутал и усугубил размежевание политических сил. Если до этого и эсеров, и меньшевиков, и народных социалистов, и большевиков, и даже анархистов считали представителями одной — революционно-демократической — силы, в отличие, скажем, от кадетов, октябристов и прогрессистов, то отныне все изменилось. Войдя во Временное правительство и даже возглавив его, эсеры и меньшевики стали восприниматься как партия власти, а большевики как оппозиция, причем вынужденная перейти на нелегальное положение.

Ленин и Зиновьев уже скрывались на тот момент в Разливе под видом финских батраков-косарей. Кто-то, как Иосиф Сталин, проявив себя как переговорщик, как человек компромисса, избежал преследований. А проявившие себя, наоборот, активно в дни попытки переворота руководители кронштадтской парторганизации Раскольников, Ремнев и Рошаль, были арестованы. Накануне мы упоминали об этой троице. Ультиматум с требованием их выдачи, присланный из Петрограда, в тот день был принят. Газета «Утро России» писала: *«Угроза, что крепость и порт будут взяты в блокаду, произвела удручающее впечатление на кронштадтцев. Состоялось заседание исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором Раскольников заявил, что добровольно отдается в руки правосудия, прапорщик Ремнев был приведен под охраной, а Рошаль скрылся, по слухам, где-то в столице»*. Семен Рошаль будет арестован днем позже. Все они пробудут в заключении вплоть до октября 17-го года.

Любопытна и показательна судьба этих людей. Семен Рошаль возглавит отряд Красной гвардии, который захватит Ставку Верховного главнокомандования в Могилеве и осуществит убийство главкома генерала Духонина. В декабре 1917-го по личному указанию Ленина будет направлен на Румынский фронт в качестве комиссара Совнаркома с той же целью — сменить военное руководство, но уже сам будет арестован командующим фронтом генералом Щербачевым и вскоре убит. Произойдет это при невыясненных обстоятельствах. Скорее всего, в результате такой же внесудебной расправы, но уже со стороны группы монархически настроенных офицеров старой русской армии.

Афанасий Ремнев в ноябре 17-го сформирует революционный полк, но вскоре будет обвинен в симпатиях к анархистам, задержан и помещен в психиатрическую клинику, откуда, впрочем, совершит удачный побег. Возмездие, уже большевистское, настигнет его в июле 19-го. Прапорщик-авантюрист будет арестован и казнен уже советской властью.

Более известна драматическая судьба Федора Раскольниковова. В годы Гражданской войны он член Реввоенсовета Республики, командующий флотилиями, на его счету — оборона Царицына, высадка в иранском порту Энзели на Каспии. Затем командующий Балтийским флотом. В 30-е годы на дипломатической работе. В 1938 году, будучи послом в Болгарии, Раскольников отказался возвращаться в СССР на фоне массовых репрессий старой большевистской гвардии и оказался, как потом стали говорить, первым «невозвращенцем». Эмигрировал во Францию, выступал с критикой сталинского режима. В сентябре 1939 года, оказавшись в психиатрической клинике города Ниццы, Раскольников погиб. И опять-таки при невыясненных до конца обстоятельствах — то ли совершил самоубийство, то ли умер от пневмонии, то ли стал жертвой спецоперации сотрудников НКВД.

28.07

В этот день — 15 июля 1917 года по старому стилю — петроградские газеты сообщали с непонятно откуда взявшейся уверенностью, что *«Ленин в настоящее время находится в Германии, минуя Белоостров, через Гельсингфорс он до-*

брался до границы, откуда переехал в Стокгольм. Вместе с ним уехала его жена. Из шведской столицы, при посредничестве германского посланника фон-Люциу, Ленин был направлен в Германию». Верной в этом сообщении была только информация о фигуре германского посланника в Швеции.

Ленин же в те дни вместе с Зиновьевым скрывался под видом финских косарей-батраков в Разливе под Сестрорецком. У большевиков была тогда довольно разветвленная конспиративная сеть, правда, весьма любительского характера, основанная на возможностях членов партии, серьезных последователей Ленина. Среди таковых был рабочий Сестрорецкого военного завода Емельянов, у него в тех местах был двухэтажный дом, участок, на котором были и другие постройки. Нанять сезонных работников для этого рабочего было вполне естественным и возможным с материальной точки зрения. Словом, два молчаливых немолодых человека — Ленин и Зиновьев, во избежание лишних вопросов в поселке, перебрались из дома, в котором их прятал Емельянов, в шалаш на заливных лугах. А Надежды Константиновны в Разливе не было. О ней вообще очень скудные сведения за период лета и осени 17-го. Злые языки утверждали, что на этот период выпала размолвка между супругами, связанная якобы с другой революционеркой, Инессой Арманд. Источником этих слухов был тот факт, что Арманд прибыла в Россию из эмиграции в том же самом опломбированном вагоне, что и Ленин с Крупской, причем ехала с ними якобы в одном купе... Если бы беспартийной или мелкобуржуазной прессе были бы известны тогда такие подробности, наверняка они не пожалели бы типографской краски, чтобы на-

рисовать соответствующую картину. Кстати, на тот момент Арманд была легальной политической фигурой, ее избрали в Московскую городскую думу, она стала одной из первых женщин-депутатов в России. Но, как видим, пресса была не в курсе частной подоплеки.

Кроме Ленина, получившего большую известность своими выступлениями в печати и на митингах весной 1917-го, в поле зрения был Лев Троцкий. Он являлся лидером межрайонной социал-демократической организации, так называемых межрайонцев. Программа межрайонцев практически полностью совпадала с большевистской, и вскоре произойдет их объединение, однако без прямого участия самого Троцкого. Ибо, в отличие от Ленина и Зиновьева, Лев Давидович будет арестован за активное участие в июльских событиях, тех, которые сам Троцкий иронично назвал «недо- или полувосстанием». Троцкий пробудет в «Крестах» до 8 сентября 1917 года. Кроме того, властям удастся арестовать и человека номер два в партии межрайонцев. Это был Анатолий Луначарский, известный впоследствии нарком просвещения. Мало кому известно, что Анатолий Васильевич летом 17-го был на первых ролях. На объединительном 6-м съезде РСДРП(б) и партии межрайонцев его, Луначарского, избрали заочно почетным председателем съезда. Николай Суханов в своих «Записках о революции» позже утверждал, что целью июльских событий было установление советского правительства с триумvirатом Ленин — Троцкий — Луначарский.

По большому счету, ситуация тех дней — это окончание режима «двоевластия». Жесткие меры, принятые Временным правительством, оттеснили Советы рабочих и сол-

датских депутатов с политического олимпа. Укрепление позиций эсеров и меньшевиков в правительстве сделало как бы факультативным их же доминирование в Советах, получилось «масло масляное», в результате в этот момент Ленин временно снимает с повестки дня лозунг «Вся власть Советам».

31.07

В этот день — 18 июля 1917 года по старому стилю — достоянием гласности стали известия о потерях на фронте, которые понес добровольческий женский батальон, сформированный Марией Бочкаревой в конце июня в Петрограде. Их провожали на фронт торжественно, состоялся митинг у стен Исаакиевского собора, выступал сам Керенский. Батальон был направлен на Западный фронт, в тыловые части 1-го Сибирского корпуса 10-й армии, и расположился в районе Новоспасского леса. Это севернее города Молодечно под Сморгонью (ныне Гродненская область Белоруссии). По пути на фронт батальон посетил тогдашний Главковерх генерал Брусилов, рассыпался в комплиментах, выразил уверенность...

И вот что писала газета «Время», подводя печальный итог неудачного наступления русской армии под Сморгонью: *«Какие удивительные противоположности таит в себе путанная, вечно в брожении, русская душа. С одной стороны, женский батальон, теряющий в первом же сражении более половины своего состава из-за своей доблести, с другой — соседние, так*

сказать "мужские" роты, кидающие на произвол врага женщин, взявшихся за ремесло солдата. Рядом живут высший героизм и самое низкое предательство. Офицеры умирали даже не за невозможную, как теперь понятно, победу, а за право не видеть позора своей армии, а рядом, в ближнем тылу мародеры-дезертиры таскали из погребов вино, грабили, открывая дорогу врагу. И все это люди одного народа». По свидетельству самой Марии Бочкаревой, командира женского батальона, из 170 человек, участвовавших в боях, до 30 было убито и 70 ранено. В том числе и сама Бочкарева, причем это было уже пятое по счету ранение, полученное ею на фронтах Первой мировой.

Батальон вступил в бой 8 июля по старому стилю, он действовал на фланге 525-го пехотного полка. И это оказался участок, на котором противник, зная планы нашего наступления, нанес упреждающий удар, попытался вклиниться в наши оборонительные порядки. За три дня названный выше полк отразил 14 атак германских войск, несколько раз женский батальон смерти поднимался в контратаки, выбивая германцев с занятых ими позиций. Полковник Закржевский в своем рапорте начальству писал: «Отряд Бочкаревой вел себя в бою геройски, все время в передовой линии, неся службу наравне с солдатами-мужчинами. Женщины ходили в разведку, в засады и пикеты, каждая из них достойна звания воина русской революционной армии». Спустя две недели новый Главнокомандующий русской армией генерал Лавр Корнилов подпишет приказ, которым будет запрещено создание новых женских добровольческих батальонов для использования их в боевых действиях на фронте. А все сформированные к тому моменту части должны были использоваться исключительно как вспомогательные, выполняя функции охраны военных

объектов, обеспечение связи, тыловое снабжение и медико-санитарные мероприятия. Такое решение было воспринято самими женщинами-добровольцами негативно, многие из них после этого написали рапорты с просьбой уволить их из таких вспомогательных батальонов. Очень характерная картина для лета 1917 года, когда чувства людей приводили их порой к парадоксально противоположным поступкам. Словно подводя итог этой теме, газета «Время» писала: *«Эти женщины, оставшиеся на поле брани, будут вечным укором не только дезертирам и изменникам, они станут вечным приговором и тем, кто признавал толпу жалких трусов за власть имущих, кто в темноте своей готов был выслушивать все, что наговорят им немецкие коммивояжеры с ворохом прокламаций о мире».*

АВГУСТ

1 августа бывшего императора Николая II вместе с семьей отправляют из Царского Села вглубь России, в Тобольск.

3 августа всеобщая забастовка в Финляндии в ответ на отказ Керенского признать декларацию о суверенитете Великого княжества Финляндского. Временное правительство вводит войска в Гельсингфорс. Переговоры между делегацией Центральной рады Украины и Временным правительством России о предоставлении автономии заканчиваются безрезультатно.

12 августа в Москве начинает работу Государственное совещание, созванное по инициативе Керенского для обсуждения ухудшающейся социально-экономической ситуации в стране. Генерал Корнилов призывает к ликвидации Советов и установлению твердой централизованной власти.

15 августа начинаются заседания Всероссийского поместного собора РПЦ, на котором будет принято решение о восстановлении института патриаршества.

Большевики проводят всероссийскую политическую стачку, которая свидетельствует об усилении их позиций.

Поражение на Северо-Западном фронте. Германские войска захватывают Ригу. Генерал Корнилов призывает к решительным действиям, приглашая Керенского к совместной борьбе против большевиков и Советов.

Генерала объявляют врагом народа и мятежником. Керенский обращается за поддержкой к Советам рабочих

и солдатских депутатов. Столкновения между корниловскими частями и отрядами Красной гвардии. Самоубийство генерала Крымова после аудиенции с Керенским.

Рабочие оборонных предприятий повсеместно захватывают оружие, снабжая им стихийно возникающие отряды Красной гвардии.

Стремительная большевизация Советов.

01.08

В этот день — 19 июля 1917 года по старому стилю — появилась информация сразу о нескольких кардинальных решениях, принятых Временным правительством в судебно-правовой и социальной сферах. Это были законы об охране личности, о тайне переписки, сохранности жилья, о порядке задержания и ареста подозреваемых. Был принят также закон об отмене полицейского надзора и правил «чрезмерной охраны» на железных дорогах. В довершение всего было объявлено о выборах судей.

Прежде всего обращает на себя внимание общий вектор всех нововведений, указывающий на усиление демократических норм и гарантий прав личности. Что ж, это вполне согласуется с либеральной риторикой властей, называвших себя революционными, демократическими. Но насколько все это было оправданно и своевременно в условиях войны, экономического и политического кризиса? В армии падала дисциплина, процветало дезертирство, в городах было неспокойно, имели место грабежи, захваты зданий, особняков.

В такой обстановке пункт третий документа — «жилище каждого находится под защитой закона» — звучал беспомощной декларацией. То же самое можно было сказать и в отношении гарантий тайны почтовых, телефонных и телеграфных сношений. С другой стороны, эти инициативы Временного правительства свидетельствуют о том, что власть вовсе не сидела сложа руки, ничего не предпринимая, как бы в ожидании услышать: «Кто тут временные, кончилось ваше время». Кабинет министров выстраивал основы демократического режима, многие из которых опережали в тот момент в своей демократичности законодательство западноевропейских стран и Соединенных Штатов Америки.

Особое внимание вызвал циркуляр министра юстиции, в котором указывалось, что отныне все вакансии на должности членов судебных палат окружных судов и судебных следователей будут замещаться кандидатами, избираемыми общим собранием сотрудников соответствующего суда и судебной палаты. Таким образом, вводилась практика корпоративных выборов внутри конкретного профессионального сообщества.

Впрочем, была в тот день и еще одна важная тема для обсуждения — годовщина начала Первой мировой войны. *«Три года мир охвачен пламенем грозного пожара, — писала газета "Утро России". — Война вывела на кровавую арену миллионы людей и сожгла уже миллиарды народных сбережений. Оглядываясь назад, мы видим, что в первый год войны германская коалиция приобрела престиж непобедимости благодаря прекрасной организации. Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция демонстрировали стратегию единства действий. А державы Антанты — Россия, Франция, Англия, Италия и отчасти Япония вступили в войну с довольно слабой боевой подготовкой, особенно в области снабжения. На протяжении*

полтора лет противник считал себя мощным, но, к счастью, державы согласия, выдержав испытания первой фазы войны, в свою очередь обрели силу и мощь. Прошлый, 1916 год по справедливости считается годом перелома военного счастья. Предчувствуя неминуемое поражение, германская пресса изменила теперь свой тон, уповая на пацифистские и пораженческие настроения в России, пытается доказывать, что эта война была навязана Германии и ее союзникам. Последняя надежда кайзера — это развал русской армии. И тут врагу есть на что рассчитывать. Не так давно в нашей армии были и боевой дух, и дисциплина. Теперь ни того, ни другого нет, есть только надежда, что моральные силы вернуться. Так же как и есть четкое понимание — сепаратный мир с немцами погубит Россию».

02.08

В этот день — 20 июля 1917 года по старому стилю — было опубликовано постановление Временного правительства, в котором были изложены меры, призванные восстановить управляемость госаппарата, порядок и дисциплину в армии, общественное спокойствие в городах и селах страны. Обращало на себя внимание явное противоречие между мерами, носившими запретительный характер, и теми, которые одновременно отменяли жесткие ограничения. Например: «*Пункт 1. Воспретить под страхом уголовной ответственности всем без исключения правительственным и общественным учреждениям, а также должностным и частным лицам подвергать*

вне порядка, указанного в законе, какому-либо задержанию или ограничению в праве свободного избрания местожительства и полной свободе слова. Пункт 2. Отменить правила чрезвычайной охраны и полицейского надзора на железных дорогах».

Если вдуматься, что стоит за пунктом 1-м, — частным лицам запрещается ограничивать свободу слова и даже задерживать граждан. Признание вакханалии и произвола. А как же захваты зданий, имущества, сведение счетов, не только политических, но и личных? С другой стороны, власть упраздняет систему охраны на железных дорогах. И это в тот момент, когда сотни тысяч (а всего, по некоторым данным, за весь 1917-й — до двух миллионов) солдат с оружием в руках покинули позиции на фронте, дезертировали. Вернулись в города и села. Эта картинка — паровоз, облепленный людьми в солдатских шинелях с оружием в руках, с дежурной гармонью и транспарантами «Долой войну! Мир! Хлеба!», — хорошо известна по многочисленным фильмам и экранизациям советского периода. И это действительно было так. Да только, оказывается, воспрепятствовать этому, мягко говоря, брожению умов Временное правительство было не в состоянии.

Более того, строго говоря, в те дни Временного правительства как такового не было вообще. После отставки князя Георгия Львова с поста министра-председателя его место занял Керенский, но кабинет еще не был сформирован. И сложилась уникальная ситуация. Двоевластие закончилось. Формула «Временное правительство — власть без силы, а Советы рабочих и солдатских депутатов — сила без власти» перестала действовать. В значительной степени потому, что Советы, представленные эсерами, меньшевиками и другими группами умеренных социалистов, отказались брать власть в свои руки. Это нарушило планы большеви-

ков, которые Июльским восстанием в Петрограде как раз и хотели явочным порядком передать власть Советам. Ленин и другие видные деятели РСДРП(б) вынуждены были перейти на нелегальное положение, а, главное, с повестки дня был снят сам революционный лозунг «Вся власть Советам».

Получалось, что от происшедшего все только в проигрыше. Всех — и законопослушных, и революционно настроенных, и пытающихся остаться в стороне от большой и грязной политики — охватывает разочарование. Усиливается всеобщее недовольство. У всех впечатление такое, что завоевания Февральской революции фактически опрокинуты, на горизонте маячат контуры диктатуры, пока не ясно только, какой именно — левой, правой... Неслучайно газета «Утро России», предваряя публикацию постановления Временного правительства, с которого мы начали этот рассказ, писала: *«Государственный переворот, устранив ВСЕ прежние власти, лишил общество возможности бороться с врагом нового строя законными средствами и путями, и естественно, последствием такого положения может быть лишь широкое применение средств общественной самозащиты».*

03.08

В этот день — 21 июля 1917 года по старому стилю — в российских газетах был опубликован, на первый взгляд, совершенно неожиданный материал. Текст обращения кайзера, императора Вильгельма, к своему немецкому народу. Повод — третья годовщина начала Первой мировой войны. Эту дату, разумеется, не оставили без внимания все тогдашние отечественные СМИ. И общий смысл публикаций заключался в том, что война складывается тяжело и трудно, но перелом в ней уже наметился, ресурсы Германии и ее союзников на исходе, победа маячит на горизонте. Главное, не срываться в пике кризиса, смуты, революционного брожения. Поразительно, но кайзер также использовал совершенно аналогичные и по смыслу, и по форме аргументы: *«За три года войны германский народ закалил себя во всех испытаниях. Благодарность за подвиги на фронте наши войска находят в неустанном труде остающихся в тылу. Надо продолжать борьбу и ковать новое оружие. Мы боремся не ради завоевательных планов и не для угнетения других народов, но ради создания сильного и свободного государства, которое обеспечит существование своих детей»*. Во-первых, удивителен сам факт публикации первоисточника, в прямом смысле первого лица вражеского государства, в российской печати. Кстати, сделанной в газете «Утро России» даже без редакционных комментариев. Во-вторых, пафос и патетика императора Вильгельма — дескать, мы только защищаем свой фатерлянд, нам чужого не надо — слово в слово повторяли позицию и русского императора Николая II в первые два с полови-

ной года войны, и Временного правительства, и союзников России по Антанте. И в голову обывателя, должно быть, приходила крамольная мысль: если все только защищаются, то что же эта война все продолжается и продолжается? Либо ее надо прекращать, заключив перемирие без аннексий и контрибуций, либо... все врут...

Кстати, бывший император Николай II, находившийся в те дни с семьей под арестом в Царском Селе, в своем дневнике тоже вспомнил о памятной дате: *«Три года тому назад Германия объявила нам войну. Кажется, целая жизнь прожита за эти три года. Господи, помоги и спаси Россию. День был жаркий. Погулял с дочерьми. Опять кругом целый конвой от караула 3-го стрелкового полка. Работали в саду. Свалили четыре дерева и распилили поваленные накануне ели. Читаю роман Мережковского»*. Совершенно в стиле императора. И от великого до смешного, то бишь Мережковского, один шаг. И строго определенное понимание, как и почему началась война, — нам ее объявила Германия.

Любопытно, что спустя пару дней Николай II сделает в дневнике запись, в которой явственно будут слышаться отголоски тяжелой политической ситуации. *«Вчера вечером Керенский внезапно приехал из города и остановился в лицее. Оказывается, все правительство развалилось, он сам подал в отставку и ожидает решения, к которому должно прийти совещание разных партий, заседающих в Зимнем дворце»*. Редкий случай, когда в дневнике отрекшегося государя говорится о подоплеке серьезных событий, происходящих, так сказать, в настоящем времени. У непосвященного читателя даже может возникнуть мысль, что Керенский приехал к императору советоваться. Нет, о встрече и тем более о кон-

сультациях речи нет. Разговор о том, что формирование очередного, третьего по счету кабинета министров Временного правительства явно затягивалось, и эта неопределенность вызывала у всех дополнительные опасения, даже у увлеченного чтением исторических романов бывшего императора.

04.08

В этот день — 22 июля 1917 года по старому стилю — газета «Время» опубликовала заметку своего военного корреспондента Ксюнина, в которой он с возмущением писал о бездушном, циничном отношении к раненым, попавшим в один столичный лазарет: *«В Петрограде, в доме номер 135 по Невскому проспекту, расположен 246-й городской лазарет, в котором усвоивший все немецкие замашки и в совершенстве постигший германскую жестокость доктор Любарский грубо расправляется с ранеными. Лазарет, действительно, прославился своей грубостью к пациентам и со стороны докторов и сестер милосердия. Особо возмущает, что жертвами такого обращения стали бойцы женского “батальона смерти”, получившие ранения в ходе недавнего наступления в Галиции. Они лежат в непригодных помещениях, в каких-то конурах, в то время как лучшие лазареты с обширными палатами, а также в реквизированных институтских залах отведены под сифилитиков. Как военкор, два с половиной года проработавший на фронте, — продолжал Ксюнин, — я считаю своим нравственным долгом довести о возмутительном обращении с ранеными героями до сведения военного министра*

Керенского, председателя Красного Креста Покровского и горьковского головы Шнейдера. Русское общество тоже обязано знать о том, что в столице безнаказанно издеваются над людьми, не жалевшими своей жизни для своего народа и своей родины. За их храбрость на фронте им оплатили предательством дезертиры, а теперь над ними измываются в тылу».

Согласитесь, любопытная деталь — военкоры-фронтовики образца Первой мировой. По Великой Отечественной хорошо известно, что военкоры на фронтах присутствовали, и роль их в морально-воспитательной работе была велика. А тут лето 1917-го, военкор мелкобуржуазной вечерней петроградской газеты, который знает быт и нравы и фронта, и тыла и не может пройти мимо бездушного отношения к раненым. В заметке подробное описание происходящего, и претензии конкретные. Если вкратце, солдат с ампутированной рукой — три дня без перевязки. Что в ответ: «Когда придет оператор, тогда и перевяжет»... В наказание за строптивость никому лекарства не давать. Тем, кому необходимо обезболивающее, хуже всего. Поручик Васильев записку пишет: «Просим дать что-либо для спокойного сна». Ему в ответ: «Тоже выискались морфинисты». Вывод из этого эпизода простой. Надо ли удивляться всеобщему разочарованию, горькому чувству фронтовиков, что никому они теперь, искалеченные, не нужны? Да, поручик Васильев позвонил в редакцию газеты. Приехал журналист, написал статью, но что это могло изменить? Хотя сами по себе газетные материалы тех дней очень интересны, в них нет никаких запретных тем. Например, напечатали в той же газете «Время» письмо, полученное Керенским, следующего содержания: «*Решаюсь предупредить Вас, Александр Федорович, — писала, сообщая*

свою фамилию и точный адрес, некая гражданка, — чтобы Вы оберегали себя. На Вас готовится покушение со стороны большевиков, солдат и матросов. Об этом они свободно рассуждали в вагоне 3 класса, шедшего из Ораниенбаума в Петроград, я с ними ехала, сидела рядом. Все они против вас, и особенно кронштадтские матросы». Самым грозным предупреждением для тогдашнего лидера страны была даже не угроза покушения, а тот факт, что об этом говорят вслух, не боясь последствий. Доказательством этого в тот день стало сообщение из Кронштадта. Туда для расследования событий Июльского восстания прибыла следственная комиссия, но ни допросить, ни тем более арестовать участников мятежа она не смогла. *«Попала в затруднительное положение. Следователей встречали повсюду свистом, протестами и даже откровенными угрозами, в результате комиссия вынуждена была покинуть Кронштадт».*

07.08

Этот день — 25 июля 1917 по старому стилю — стал первым рабочим днем нового коалиционного правительства России. Серьезный политический кризис, вызванный попыткой большевиков в начале июля передать власть Советам явочным вооруженным путем, был, наконец, преодолен. Зная, как развивались события далее, к Корниловскому мятежу, а затем вскоре и к вооруженному Октябрьскому восстанию, можно делать выводы, что июльское выступление, в котором главную роль играли распропагандиро-

ванные большевиками солдаты Петроградского гарнизона и матросы Балтийского флота, было просто пробой пера, репетицией вооруженного восстания, в котором были учтены июльские ошибки. Отсюда это знаменитое ленинское «почта, телефон, телеграф» — нужно в первую очередь брать под контроль узлы связи, коммуникации. Это — азы революционного подхода.

В не меньшей степени причиной кризиса в середине лета 1917-го было обострение национального вопроса. Финский сейм в те дни провозгласил независимость Финляндии от России во внутренних делах, ограничив компетенцию Временного правительства вопросами внешней и военной политики. Керенский даже отдал приказ частям русской армии, дислоцированным в Гельсингфорсе, занять здание финского парламента, заседания которого были, таким образом, прерваны. Не менее остро стоял украинский вопрос. Когда в Петрограде революционные матросы штурмовали Таврический дворец, Керенский находился в Киеве, вел переговоры с Центральной радой. И, казалось, добился важного компромисса. С одной стороны, самостийно возникшая Рада была признана «органом Временного правительства» взамен комиссаров, присланных из России, с другой — вопрос о провозглашении Украиной независимости был отложен впредь до решения Учредительного собрания. При этом Керенский поддержал план украинизации частей русской армии, дислоцированных на Украине, то есть в полосе Юго-Западного и Румынского фронтов. И публично соглашался с возможностью в будущем федерализации, то есть признания за бывшими национальными окраинами царской России права на внутреннюю автономию и самоуправление. Любопытно,

что радикальные националисты и на Украине, и в Закавказье тогда показным образом соглашались именно на федерализацию в рамках единого Российского государства, дальнейших своих appetitов не озвучивали. А вот в России по ряду причин многие были против такой активности Керенского. Возникло впечатление, что Керенский пытается «предрешить» важнейший вопрос о государственном устройстве России, поставить страну перед свершившимся фактом. Именно это, кстати, и спровоцировало отставку князя Львова и уход из правительства министров-капиталистов и представителей партии кадетов. Просто потому, что все они были твердыми сторонниками сохранения единой и неделимой России, в то время как большевики, тонко чувствуя настроение момента, активизировали свою контрпропаганду о праве наций на самоопределение вплоть до отделения. И в частности, Сталин, выступая на Всероссийском совещании военных организаций РСДРП, озвучил это требование, поддержав таким образом сторонников отделения от России. Понятно, что все это делалось из конъюнктурных политических соображений, в борьбе за власть, чтобы ослабить позиции Временного правительства, заложить еще одну мину под фундамент государственности. Но факт остается фактом. Новое коалиционное правительство являло собой парадокс. С одной стороны, оно было более левым, революционным, с другой — в нем существенно увеличились полномочия министра-председателя, Керенского, что означало возможность перехода к авторитарному и даже диктаторскому способу правления.

08.08

В этот день — 26 июля 1917 года по старому стилю — был опубликован состав второго коалиционного правительства России. В него вошли семь эсеров и меньшевиков, два радикальных демократа, четыре кадета и двое беспартийных. На посту министра-председателя был утвержден Александр Керенский, при этом он сохранил за собой портфели военного и морского министра. Одно это уже наводило на мысль, что Александр Федорович начинает обладать излишними правами и возможностями. Учитывая личные качества премьера, его амбициозность, нервную возбудимость и даже некую экзальтацию, заговорили о «бонапартизме». О подмене коллективного и взвешенного стиля управления — согласования политических позиций разных сил — авторитарным или даже, того гляди, диктаторским методом руководства. С одной стороны, ситуация объективно требовала усиления полномочий власти, ее решительности, хотя бы для пресечения внутренней смуты и разложения армии на фронте, с другой — многие были недовольны признаками сворачивания демократических преобразований в обществе, усиления полицейского контроля и ограничений.

Так или иначе, в эти дни появилась новая политическая конструкция. На смену неустойчивому двоевластию, эдакому перетягиванию каната между правительством и Советами, пришла система управления, в которой Всероссийский центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов *«признавал за Временным правительством неограниченные полномочия»*. И это было, пожалуй,

самым удивительным — потенциальный источник власти, влиятельный в солдатской и рабочей среде, отныне всецело подчинялся правительству, но при этом именно Советы в первую очередь критиковали Керенского за «бонапартизм».

Словом, все было запутано до невозможности. Но самое смешное, что, будучи более радикальным и левым по партийной принадлежности, новое правительство фактически стало осуществлять программу кадетов, то есть политику умеренных реформ в экономике, с декларациями о сохранении принципов государственного устройства, соблюдения традиций. Главным пунктом, можно даже сказать, проверочным словом в этой программе действий была возможность возвращения к монархической форме правления. Разумеется, в ограниченной парламентской форме. Собственно, в этом и состояла изначальная цель кадетов — конституционных демократов — создание в России парламентской монархии по английскому образцу. Надо ли говорить, что многие были тогда не согласны с такой реставрацией. Сильны были требования создания Российской Федеративной республики, в которой бывшие национальные окраины империи — Украина, Финляндия, Польша — становились бы субъектами автономными, самостоятельными по части решения внутренних дел.

Понятно, что разговоры об этом натывались на невозможность начать тут же их решать. Все споры заканчивались вынужденным согласием, что решение следует отложить впредь либо до созыва Учредительного собрания, либо, что еще лучше, до окончания войны. Но это была ловушка, ресурса прочности в экономике, политике, в настроениях общества оставалось все меньше. Кроме того, правительству

надо было как-то последовательно реагировать на оперативно возникавшие проблемы, а оно, правительство, вынуждено было лавировать между кадетско-монархическими силами, с одной стороны, и блоком тех же кадетов с социалистами, эсерами и меньшевиками — с другой. То есть сидеть на двух стульях. Что вызывало растущее недовольство обоих лагерей, не говоря уже о лагере большевиков, вынашивавших тогда самые радикальные планы.

09.08

В этот день — 27 июля 1917 года по старому стилю — в газетах появились сообщения о начале работы Шестого съезда РСДРП(б). При советской власти в курсе истории партии всегда подчеркивалось, что съезд этот проходил в полулегальных условиях. Как понять, что это такое? С одной стороны, известно, что он имеет место, и в открытой печати об этом сообщается, с другой — неизвестно, где именно проходят заседания и кто в них участвует. Во избежание арестов участников съезда заранее были определены несколько конспиративных площадок. А лидеры — Ленин и Зиновьев, Троцкий и Луначарский были избраны почетными председателями съезда заочно. Двое первых скрывались в тот момент в Разливе, двое последних, лидеры межрайонной социал-демократической организации, накануне были арестованы Временным правительством и оказались в «Крестах». При чем здесь лидеры так называемых «межрайонцев», Троцкий и Луначарский? Дело в том, что Шестой съезд стал объеди-

нительным, и межрайонная организация, очень активная и весной, и в дни Июльского восстания, влилась в ряды большевиков как отдельный батальон, недавно сколоченный и рвущийся в бой, вливается в состав полка, у которого большой опыт и наступлений, и отступлений. Кроме того, задачей съезда было дать отпор тем, кто был недоволен снятием лозунга «Вся власть Советам». То есть тем самым рвущимся в бой, неискушенным в интригах радикалам. А с другой стороны, выдвинуть еще более радикальный лозунг — борьбы за *«полную ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии»*. Забегая вперед, следует отметить, что именно этот курс — на завоевание власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством путем вооруженного восстания — и был принят на съезде.

Принято думать, что летом 1917-го партия большевиков не имела еще достаточного веса и влияния, численность ее была невелика, на порядок меньше, чем у эсеров, да и политическая программа Ленина оставалась еще непонятой и неизвестной массам. Может, кому-то это покажется неожиданным, но дискуссии, аналитические материалы о программе большевиков публиковались в те дни в большом количестве на страницах той самой открытой печати. Цитирую газету «Время»: *«Мы пережили уже третий период революции под знаком большевизма. Насколько серьезно продумана его идейная программа? Против теоретических положений, с точки зрения интересов и прав трудящихся — существенных возражений не найти. Но с практической стороны — здесь все темно, шатко и сомнительно. Окончить войну внезапным миром или даже победой вовсе не значит решить главную часть проблемы. А она заключается в том, что обширному земледельческому*

чреву России недостает крепкого промышленного позвоночника. Его и придется создавать. Это не под силу только рабочим, интеллигентам, профессионалам и ученым. Окруженные со всех сторон капиталистическим валом, мы должны будем защитить себя таким же сооружением. Его должны создать русские капиталисты, как посредники между народом и зарубежной капиталистической армией». Согласитесь, любопытно, актуально, а главное, в принципе, адекватно идеям большевиков. Стране нужна индустриализация. Никто об этом не спорит. Единственное, но тоже принципиальное расхождение: прочный фундамент национальной экономики, с крепким промышленным позвоночником, российское общество должно строить сообща, а не врозь, по сословному признаку, и уж тем более не в условиях диктатуры какого-либо класса, что приведет только к гражданской войне.

10.08

В этот день — 28 июля 1917 года по старому стилю — в Петрограде продолжал свою работу Шестой объединительный съезд РСДРП(б). Объединительным он назывался потому, что в партию большевиков влилась межрайонная социал-демократическая организация во главе с Троцким. Это был небольшой 10-тысячный отряд, но в нем было немало ярких интеллектуалов, сторонников и революционной фразы, и действий. Межрайонцы были более активны в дни июльского выступления, чем большевики, с попыткой свержения Временного правительства. И несмотря на то что, по язв-

тельному замечанию Троцкого, это было «недовосстание», а может, именно в силу этого «недо» — незаконченности, арестам и тюремному заключению подверглись в первую очередь лидеры межрайонцев. Тогда как лидеры большевиков — Ленин и Зиновьев — сумели перейти на нелегальное положение. Парадокс, свидетельствующий как о слабости власти, так и об уровне революционной стихии, — РСДРП не была запрещена, разыскивали только конкретных лиц. Поэтому съезд партии проходил полулегально. Экономическая платформа партии базировалась на требованиях установления рабочего контроля над производством и распределением, национализации банков, крупных промышленных синдикатов, конфискации помещичьей земли. Подчеркивалось, что все это будет возможно только при условии перехода государственной власти в руки рабочего класса.

Об экономике как проблеме насущной, первейшей больше всего писали в те дни в газетах, в том числе и по поводу проходящего в Петрограде съезда, который, как видим, был секретом Полишинеля. Газета «Время», анализируя радикальные требования большевиков, размышляла предметно: *«Перед нами стоит еще более жестокая, чем на войне, экономическая борьба. Лишь только перестанут греметь орудия и крейсировать подводные лодки, на всех морях появятся торговые корабли, и на беззащитную, лишенную промышленного позвоночника Россию навалится всей своей неумолимой тяжестью громада дешевых, по сравнению с нашими, иностранных товаров, впереди всех, конечно, пойдут германские изделия. В конце прошлого 1916 года общее вздорожание жизни в Германии выразилось в 65 %, в Англии — в 42, во Франции — в 53, а в России — в 483 %. Из этих цифр вытекает полная*

невозможность не только конкуренции, но и самого факта существования русской промышленности, ее изделия по себестоимости будут равны произведениям ювелирного искусства, хотя бы речь и шла о простых товарах, как гвозди, подошвы или ситец. И на этом месте Ленин, предлагая развивать существующие отрасли добычи полезных ископаемых, предлагает проект перевода России на положение Китая, Персии или Сиама, откуда лишь вывозят сырье и куда ввозят товары, — но ведь тогда мы станем вечными рабами враждебных, нейтральных и даже союзных нам народов, без всякой надежды на освобождение. Как справятся большевики с этими сложными задачами? Что готовят они для обеспечения себя не только сырьем, но и для товарообмена на равных условиях, для улучшения производства? Уверены ли вожаки большевизма, что их теоретическая программа не окажется на практике ошибкой, обманом, источником тяжелых разочарований для народа? Потому что одно дело бороться за власть путем уличных демонстраций и вооруженных столкновений под прекрасными, но беспомощными лозунгами, а другое — уберечь страну от водоворота самоистребления и гибели». А завершается это щемящее, с надрывом, описание выводом, пожалуй, самым неожиданным для нас теперь: «Почему из-за своей неумной борьбы с русским капиталом, слабым, немногочисленным, перегруженным до крайнего предела налогами, большевики находят возможным губить страну и обрекать ее население на подчинение капиталистам других стран и народов? В этом чувствуется ужас кошмарной и одновременно жалкой ошибки безответственных социалистов».

11.08

В этот день — 29 июля 1917 года по старому стилю — газета «Время» обратилась к религиозной теме. Точнее, к тому, как революционно настроенная часть общества выражала свое отношение к церкви. Статья вышла под заголовком «Поход против православной веры»: *«Мы уже сообщали о захвате лучших типографий духовного ведомства — Синодальной в Москве, Киево-Печерской лавры, Троице-Сергиевой лавры и других. Конечно, никаким насилием, самоуправством теперь никого не удивишь, но нельзя не прийти в ужас при ознакомлении с той литературой, которую в этих типографиях стали печатать взамен церковной. Вся она, как на подбор, направлена против православной веры. Очевидно, работа тут шла по заранее выработанному плану и преследовала подорвать главный оплот России — православие, в котором созидалась и крепла страна, становилась могучей и великой»*. Негодование газеты, кстати, вполне светской, далекой от каких-либо религиозных пристрастий, было вызвано информацией, полученной редакцией от иеромонаха Иракия, заведовавшего типографией Троице-Сергиевой лавры. Он представил документ, присланный Московским советом солдатских депутатов, в котором в приказном порядке предлагалось напечатать в типографии книги французского философа Жозефа Ренана «Жизнь Иисуса», «Апостол Павел», «Антихрист» и памфлет «Пауки и мухи». Ренан был, что называется, в меру известным историком религии конца XIX века, стоял на позитивистских позициях, близких к идеям толстовства. Исследовал Евангелие как исторический источник

и воспринимал Иисуса не как Бога, а как человека, как проповедника. Строго говоря, выражением атеизма это назвать нельзя, но чувства верующих такие издания, безусловно, оскорбляли. Тем более речь шла о приказании синодальной типографии печатать такого рода литературу. Кроме трудов Ренана, иеромонаху Ираклию было приказано напечатать сочинения отлученного от церкви Льва Толстого, а именно исследование четырех Евангелий и брошюру «Христианство и патриотизм», а также две статьи верного ученика Толстого, в тот момент лидера движения толстовцев, Владимира Черткова «Наша революция» и «Страницы воспоминаний». На резонный довод иеромонаха, что синодальной типографии во всяком случае неуместно печатать антихристианскую или сектантскую литературу, председатель издательской комиссии Московского совета Прокофьев ответил так: *«Если типография лавры откажется печатать книги, то Совет солдатских депутатов реквизирует типографию»*. Все это было похоже на заранее спланированную провокацию, потому что вскоре после того, как прозвучали такие угрозы, Прокофьев вместе с прапорщиком Францевичем, членом исполкома Моссовета, явились в лавру с предложением передать принадлежащую ей типографию в аренду Моссовету.

И когда на это был получен резкий отрицательный ответ, типография по приказу Прокофьева и Францевича была явочным порядком захвачена отрядом солдат. И тогда задним числом священнослужителям пришлось оформлять документы на якобы их добровольное согласие передать типографию Моссовету. Завершая свою публикацию, газета «Время» писала: *«Теперь, когда Правительство истребляет провокации и все то, что расшатывало в корне благополучие*

России, особенно следует обратить внимание на вопрос о захваченных типографиях. Проверить, не состоят ли лидеры Моссовета на службе у Ленина или у немцев, которые для борьбы со всем русским, национальным, с его верой и патриотизмом мобилизовали все ресурсы вплоть до литературы и искусства».

14.08

В этот день — 1 августа 1917 года по старому стилю — бывший император Николай и его семья покинули Александровский дворец в Царском Селе. Временное правительство, а главным образом Керенский, получивший чрезвычайные полномочия, пришло к выводу, что в условиях нестабильности лучше будет, если царскую семью увезти куда-нибудь в глубинку России.

Время покажет, что это было роковое решение, которое приведет к трагической развязке. Словно предчувствуя недоброе, Николай Александрович в своем дневнике оставил в тот день необычно обширную запись: *«Последний день нашего пребывания в Царском Селе. Погода стоит чудная. Днем работали в саду, срубили три дерева, распилили вчерашние. После обеда ждали назначения часа отъезда, который все время откладывался. Неожиданно приехал Керенский и объявил, что скоро явится Миша (речь о младшем брате царя — великом князе Михаиле Александровиче, которому разрешили проститься с уезжавшими. — Примеч. ред.). Милый Миша вскоре явился в сопровождении Керенского и караульного начальника. Очень приятно было встретиться, но разговаривать при*

посторонних было неудобно. Мы ходили взад-вперед, все наше окружение сидело на чемоданах. Секрет о нашем отъезде соблюдался так строго, что и автомобили, и поезд были заказаны после нашего отъезда из Александровского дворца. Несколько раз производилась фальшивая тревога — мы надевали пальто, выходили на балкон, возвращались обратно. Исход получился колоссальный по напряжению чувств: Алексею (имеется в виду наследник-цесаревич. — Примеч. ред.) хотелось спать, он то ложился, то вставал, спрашивал у кого мог, какой модели будет мотор, на котором мы поедem. Наконец сели в две машины, какая-то кавалерийская часть скакала за нами от самого парка до станции. Красив был восход солнца, при котором мы покинули Царское Село».

Действительно, меры предосторожности были соблюдены, обыватели оказались не в курсе происходящего. Только на следующий день появятся в газетах подробные отчеты об этом перемещении. «Перевод царской семьи» — так это тогда называли. Все соглашались во мнении, что это нужно было сделать. С одной стороны, различные революционные и фронтовые комитеты требовали заключить царя с семьей в Петропавловскую или какую-нибудь другую крепость, чтобы это действительно было заключение. С другой стороны, выражалось беспокойство, что Царское Село может стать цитаделью контрреволюции, собирая вокруг себя сторонников монархии, которые в тот момент вновь появились на горизонте.

В качестве доказательства газеты приводили текст письма бывшего главкома Западного фронта генерала Гурко, в котором он призывал патриотически настроенных офицеров освободить царя, с тем чтобы Николай II стал знаменем реставрации порядка и спокойствия в стране. Так или иначе,

но премьер Временного правительства Керенский действительно проявил бурную активность в те дни, распоряжаясь лично по всем деталям операции. Дважды ездил на станцию, инструктировал, как охранять пути, лично определил состав поезда, соблюдая секретность и конспирацию.

В результате получилось, что царская семья и прислуга, уезжавшая вместе с ней, оказались в санитарном поезде с вывеской «Японская миссия Красного Креста». Напомним, что Япония воевала в Первой мировой на стороне Антанты, и присутствие такой организации в России было неудивительно. Так же как и то, что такой состав следовал на восток, в Сибирь. Правда, в тот день никто, и разумеется, сам император тоже, еще не знал, в какой пункт доставит своих пассажиров этот необычный поезд.

15.08

Этот день — 2 августа 1917 года по старому стилю — царская семья провела в дороге. Из Петрограда — в неизвестность, место пребывания бывшего императора держали в секрете. Собственно, и сам поезд был закамуфлирован — шел под вывеской «Японская миссия Красного Креста». Николай II в своем дневнике писал: *«Поместились всей семьей в хорошем спальном вагоне. Залег в 7.45 и поспал до 9.15. Было очень душно и пыльно, в вагоне — 26 градусов. На каком-то полустанке гуляли со стрелками из нашей охраны, собирали цветы и ягоды. Едим в ресторане, кормят очень вкусно, кухня Восточно-Китайской железной дороги».*

По мере следования настроение менялось, и следующая запись уже не такая бодрая: *«Гуляли до Вятки со станции, где меняли паровоз. Та же погода и пыль. На всех станциях по просьбе коменданта завешивают окна, чтобы никто нас не увидел. Глупо и скучно».*

Спустя два дня поезд прибудет в Тюмень, откуда арестованных и сопровождавших, а также конвой — а это было ни много ни мало 200 человек — на трех пароходах перевезут в Тобольск. Там семья бывшего императора будет размещена в специально отремонтированном доме, где до революции была резиденция губернатора. Семье разрешат выходить на улицу и близлежащий бульвар, чем Романовы и воспользуются главным образом для того, чтобы посещать богослужения в храме Благовещенья. Режим охраны будет не в пример более легким, чем в Царском Селе. И без того склонная к размеренному, спокойному ритму жизни, царская семья окажется в своей стихии. Но продлится это спокойствие всего три месяца.

Столичные газеты между тем описывали детали отъезда семьи из Петрограда. «Утро России» утверждало: *«Николай Романов при отъезде сохранял внешнее спокойствие, а Александра Федоровна и дети плакали. В момент переезда из Царского Села на станцию великие княжны Татьяна и Ольга интересовались маршрутом и спрашивали, можно ли им будет заниматься на новом месте благотворительностью, а также построить на свои средства церковь. Публика в Царском Селе проявила полную инертность по отношению к этому событию. В общем, отъезд произошел совершенно безболезненно».*

Кроме того, дотошные журналисты выяснили, что Николай II в день отъезда просил Керенского отправить его

с семьей в Ливадию или как минимум разрешить на прощание встретиться с матерью, вдовствующей императрицей Марией Федоровной, которая находилась тогда в Крыму. Но в этом ему было решительно отказано. И вообще, описывая детали этой высылки, газеты больше писали о том, как четко и решительно действовал Керенский: *«Его приказания были кратки, подчеркнуто деловиты. Он был скуп на слова, но каждое его приказание приводилось в исполнение немедленно».*

Словом, мораль этих репортажей заключалась в том, чтобы подчеркнуть политическую волю и силу действующей власти, решения которой мудры и дальновидны. Во всяком случае, Керенский наводит порядок, невзирая на оппонентов, и левых, и правых.

16.08

В этот день — 3 августа 1917 года по старому стилю — серьезно обострилась внутривнутриполитическая ситуация в Финляндии. В Гельсингфорсе началась всеобщая забастовка. Ее инициаторами и руководителями были финские социал-демократы, а также большевики, из числа тех, кто, как утверждала газета «Время», *«избежал ареста после подавления Июльского восстания и скрывался теперь от Временного правительства».*

Напомним, что в июне 1917-го финский сейм принял декларацию о самоуправлении, то есть распространил свои полномочия на все сферы деятельности, касавшиеся управления внутренними делами. За центральным Временным

правительством признавалось лишь право ведения международных дел и военной политики. Тогда же последовал жесткий ответ из Петрограда. Керенский предложил отложить решение вопроса о самоопределении Финляндии впредь до созыва Учредительного собрания и распустил сейм. Здание финского парламента было занято частями русской армии.

Кроме сейма, в политической системе Великого княжества Финляндского существовал еще и сенат, верхняя палата. Он занимал более компромиссную позицию, продолжая сотрудничать с Временным правительством. И это вызывало раздражение среди финских радикалов, кстати, сторонников власти Советов. Именно тогда в Финляндии начало складываться понимание такого внутреннего расклада сил и симпатий, согласно которому вскоре в лексиконе появятся определения «белофинны» и «краснофинны». В те дни в Финляндии появились первые отряды так называемой Красной гвардии, которые повсеместно стали заменять собой милицию Временного правительства. «Красные финны» в качестве первой на тот момент задачи видели роспуск сената и передачу власти исполкому местных Советов. Однако формальный повод для забастовки был выбран из разряда экономических. Газета «Время» писала: *«Финляндская социал-демократия не может простить сенату то, что он не ушел в отставку и по-прежнему сохраняет за собой высшую власть. При этом в качестве причины выставляется якобы продовольственный кризис, однако это утверждение не соответствует действительности. Финские большевики умышленно ведут дело к открытому столкновению между властями и населением, требуя отмены запрета на заседания сейма и уличные демонстрации».*

Действительно, первым делом забастовщики объявили о намерении возобновить заседания сейма, того самого, который выступал за немедленный выход Финляндии из состава России. И это был откровенный вызов Временному правительству, оказавшемуся меж двух огней. С одной стороны, сепаратисты или «федералисты», как их тогда называли, требовали от него уступок в национальном вопросе практически во всех национальных окраинах бывшей империи — и на Украине, и в Закавказье, и в Средней Азии. С другой — перспектива распада единого государства множила ряды недовольных на правом политическом фланге. В офицерской среде росло неприятие противоречивой, двусмысленной политики Временного правительства, а заодно увеличивалось число сторонников жесткой диктатуры или восстановления монархии. Неслучайно именно в эти дни Керенский принял решение переместить царскую семью вглубь страны, в Тобольск. Но большее опасение тогда вызывала активность левых, в первую очередь — большевиков. Газета «Время» сообщала: *«В Финляндии усиленную агитацию в войсках ведут большевики, но успеха не имеют. Армия и флот продолжают оставаться верными правительству»*. Утверждение о верности правительству армии и флота уже начинает звучать как заклинание.

17.08

В этот день — 4 августа 1917 года по старому стилю — Временное правительство опубликовало перечень «Постановлений», принятых на заседании под председательством Керенского. На первый взгляд, это рутинная, обычный официоз.

В данном случае — подробный перечень решений по вопросам самого разного масштаба, от первостепенных (например, принятие закона об условно-досрочном освобождении) до сугубо конкретных, точечных, как то: *«Выдать Волынскому губернскому земству ссуду в 2 миллиона рублей для возмещения расходов по оказанию помощи пострадавшему от военных действий населению»*. Однако все это было призвано засвидетельствовать активность и неограниченный масштаб забот нового министра-председателя. Не обошлось и без недоразумения. В список постановлений было включено и чисто протокольное решение: *«Принять к сведению сообщение обер-прокурора Святейшего Синода о созываемом в Москве чрезвычайном Поместном соборе православной Церкви»*. Но и тут угадывалась мысль, что созыв, впервые за двести с лишним лет, Поместного собора — важная веха в истории России. И это заслуга Александра Федоровича Керенского. Хотя идея проведения Собора возникла еще в 1905 году и по умолчанию предполагалось, что на Соборе будет восстановлен институт патриаршества, и царь Николай II, как опять же считалось, благосклонно отнесся к этому даже не нововведению, а возвращению к исконной традиции. До начала Первой мировой войны Собор созвать не удалось. В первые годы войны было не до того, и вот, как видим, из объявления в газетах следует, что Временное правительство, одним из ведомств которого являлся Синод, воплощает давние замыслы в жизнь. Надо ли говорить, что на самом деле инициаторами этого мероприятия были церковные приходы и общины, а также группа вновь избранных на местных соборах епископов? Дело в том, что первый состав Временного правительства во главе с князем Львовым отправил весной

1917-го в отставку значительную часть епископов, членов Синода, за их связь с Григорием Распутиным. В интересах и духовенства, и широкой общественности было сделать так, чтобы шлейф этого распутинского скандала был, наконец, оборван. А главное, что сама церковь стала самостоятельной, независимой от государственных структур, организацией. Это задача требовала от Русской православной церкви выдвижения и участия новых лиц, не связанных с политическими или околополитическими интригами. Так что летом 1917-го в епархиях РПЦ шел активный процесс избрания новых предстоятелей, так, в частности, архиепископом Московским был избран Тихон (Белавин), впоследствии ставший патриархом всея Руси.

Среди других решений, касавшихся социально-политических реалий, Керенский в тот день отменил право о высылке крестьян по приговорам сельских общин. Это был, пожалуй, последний удар по системе круговой поруки, освобождавший крестьянина от коллективной зависимости. Сельские общины были введены в России в конце 30-х годов XIX века в ходе реформ графа Киселева, то есть еще до отмены крепостного права. Община являлась коллективным собственником земли и соответственно субъектом налогообложения. Поэтому проблема выплаты долгов, недоимок, прочих повинностей частенько на практике выливалась в решение об изгнании того или иного крестьянина из родной деревни. В годы столыпинской реформы этот институт так и не был отменен окончательно, хотя крестьяне получили право свободного выхода из общины с предоставлением им земельного надела (знаменитые «хутора и отруба»). В данном случае Временное правительство лишало общину и ее высший орган — сельский сход — очевидных административных полномочий.

18.08

В этот день — 5 августа 1917 года по старому стилю — в газетах активно обсуждали принятые накануне «Постановления» Временного правительства. Среди них было одно, теперь кажущееся необычным и неожиданным: *«Разрешить местным властям выдачу документов для повсеместного жительства в Российском государстве лицам чешской и словацкой национальности»*. Нетрудно догадаться, что контингент иностранцев, относящихся к этим национальностям, тогда представлял существенную величину и, кроме того, обладал позитивным настроением в отношении к «Российскому государству». Откуда вдруг взялась эта тема чехов и словаков? Да, мы о ней хорошо знаем по «Похождениям бравого солдата Швейка». И автор романа Ярослав Гашек находился в те дни в России, в плену, как и сотни тысяч его соотечественников. Чехия и Словакия не были тогда самостоятельными государствами, они входили в состав Австро-Венгерской империи, причем отнюдь не в качестве титульных наций, как, например, венгры, что видно уже из самого названия государства. Отношение к империи, к войне, которую она ведет, у подавляющего большинства чехов и словаков было негативным. Многие добровольно сдавались в плен частям русской армии, переходили линию фронта с поднятыми вверх руками. Всех помещали в лагеря, расположенные не только в глубоком тылу, в Поволжье или на Урале, но и на территории Украины. Кстати, будущий писатель и активный участник революционных событий в России Ярослав Гашек сидел в лагере, расположенном под Киевом. Среди

пленных чехов и словаков велся набор в так называемый Чехословацкий легион, летом 1917-го это был резерв для ведения боевых действий против стран германской коалиции. Австро-Венгрия — «лоскутная империя», как ее постоянно называли в политических памфлетах, действительно трещала по швам. И явно в развитие темы пребывания чехов и словаков в России в газете «Время» была помещена заметка под характерным названием «Чехо-словацкая революция». В ней утверждалось, что в Чехии и Словакии имеют место массовые волнения и забастовки. Разъяснения по этому поводу дал главный редактор газеты «Чехо-Словак», издававшейся в России, Бронислав Павел: *«Полученные в Петрограде телеграммы из Праги нисколько не преувеличивают того, что там происходит. Во всех чехо-словацких городах и областях в последние месяцы царит несомненно революционное состояние. Месяц назад, субботним вечером, на выходе публики из театров на Староместской площади, где находится памятник Яну Гусу и городская дума, произошла грандиозная манифестация гражданского неповиновения властям. Толпа требовала провозглашения чехо-словацкой республики и пела революционный гимн "Гей, славяне". В припеве которого звучали слова "Русские с нами, кто против нас, того сметут французы"».*

Не только специфическое, в духе бравого солдата Швейка, выдававшего себя за идиота, или в стиле городской интеллигенции — с пением гимнов на площади, но и вполне серьезное сопротивление оказывали чехи в тот момент действиям официальных властей Австро-Венгрии. В те дни австрийская армия предприняла наступление на итальянском фронте, но в Чехии начался массовый саботаж, забастовки, приведшие к коллапсу на железных дорогах.

Индустриально развитая Чехия была производственным военным цехом Австро-Венгрии, поэтому все эти волнения среди чешского пролетариата создавали серьезную угрозу для императорской Австрии. Ну и, так сказать, в обратном направлении — известия из России подогревали национально-освободительное движение в Чехии: *«Известие о блестящем поведении чехо-словацких легионов в рядах русской армии вызвало необыкновенный патриотический подъем в Чехии. Последние события на русско-австрийском фронте ошеломляюще подействовали на всех любящих Россию славян. Революционное движение прорвалось раньше, чем можно было ожидать».*

21.08

В этот день — 8 августа 1917 года по старому стилю — обострилась обстановка в малороссийских губерниях. Ее спровоцировали закончившиеся неудачей переговоры между Временным правительством и представителями Центральной рады Украины. Этот орган выражал интересы сторонников самостоятельности и независимости Украины и даже в условиях войны требовал быстрее решения вопроса, как минимум федерализации Украины, то есть создания не только национально-культурной автономии, но и самостоятельного административно-правового пространства. Украинские делегаты были недовольны инструкцией, предложенной Керенским, в которой в состав будущей территории Украины включалось только пять малороссийских

губерний, причем северные уезды Черниговской губернии также не входили в состав Украины. Рада настаивала на контроле над девятью губерниями. Не менее острыми были расхождения и в отношении компетенции будущих местных властей. Правительство Керенского утвердило лишь девять должностей генерального секретариата Рады, украинцы настаивали на четырнадцати министерствах. Пять требуемых ими позиций были таковы: телеграф, почта, железные дороги, военные дела и государственные регалии. Главным же пунктом преткновения стал вопрос о праве вето местных украинских властей на решения, принимаемые центральным правительством России. В редакции, предложенной представителями Рады, этот пункт звучал так: *«Всякий закон в Украине принимает силу лишь тогда, когда он будет одобрен Радой и опубликован в украинском официальном органе на украинском языке»*. Керенский этот пункт исключил из проекта закона вовсе, исходя из того, что государственный язык страны — русский, следовательно, всякий закон уже приобретает силу после опубликования его на русском языке в «Сенатских ведомостях». Как видим, языковая проблема имела тогда не только культурно-смысловой характер, но и вполне конкретный — административно-правовой. Керенский логично убеждал, что чрезвычайные обстоятельства могут вынудить Временное правительство в оперативном порядке издавать законы и распоряжения, в том числе касающиеся и территории Украины, как и всякой другой окраины, которые для обеспечения их действительности не требуют согласований и одобрений у краевых властей, тем более обязательной процедуры перевода на соответствующий национальный язык.

Украинская делегация во главе с Винниченко высказала свое резкое несогласие с такой позицией, но при этом осталась в Петрограде, явно рассчитывая на возможность добавить Временное правительство в вопросе о национальном самоопределении.

Между тем в тот день в Харькове вспыхнули уличные беспорядки. Повод был, на первый взгляд, мелкий и даже смехотворный. На Павловской площади по требованию вагновожатого милиционеры сняли с конки ехавшего на подножке вагона офицера. Офицер начал возмущаться: *«На фронте мы нужны, а здесь нас гонят в шею»*. Вокруг него быстро образовалась внушительная толпа горожан, которые стали требовать ареста милиционеров. Затем толпа ворвалась в отделение милиции, причем предводительствовал в ней упомянутый ранее офицер. Дальше — интереснее. Дежуривший в тот момент в отделении помощник комиссара милиции узнал в нем известного в городе грабителя Козуб-Черного, который бежал неделю назад из местной тюрьмы. Ситуация приобретала совершенно иной оборот. В толпе, требовавшей справедливости и уважения к офицеру-фронтовику, было немало солдат, среди которых на поверку оказались переодетые в военную форму уголовники. Они явно были нацелены на то, чтобы разгромить участок и ликвидировать милиционеров. Помощник комиссара бросился в бега, ему удалось благополучно скрыться. А в здании отделения милиции воцарилась анархия...

22.08

В этот день — 9 августа 1917 года по старому стилю — в Харькове продолжались уличные беспорядки. Накануне в отделение милиции был доставлен офицер русской армии, ехавший без билета на подножке трамвайного вагона. По требованию вагоновожатого милиционеры задержали его и доставили в отделение. По дороге к офицеру примкнула целая толпа сочувствующих, среди которых было немало солдат. Однако вскоре выяснилось, что в этом деле не все так очевидно. Помощник комиссара милиции узнал в вагоновожатом знаменитого харьковского грабителя Козуб-Черного, незадолго до этого бежавшего из тюрьмы. А негодующие солдаты оказались на поверку «солдатами» в кавычках, это были переодетые уголовники. Все становилось похожим на репетицию переворота в местном масштабе: захват отделения милиции, призывы к неповиновению властям. Присланный градоначальником отряд драгун и конной милиции был атакован — получается, что не просто толпой, а заранее подготовленными к бою провокаторами. Только ротмистру Зеленскому и еще двум драгунам удалось ускакать от преследователей. Толпа, состоявшая между тем увеличивалась и в размерах, и в возможностях. Это уже был конный и хорошо вооруженный, благодаря разгрому склада с оружием, отряд. Отряд этот начал циркулировать по городу в поисках милиционеров и, как это ни странно покажется на первый взгляд, офицеров. В результате в осаду попали казармы драгунского полка. То есть изначальный повод к недовольству — защита чести

оскорбленного офицера-фронтовика, был всего лишь предлогом, чтобы спровоцировать вооруженные беспорядки. Своего рода репетиция революционного захвата власти.

Однако то обстоятельство, что многие горожане примкнули к толпе зачинщиков именно из чувства солидарности с фронтовиками, а не против них, сыграло свою роль. Командир драгунского отряда ротмистр Дейнберг не убоился выйти к осадившим казарму людям. И начал спрашивать, что их привело сюда, с чем они не согласны. Выяснилось, что многие участники мятежа просто жертвы провокации. Что они не против военных, а, наоборот, за. После убедительной речи ротмистра многие стали расходиться по домам. Другое дело — местная милиция, она, судя по всему, не пользовалась авторитетом и сочувствием у харьковчан. Потому что если штурмовать гарнизонные военные казармы горожане не стали, то положение в 6-м участке милиции, куда был доставлен офицер-безбилетник, скорее всего, провокатор, оставалось угрожающим. Комиссара участка Любимова, тоже не побоявшегося выйти к людям, чтобы убедить и усовестить их, схватили и начали душить. Делали это, конечно, не в сотню рук, не все сразу, а только самые активные и крикливые, как говорится, зачинщики и закоперщики. А они, все как один, как потом установило следствие, были членами местных, как теперь бы сказали, организованных преступных группировок, сводивших счеты с правоохранителями. Благодаря решительности адъютанта военного комиссара Харькова прапорщика Старченко и взводного командира драгунского отряда унтер-офицера Деревоева комиссара милиции удалось отбить от рук злоумышленников. Толпа, стоявшая у здания отделения милиции на протяжении почти двух суток, начала

расходиться. Перед нами очень характерный для лета 1917-го эпизод. Никогда еще не было такого, чтобы спокойствие многих настолько зависело от решительности и выдержки тех немногих, кто оставался еще спокойным и уверенным в торжестве порядка и дисциплины.

23.08

В этот день — 10 августа 1917 года по старому стилю — достоянием гласности стала подоплека трудных переговоров, которые вела в Петрограде делегация украинской Центральной рады во главе с Винниченко. Накануне военная цензура задержала передачу телеграммы, адресованной в редакцию парижской газеты «Интрансежин» ее петроградским корреспондентом. В ней содержался подробный пересказ переговорной позиции украинской делегации: *«По словам Винниченко, нас, украинцев, в России 30 миллионов. Насколько ненавистно было иго царизма, настолько сильно теперь наше желание достигнуть национальной свободы. Мы имеем на то повелительное право, не ожидая конца войны, так как завтра может оказаться уже поздно»*. Особенностью 1917 года стало полное и, пожалуй, искреннее убеждение многих политиков, что «завтра выступать будет уже поздно». Хотя, с другой стороны, подобная точка зрения удобна для оправданий, потому что текущие ошибки и неудачи всегда можно оправдать словами — «вчера выступать было рано». В данном случае показательно то, что, обращаясь к европейской общественности, к западным союзникам России, лидер украинских

националистов Винниченко открыто заявлял: *«Мы тотчас же приступаем к созданию нашей автономной жизни, несмотря на затруднения и препятствия со стороны великороссов. Мы учредили Центральную раду вроде парламента, в ней состоят более 400 человек. Создан исполнительный орган — генеральный секретариат, состоящий из 14 министерских департаментов»*. Принято считать, что Временное правительство просто сидело сложа руки в ожидании, когда кончится его время. Во всяком случае, в советской историографии меньше всего изучался вопрос о том, как решал в 1917 году обострившийся до предела национальный вопрос Александр Федорович Керенский. А он пытался его решить, находясь в самых затруднительных обстоятельствах. И найти выход из сложившейся ситуации, исходя из принципа сохранения единой и неделимой России. То есть большевистского лозунга о праве наций на самоопределение вплоть до отделения он не принимал, однако при этом не мог не соглашаться с тем, что в будущем, после окончания войны, на основе решений Учредительного собрания, национальным окраинам бывшей Российской империи может и даже должно быть предоставлено право самоуправления. Речь, по сути, шла о создании Российской Федеративной республики. И, кстати говоря, аппетиты практически всех национально-патриотических сил на просторах России, в Закавказье, в Средней Азии, на Украине и в Прибалтике тогда не выходили за рамки этой так называемой «федерализации». Пожалуй, исключение составляла только Финляндия.

Возвращаясь к заявлению Винниченко, стоит добавить, что в нем было много того, что звучало незаслуженно обидно: *«Украинцы сражаются против немцев и австрияков вдвое*

лучше, чем великороссы. Поэтому мы желаем, чтобы наши 3 миллиона солдат-украинцев были соединены в отдельную армию». Но главное, в заявлении был вызов с явным оттенком шантажа в адрес союзников России по Антанте: «Полное безразличие на Западе к нашим задачам возбудило у украинцев недружелюбное чувство к союзникам. Однако если Франция и Англия объявят и гарантируют права украинцев на государственную автономию, то этим они укрепят связь между Украиной и Россией, а также Украиной и Антантой». На этом фоне очень любопытно выглядело еще одно самопризнание Винниченко: «Французская печать обвиняет нас, что украинское сепаратистское движение поддерживается на германские деньги, это не так, но правда то, что чем более русское правительство противится нашим требованиям, тем сильнее украинцы останавливают свой взгляд на Австро-Германию, и в нашей Раде уже заседает известное число германофилов». Как говорится, без комментариев.

24.08

В этот день — 11 августа 1917 года по старому стилю — внимание общественности переключилось на бедственное положение русских финансов. Газета «Московские ведомости» так определила корень экономических проблем. Исходным посылом для размышлений газетчиков стала ситуация, в которой *«решительно никто ничего не хочет платить в качестве налогов»*. Самое поверхностное объяснение этому заключалось в том, что Временное правительство как раз приняло пакет за-

конов о налогообложении, согласно которому бизнес должен был выплатить налоги за предыдущий, 1916 год повторно, в качестве единовременной подати. Плюс вводилась прогрессивная шкала налогообложения, делавшая невыгодным производственную деятельность вообще, даже в оборонной промышленности. Это значительно усиливало недовольство предпринимателей. И получалось, что недовольны все, имущие и неимущие. Явно выражая недовольство первых, «Московские ведомости» сетовали: *«С неимущих-то мудрено что-либо получить. Бедняки не обложены у нас ни подоходным, ни квартирным, ни иными налогами. Но кто бы мог подумать, что при нынешней разрухе жизни, транспорта и продовольствия, гибели многих фабричных предприятий и земельных хозяйств, в ситуации беззакония и бесправия доходы государственного казначейства России растут. За пять месяцев текущего 17-го года они составили миллиард 665 миллионов рублей, на четверть миллиарда больше, чем в 1916-м. Когда доходы поступали исключительно хорошо. При этом Минфин рассчитывает получить до конца года еще 5 миллиардов 400 миллионов за счет увеличения железнодорожных тарифов, прогрессивного подоходного налога, налога на табак. Но почему же тогда, — вопрошала газета, — наши революционные министры на каждом шагу кричат, что государственная казна пуста, что мы стоим над бездной. Откуда тогда эти дополнительные полтора миллиарда? Очевидно, что дело в бездушии имущих классов, не в малом поступлении доходов, а в отсутствии элементарной экономии. В наши дни только ленивый не предъявляет своих социальных требований к государственному сундуку. Бездумная эпидемия грабежа и нахрапа под угрозой забастовок. Чувство патриотизма сменил самый грубый*

и бесшабашный классовый эгоизм». Газета приводила впечатляющую статистику. Общая сумма расходов государства в 1914 году — 5 миллиардов рублей. В 15-м — около 12 миллиардов. В 16-м — около 18. А только за полгода 1917-го — 30 миллиардов рублей. Чем же был вызван такой невероятный скачок? «Московские ведомости» считали, что «единственно непомерными требованиями, предъявляемыми к государству», являются... И в качестве примера приводили такую деталь социальной политики — «расход на выдачу пайков солдатским женам — за первые два с половиной года войны он составил два миллиарда, а в 17-м с учетом новых расценок — опять же только за полгода — три миллиарда». «Конечно, — признавала газета, — против увеличения пайка нельзя было бы сказать и слова осуждения, если бы положение солдаток было действительно бедственным, но, будучи в большинстве своем селянками, они кормятся со своего хозяйства, а вот средние городские классы действительно начинают бедствовать из-за дороговизны продуктов, цен на услуги». Кроме этого, на самом деле очень спорного и неочевидного в своей социальной правоте примера, газета приводила также пример действительно вопиющий. Расходы на содержание железных дорог, несмотря на угрожающе растущее расстройство их работы, увеличилось в 17-м году почти на два миллиарда рублей. В общем, вывод из этого делался провидческий. Цены растут на всё и вся, к зиме, если не случится чуда, можем остаться без дров, керосина и хлеба. При этом введение государственной монополии на спички, соль, сахар и прочее необходимое не спасет. Спасти может только всемерная экономия и — внимание — «твердый окрик власти на всех этих мародеров тыла, тянущихся к скудным государственным сбережениям».

25.08

В этот день — 12 августа 1917 года — в Москве открылось Государственное совещание. Его проведение было инициативой Керенского в ситуации обостряющегося кризиса и невозможности откладывать в неизвестность решение актуальных проблем. И сама по себе инициатива эта вызвала протест. У системных противников — большевиков — потому, что им не нужно было, чтобы правительство пришло к каким-то конкретным решениям в национальном вопросе, в вопросе о государственном устройстве России. А все остальные были недовольны тем, что Керенский начинает предрешать проблемы, которые выходят за рамки его компетенции. Все эти вопросы должно решать Учредительное собрание, а не министр-председатель с диктаторскими полномочиями. Итак, Александр Федорович оказался в патовой ситуации. Какой ход ни сделай — подвергнешься критике.

Государственное совещание открылось на фоне крупного скандала. Он был вызван резким интервью, которое лидер украинских сепаратистов Винниченко дал французской газете «Интерсежен». В нем он утверждал, что солдаты-украинцы воюют против немцев вдвое лучше, чем русские. Отсюда требование — свести три миллиона солдат и офицеров украинской национальности в отдельную армию. Кроме этого, Винниченко требовал незамедлительно, не ожидая окончания войны, предоставить Украине автономию, а для начала определить ее собственную территорию. Рада требовала включить в состав автономной Украины девять губерний — Киевскую, Черниговскую, Подольскую, Волынскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую.

Керенский соглашался только на пять первых из названного списка. Но, главным образом, скандал был вызван явными угрозами и шантажом со стороны Винниченко: *«Во французской печати утверждается, что украинский сепаратизм действует на германские деньги. Это утверждение может привести только к росту германофильских чувств у украинцев и надежды на сотрудничество с Австро-Германией»*. Это был явный перебор. Временное правительство квалифицировало заявление председателя Центральной рады как акт государственной измены. Винниченко решено было дать время на то, чтобы обдумать свое поведение и выступить с опровержением. Иначе он будет подвергнут закону о внесудебных арестах, и ему будет предложено покинуть пределы России. Соратники пытались заступиться за своего лидера, заявляя, что французский корреспондент искажил подлинные слова Винниченко. Спустя два дня он сам решил, что лучше откеститься от своих заявлений. В тот день из Киева пришла телеграмма Винниченко: *«Категорически отрицаю мысли, слова, приписанные мне. Я не мог говорить о германофильских течениях в Раде. Я говорил только о том, что из-за жестоких гонений царизма на украинство у нас возникли такие настроения. Это столь же естественно, как то, что нынешний демократический и республиканский строй России ближе по духу украинской демократии и в большей степени обеспечивает права украинского народа, нежели монархические Австрия и Германия. Я лишь подчеркнул, что недоверие Временного правительства к стремлениям украинцев обрести автономию и противодействовать этому порождают обратную реакцию, усиливают сепаратистские тенденции среди групп крайних радикалов, но не в смысле перехода в стан врага, а в смысле*

полной самостоятельности Украины. Но эти группы значительным влиянием на Украине не пользуются. Мы же прекрасно понимаем, что Рада обязана, с одной стороны, взять власть, но с другой — обязана не идти на разрыв с Россией, который может привести к появлению на Украине немцев, которые разорвут единую Украину на две половины».

28.08

В этот день — 15 августа 1917 года по старому стилю — в Москве завершило работу Государственное совещание. Так и хочется сказать — «так называемое», потому что функция и полномочия этого собрания выглядели весьма расплывчато. Лучше в духе агитпропа именовать его Всероссийским политическим форумом. Сам факт созыва свидетельствовал о тяжелом кризисе и власти, и общества. Определенной повестки дня не было. Представительство на совещании политических сил было самым разнородным и мало соответствующим их весу и политическому влиянию. 488 депутатов Государственной думы всех — подчеркиваю — всех четырех созывов, 129 человек от Совета крестьянских депутатов, 100 от Советов рабочих и солдатских депутатов, 47 от городских дум, 117 от армии и флота отдельно без участия Советов, 313 от кооперативов, 150 представителей торгово-промышленных кругов и банков, 176 профсоюзных деятелей, 118 земцев, 83 представителя интеллигенции, самой расплывчатой категории, 24 священнослужителя и 58 человек от различных национальных организаций. И это мы еще

перечислили половину — всего на совещании присутствовало около двух с половиной тысяч человек. Все использовали трибуну совещания для пропаганды своих идей и программ. Большевики, в своем стиле, хотели выступить с декларацией, разоблачающей контрреволюционную сущность Временного правительства, а потом гордо покинуть зал заседаний. Но даже этого им сделать не удалось. Их представительство в Советах было заблокировано. Пришлось довольствоваться профсоюзной и кооперативной квотами, которые право на возможность зачитывать декларации с трибуны не предполагали.

Совещание вылилось в демонстрацию сил и намерений различных политических групп и партий под знаком растущего недовольства всех — и левых, и правых — деятельностью правительства. И хотя Керенский, открывая совещание, заверил, что «железом и кровью» раздавит все попытки сопротивления правительству, сопротивление этому самому правительству, по сути, оказали все. Фактически произошел раскол между умеренными силами, с одной стороны, и радикально-революционными — с другой, что было бы, впрочем, еще не так неожиданно. Но обозначилась и третья сила — консервативно-умеренная. В выступлениях генералов Корнилова и Каледина, лидера кадетов Милюкова и видного монархиста, лидера Союза русского народа Шульгина был предложен кардинальный путь развития: ликвидация Советов, упразднение общественных организаций в армии, война до победного конца, суровая по законам военного времени дисциплина в тылу и на фронте. Лозунгом этой группы сил стало требование такой власти, которая, по словам казачьего генерала Каледина, *«была свободна от необходимости по-*

сле каждого шага оглядываться на всевозможные комитеты и советы, и отдающая себе отчет в том, что источником суверенной государственной власти является воля всего народа, а не отдельных партий и организаций». Недовольны были и бизнесмены. В общем, все выговорились, а ситуация не изменилась. Миллионер Рябушинский, завершавший в те месяцы строительство нового автогиганта — завода АМО в Москве, — заявил, что Россия управляется в настоящий момент мечтой, невежеством и демагогией. То есть ненароком дал яркие определения тем самым трем силам, которые обозначились в ходе совещания. Никаких документов и резолюций на совещании принято не было. Никаких.

29.08

В этот день — 16 августа 1917 года по старому стилю — в центре внимания был открывшийся накануне в Первопрестольной Поместный собор Русской православной церкви. Первый более чем за двести лет истории страны, когда, начиная с петровских преобразований, в том числе и в церковной жизни, был упразднен институт патриаршества. Уже поэтому все, как бы по умолчанию, воспринимали созыв Собора в качестве возможности восстановления самостоятельности церковных структур, процесса подлинного отделения церкви от государства. Напомним, что, начиная с Петра I, церковь фактически была вписана в управленческие структуры. Был создан Святейший правительствующий синод, фактически им управлял светский чиновник, который представлял фигуру

императора Всероссийского. Который, в свою очередь, был высшей апелляционной инстанцией. С крушением монархии неизбежно встал вопрос о реформе церковного управления в России. Уже в апреле 1917 года Синод обратился *«ко всем верным чадам Российской православной церкви»*: *«Давно уже в умах православных русских людей жила мысль о необходимости созыва Поместного собора для коренных изменений в порядке управления и вообще для устройства нашей церковной жизни на незыблемых началах Священного Писания и правил святых Апостолов. Происшедший в стране государственный переворот, в корне изменивший нашу общественную и государственную жизнь, обеспечил и Церкви возможность и право свободного устройства. Заветная мечта русских православных людей теперь стала осуществимой...»* Как видим, революция воспринималась в этом обращении как позитивный факт, открывший церкви путь к «незыблемым началам». Явно это был результат господства в тот момент антимонархических настроений.

Созыв Собора тщательно готовился на основе специально принятого положения. Было определено три категории участников. По должностям, по выборам и по приглашению. По должности призывались члены Синода, все епархиальные архиереи, наместники четырех лавр, настоятели Соловецкого и Валаамского монастырей, Саровской и Оптиной пустынь, кроме того, от каждой епархии избиралось по два клирика и по три мирянина, а также представители монашествующих. И, что выглядит на первый взгляд неожиданно, — делегаты от действующей армии, представители Академии наук, университетов, Госсовета и Государственной думы. Параллельно проходил процесс перевыборов

епархиальных архиереев, в результате которого на первый план выдвинулись будущие кандидаты на пост Предстоятеля РПЦ — Патриарха всея Руси — митрополит Новгородский Арсений (Стадницкий), митрополит Харьковский Антоний (Храповицкий), митрополит Московский Тихон (Белавин). С другой стороны, из 564 членов Собора большинство — 299 человек — были миряне, благочинные, выборные от церковных приходов и, как мы уже сказали, представители светских социальных институтов.

На открытии Собора присутствовал премьер-министр Александр Керенский. Благо открытие заседаний совпало день в день с окончанием Государственного совещания, также проходившего в Москве. Забегая вперед, скажем, что Поместный собор заседал более года. И главные свои решения принял уже после захвата власти большевиками, то есть в принципиально иных социально-политических условиях.

Но на первой сессии, продолжавшейся до декабря 1917-го и закончившейся в дни выборов в Учредительное собрание, участники Собора еще были целиком и полностью поглощены сугубо церковными вопросами, в первую очередь — восстановления патриаршества, определения прав и обязанностей духовного предстоятеля РПЦ, учреждения соборных органов для совместного с патриархом управления церковными делами и в целом обсуждения правового положения Православной церкви в России под, повторяю, знаком формулы, что в демократической стране церковь отделена от государства и пользуется полной самостоятельностью в своей внутренней религиозной жизни.

30.08

В этот день — 17 августа 1917 года по старому стилю — газета «Утро России» своеобразно подвела итоги Московского государственного совещания. Это странное собрание представителей различных политических сил и организаций, профсоюзов, земства — словом, всех-всех-всех, было созвано по инициативе Керенского. В ходе выступлений выяснилось, что Временное правительство действительно со всех сторон окружено недовольными критиками. И если позиция левых радикалов, то есть большевиков, была известна заранее, то оппозиция справа, можно сказать, оформилась в дни совещания. Выяснилось, что и лидер кадетов Павел Милюков, и лидер монархистов Шульгин, а также генералы Корнилов и Каледин фактически образовали правоцентристский блок, который навязывает Временному правительству более решительный вариант действий — ликвидацию Советов, чрезвычайный режим работы транспорта и тыла, восстановление смертной казни за дезертирство и, разумеется, войну до победного конца. Своеобразным подталкиванием Керенского к действию стала в тот день публикация статьи Владимира Бурцева в газете «Утро России» под заголовком «То, о чем промолчали»: *«Керенский не раз говорил на совещании о тех, кто мешает Временному правительству работать. Он вообще часто говорит о врагах слева, но еще чаще и гораздо смелее о врагах справа. Благо Корнилов, Милюков, Каледин и Шульгин свою позицию обозначили твердо. И получается, что о том зле, которое причиняет в последнее время большевистская пропаганда для*

разложения армии, Керенский критикует недостаточно ярко и резко. А вот опасность справа подчеркивает излишне. Их просто не существует в действительности. Однако Керенский видит врагов правительства там. Есть только одна разумная, здоровая и объективно нужная ему оппозиция — оппозиция людей, любящих родину, ищущих выхода из ужасного положения». Владимир Бурцев был колоритной фигурой. Народоvoleц-революционер, в начале века он окунулся в журналистские расследования и разоблачения секретных сотрудников царской охраны. Составил целый список революционеров-provokаторов, платных и добровольных агентов полиции. Получил за это прозвище «Шерлок Холмс русской революции». В 1915 году был арестован и приговорен к ссылке в Туруханском крае. Освобожденный Февральской революцией, Бурцев принимал участие в разборке уцелевших архивов Охранного отделения и публиковал эти материалы в своем журнале «Былое». После неудачной попытки большевиков в начале июля захватить власть в Петрограде Бурцев обрушил весь свой праведный гнев на дискредитацию большевистских лидеров, опубликовав досье двенадцати наиболее вредных, с его точки зрения, лиц. Сам по себе список любопытен — в нем Ленин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Коллонтай, Стеклов, Рязанов, Козловский, Луначарский, Рошаль, Раковский и Максим Горький. Трое из этого списка — Троцкий, Луначарский и Коллонтай — на тот момент были арестованы и сидели в «Крестах». Про Ленина всерьез думали, что он бежал чуть ли не обратно в Швейцарию. Рошаль и Раковский находились в Кронштадте под защитой революционных матросов, и только Горький ввязался в ответную газетную полемику.

И в этом смысле статья Бурцева показательна тем, что ее автор справедливо констатирует: *«Временное правительство делает очень мало или, вернее, ничего не делает, чтобы вскрыть страшную роль немецкого шпионажа в России. Молчат о том, что враг всюду сеет измену, дезорганизует весь общественный строй, причем делает это руками как левых, так и правых политиков»*. Итак, враг повсюду. Что ж, в таком случае статья Бурцева — это первое неслышанное пока предостережение возможности правого мятежа во главе с генералом Корниловым.

31.08

В этот день — 18 августа 1917 года по старому стилю — в третьем часу утра в здании Московской городской думы на Воскресенской площади (в советские времена — площадь Революции) произошел пожар. Брандмейстер арбатской пожарной команды, осмотрев помещение, установил, что на втором этаже над парадным входом горит неубранный мусор, в который была брошена непогашенная папироса. Характерная деталь быта и нравов того лета, когда у всех на глазах была эта картина вопиющего падения дисциплины и ответственности. Пресса изощрялась в острых и злободневных фельетонах, описывая бездействие органов охраны общественного порядка. Газета «Время» в тот день писала: *«Интересно понаблюдать за тем, как живет и работает наш революционный милиционер. Дневная его работа состоит в том, что он ведет оживленные споры на политические*

темы, лушит семечки, нещадно курит папиросы, изображая из себя джентльмена. На все происходящее вокруг он обращает мало внимания. Вернее, совсем не обращает. Что ему до облепленных безбилетниками трамвайных площадок, что ему до очередей, в которых солдаты почему-то продолжают получать продукты без очереди? Что ему вообще городской обыватель? Он для него тот, кто обязан содержать его, милиционера. Комиссары градоначальства на многочисленные жалобы на милицию отвечают, что все это происходит на почве новизны самого дела. Сначала мы охотно этому верили. Думая, что пройдет месяца два-три, милицию наладят, и нам не нужно будет больше дрожать за свое имущество и за свою жизнь. Прошло полгода. Результаты — худшие. Московское градоначальство постоянно издает чрезвычайно полезные циркуляры, приказы, инструкции. Некоторые комиссары даже лично ездят по ночам по городу, производят дикую стрельбу, делают разnosы, вызывая на посты ушедших с них милиционеров. Но эти выстрелы собирают только одних ошалелых с перепугу горожан. Беда в том, что все предписания милиционерами прочитываются, но... не исполняются. Наглядный пример — приказ о недопущении параллельных очередей в магазины, состоящих из одних солдат, таковые очереди милиционеры должны пресекать вплоть до вызова воинского караула. Увы. Куда там. Все это не исполняется. Но это днем. А ночью? Ночью Москва брошена на полный произвол. Разве только на центральных улицах вы заметите одинокую, заблудившуюся фигуру милиционера. Но стоит только свернуть из центра, вас могут тут же ограбить, раздеть, убить, и на ваши крики никто не откликнется. Даже извозчики, на что уж бесшабашный народ, даже они отказываются ездить по ночам на дале-

кие улицы. Кроме того, ни для кого уже не секрет, что теперь Москва наполнилась всевозможными притонами — игорными, кабацкими, наркотическими. По умолчанию считается, что их посетители — все сплошь “буржуи”. Во всяком случае выходящих из таких притонов как раз готовы встретить товарищи-милиционеры или прочие добровольные ночные сторожа. Они тут же назовут вас барином и предложат защиту, разумеется, за соответствующую подачку».

Как видим, ситуация с охраной общественного порядка в Москве в конце лета 17-го была просто-таки аховой. Неутешительный вывод газеты: «Те, кто нас охраняет, сами нуждаются в защите». Всерьез обсуждалась необходимость расформировать часть недееспособной милиции, абсолютно не выполняющей своего общественного долга. Но приступить к этому было трудно, поскольку милиционеры тут же пригрозили объявить всеобщую забастовку. Что ж, любопытная деталь жизни большого мегаполиса, зная которую не удивишься наступившим осенью хаосу и смуте.

СЕНТЯБРЬ

1 сентября Керенский, пытаясь перехватить политическую инициативу, провозглашает страну «Свободной Россией». Эффектный ход призван продемонстрировать достижения Временного правительства, однако это решение вызывает критику. Керенского обвиняют в попытке предрешить вопрос о государственном устройстве России, которое должно быть принято Учредительным собранием.

Л. Д. Троцкий выпущен на свободу и вскоре избирается председателем Петросовета. Обострение политических противоречий. Керенский, чувствуя, что исчерпывает кредит доверия, объявляет о созыве «предпарламента». Совещание представителей левых партий пытается сформировать однородное многопартийное правительство. Большевики после некоторых колебаний отказываются участвовать в работе предпарламента, объявив, что уходят из «очередной говорильни на баррикады».

Выборы в районные городские думы. Низкая явка избирателей свидетельствует об усталости и разочаровании общества в революционном процессе.

01.09

В этот день — 19 августа 1917 года по старому стилю — завершилась предупредительная стачка, организованная большевиками в знак протеста против политики Временного правительства. Публицист Сурмин из газеты «Утро России» подвел итог этого демарша: *«Над большевиками, еще так недавно “униженными и оскорбленными” (имеется в виду неудачное июльское выступление с попыткой передать власть Советам), теперь как будто восходит звезда исторического успеха. Армия их сторонников растет в числе, и вино восстания снова ударит им в голову. 400 тысяч рабочих фактически голосовали за них своей стачкой-протестом».* 400 000 — это было утверждение газеты «Социал-демократ», хотя скептически настроенные наблюдатели из лагеря меньшевиков и эсеров требовали зачеркнуть, по крайней мере, один ноль в этом числе, просто точности ради... Но даже если активных забастовщиков было и на порядок меньше, эффект все-таки был налицо. Статья Сурмина окажется пророческой, причем предсказания начнут сбываться через несколько дней в связи с так называемым Корниловским мятежом, для подавления которого Керенскому придется обращаться за помощью к Советам рабочих и солдатских депутатов. И это произойдет уже через 8–9 дней.

Поэтому вдвойне весома и интересна аналитика того дня. Продолжим цитату из статьи Сурмина: *«Церетели, недавно объявленный на Государственном совещании в Москве вождем революционной демократии, остался теперь в меньшинстве в Петроградском совете. Рабочие и солдаты уже не*

с ним. Большевики и тут торжествуют, пока, правда, гордо протестуя против угрозы властей применять силу, то есть приняв позу толстовцев — против крови, против “палачей”... Но тут же забывают о гуманизме, обещая поднять алое знамя восстания против правительства. Действительно, в воздухе уже носятся слухи о новом восстании, уже по улицам столицы снова бродят толпы манифестантов с воинственными лозунгами “смерть буржуйам”. И лозунг этот твердо подкрепляет своими аргументами Ленин». И тут Сурмин цитирует Ленина по неназванному им, впрочем, источнику: «Власть уже нельзя сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе военную шайку». В принципе, все так, все верно. Именно это и произойдет. Никто только не знает пока деталей. Не знает, что катализатором большевизации Советов и курса на вооруженное восстание станет Корниловский мятеж, попытка правоцентристов установить более твердый, по законам военного времени, порядок управления. Керенский в этой ситуации, спасая свое собственное положение, вынужден будет обратиться за помощью к левым, то есть к тем же большевикам. В итоге его попытка столкнуть радикалов, чтобы остаться на плаву, обернется фиаско.

Ну а пока популярной газете остается только увещевать и предостерегать: «Ленин ужасно хочет поторопить историю. Уж очень она его огорчает. Маркс ждал, ждал социальной революции, да так и не дождался, как и Энгельс и Бебель. Все они остались у дверей провозглашенного ими социального рая, но не вошли туда. А большевики надеются войти... В чем символ их веры? Они жаждут мира и братства народов, справедливости и равенства, они хотят немедленного перехода земли крестьянам, рабочего контроля

над производством. Им говорят, что социализм наступит, но лет через 100. Они отвечают: "Нет, это будет сегодня". Такая философия истории проста и, к сожалению, легко запоминается массами. Опровергать доводы большевиков легко, но спорить с ними бесполезно. Они однолюбы и никогда не изменят своей прекрасной даме — социальной революции. А когда этим мотылькам революции ее огонь обожжет крылья, они, опаленные, падая в бездну, скажут: "Да, тут мы ошиблись. Мы не этого хотели"...»

04.09

В этот день — 22 августа 1917 года по старому стилю — в разгаре было немецкое наступление в Прибалтике, в зоне действий русского Северо-Западного фронта. Эти события, кульминацией которых стала сдача немцам города Риги, спровоцировали корниловское выступление, или, как его еще называют, Корниловский мятеж. Который, в свою очередь, перевел всю внутривосточную обстановку в России в новую драматическую фазу, закончившуюся вооруженным Октябрьским переворотом во главе с большевиками.

Что касается событий на фронте, то еще в начале года, еще при царе, в районе Риги была проведена наступательная операция русских войск, которая была сорвана революционными выступлениями, ставшими прологом Февральской революции. Летом 17-го русскими войсками, уже согласно плану Керенского, на этом участке фронта вновь было предпринято наступление, также окончившееся безрезультатно

из-за падения дисциплины и боеспособности в первую очередь, частей присылаемых на фронт из запасных гарнизонов.

Планы германского командования исходили из того, что, как об этом говорил начальник штаба Восточного фронта генерал Макс Гофман, *«немецкое наступление через Ригу на Петербург привело бы сейчас к полному развалу России»*. Командование нашей 12-й армии (генерал-лейтенант Парский) знало об этих планах от перебежчиков — у немцев с дисциплиной тоже было все не слава богу, но, несмотря на многочисленность русских войск — 150 тысяч человек, более тысячи орудий, две линии укрепленных полос, противостоять немцам 12-я армия не смогла.

1 сентября по новому стилю немцы с помощью химических снарядов подавили русскую артиллерию, форсировали Западную Двину и захватили плацдарм. Оборонявшаяся на этом участке 186-я русская пехотная дивизия потеряла за день 3283 человека, фактически половину своего состава. Попытка генерала Парского организовать контрудар окончилась неудачей, из четырех дивизий и латышской стрелковой бригады контратаковал лишь один 130-й пехотный полк. На следующий день немцы начали обстрел Риги, наши основные силы вынуждены были отойти. Но благодаря упорному сопротивлению упомянутой ранее латышской бригады противнику не удалось окружить 12-ю армию. Латышские стрелки обеспечили возможность основным силам — 2-му и 6-му сибирским корпусам отступить на новый, третий по счету рубеж обороны. Однако само по себе это обстоятельство окончательно подорвало боевой дух, началось беспорядочное отступление на северо-восток. А германские войска 3 сентября 1917 года по новому стилю вошли в Ригу.

12-я армия отступала к Вендену (ныне город Цесис в Латвии). На всем пути следования русские транспорты, обозы, артиллерия подвергались ударам германской авиации. Только к 6 сентября командованию русской армии удалось закрепиться на венденских позициях. Здесь был создан новый рубеж обороны, куда были переброшены боеспособные дивизии с Западного фронта, а также части, располагавшиеся на территории Финляндии.

Но если положение на фронте стабилизировалось, то обстановка в тылу обострилась. В Петрограде стали готовиться к эвакуации. Британский посол в России Бьюкенен писал потом в мемуарах: *«В эти дни были сделаны шаги к переводу государственных архивов в Москву, и правительство серьезно рассматривало вопрос о перенесении туда своей резиденции»*.

Но главное, что военный министр генерал Лавр Корнилов в тот момент благодаря содействию Бориса Савинкова, заместителя Керенского и военного губернатора Петрограда, получил чрезвычайные полномочия. В Петрограде и его окрестностях было объявлено о введении военного положения, и в столице ждали, по словам Савинкова, *«прибытия военного корпуса для реального осуществления Корниловым этого положения, то есть для борьбы с большевиками»*.

05.09

В этот день — 23 августа 1917 года по старому стилю — в Москве с трудом удалось подавить продолжавшиеся два дня уличные беспорядки. Эпицентром стали улица Солянка,

Варварская площадь, то есть все происходило неподалеку от Хитрова рынка, недоброй славы места, средоточия контрабандистов, уголовников и спекулянтов. Последние и стали причиной возмущения москвичей. Особое недовольство вызвала располагавшаяся на Варварке 27-я упаковочная контора, из которой ежедневно в больших количествах вывозились мелкие почтовые посылки. По городу разнеслась молва, что это перевалочный пункт мануфактурных, бакалейных товаров, сахара и прочего дефицита.

В результате толпа человек в триста, состоявшая из солдат, подростков и «хитрованцев», так обобщенно называли в Москве шпану и хулиганов, собралась вокруг упомянутой конторы и начала самочинный обыск помещений, обозов, автомобилей. Фактически это был погром среди бела дня. Прибывший на место происшествия комиссар милиции Мясницкого участка Поздеев просил толпу успокоиться и позволить провести обследование помещения в законном порядке, силами милиции. Однако зачинщики беспорядков подогревали страсти, то бишь благородное возмущение, указывая на то, будто бы местные конторщики все сплошь спекулянты-евреи. Дело грозило принять действительно погромный характер. Поздееву вместе с нарядом милиции удалось оттеснить толпу, вскрыть партию товара, состоявшую, как оказалось, из резиновых галош, показать все это толпе. После этого люди вроде бы стали расходиться.

Однако вечером толпа, еще больше по размерам, вновь появилась на Варварке и Солянке. Теперь ее лидеры кричали, что милиция заодно со спекулянтами-евреями, и уже открыто призывали громить склады и магазины. Несмотря на то что комиссару милиции Поздееву удалось на этот раз

даже арестовать самого крикливого антисемита-provokatora, беспорядки продолжились и на следующий день. На этот раз толпа блокировала вход в гостиницу «Солянское подворье», где якобы спекулянты хранили основную часть товара. Тут надо пояснить, что в отличие от карточек на хлеб, которые стали вводить в середине войны, ширпотреб, товары народного потребления оставались в свободной продаже, но спрос явно превышал предложение, цены росли, и тогда появилась новая, а теперь привычная для нас форма обслуживания — доставка заказанных товаров по почте. По требованию толпы реквизированный в «Солянском подворье» товар был доставлен в помещение Совета солдатских депутатов. Там составили опись — 900 пар галош, 8 кусков материи цвета «хаки», 49 кусков шелка. Словом, никаких тайных складов, обычная посредническая контора. Однако, чтобы успокоить недовольных, комиссар градоначальства Вознесенский приказал продолжить обыски и конфискации. Так, в другой гостинице на Солянке — «Деловой двор» улов оказался солиднее. Значительное количество чая, риса, кофе, вина и игральные карты. Все это было конфисковано, несмотря на то, что владельцы товара предъявили соответствующие накладные и чеки.

Явно войдя во вкус, но если серьезно, для того чтобы перехватить инициативу у бесчинствующей толпы, комиссар Вознесенский расширил зону обысков по всему центру Москвы. В результате обнаружилось, что главным средоточием спекулянтских организаций была гостиница «Метрополь». Во многих номерах этой гостиницы не было постояльцев, зато присутствовали крупные партии галантереи, обуви, алкоголя.

Что ж, по сравнению с Корниловским мятежом это несущественный сюжет, однако как сопутствующее явление — очень характерный. «Так не доставайся же ты никому» — не скажешь. В цепочке «толпа — коммерсанты — милиция — власть» дефицитный ширпотреб достался, как мы уже сказали, Совету солдатских депутатов. В данном случае Московскому.

06.09

Этот день — 24 августа 1917 года по старому стилю — можно считать началом корниловского выступления. Именно выступления, а не мятежа или переворота. И в этом заключалась неопределенность ситуации. В самом деле, генерал Лавр Корнилов — главнокомандующий русской армией с конца июля. На Московском государственном совещании в середине августа он выступил с четкой и определенной политической программой, поддержанной не только офицерством и генералитетом, но и кадетами, и правыми монархистами. Речь не шла об отстранении от власти Временного правительства. Наоборот, ключевым пунктом программы Корнилова был роспуск всевозможных Советов — солдатских, рабочих, крестьянских, то есть установление ответственной власти, совершенно независимой от всяких «безответственных организаций» — впредь до созыва Учредительного собрания. Второй важнейший пункт Корнилова — война в полном единении с союзниками до заключения скорейшего мира, обеспечивающего жизненные интересы России. И для

этого — создание боеспособной армии и организованного тыла — без политики, без опять-таки вмешательства солдатских комитетов и всякого рода комиссаров. Упорядочение работы транспорта, торгового аппарата. Решение спорных государственных, национальных и социальных вопросов откладывалось до созыва Учредительного собрания. Генерал Деникин потом назовет этот план *«оригинальной схемой суверенного военного командования»*, поскольку для начала главковерх Корнилов требовал предоставления ему полной автономии во всех военных вопросах, в том числе назначения и смещения командного состава. Сам Лавр Георгиевич за лето 17-го превратился в блестящего и афористичного оратора. *«Для окончания войны столь желанным миром, — говорил он, — нам необходимо иметь три армии — армию в окопах, непосредственно ведущую бой, армию в тылу — в мастерских и на заводах, поставляющую фронту все необходимое, и армию железнодорожную — подвозящую все это к фронту»*. Корнилов не был ни левым, ни правым, он вообще был чужд политической стихии. Однако, опять же по словам Антона Ивановича Деникина, *«Корнилов был близок широким слоям либеральной демократии»*. При этом как военный, человек дисциплины и порядка, смело и мужественно выступал против деградации армии и в защиту офицерства.

В предшествующие дни Корнилову удалось наладить отношения с видным эсером, заместителем Керенского Борисом Савинковым, который активно ратовал за план Корнилова перед министром-председателем. И Керенский, позиции которого пошатнулись после Московского совещания, решил вступить с Корниловым в союз. Вообще, положение Александра Федоровича было тревожным и двусмысленным. При-

бегая к помощи Корнилова, Керенский объективно в глазах всех терял авторитет, но с другой стороны — опасность левого поворота, активность большевиков вынуждали премьера к такому союзу. Накануне Керенский согласился с предложением Савинкова объявить в Петрограде военное положение и ввести в столицу военный корпус для реального осуществления этого положения, то есть для нейтрализации большевиков. Петроградский военный гарнизон выводился из подчинения Ставки, предполагалось, что вся военная и гражданская власть в столичном округе будет принадлежать Корнилову, но сам город будет управляться правительством. Далее следовало важное уточнение, что военный корпус — а им был выбран 3-й кавалерийский, самый надежный и боеспособный, в его состав входила знаменитая Дикая, или туземная, дивизия, — будет передан в подчинение Керенскому. И тут возникло препятствие. Корнилов назначил командующим этого корпуса генерала Крымова, а Керенский требовал назначения кого-нибудь другого, более либерального и лояльного Временному правительству. Впрочем, в любом случае переброска крупного воинского контингента с фронта в столицу в условиях немецкого наступления в Прибалтике выглядела по меньшей мере абсурдно и вызвала отпор и недовольство у политических оппонентов. Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов начали лезть на глаза, на первые роли там вышли представители партии большевиков.

07.09

В этот день — 25 августа 1917 года по старому стилю — стремительно развивались события, связанные с попыткой генерал Корнилова овладеть политической ситуацией в стране. Столь витиевато приходится обозначать то, что собирался осуществить Верховный главнокомандующий русской армии. При поддержке одного из лидеров партии эсеров Бориса Савинкова Лавр Корнилов хотел, заручившись чрезвычайными полномочиями, разогнать Советы всех уровней, перевести транспорт и тыл на военное положение, обеспечить дисциплину и порядок во фронтовых частях. Объективно в этой ситуации Временное правительство становилось третьим лишним. И Керенский это прекрасно понимал. Да и все вокруг в один голос заговорили о Директории, памятуя об опыте Великой французской революции, когда демократическая форма правления быстро и незаметно сменилась авторитарной. Вслух называли возможный состав триумvirата — «Керенский — Корнилов — Савинков», тем более что последний получил должность генерал-губернатора Петрограда. Соглашаясь на такой союз, Керенский надеялся, что Корнилов очистит свое окружение и Ставку Верховного главнокомандования от неприкрытых реакционеров-монархистов. Ключевой фигурой в этом ряду оказался генерал Крымов, против которого возражал Керенский и которого Корнилов назначил командующим кавалерийским корпусом, следующим в столицу для осуществления разгона или разгрома Петросовета. Однако Корнилов оставил Крымова на его посту. И в этот день корпус, в состав которого

входила знаменитая туземная, или Дикая, дивизия, двинулся с фронта в Петроград. Причем все происходило легально. То есть мятежом или военным путчем назвать это было нельзя.

Более того, Корнилов, Керенский и Савинков, а также штабные генералы в Ставке действовали в тот момент заодно, видя проблему только в одном — возможном активном противостоянии солдат из распропагандированного большевиками Петроградского гарнизона. Собственно, на такое конфликтное развитие ситуации Корнилов даже рассчитывал. Задача, поставленная им перед генералом Крымовым, звучала так: *«В случае получения от меня или непосредственно на месте сведений о начале выступления большевиков немедленно занять Петроград, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые примкнут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы»*. Сама собой возникает мысль, что Корнилов и Керенский были заинтересованы в провоцировании ситуации. Им нужен был очевидный повод для осуществления своих целей. И, как это часто бывает в политике, если нужен предлог, а его нет, то предлог или препятствие создают своими руками. Правительство и Ставка решают организовать через день-два провокационную, якобы большевистскую демонстрацию в Петрограде против Корнилова и поручают осуществить этот хитрый план генералу Дутову, который в тот момент был председателем Совета Союза казачьих частей. Но для того чтобы пазл окончательно сложился, в тот день подают в отставку министры Временного правительства, являющиеся членами партии кадетов. Подчеркиваем, это также было частью заранее задуманного плана по обострению внутривластной ситуации. Ее не-

ожиданным образом подогрел и лидер партии эсеров Виктор Чернов, он подал в отставку с поста министра земледелия, но уже в знак протеста против корниловской авантюры. Однако это тоже сыграло на благо замысла Корнилова, Савинкова и Керенского. Словом, события в тот день развивались без препятствий, причем настолько, что в Ставке даже возникло тревожное ощущение — слишком подозрительно гладко все складывается.

08.09

В этот день — 26 августа 1917 года по старому стилю — ситуация с корниловским выступлением стала стремительно меняться. Напомним, что в предшествующие дни между Главнокомандующим русской армией генералом Лавром Корниловым и министром-председателем Временного правительства Александром Керенским было достигнуто соглашение о совместных действиях по разгрому Советов и нейтрализации революционного Петроградского гарнизона. Для этого в столицу должны были войти снятые с фронта верные и боеспособные части. Таковым оказался 3-й кавалерийский корпус, в состав которого входила Дикая дивизия под командованием генерала Крымова. Чтобы оправдать наступление, Ставка и правительство решили спровоцировать псевдобольшевистскую демонстрацию в Петрограде. Организатором этой провокации должен был выступить генерал Дутов, который в тот момент был председателем Совета Союза казачьих войск. Но хрупкое взаимопонимание между Корниловым

и Керенским, достигнутое благодаря усилиям посредника — эсера Бориса Савинкова, — оказалось нарушенным. Объявился еще один доброхот-посредник. Накануне Владимир Львов, бывший депутат Госдумы и бывший член Временного правительства, человек, по общим оценкам, недалекий, наивный и легкомысленный, явился к Керенскому и стал убеждать его, что Советы большевизируются на глазах. Во всяком случае, рассчитывать на их поддержку впредь Керенский уже не сможет, а при этом нарастает озлобление против Советов среди консервативной части общества, офицерства, монархистов. И если оно прорвется, то не избежать бойни, в которой первым делом погибнет как раз Александр Федорович Керенский. Суть предложений Львова заключалась в том, чтобы отправить весь кабинет министров в отставку и, заключив письменный союз с Корниловым, сформировать новое правительство без участия Советов вообще. Известно, до какой степени Керенский лукавил и лавировал, но разговор его со Львовым закончился тем, что премьер даже обещал, в крайнем случае, сложить власть, передав ее главковерху Корнилову. Получив такое многообещающее согласие, Львов прибыл в Ставку, где Корнилов довольно безапелляционно и в резких тонах обозначил свои условия. Введение военного положения, передача власти Верховного главнокомандующего и министра-председателя в одни руки, причем его, Корнилова. Керенский может получить портфель министра юстиции (с этого, напомним, начиналась его революционная карьера), а Савинков займет пост военного министра. При этом Корнилов якобы заявил, что положение Керенского небезопасно, его могут убить, и ему стоит уехать из столицы в Могилев, в Ставку. То есть баланс сил,

оговоренный накануне наступления, менялся кардинально. И когда Владимир Львов вернулся к Керенскому и передал ему эти новые условия, не скрывая при этом, какие настроения царят в Ставке, то у Александра Федоровича Керенского сложилось впечатление, что ему, во-первых, выставляют ультиматум, а во-вторых, собираются убить как раз в Ставке. Выходит, что опасность справа для премьера больше, чем опасность слева.

В этой ситуации Керенский решил переговорить с Корниловым по прямому проводу. И получился тот самый анекдотичный случай — из разряда разговора по испорченному телефону. Керенский задавал Корнилову уточняющие вопросы, нужно ли ему приезжать в Могилев — да, нужно. Нужно ли брать с собой Савинкова — да, хорошо бы. Считаете ли вы, что ситуация требует того? — Да, требует, причем повелительно. В общем, ответы Корнилова выглядели как подтверждение тех подозрений, которые изложил Керенскому Владимир Львов. Но, по сути, в словах Корнилова не было подвоха, поскольку Керенский задавал свои вопросы в самом общем виде. Впоследствии Лавр Георгиевич будет утверждать, что как раз Керенский действовал провокационно, ища повод для обвинений генерала в мятеже, тогда как он, Корнилов, всего лишь подтвердил в этом разговоре, что Керенскому в тот момент было бы лучше оказаться в Могилеве. Не более того.

11.09

В этот день — 29 августа 1917 года по старому стилю — произошла трагическая развязка Корниловского мятежа. Уточним сразу: так называемого Корниловского мятежа. Потому что выступление военных частей по приказу Корнилова с фронта в Петроград было изначально согласовано с Керенским. Министр-председатель Временного правительства и Главнокомандующий вооруженными силами генерал Корнилов вроде бы согласовали план действий, целью которого была ликвидация Советов рабочих и солдатских депутатов и нейтрализация революционного Петроградского гарнизона. Для этого Корнилов и Керенский договорилось, что хорошо было бы спровоцировать в столице какое-нибудь выступление, демонстрацию со стороны большевиков и Советов, с тем чтобы иметь повод употребить силу. Но уверенности друг в друге у Керенского с Корниловым не было. А доверия между людьми из их окружения еще меньше. Собственно, помощники и посредники, в частности Владимир Львов, фактически сыграли роль испорченного телефона. Посеяли в лидерах сомнения в искренности своих конечных замыслов. Керенский стал всерьез опасаться, что будет арестован корниловцами заодно с лидерами Советов, что Корнилов хочет захватить власть и стать военным диктатором. Заверения последнего, что это не так, действия не возымели. Накануне войска под командованием генерала Крымова, посланные в Петроград по приказу Корнилова, разоружили местный гарнизон в Луге, а у станции Антропшино авангард Крымова — туземная Дикая дивизия вступила в перестрелку

с солдатами Петроградского гарнизона, и это как минимум свидетельствовало о том, что противники и Керенского, и Корнилова пытаются перехватить инициативу и сдаваться не собираются. В этой ситуации у Керенского было два варианта действий — либо он перемещается в Ставку, то есть во всем становится на сторону Корнилова, либо обращается за помощью к тем, кого еще накануне собирался ликвидировать, то есть к Советам. Третьего было не дано. Собственной силы под рукой у премьера не было. И Александр Федорович выбирает второй вариант, явно исходя из соображений личной безопасности и политического выживания. Временное правительство начинает раздачу оружия петроградским рабочим, так, собственно, и появляются так называемые отряды Красной гвардии, а в полки Петроградского гарнизона запускают большевистских агитаторов. И все это на основании слухов и нашептываний людей из окружения премьера, которые убеждали его, что в Ставке ему уже вынесен смертный приговор, что генералитет и офицерство ненавидят Керенского и всецело стоят на стороне Корнилова.

В результате Корнилов получает обвинение в государственной измене. Продвижение войск генерала Крымова остановлено на участке железной дороги между Вырицей и Павловском, рабочие просто разобрали полотно. Усилиями большевистских агитаторов солдаты, следовавшие в Петроград, решают сложить оружие.

Генерал Александр Крымов в одиночку добирается до Петрограда, добивается аудиенции у премьер-министра. Подробности этого разговора неизвестны. Очевидцы лишь утверждают, что разговор шел на повышенных тонах, генерал гневно обличал Керенского. А потом наступила трагическая

развязка, ставшая символом всего корниловского выступления. Выйдя из кабинета премьера, генерал Крымов выстрелом из револьвера смертельно ранил себя в грудь. И — как рассказывает в своих записках генерал Деникин — *«через несколько часов в Николаевском военном госпитале под площадную брань и издевательства революционной демократии в лице фельдшеров и прислуги, срывавшей с раненого повязки, придя напоследок в сознание, умер»*.

Генерал Корнилов отклонил предложение своих сторонников покинуть Ставку и «бежать», предпочтя ожидать решения своей судьбы. Которое последует вскоре.

12.09

В этот день — 30 августа 1917 года — генерал от инфантерии Михаил Алексеев, признанный авторитет в армии, один из будущих лидеров Белого движения во время Гражданской войны, совершил поступок, противоречивший его чувствам и убеждениям: *«Ради спасения жизни корниловцев решился принять на свою седую голову бесчестие — стать начальником штаба у главковерха Керенского»*. Это одно из первых прямых следствий подавления корниловского выступления. Задуманное как скоординированный удар по большевикам и другим радикалам в Советах, выступление главковерха Корнилова и премьера Временного правительства Керенского закончилось вопреки задуманному. В последний момент продвижение войск с фронта в столицу, подчеркнем — заранее согласованное Корниловым с Керенским, — было

объявлено премьером мятежом с целью установления военной диктатуры. После чего Керенский сделал поворот на 180 градусов. Обратился за помощью к Советам, рабочим Петрограда начали раздавать оружие, а в части столичного гарнизона были допущены большевистские агитаторы. «Корниловцев» удалось остановить около Павловска. Командовавший этими частями генерал Крымов в одиночку добрался до резиденции премьера и после разговора с ним на повышенных тонах застрелился. Итак, генерал Корнилов объявлен государственным изменником. Любопытна реакция бывшего императора, Николая II, находившегося в то время в Тобольске. Узнав о событиях в Петрограде, тот сокрушенно заметил: *«Нашли кого обвинять в измене, генерала Корнилова, да никогда».*

Последствия этих событий — большевизация Советов, ставка большевиков на революционный захват власти. В самом деле, противники сделали для этого все, что только можно было пожелать. Керенский стал властью без силы. Сила в лице Корнилова, имевшего огромную популярность в армии, была дезорганизована и, как покажут события, защищать Временное правительство уже не торопилась. Показателен в этом плане вынужденный выбор Михаила Алексеева, с которого мы начали этот рассказ. Генерал всего неделю пробудет на посту начальника Генштаба, чтобы обеспечить гарантии безопасности арестованному Корнилову и небольшой группе известных и преданных военачальников — в обоих прочтениях этих слов — генералов Деникина, Маркова, Эрдели. Спустя неделю Алексеев выразит свою позицию в письме редактору «Нового времени» Суворину: *«Россия не имеет права допустить готовящегося в скором*

времени преступления по отношению к ее лучшим, доблестным сыновьям и искусным генералам» — как не отметить здесь прямого предупреждения о грядущем Октябрьском перевороте. Но главным в тот момент для генерала Алексеева было подчеркнуть другое: *«Корнилов не покушался на государственный строй, он стремился, причем при содействии некоторых членов Временного правительства, изменить состав последнего, подобрать людей честных, деятельных, энергичных. Это не измена родине, не мятеж»*. В словах этих, наконец, все сходится в одну точку. Изменения в правительстве в случае разгона Советов и получения Корниловым диктаторских полномочий как раз и пугали Керенского. Премьер не без оснований видел себя в качестве жертвы этого продуманного шахматного хода. Но объявляя Корнилова изменником, он делал ход, который не имел для него продолжения. Потому что получалось так, что большевики в тот момент оказались спасителями либеральной идеи, демократии образца Февральской революции. А Керенский обрушил рейтинг доверия к себе, показав в лучшем случае беспомощность, а в худшем — готовность пойти на союз с кем угодно.

13.09

В этот день — 31 августа 1917 года по старому стилю — на протяжении всех суток на имя Керенского поступали телеграфные сообщения от различных политических групп, общественных организаций и отдельных воинских частей о поддержке действий министра-председателя, взявшего

на себя еще и полномочия Верховного главнокомандующего. Напомним, бывший главковерх Лавр Корнилов был арестован в Могилеве по обвинению в государственной измене. Хотя очевидных и неопровержимых доказательств того, что генерал собирался сместить Керенского и разогнать Временное правительство, не имелось, а были лишь одни подозрения и имела место бешеная суетливость премьера, боявшегося остаться не у дел.

Зная, что произойдет потом, легко поверить в то, что победа Керенского над Корниловым была победой пирровой. Премьер в одночасье потерял авторитет и доверие, и его смещение стало вопросом времени... Однако в тот день газеты пестрели сообщениями, обнадеживающими и успокаивающими: *«Телеграммы с мест свидетельствуют о том, что положение там спокойное, настроение войск убеждает в их готовности поддерживать Временное правительство. Если до вчерашнего дня положение вещей оставалось неопределенным, в высших кругах наблюдалась некоторая неуверенность, то сегодня смело можно сказать, что все затруднения в связи с выступлением генерала Корнилова миновали, кризис ликвидирован окончательно. К утру сегодняшнего дня Зимний дворец принял свой обычный деловой вид»*. Какой впечатляющий пример попытки выдать желаемое за действительное! Впрочем, миссия газет была понятна, им необходимо было создать у обывателя впечатление, что все обошлось, причем окончательно и бесповоротно. Хотя из тех же самых газетных сообщений внимательный читатель мог извлечь и иное понимание происходившего. А что, собственно, Корнилов, где, чем занимается? *«Накануне генерал Алексеев, назначенный Керенским начальником Генштаба, очень долго по прямому*

проводу говорил с генералом Корниловым, который продолжает оставаться в Могилеве, окруженном правительственными войсками, причем подвоз продовольствия к этому пункту прекращен. Алексеев уточнял детали передачи ему дел ставки, а также требовал, чтобы Корнилов добровольно, без сопротивления отдал себя в руки правосудия. Корнилов выразил готовность сдать себя на известных условиях». Примечательно, что цитата эта — из «Известий ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов». То есть источника, отнюдь не симпатизирующего ни Алексееву, ни Корнилову, ни Керенскому.

В тот же день стало известно, что Временное правительство отказалось обсуждать какие бы то ни было условия сдачи Корнилова властям. И тогда Корнилов и его ближайший сподвижник, генерал Лукомский, заявили о своей готовности предстать перед революционным судом и дать ответ за организацию мятежа. Итак, события дня завершились объявлением, что генерал Корнилов предается суду за мятеж в военное время, что по закону приравнялось к измене. Закон предусматривал за такое преступление либо каторжные работы, либо смертную казнь. Было также объявлено, что судить Корнилова будет революционный военный суд присяжных. Между тем на деле арест Корнилова и еще нескольких видных военачальников, произведенный силами самих военных, приведет к тому, что арестованные фактически окажутся под защитой и прикрытием своих коллег, во многом, если не во всем, сочувствующих им. И первым из таковых станет новый начальник Генштаба генерал Духонин, который в оставшиеся до Октябрьского переворота недели обеспечит безопасность Корнилова, а также Лукомского, Деникина, Маркова и других якобы изменников.

14.09

В этот день — 1 сентября 1917 года по старому стилю — у страны появилось новое название. «Свободная Россия». Красивый жест, красивая декларация. Потому, что в названии отсутствовало прямое указание формы правления — республика или империя. Наименование — республика — было спрятано где-то в середине текста постановления. И это было неслучайно. С одной стороны, решение о перемене названия страны было принято на фоне плачевных последствий корниловского выступления, объявленного мятежом. И Керенскому нужен был эффектный шаг для подтверждения своей власти. С другой стороны, в полномочия Временного правительства не входило решение вопроса государственного устройства и той же формы правления до созыва Учредительного собрания. Получалось фактически, что Временное правительство слишком много на себя берет, вступая в противоречие с собственной политической линией. Ведь на требования национальных окраин предоставить им суверенитет и независимость (речь о Финляндии, Украине, Закавказье) Керенский отвечает, что сейчас не время, когда соберется Учредительное собрание, оно и решит. Но ведь то же самое можно было сказать и о проблеме республиканской или монархической формы правления. Тот же великий князь Михаил Александрович отрекался в феврале от престола не насовсем, а в ожидании вердикта, который будет вынесен Учредительным собранием. И вот в первый день осени 1917-го Керенский ставит страну перед свершившимся фактом: *«Мятеж генерала Корнило-*

ва подавлен. Но велика смута, внесенная им в ряды армии и страны. Снова велика опасность, угрожающая судьбе Родины и ее свободе. Считая нужным положить предел внешней неопределенности государственного строя, памятуя единодушное и восторженное признание республиканской идеи, которое проявилось на недавнем Московском государственном совещании, Временное правительство объявляет, что порядок, которым управляется российское государство, есть порядок республиканский, и провозглашает российскую республику». Налицо явное подверстывание серьезнейшей, системной проблемы — государственного устройства — под текущую политическую конъюнктуру. Керенский окончательно утрачивает связь с умеренным либерально-консервативным центром. Неслучайно именно в этот день кадеты — конституционные демократы, сторонники парламентской монархии — в знак солидарности с генералом Корниловым, а следовательно, и с огромной частью русского офицерства, подают в отставку со своих министерских и комиссарских постов, вызывая тем самым очередной политический кризис. Право, это забавно, ведь с утверждения о том, что очередной кризис преодолен, начинается текст постановления Временного правительства.

Впрочем, провозглашением России свободной республикой дело не ограничивалось. Это действительно был широкий и эффектный ход, в расчете на живучесть антимонархических настроений. Но, пожалуй, главным, во всяком случае для самого Керенского, была вторая часть постановления: «Срочная необходимость принятия немедленных мер для восстановления порядка побудила нас передать полноту своей власти по управлению страной ПЯТИ ЛИЦАМ из

состава Временного правительства во главе с министром-председателем». А это уже — очевидная качественная перемена. Вместо многопартийного коалиционного кабинета министров — Директория. Совет пяти. То есть республика, порядок, боеспособность армии — это все на словах, а на деле просто произошло сужение демократического механизма правления. Министр-председатель — Керенский. Министр иностранных дел — Михаил Терещенко. Военный министр — Александр Верховский. Морской министр — Дмитрий Вердеревский. Министр почт и телеграфов — Алексей Никитин. Имена трех последних вообще были никому неизвестны, не говоря уже о том, почему почта и телеграф в директории есть, а тех же железных дорог или промышленности — нет. В любом случае это был шок.

15.09

В этот день — 2 сентября 1917 года по старому стилю — в Петрограде были получены известия об аресте генерала Корнилова. Газета «Время» сообщала: *«Накануне Начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Михаил Алексеев прибыл из столицы в Могилев около 4 часов дня. Несмотря на то что город был объявлен на осадном положении и въезд и выезд из него были воспрещены, Алексеев в город был пропущен. Он приехал в штаб Ставки Верховного главнокомандования. Генералы Корнилов и Лукомский заявили, что они по-прежнему настаивают на своих требованиях, которые заключались в снятии с них обвинений в государ-*

ственной измене. Генерал Алексеев ответил, что сейчас и речи не может быть ни о каких переговорах, ибо, согласно приказу Временного правительства, оба они считаются арестованными». По тону эта корреспонденция выражала отношение к происходившему со стороны Керенского. Усилия генерала Алексеева в ней описываются как проявление твердости и непреклонности. На самом деле Алексеев не скрывал своих симпатий по отношению к Корнилову и вообще своей оценки происходящего. Оно, на взгляд генерала, свидетельствовало о грядущем окончательном развале армейских структур, армии как социального организма. Согласие стать начальником штаба у главковерха Керенского Алексеев объяснит потом единственной задачей — не допустить расправы над Корниловым и другими видными военачальниками из его окружения. И это Алексееву удалось. Продолжим цитату из газеты: *«Корнилову было дано два часа на размышление. В продолжение этого времени Алексеев вызвал по прямому проводу Керенского и имел с ним продолжительную беседу, доказывая, что весь текущий эпизод в Могилеве должен быть завершен бескровно».*

Можно только догадываться, что именно говорили друг другу генералы. Алексеев уговаривал Корнилова на протяжении всего вечера. И только в 11 часов вечера Лавр Корнилов вместе с начальником его личного штаба генералом Лукомским и адъютантом полковником Плющевским были арестованы и отправлены в Петроград. Без упоминаний имен в газетах сообщалось также и о других арестах, произведенных в тот день в Ставке. Скорее всего, речь шла о Деникине, Эрдели и Маркове. Итак, сообщения газет словно магическим заклинанием заканчивались словами: *«В Могилеве полное спокойствие».*

И со спокойствием, и с отправкой Корнилова в Петроград газеты ошибались. Корнилов оставался в Могилеве, а спустя 10 дней и еще пятерых офицеров штаба переведут в городок Быхов, что расположен в 50 километрах от Могилева. Начнется так называемое «быховское сидение генералов». Ко времени Октябрьского переворота их в Быхове будет 21 человек. Непосредственное наблюдение, охрану и следственные действия над арестованными будет производить военно-морской прокурор Шабловский. Главным итогом его усилий станет оперативное решение освободить заключенных вскоре после захвата власти большевиками в Петрограде. Это произойдет в ноябре 17-го. Ну а пока на первый план вышли другие политические проблемы. Все обсуждали перспективы и возможности Директории, пришедшей на смену второму коалиционному составу Временного правительства. Напомним, что для начала министр-председатель Директории Александр Керенский сделал эффектный ход, провозгласив Россию республикой. И в очередной раз попал пальцем в небо. Все стали обвинять премьера в превышении полномочий. Потому что вопросы о государственном устройстве и форме правления должно было решать Учредительное собрание. А с выборами в этот последний из оставшихся легитимным в глазах общественности орган власти Временное правительство почему-то не спешило.

18.09

В этот день — 5 сентября 1917 года по старому стилю — в Петрограде удалось ликвидировать последствия пожара на Балтийском вагоностроительном заводе. Пожар возник накануне в литейной мастерской. Эксперты установили, что причиной возгорания был поджог.

При осмотре мастерской обнаружено три костра, облитые керосином. Первый — под подъемным краном, второй — под доской электрического выключателя, третий — у входа. Кроме того, керосином были облиты станки и механизмы. Пожар возник в пять часов вечера, когда работа на заводе была уже закончена и в мастерской оставались лишь двое дежурных — рабочий Дашкевич и мастер Изотов. Факт поджога был столь очевиден, что по распоряжению следственных властей оба названных были немедленно арестованы и отправлены в местный комиссариат.

Очередное яркое подтверждение смуты: рабочие поджигают заводские помещения. Гори все синим пламенем! Для настроений того момента это очень характерный эпизод. После объявления генерала Корнилова мятежником радикальные политические силы, в первую очередь большевики, все активнее стали проводить свою революционную пропаганду. Керенский вынужден был уповать на спокойствие, не имея под рукой реальной военной силы. Сила Временного правительства была только в словах и на словах.

Впрочем, сбрасывать со счетов силу слова тоже нельзя. Но трудно судить, насколько были действенны и убедительны словесные увещевания, такие как, например, статья публици-

ста Вышеславцева в газете «Утро России» — что называется, на злобу дня: *«В России теперь самодержавно царит только дух отрицания и нигилизма. Беспреданно и бессмысленно повторяются слова “революция”, “пролетариат”, “буржуазия” — все это лозунги разрушения, разделения и ненависти. Кто упивается ненавистью к старому, тот духовно умер. Жизнь души — это созидание нового. Но где они — творцы-созидатели новой жизни? Большая душа народа на волне отрицания старого мира порождает эфемерных вождей и героев, блистающих подобно мыльным пузырям. На поверхность выдвигаются тип людей, делающих на революции карьеру. Они вылезли из подполья и жадною толпой бросились к власти. Как определить духовную пустоту этих гнилых орешков? Очень легко. Эти люди очень похожи на тех, кто раньше стоял “у трона жадною толпою”. Это те же самые “свободы, гения и правды палачи”, не признающие никакого иного мнения, кроме своего собственного. И метод их действия — устрашение и подавление трезвого и взвешенного общественного мнения. Создание атмосферы условной лжи, постоянный беспокойный поиск заговора».*

Последняя фраза метит уже не в большевиков и анархистов, а в Керенского. Именно он в те дни постоянно говорил о заговоре, о том, что военные во главе с Корниловым хотели свергнуть правительство, умалчивая, кстати, что целью генерала был разгон Советов. Но что-то, а это уж точно было «секретом Полишинеля».

Статья Вышеславцева — пример, и как покажет время — один из последних по счету, когда сторонний, наблюдатель вскрывает подноготную и указывает на ошибки независимо от того, кто их делает — власть или оппозиция. Просто истины ради, противопоставляя при этом цинизму политических

карьеристов, казалось бы, незыблемые моральные нормы. Продолжим этот отрывок: *«Ведь демократия есть народо-властие, и потому народ должен всегда и во всем знать правду, правду об опасностях, которые ему угрожают, и правду о вождях, которые им управляют. Власть, которая в чем-либо и где-либо искажает правду, уничтожает тем самым в народе последнюю веру, которая у него осталась, — веру в правду и справедливость».*

Прямо как на чаше весов: с одной стороны — чистая как слеза, прекраснодушная и беспомощная «правда», а с другой — черная стопудовая «политика» с надписью «политика — дело грязное».

19.09

В этот день — 6 сентября 1917 года по старому стилю — из «Крестов», знаменитой столичной тюрьмы, был выпущен Лев Троцкий. Это было одним из значимых следствий подавления Корниловского мятежа силами большевиков. Конечно, напрямую связывать данные события не приходится. Но факт остается фактом. Газета «Утро России» писала: *«Ввиду систематического освобождения в эти дни видных большевиков, причастных к вооруженному восстанию 3–5 июля, представители печати обратились к прокурору Петроградской судебной палаты Карчевскому с запросом, не является ли это результатом признания прокуратурой своей ошибки в этом расследовании. Господин Карчевский заявил, что взгляд на дело большевиков не изменился, у над-*

зорных органов есть все данные для того, чтобы составить обвинительный акт и поставить это дело на суд в самое ближайшее время. Все аресты производились как необходимая мера пресечения, а затем, когда по отношению некоторых лиц выяснилось, что пребывание их на свободе не повлечет за собой сокрытия следов преступления, они были освобождены. В таком порядке был освобожден и Троцкий. Вообще же об освобождении всех большевиков вопроса не возбуждалось».

Да, Лев Давидович не собирался ни скрывать, ни скрываться. Спустя три дня он будет избран председателем Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Напомним, что он уже один раз возглавлял такой Совет в революцию 1905 года. Затем Троцкого, несмотря на то что он находится под следствием, выберут в предпарламент, потом он станет делегатом Съезда Советов, на заседании которого и будет доложено о захвате власти большевиками «всерьез и надолго». И наконец, Троцкий будет избран в члены Учредительного собрания. Вообще, в тот момент он стал фактическим руководителем партии большевиков, куда влилась его, Троцкого, партийная структура — Межрайонная организация.

Большевизация Советов в те дни проходила бурно и повсюду. Из Одессы сообщали: *«Объединенное заседание революционных организаций, посвященное последним событиям, прошло под знаком большевизма. Резко осуждалась буржуазия, требовали удаления ее от управления государством. Постановили неуклонно бороться за мир без аннексий и контрибуций, не останавливаясь перед разрывом с союзным империализмом, читай — с Англией, Францией и США. Кроме того, требовали отмены смертной казни и прекращения репрессий против большевиков, надзора за командным составом армии и в целом*

создания однородной демократической власти, избранной Советами».

А чем занималось Временное правительство? Нельзя сказать, что оно сидело сложа руки. В тот день в составе Министерства финансов был образован особый отдел по перевозкам и пересылкам ценностей за границу. На это новое подразделение Минфина была возложена ответственность за осуществление мероприятий по ограничению заграничного привоза и вывоза ценностей. Главная цель нововведения — поддержание курса российского рубля на мировом рынке.

20.09

В этот день — 7 сентября 1917 года по старому стилю — в центре внимания оставалась дискуссия вокруг последствий подавления Корниловского мятежа. «Утро России» в статье под обязывающим заголовком «Логика истории» писала: *«Выступление генерала Корнилова неожиданно для себя сыграло на руку самым крайним политическим течениям России. Ссылаясь на измену всей буржуазии, которая якобы поддерживала военное выступление генерала, представители революционной демократии стали требовать передачи всей полноты власти только ей самой, заявляя, что только одна демократия в лице Советов в состоянии вывести страну из того развала, в котором она сейчас находится».* Любопытно, что радикализация Советов, усиление позиций большевиков были очевидны для всех экспертов. Кто с надеждой, кто с тревогой,

но все в один голос обсуждали это «полевение». Однако никто из сторонних наблюдателей не анализировал еще всерьез возможность узурпации власти уже внутри многопартийных Советов одной партией, а именно — большевистской. Время покажет, что это задача была поставлена на следующем витке революции. Ну а пока специалисты, в данном случае устами профессора Сиринова, рассуждали о логике истории. Пытались доказать невозможность осуществления на практике умозрительных доктрин и учений. Продолжим цитату из газеты: *«Современная социальная жизнь много сложнее и богаче тех узеньких доктрин, которые владеют умами вожаков русской демократии. Одною верою в ее чудодейственную силу делу не поможешь. Я, — писал профессор, — боготворю русский народ и убежден в великих возможностях, заложенных в нем. Но что бы вы сказали про политика, который поручил бы командовать армией ребенку Наполеону? В этом ребенке все задатки гениального полководца, но он еще ребенок. То же самое с русской демократией. В ней огромные творческие возможности, но культура ее низка, она нуждается еще в длительной шлифовке. И пока должна идти рука об руку с другими классами населения, более опытными в деловых вопросах, чем кабинетные мыслители революционных партий».*

Мысль сама по себе не нова. Не созрели, отстаем, зарубежный опыт не для нас, мы созреем для него лет эдак через столько-то. Однако любопытна ставка на классовый мир, на сотрудничество между различными социальными слоями, ставка на взаимную ответственность, которой явно не хватало. Профессор Сиринов приводит показательный и одновременно анекдотичный пример: *«В Донецком бассейне толпа шахтеров ворвалась в квартиру заведующего рудника-*

ми Данилова и потребовала удаления его со службы. А заодно с ним и штейгера — распорядителя работ — Яковлева. На том основании, что штейгер «изменяет общему пролетарскому делу, ибо он записывает в книге время прихода и выезда с шахты, отмечает дни отпусков с тем, чтобы закабалить нас, ибо если эту книгу «буржуи» покажут кому следует в Петрограде, то все узнают, почему у нас упала добыча угля, так как по контрольной книге видно, что в шахту мы спускаемся в 8–9 часов утра, а выезжаем обратно в 11–12 часов дня, зарабатывая за укороченную смену по 15 рублей»». В результате под угрозой физической расправы штейгер Яковлев публично отказался от контроля выходов на работу, от доброкачественной приемки шахтных работ, а заодно и от остальных административных функций без уведомления о них представителей Совета рабочих депутатов. Без комментариев.

21.09

В этот день — 8 сентября 1917 года по старому стилю — продолжались допросы арестованных за неделю до этого великих князей из семьи Романовых. Да, да. Удивительно, но факт. Временное правительство, оказывается, преследовало представителей августейшей фамилии. И началось это еще в середине лета, сразу после подавления июльского восстания большевиков. Керенский решил заодно устранить и гипотетическую угрозу справа, со стороны промонархических сил. И хотя эта сила была тогда еще эфемерной, меры все равно были приняты. Во-первых, все Романовы были лише-

ны избирательных прав, во-вторых, семью Николая II выслали в Тобольск во избежание вовлечения бывшего императора в политические процессы, происходившие в столице. А его младшего брата, фактически последнего русского царя Михаила Александровича, отрекшегося от трона с важной оговоркой — впредь до созыва Учредительного собрания, которое и определит форму правления в России, в конце августа арестовали. Считается, что великий князь Михаил искал возможность покинуть Россию, но получил отказ от британского форин-офиса и вынужден был оставаться в Гатчине. Впрочем, известно, что первый после Февральской революции главнокомандующий Петроградским военным округом генерал Половцев выдал великому князю разрешение на проезд в Финляндию, которым Михаил Александрович почему-то не воспользовался. Так или иначе, в эти дни сто лет назад он находился под арестом. Так же, как и его дядя, великий князь Павел Александрович, младший сын императора Александра III. Эта колоритная фигура в семье Романовых была, скажем так, на подозрении у всех возможных политических сил. Во-первых, это бывший генерал-инспектор лейб-гвардии русской армии, вынужденный уйти в отставку после Февраля, во-вторых, взрослый, дееспособный человек — сын императора Александра III. Его не сравнить с несамостоятельным отроком Алексеем, от имени которого отрекался Николай II. Кроме того, у Павла Александровича были счеты с семьей Романовых. Его дети, рожденные во втором, морганатическом браке, были по указанию Николая II переданы на воспитание в семью великого князя Сергея Александровича. Что привело к обидам и повышенным амбициям Павла

Александровича. И наконец, его старший сын — от первого, законного брака — великий князь Дмитрий Павлович был непосредственным участником убийства Гришки Распутина и находился в тот момент на Туркестанском фронте. Собственно, опасениями в симпатиях фронтового офицерства к Романовым и были вызваны эти превентивные репрессии Временного правительства. Показателен в этом отношении арест еще одного великого князя — Бориса Владимировича, находившегося на Кавказе, после получения информации о его контактах с военными. И хотя это были просто встречи с застольями, вечеринками, Керенского убедили в серьезности подобных контактов.

Любопытно, что инициатором арестов стал некто Миرون, начальник военной контрразведки Петроградского военного округа. Сугубо штатский человек, далекий не только от военной службы, но и от оперативно-разыскной деятельности. Профессор, философ, политолог. В контрразведку он был назначен просто в силу знакомства и расположения к нему со стороны Керенского, и это вызвало только насмешки и недовольство Временным правительством в соответствующих профессиональных кругах.

22.09

В этот день — 9 сентября 1917 года по старому стилю — представитель министерства иностранных дел Шацкий выступил на пресс-конференции после своего возвращения из Соединенных Штатов. Он находился там со специальной

миссией, задачей которой было установление более тесных дружественных отношений между Соединенными Штатами и новой революционной Россией. Подчеркнем, эпитет «революционный» был в ходу у Временного правительства, контрреволюционерами официально считались как раз левые радикалы — большевики и правые — монархисты. Пропагандистский эффект миссии Шацкого был обусловлен тяжелым кризисом, в котором оказалось Временное правительство после подавления Корниловского мятежа. Керенский «повис в воздухе», и левые и правые в нем окончательно разочаровались. Нужно было переключить общественное внимание на что-нибудь позитивное. И тут рассуждения а-ля Остап Бендер «заграница нам поможет» были как никогда кстати.

Единственное, что осложняло реализацию этого пиар-хода, — то, что в Америке настороженно отнеслись к Февральской революции, с тревогой наблюдали за радикализацией политических сил весной и летом 17-го. Однако господин Шацкий сделал все, чтобы представить ситуацию в лучшем свете: *«Несмотря на то что германофильские пацифистские элементы в Америке развернули агитацию против вступления США в мировую войну, против мобилизации ее армии, девять с половиной миллионов американских граждан по первому же требованию явились на призывные регистрационные пункты для призыва их на действительную военную службу. После тщательного отбора миллион двести тысяч уже призваны под знамена армии США. Заодно Штаты бросили на чашу весов победы все свое финансовое могущество. Только первый транш ассигнований на военные нужды, сделанный сразу же после вступления США в войну на стороне Антанты — в апреле*

1917-го, превысил совокупный военный бюджет страны, начиная с 1789 года. Сочувствие демократической революции в России выразилось в беспрецедентных для американской политической жизни решениях — законодательные собрания 28 штатов приняли специальные резолюции в поддержку новой России». На первый взгляд все выглядит безоблачно и однозначно позитивно. Россия имеет все основания рассчитывать не только на моральную, но и на материальную поддержку со стороны такого экономического гиганта, как США. Но представитель МИДа не мог обойти молчанием негативные обстоятельства: «Однако летом политическая обстановка в России осложнилась и расположила американские финансовые круги к большей осторожности. Однако, сознавая глубокую серьезность и даже трагизм положения России в настоящее время, американцы все же с верой смотрят в будущее России, так что при всяких условиях Россия всегда найдет в их лице верных друзей и союзников». В подтверждение сказанного господин Шацкий привел весомый, как ему казалось, аргумент: «Третьего дня мною получена телеграмма от бывшего президента Соединенных Штатов Теодора Рузвельта, в которой он сообщает, что, несмотря на все события последнего времени, он продолжает верить в то, что свободная Россия в конце концов найдет себя в борьбе против германского деспотизма. Вера Рузвельта в Россию говорит о любви к ней даже в минуту несчастий. Если мы потеряем веру Америки, мы потеряем надежду на экономическое обновление страны по окончании войны». Вот так. Все ладненько, все славненько. Но только почему заявлял все это не действующий президент США Вудро Вильсон, а Теодор Рузвельт, полномочия которого истекли в 1909 году?

25.09

В этот день — 12 сентября 1917 года по старому стилю — в газетах развернулась бурная полемика по поводу самих себя. Общий смысл ее — писали все, что угодно, нагнетая атмосферу. Это было примечательной деталью осени 1917-го. Все апеллировали к свободе слова, и все друг другом были недовольны. В качестве примера приведем статью в либеральной газете «Время» под заголовком «Диктатура»: *«Газета Максима Горького “Новая жизнь” открыто заявляет, что диктатура пролетариата в принципе утверждена и фактически осуществляется. Вместе с “Известиями” и газетой “Рабочий путь” она требует к немедленному ответу правительство Керенского, которое “шокирует народные массы” и, не стесняясь, предрекает тягостные осложнения»*. Насколько потом, при советской власти, поменяются критерии и оценки! «Новая жизнь» станет считаться газетой меньшевистской или полуменьшевистской. А все потому, что в этой газете — первого пролетарского писателя Максима Горького — была опубликована информация о предстоящем вооруженном восстании большевиков, со ссылкой на Зиновьева и Каменева. Кстати, это в кавычках «предательство», потому что восстание было секретом Полишинеля, окажется несмываемым пятном на репутации этих двух вождей пролетариата. По этой же логике и газета потеряет в истории звание пролетарской. Но о таких же проблемах для Керенского писали в то время и «Известия Советов рабочих и солдатских депутатов» (в тот момент они еще не были в руках большевиков, а выступали как меньшевистские, эсеровские),

но к «Известиям» в советское время претензий не выдвигалось. А с газетой «Рабочий путь» вообще все было прозрачно. Это новое название для закрытой Временным правительством большевистской «Правды». И тут показательно, что в глазах беспартийных обывателей газеты «Время», «Новая жизнь», «Известия» и «Правда», хотя бы и под псевдонимом «Рабочий путь», выступают заодно. Утверждают в мыслях читателей неизбежность диктатуры пролетариата. Продолжим цитату из газеты «Время»: *«В развале государства оказываются виновными не апрельские и июльские заговорщики, не те, кто натравливает невежественный народ на самосуды и грабежи, не те, по чьей вине льется кровь в тылу, а на фронте бойцы умирают от рук своих однополчан-дезертиров. Нет, виноваты соратники буржуа Гучкова и кадеты»*. В самом деле, ситуация со свободой печати была в тот момент парадоксальной. В августе было запрещено издание внепартийных социалистов «Живое слово», на основании того, что эта газета носит бульварно-черносотенный характер. При этом «Живое слово» яростно боролось против Ленина и его партии. Закрыли. По распоряжению Комитета по борьбе с контрреволюцией, не путать с будущим ЧК. Комитет этот существовал в структуре Временного правительства, но после очередной смены кабинета министров Керенский этот комитет упразднил. Однако тот не прекратил своей деятельности, просто перекочевал под другую крышу, Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. И в первые дни сентября 1917-го по распоряжению этого комитета, его еще называли Комитетом спасения революции, повсеместно производились обыски, аресты и, как видим, даже закрывались газеты. Отсюда тревожный и, как скоро станет понятно,

пророческий вывод газеты «Время»: *«Пока в правительстве идут споры о составе новой коалиции и все внимание Керенского приковано к фронту — в тылу создается и крепнет новая самочинная, не останавливающаяся ни перед чем власть. Имя ей — диктатура пролетариата».*

26.09

В этот день — 13 сентября 1917 года по старому стилю — министр-председатель Временного правительства Александр Керенский продолжал находиться в ставке Верховного главнокомандования в Могилеве. Во-первых, потому, что сам занимал этот пост, во-вторых, премьеру-главкому нужно было убедиться в лояльности генералитета и хоть как-то поправить репутацию возможными если не успехами, то по крайней мере стабилизацией положения дел на фронте. Последнее же, что там произошло, не вызывало оптимизма. Немцы взяли Ригу. Между тем ситуация в тылу, внутри страны ухудшалась как раз с точки зрения наличия стабильности, порядка и спокойствия. Вот характерный тому пример. Накануне в Симоновской слободке Москвы было совершено покушение на директора завода русского электрического акционерного общества «Динамо» Шредера. Во время заседания, происходившего под председательством директора в нижнем этаже заводского корпуса, злоумышленник, находившийся на улице, произвел выстрел из револьвера в окно. Пуля пролетела в сантиметрах от Шредера и попала в плечо сидевшего рядом с ним председателя заводского рабочего

комитета Заварова. Раненый был отправлен в больницу, а стрелявший скрылся. Неизвестно, насколько превратно искажала молва происшедшее, могло ведь, сообразно слухам, быть и такое, что черносотенцы стреляли в рабочих активистов. Примечательно, однако, что в газетах такая версия не озвучивалась. Все были убеждены, что это пример повсеместной охоты на капитанов бизнеса.

Показательна сводка данных о беспорядках на заводах и арсеналах страны, составленная в этот день в главном юридическом управлении Временного правительства: *«Погрузка грузов 1-й очереди с Петроградского арсенала была прервана, а затем прекращена по распоряжению рабочей милиции Петрограда. На Петроградском патронном заводе рабочий комитет запретил доступ в цех по производству гильз. На Сестрорецком оружейном заводе рабочие взяли на себя учет выпускаемого вооружения, причем немедленно изымают вновь изготовленное оружие для вооружения рабочих отрядов. На Охтинском заводе взрывчатых веществ рабочие отряды проводят самочинные обыски в помещениях администрации завода. Руководство предприятия находится под постоянным надзором и перемещается по цехам только в сопровождении вооруженных рабочих. Пришедший накануне на завод транспорт с порохом возвращен по требованию заводского комитета обратно на адрес отправителя. В Тамбове местный губернский комитет спасения революции сместил с должности начальника порохового завода полковника Деханова и назначил на предприятие своего комиссара — солдата 204-го запасного пехотного полка гражданина Чауса».* Анархия, пьянство в рабочее время, исчезновение в одночасье охраны на оборонных предприятиях — все это стало будничным и повсеместным явлением.

В сводке упоминаются Самарский завод по производству труб, Владимирский пороховой завод. На Ижевских военных заводах рабочие *«терроризируют администрацию, не признавая, впрочем, и постановления Совета рабочих и солдатских депутатов. Гражданские власти бессильны»*. Итак, налицо, что называется, «организованный хаос», скоординированные действия по дестабилизации военного производства. Все это происходит под прикрытием лозунга «Фабрики — рабочим». Во всяком случае, становится понятно, что Октябрьское вооруженное восстание не было просто одномоментным социальным взрывом. Накипело. Оно стало логическим завершением заранее скоординированных планов по дестабилизации обстановки не только на фронте, но и в тылу.

27.09

В этот день — 14 сентября 1917 года по старому стилю — в Петрограде открылось Совецание представителей всех политических партий и общественных организаций. Факт, сам по себе свидетельствующий о попытке и Временного правительства, и политических элит как минимум согласовать свои позиции и обозначить пути выхода из тяжелого социально-экономического кризиса. То есть сложа руки Керенский не сидел, хотя, если продолжать аналогию, места себе он не находил. Сам председатель правительства в тот день оставался в Ставке Верховного главнокомандования в Могилеве, а в здании Александринского театра его представляли министры Никитин, Верховский, Вердеревский

и Гвоздев. Цель совещания, по мнению лидера меньшевиков Федора Дана, заключалась в том, чтобы перехватить инициативы, озвученные на Общегосударственном совещании в Москве, где первую скрипку играл генерал Корнилов. Тогда обнаружилась смычка позиций между кадетами, монархистами и генералитетом. Так вот, в противовес этим силам была выдвинута идея создания однородного демократического правительства. То есть налицо был вектор левый, направленный в сторону Советов, еще в значительной степени находившихся под влиянием эсеров и меньшевиков. Еще одним потенциальным ресурсом были органы местного самоуправления, городские думы, земства. Во всяком случае, Дан и его единомышленники были уверены, что следует отстранить от власти представителей буржуазии, а заодно и интеллектуальный ее отряд — партию кадетов. Впрочем, далеко не все были согласны с такой миссией Демократического совещания. По мнению еще одного видного меньшевика — Церетели, — целью совещания было создание представительного органа, которому было бы подотчетно Временное правительство впредь до созыва Учредительного собрания. Лидер кадетов Павел Милюков резонно возражал, что в таком случае Демократическое совещание, в котором доминируют революционные социалистические партии, становится выше правительства, а это *«как раз то самое, к чему еще с апреля 17-го стремятся большевики, заявляя о передаче всей власти Советам»*. Вывод: позиция эсеров и меньшевиков — по существу полная капитуляция перед планами Ленина и Троцкого. Впрочем, сам Лев Давидович задним числом отвергал такую версию событий, утверждая, что затея с Демократическим совещанием была последней

попыткой парализовать борьбу большевиков за власть Советов. Попыткой разбить пролетарскую платформу, задавить Советы искусственным сочетанием всякого рода организаций. Понятно, что такой завуалированной формулировкой Троцкий выражал несогласие с многопартийным характером Демократического совещания. Считается, что в этот момент Советы активно большевизировались. Но, судя по составу Демократического совещания, этого не скажешь. Большевики были по-прежнему в явном меньшинстве — 136 представителей из 1582 делегатов. Тогда как эсеров было 532, меньшевиков — 172 человека. На совещании также были представлены «трудовики», украинские эсеры, бундовцы и представители прочих национальных социалистических партий — всего 121 представитель. Подчеркнем, что партийное представительство было ограничено только левыми социалистическими партиями. Кроме того, 400 делегатов, в основном представители местной власти и земства, зарегистрировались как беспартийные. Основная дискуссия на совещании свелась к тому, возможно ли создание правительства только из левых социалистических партий или должна появиться новая коалиция с участием кадетов. И хотя на первый взгляд все присутствующие социалисты должны были высказаться в пользу первого варианта, договориться, как покажет ближайшее время, об однородном революционном правительстве не удалось.

28.09

В этот день — 15 сентября 1917 года по старому стилю — в четвертом часу пополудни в вестибюле Александринского театра, где проходили заседания Демократического совещания, были замечены Ленин и Зиновьев. Они ожидали решения президиума относительно их возможного участия в прениях. Разрешение было получено. Тут же, в том же театре, на совещании уже одних только большевиков было решено «отменить предыдущее решение», согласно которому Ленин и Зиновьев делегируются в состав Демократического совещания от фракции большевиков. Объяснение тому — появление на публике вождей партии может дать повод сорвать само совещание, поскольку Временное правительство может привести в исполнение свой июльский приказ об аресте Ленина и Зиновьева.

Оцените трагикомизм ситуации. С одной стороны, общеизвестно, что Владимира Ильича и Григория Евсеевича безустанно ищут, а они прячутся в Разливе под видом косарей. В культовых кинофильмах это будет показано в деталях, правда, уже без участия Зиновьева, только с Лениным. А вот такую деталь, что лидеры партии находятся в эпицентре политических событий, в кулуарах Демократического совещания, на котором обсуждаются важнейшие вопросы, мало кто помнит. Хотя в тот день газеты вовсю иронизировали: *«В течение последних дней чины контрразведки и городской милиции разыскивают по всему городу Ленина и Зиновьева. А они, оказывается, появлялись на глазах у большого числа людей»*. Впрочем, опасения, как видим, взяли верх. И, как

писала «Утро России», «во избежание, что вокруг этих двух имен могли бы разыгаться неожиданные события, которые могли привести и к роспуску совещания, Ленин и Зиновьев предпочли ретироваться».

Другой активно обсуждаемой темой в тот момент был вопрос: где Керенский? По столице ползи слухи и сплетни, что министр-председатель или покончил с собой, увидев, что остается без реальной поддержки после подавления Корниловского мятежа, или все-таки пытается собрать войска для подавления готовящегося восстания большевиков. А приготовления к восстанию были налицо. ЦК ленинской партии дал распоряжение о закупке на первое время 12 тысяч винтовок, 24 пулеметов и 4 миллионов патронов. Газета «Время» в ответ на это опубликовала памфлет под заголовком «Разоружают и вооружают»: *«Три месяца тюрьмы или 3 тысячи рублей штрафа грозят теперь за хранение огнестрельного оружия без разрешения властей. То есть простых обывателей — врача, юриста, торговца, фабриканта, ремесленника, банкира — товарищ-милиционер охотно арестует или оштрафует, найдя в ящике письменного стола заржавевший револьвер или какой-нибудь майн-ридовский карабин, висящий на ковре над кроватью. Но, разумеется, не будут оштрафованы те 40 тысяч рабочих, которые в спешном порядке вооружаются в Петрограде под флагом “рабочей милиции”, призванной для охраны... Вот подскажите, для какой охраны предназначена эта рабочая лейб-гвардия?»* Любопытно, что оперативное журналистское расследование, проведенное газетой «Время», показало — на военных заводах вновь произведенное оружие тут же выдают на руки рабочим-большевикам. Меньшевики, эсеры и в особенности беспартийные рабочие состоят под

большим подозрением и на строгом учете. И процесс этот идет уже не только в столице, на Тульский оружейный и Сормовский военные заводы штабом Красной гвардии посланы специальные делегации для решения вопроса о вооружении большевистских отрядов.

29.09

В этот день — 16 сентября 1917 года по старому стилю — появились сообщения о возможном закрытии русско-шведской границы. Газета «Утро России» писала: *«В финляндских коммерческих кругах стало известно, что в ближайшем времени Швецией будет закрыта граница с Финляндией. Это объясняется опасением наплыва русских эмигрантов в связи с крайне обострившимся продовольственным кризисом. Иностранцы (читай граждане Российской республики) будут пропускаться через шведскую границу только с предварительного согласия шведских властей. Это запрещение не касается коренных финляндских уроженцев, имеющих деловые сношения со Швецией»*. Из этого сообщения, во-первых, следует, что доселе пересечение границы со Швецией через Финляндию было для россиян делом рутинным, обыденным, требовалось просто иметь при себе соответствующие документы. Во-вторых, опасность наплыва эмигрантов — это показатель, что ситуация в России действительно критическая, и она уже, что называется, «аукается в Стокгольме». И в-третьих, учитывая давние исторические связи (до 1809 года Финляндия входила в состав Шведского королевства), для уроженцев Финляндии Сток-

гольм показным образом делает исключение, хотя деловые связи на самом деле со Швецией имели и коренные россияне. Тут присутствует явный намек — шведы приветствуют провозглашение финским сеймом суверенитета княжества Финляндского, которое Временное правительство, наоборот, не признает и проводит полицейские операции по нейтрализации сепаратистов.

Между тем в Петрограде бушуют страсти вокруг проходящего в столице Демократического совещания, форума всех революционных сил. Напомним, на совещании представлены только социалистические революционные партии — эсеры, меньшевики, большевики, народные социалисты и социал-демократия национальных окраин. Плюс представители общественных организаций — профсоюзов, кооперативов, местных городских дум, земств, эти люди в основном беспартийные. В общем, компания пестрая. Разобраться в ней трудно. Так, газета «Время» писала: *«Оказывается, из 150 мест на демсовещании, предназначенных для кооператоров, 30 — были заблаговременно захвачены, явно с одобрения организаторов, какими-то отщепенцами. Эти представители рабочих кооперативов поставили на первое место свои партийные революционные взгляды, подменив общенародные задачи кооперативной работы узкоклассовой точкой зрения».*

Вообще-то странно слышать упреки в партийной принадлежности в адрес участников политического мероприятия. Но они-то как раз и отражают запутанность ситуации. Уточним, в России тогда насчитывалось 20 миллионов человек, организованных в кустарные рабочие и сельскохозяйственные кооперативы. Это немало. Присутствовала убежденность, что эта категория трудового населения безусловно

заинтересована в создании твердой государственной власти. Отсюда и язвительные уколы газеты «Время» по поводу того, что кооперативное движение политизируется, причем в радикальную левую сторону: *«Правительство должно быть свободно от всякой зависимости со стороны отдельных групп и организаций и ответственно только перед Учредительным собранием. Может быть, мужественное признание этого факта станет неожиданным откровением для власти, вконец дезориентированной ночными визитами в Зимний дворец разных советских Робеспьеров из Чухломы и Маратов из Ахалцихи»*. В тексте статьи более чем прозрачен намек на закулисные контакты Керенского и членов его Директории с эмиссарами левых партий. Другое дело, что Демократическое совещание для того и затевалось, чтобы совершить очередной поворот влево, создать однородное социалистическое правительство. Да, но только ту самую тонкую грань между однородностью и однопартийностью провести все-таки не удалось.

ОКТАБРЬ

4 октября Декретом Временного правительства ограничены свободный въезд и выезд из Москвы. Керенский объявляет о возможной эвакуации Временного правительства из Петрограда в Москву.

7 октября — начало работы Временного совета Российской республики (ВСРР), или Предпарламента, совещательного органа при Временном правительстве. ВСРР был призван усилить легитимность Временного правительства.

11 октября появляются устойчивые слухи о готовящемся большевиками вооруженном захвате власти. Отмечаются попытки захвата рабочими контроля над производством на заводах и фабриках страны.

18 октября газета «Новая жизнь» публикует признания Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева о подготовке большевиками вооруженного восстания. Штурм Зимнего — секрет Полишинеля. Общественные настроения определяют апатия, фатализм и даже злорадство по поводу неспособности властей противостоять радикальным революционным элементам.

25 октября — практически бескровный штурм Зимнего дворца. Арест членов Временного правительства. Ленин объявляет о взятии власти большевиками делегатам II съезда Советов.

02.10

В этот день — 19 сентября 1917 года по старому стилю — министр-председатель Временного правительства Александр Керенский обсудил в беседе с управляющим Министерства юстиции Демьяновым законопроект о демократизации суда присяжных заседателей. Реформа предполагала устранение каких-либо ограничений для того, чтобы каждый гражданин Российской республики, достигший совершеннолетия, мог стать членом коллегии присяжных заседателей. Единственный ценз, который решено было оставить, это... умение читать и писать. Напомним, что в среднем уровень грамотности в России тогда составлял около 30 % среди взрослого населения. При этом налицо был огромный разброс: от 79 % грамотных в Эстландской губернии, 55 — в Петроградской, до 12 % в районах Сибири и 3 — в Средней Азии. Кроме того, ввиду *«спешного составления списков, женщины в тот год в состав присяжных привлекаться были не должны»*. Последнее уточнение примечательно. С одной стороны, линия на демократизацию и равные права женщин и представителей национальных меньшинств — это был конек политики Временного правительства. Летом 17-го в стране прошли выборы в городские думы, где впервые в мировой истории женщины получили равные права избирать и быть избранными. Тема судопроизводства сама по себе была актуальной в тот момент. Каждый день газеты писали о предстоящем суде над генералом Корниловым и его сообщниками, а *«Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов ввиду предстоящих процессов по делам*

газеты "Правда" и в целом большевиков (имеется в виду за попытку переворота в июле 17-го) активно агитировали за скорейшее проведение в жизнь этого законопроекта». Понятно, почему расчет был на то, что социально близкие элементы в составе коллегий присяжных будут снисходительны к революционным активистам.

Наглядный пример того, что спокойствия и порядка в стране было все меньше и меньше, причем в органах власти и самоуправления тоже. Сообщение московской газеты «Время» под заголовком «Солдат-вымогатель»: «В первом Якиманском комиссариате задержан откомандированный из запасного полка в Москву в качестве члена комитета по борьбе с дезертирством солдат Лобов. Он уличен в вымогательстве денег с содержателей столовых "Лондон" и "Москворецкая". Ссылаясь на свои связи в комиссариате, Лобов предъявлял подложные письма, якобы подписанные комиссаром, и вымогал у хозяев столовых деньги, обещая взамен добиться для них права торговли спиртными напитками». Лицензия на алкоголь. Право, ничто не ново в этом мире.

Экономическая ситуация в целом тоже была тревожной. В этот день министр финансов профессор Бернацкий представил законопроект об изменении налоговой системы и введении государственной монополии на стратегически важные товары. В первую очередь должна была быть введена сахарная монополия. Была даже объявлена будущая фиксированная цена — 1 рубль 20 копеек за килограмм. Вслед за этим собирались установить монополию на торговлю спичками — 12 копеек за коробку, а также ввести акциз на папиросы. До 20 копеек с коробки. Для справки: перед войной пачка хороших папирос «Пушка» стоила всего 7 копеек.

В качестве иллюстрации дороговизны, вызванной войной и социальным хаосом 17-го года, министр финансов Бернацкий привел такое соображение: *«Теперь любой уездный городок в Казанской губернии — Бугульма, Свияжск, Чистополь — обходится государству в один день в пару миллионов рублей, то есть столько, сколько стоило их содержание в 1912 году в течение целого года».*

03.10

В этот день — 20 сентября 1917 года по старому стилю — в Петрограде в ходе работы Демократического совещания, на котором были представлены все левые, социалистические или революционные, как их тогда называли, партии — эсеры, меньшевики, народные социалисты, большевики и беспартийные представители общественных организаций (профсоюзов, земств и кооперативов), было принято решение о создании представительного органа, которому было бы подотчетно Временное правительство впредь до созыва Учредительного собрания. Такой временной конструкции, своего рода подпорки, костыля, на который мог бы опереться Керенский, явно утративший и репутацию, и властный потенциал. Этот орган получил соответствующее рабочее название — «Предпарламент». Бурная дискуссия по этому вопросу завершилась принятием двух важных компромиссных решений. Во-первых, представительство в Предпарламенте было предоставлено кадетам, то есть партии отнюдь не левой и не социалистической. Во-вторых, из окончательной

редакции постановления исчезла подотчетность Временного правительства Предпарламенту. То есть последний становился всего лишь совещательным органом, или, следуя фразеологии Ленина, превращался в очередную «говорильню». Любопытно, что в вопросе об участии большевиков в Предпарламенте внутри ленинской партии произошел форменный раскол на «правых» и «левых». Первые во главе со Львом Каменевым доказывали необходимость участия в Предпарламенте, имея в виду, что в таком случае большевики будут в силах руководить процессом мирного развития пролетарской революции. «Левые», тоже во главе со Львом, но только Львом Троцким, считали, что на волне роста авторитета большевистской партии ее участие в Предпарламенте лишь поддерживало агонию Временного правительства, затягивало продолжение войны и отсутствие необходимых революционных реформ.

В этот день в ЦК РСДРП(б) прошло голосование, на котором Троцкий и сторонники бойкота Предпарламента оказались в меньшинстве — 50 голосов. Позицию Каменева поддержало 77 членов ЦК ленинской партии. Однако спустя три дня, когда эти события стали известны Ленину, скрывавшемуся в подполье, решение ЦК было отменено. Потому что Владимир Ильич написал: *«Единственное назначение Предпарламента — отвлечь рабочих и крестьян от растущей революции, решение участвовать в нем — позорная и вопиющая ошибка»*. Надо ли говорить, что Троцкий, легальный лидер партии в тот момент, не замедлил претворить это указание в жизнь: *«Сейчас в России создана власть, в которой и вокруг которой руководящую роль играют явные и тайные корниловцы... Они манипулируют цензовыми ограничениями,*

добиваясь нужных результатов на выборах. С этим правительством национальной измены мы ничего общего не имеем, мы за честный демократический мир, за власть Советам, вся земля народу, да здравствует Учредительное собрание». Показательно, что дискредитировать идею созыва Учредительного собрания Троцкий, да и прочие большевики тогда еще не решались. И для справки: «цензовые ограничения», столь неприятные Троцкому, — это фиксированное представительство в Предпарламенте тех самых общественных организаций и учреждений, упомянутых выше. Из-за этого доля представителей политических партий, напомним, левых социалистических, уменьшалась. И большевики получали всего 58 мест из пятисот пятидесяти пяти. Проще говоря, их голос в Предпарламенте был бы далеко не самым громким. Отсюда, наверное, и оценка вождем первоначального решения как позорного и вопиюще ошибочного.

04.10

В этот день — 21 сентября 1917 года по старому стилю — в Москве набирала ход избирательная кампания по выборам в районные думы. Напомним, что летом состоялись выборы в думу городскую. Впервые они прошли по новым, самым демократическим на тот момент правилам — всеобщие, равные, с отменой имущественного ценза. Впервые в состав выборных органов вошли депутаты-женщины. Среди них была известная революционерка Инесса Арманд, баллотировавшаяся от партии большевиков. Но летний оптимизм

избирателей в конце сентября испарился. Судя по скептической публикации газеты «Московские ведомости», ситуация выглядела так: *«В воскресенье должны пройти выборы в районные думы, но москвич остается к ним хладен и равнодушен. Урны рискуют остаться пустыми за отсутствием голосующих. Причина — отсутствие деловой работы в новой социалистической думе города, избранной летом. Полное разочарование в ней и торгово-промышленной, и трудящейся Москвы. Обыватели, настрадавшиеся за дни Февральской революции, ждали упорядочения продовольственных, трамвайных и иных каждодневных дел, наивно верили, что новые гласные сдержат свои обещания. Ничего этого не произошло. Сейчас печать уверяет, что выборы в районные думы для населения города имеют гораздо большее практическое значение, чем выборы в думу центральную. Именно через районные думы население может направлять городское управление, а не представлять собой пассивную массу в руках “отцов города”. Через районные думы горожане впервые станут хозяевами городской жизни. Все это только слова, слова...»* И сто лет назад, оказывается, звучали соображения и аргументы, которые слышатся и теперь. Тогдашние соображения «Московские ведомости» считали *«отнюдь не глупыми. Московский обыватель вправе спрашивать, на каком основании, если центральная городская дума не делает для него решительно ничего, он (обыватель) должен возлагать надежды на новые районные думы. Ведь между ними и работниками городского хозяйства стоит целая стена политиканов. Чего же можно достичь, явившись на выборы?»* Закономерность этих грустных рассуждений для осени 1917-го очевидна. Разочарование в самом по себе демократическом выборном процессе на протяжении 17-го

года нарастало. И, вполне возможно, это обстоятельство сыграло на руку радикалам, которые вынашивали планы решать политические проблемы силой, ставя общество перед свершившимся фактом. Впрочем, главный вывод «Московских ведомостей» отражал конкретное разочарование эпохи: *«Засилье невежественных, но крайне самоуверенных социалистических масс в данное время настолько велико, что бороться с ним невозможно. Интересы городского хозяйства, продовольственное снабжение, все заслонено "политикой", счётами между кадетами и большевиками, борьбой с контрреволюцией, произносимой через три "эр", а город между тем голодает, и хозяйство его разлагается на глазах»*. Другой активно обсуждаемой темой в те дни оставалась ситуация на фронте: отношение к тем, кто продолжает выполнять свой воинский долг, и к тем, кто призывает воткнуть штык в землю. Газета «Время» в статье «Ударные батальоны и большевики» констатировала: *«Еще с первых дней создания ударных батальонов в русской армии началась огульная травля добровольцев, готовых пожертвовать своей жизнью. Их обвиняли, что они продались за деньги, утверждали, что доброволец получает по 150 рублей в месяц. Их тут же обвинили в приверженности к старому строю, доходя до того, что бойцы ударных батальонов — это переодетые буржуи и офицеры, которые хотят вернуть монархию. Эту тему оседлали большевики, началась организованная травля боеспособных частей и соединений. Провокационная сущность большевистских агитаторов проявилась в дни сдачи немцам Риги, когда они вместе с сотнями дезертиров позорно бежали в тыл, убивая по дороге пытавшихся остановить их бойцов ударных батальонов»*. Вывод: русская армия напоминает сейчас тепличный цветок, кото-

рый нужно беречь, а между тем грядет четвертая по счету зимняя кампания, которая рискует завершиться позорным поражением и заключением унижительного мира.

05.10

В этот день — 22 сентября 1917 года по старому стилю — в Петрограде завершились заседания Всероссийского Демократического совещания, в котором принимали участие представители левых социалистических партий, а также делегаты от земских, профсоюзных, кооперативных организаций и местных органов самоуправления. Правительство Керенского и руководство небольшевистских еще Советов связывало с этим мероприятием большие надежды. Оно мыслилось как лекарство от революционных страстей, призывов к новому перевороту. При этом, подчеркиваем, состав присутствующих был сугубо левым, без участия буржуазных и правых партий. То есть, на взгляд стороннего наблюдателя, призывами взять под контроль ситуацию и на улицах, и в правительстве обменивались люди, представляющие только одну сторону баррикады. О баррикадах, то есть о грядущих волнениях, говорили открыто и убедительно. Так, демонстративный отказ большевиков войти в состав Предпарламента, созданного решением Демократического совещания, был многими справедливо расценен как уход именно на баррикады. Несмотря на то что членов ленинской партии в Предпарламенте было всего полсотни из полутысячи, всем

было понятно, что большевики опираются на растущее недовольство рабочих и крестьян.

Итак, по главному вопросу повестки дня — формированию однородного, но многопартийного социалистического правительства, то есть попытки соединить коня и трепетную лань или лебедя, рака и щуку — эсеров, меньшевиков, большевиков в одном кабинете министров договориться не удалось. Более того, совещание пришло к выводу, что во Временное правительство хорошо бы было вернуть кадетов. По второму вопросу — подотчетности правительства Предпарламенту — тоже не договорились. Последний становился всего лишь совещательным органом. Другими словами, весь пар вышел в гудок. Демократическое совещание оказалось энергичным шагом на месте, в очередной раз было подтверждено, что законодательным органом, который был бы вправе определить и форму правления, и государственный строй и возможность федерализации, оставалось Учредительное собрание, выборы в которое были намечены на конец года. Собственно, никто не оспаривал этого. Легитимность Учредительного собрания была очевидной, с этим даже в тот момент не спорили большевики. Кстати, они вынуждены будут допустить проведение таких выборов даже после захвата власти в конце октября по старому стилю.

Причиной фиаско, постигшего инициативу с Демократическим совещанием, по мнению правых социалистов, была не только обструкция со стороны большевиков. Федор Дан, лидер и теоретик меньшевиков, писал: *«Ничего не вышло из-за позиции, занятой группами “не советской” демократии. Обнаружилось, что они несколько иначе смотрят на подписанную в августе в Москве программную декларацию,*

чем наши товарищи в ЦИК...» Тут любопытно само по себе принципиальное разделение демократов на советских и не-советских. Оказывается, в число первых входили и большевики, и меньшевики, а также эсеры и народные социалисты. Несмотря на все разногласия между собой. А была еще демократия беспартийная, представленная силами, которые не поддерживали идею двоевластия, умножения властных структур. Советы как органы управления, образованные по социально-классовому принципу, они отвергали. И логика в этом была. Одно дело социальные интересы разных групп населения, другое — монополия отдельных групп, в данном случае рабочих, крестьян, солдат, на участие в политической жизни. Какая же здесь демократия? Тем более что рабочих, по статистике, в России в тот момент было всего 10 % от общего количества населения.

06.10

В этот день — 23 сентября 1917 года по старому стилю — в Петрограде начались первые заседания Предпарламента, совещательного органа, призванного помочь Временному правительству выйти из острого кризиса. Несмотря на то что власть за месяцы, прошедшие после Февраля, стремительно полевела — из кабинета ушли представители старой политической элиты — земства, ушли кадеты, ушли так называемые министры-капиталисты, вызывавшие летом потоки негодования со стороны левых, — ситуация не улучшалась. Но нельзя сказать, что эсеро-меньшевицкие политики не

пытались ее улучшить. Любопытна в этом отношении статья, опубликованная в тот день газетой «Утро России». В ней — подробный, но скептический анализ финансовой политики правительства. Оказывается, Керенский в тот момент пытался осуществлять программу, предложенную меньшевиком Николаем Чхеидзе, программу, которую беспартийная (читай: мелкобуржуазная) газета воспринимала как результат общих усилий революционно-демократических сил: *«Программа Чхеидзе предусматривает беспощадное обложение. Прогрессивный подоходный налог, налог на военную прибыль, дополнительное обложение налогом наследства, налог на природу ценностей, налог на предметы роскоши, наконец, единовременный поимущественный налог, размер которого даже не определен, а будет зависеть от того, насколько недостаточными окажутся займы для покрытия чрезвычайных нужд государства»*. Что ж, с точки зрения добропорядочного обывателя, частника, торговца, фабриканта, советская власть уже лютует, несмотря на то что в большинстве там не большевики, а меньшевики и эсеры. Действительно, в последнем, появившемся к тому времени Постановлении Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов было сказано коротко и ясно: *«Цель финансовой политики — беспощадное обложение крупных капиталов и конфискация военных прибылей предприятий»*. Что такое беспощадность, вопрошала газета, где грань? Для кого-то беспощадность, когда офицера сбрасывают с Выборгского моста и при попытке выплыть добивают штыками, для других беспощадность к офицерам это всего лишь арест солдатами из роты, которой офицер командует.

В самом деле, была ли пощада капиталам и имуществу, если в программе меньшевика Чхеидзе налог на военную

прибыль составлял 80 %? Плюс налоги — промышленный, с недвижимости, с оборота денежных капиталов. Нет ничего такого в развитых странах Европы. Газета «Утро России» писала по этому поводу: *«Но нам и этого мало. Придумали новый налог на обладание наследством. Из двух частей — основного — в 50 процентов, то есть откажись сразу от половины и получишь вторую. И еще один текущий, доходящий до 28 процентов. Следовательно, почти те же 80 процентов, четыре пятых наследства. Дальше по мелочи. Обложить налогом обладание драгоценностями, автомобилями, экипажами. Тут вообще можно ехать без остановки. Возьмите налог с владельцев лошадей и собак, с игральные карт, с объявлений и плакатов, с канареек и попугаев в клетке, наконец».*

Самое печальное, утверждал автор статьи профессор Кулишер, что все это уже испробовано и испытано. Конечно, если бы автомобиль был у всякого, то предложение Чхеидзе имело бы смысл. А так налог на имущество и транспорт принесет условные два двугривенных, то есть соберет миллионы, когда нужны миллиарды. А золота и драгоценностей никто не найдет, их всякий будет держать теперь втайне. В общем, по мнению профессора-скептика, поступления в казну от операций по новым налогам, особенно на прирост доходов, сильно сократятся, ибо прирост действительный, без учета инфляции, окажется весьма незначительным.

09.10

В этот день — 26 сентября 1917 года по старому стилю — в газетах впервые была опубликована статья об арестованных по делу Корнилова генералах русской армии. Это сделала вечерняя газета «Время», обрисовав ситуацию весьма сочувственно по отношению к задержанным. Речь о так называемой «бердичевской» группе, которая, в отличие от арестованных вместе с Лавром Корниловым, содержалась не в Быхове, неподалеку от Ставки Верховного главнокомандования, а по месту задержания — в Бердичеве: *«Четыре недели уже держат под арестом группу соучастников Корнилова. Их восемь человек, во главе с героем русского прорыва через Карпаты, в бытность командиром Железной дивизии Антоном Деникиным. Деникин арестован как бывший главком Юго-Западного фронта вместе с начальником своего штаба генералом Марковым и командующими фронтами Ванновским и Эрдели»*. Уточним. Во-первых, Ванновский и Эрдели были всего лишь командармами — 1-й и соответственно особой армиями. Во-вторых, всего арестованных было не восемь, а девять. Генерал-лейтенанты Селивачев, Орлов, Эльснер, Павский и генерал-майор Сергиевский. Последние двое были взяты под стражу, что называется, до кучи. То есть случайно попались под руку. Газета делала упор на бедственное положение «сидельцев»: *«Они содержатся в самых ужасных тюремных условиях, подвергаясь издевательствам и угрозам охраняющих их солдат. Перед окнами генерала Деникина выкопана яма, в которую солдаты грозят “захоронить его как собаку”*. *Перед домом, где содержатся арестанты, устраи-*

ваются шествия с красными флагами, на которых написано "Смерть изменникам" и "Требуем немедленной казни генералов". Толпы манифестирующих солдат встречают своего бывшего главнокомандующего, когда его выводят на прогулку, криками "На виселицу!"».

У читателя не остается сомнений, что суд будет скорый и несправедливый. Да, ситуация была действительно неопределенной. Несмотря на распоряжения Временного правительства и Председателя чрезвычайной комиссии прокурора Шабловского, которые пытались перевести Деникина и его окружение в Быхов, так как их дело, надуманное или истинное, в любом случае было напрямую связано с делом содержавшихся в Быхове, фронтовой комитет и комиссар Юго-Западного фронта Иорданский не отдавали задержанных, явно провоцируя внесудебную расправу. Испытывая недостаток в очевидных уликах и другом компромате, который свидетельствовал бы о мятеже или измене Деникина и Маркова, солдатский комитет фронта выдвинул на первый взгляд неожиданные обвинения Деникину. Прекращение выдачи суточных, столовых, подъемных, подорожных денег. Спрашивается — кому? Понятно кому — членам фронтового комитета для осуществления своих функций.

Похоже, что своевременная публикация в газете произвела свое действие. Эскалации насилия не последовало. Наоборот, уже на следующий день все бердичевские узники были переправлены в быховскую тюрьму. Правда, по дороге на местный вокзал генералов чуть было не растерзала толпа дезертиров. Антон Иванович Деникин потом в мемуарах напишет, что самосуда со стороны революционной толпы удалось избежать только благодаря мужеству и решительным

действиям начальника караула, состоявшего из юнкеров, — штабс-капитана Бетлинга. Для справки: произведенный в капитаны Виктор Бетлинг стал потом участником знаменитого Ледяного похода Корнилова, офицером Добровольческой армии Деникина, был дважды ранен в боях против частей Красной армии. Умер от сыпного тифа в феврале 1919 года.

10.10

В этот день — 27 сентября 1917 года по старому стилю — москвичи бурно обсуждали свежую неприятность в своей городской жизни — забастовку фармацевтов. График работы московских аптек был сокращен на семь восьмых, или почти на 90 %. Столь точно подсчитали масштабы бедствия «Московские ведомости». В статье под заголовком «Убийственная забастовка» газета писала: *«В так называемое “освободительное” время мы видим поразительно глупые акции, как, например, бойкот молодежью собственных нужд просвещения — речь о прекращении занятий для демонстрации на улицах разных симпатий или протестов. Дошло дело до забастовок с прямым смертельным исходом. Господа фармацевты перестали обслуживать болящую и умирающую братию»*. Газета с места в карьер указывает на морально-этическую подоплеку социального протеста в такой сфере, как медицина. Но, может быть, для протеста были основания? И для начала надо бы уточнить, о ком, собственно, речь — о хозяевах аптек или работниках? Да, о вторых. О провизорах, продавцах, обслуживающем персонале аптек — одним словом, об ис-

полнителях, которых газета хлестко именуует «большевиками фармацевтического цеха»: *«Притворяясь санкюлотами, эти ловцы чужого дохода выставляют себя друзьями бедноты. Конечно, мы не рассчитываем устыдить пролетариев облаток и микстур, но фактически они бросают на произвол судьбы сотни тысяч людей, чтобы повысит свой заработок или, почему нет, отобрать вообще у буржуя-аптекаря его предприятие, тем более что некоторые аптеки имеют миллионную собственность»*. Нельзя сказать, что «Московские ведомости» целиком и полностью на стороне аптекарей-буржуев. Не защищая последних, газета обращает внимание правительства на необходимость контроля и оценки правомочности забастовок в сфере здравоохранения.

Сейчас, спустя сто лет, любопытна каждая деталь этой газетной заметки, живописно рисующая быт, нравы, социальные типажи эпохи, суть различия между хозяином своего дела и наемным работником: *«Вот выздоравливающий после тяжелой болезни москвич. По предписанию врачей ему нужен ежедневный прием мышьяка. Но препарат был весь израсходован ко времени забастовки. Посылает прислугу заказать арсеник, но двери всех аптек в округе закрыты, и входы сторожат бдительные забастовщицы. Прислуга возвращается ни с чем. И тогда страдалец отправляется на поиски сам. В отчаянии, не слушая окриков “аптека заперта”, дергает ручку двери и, о чудо, находит ее незапертой. Высказав по этому поводу пару прочувственных слов врунишкам-забастовщицам, больной торжествуяще входит в аптеку и застаёт там измученного хозяина, занятого приготовлением лекарств. Несмотря на то что на столике уже лежит ворох рецептов, аптекарь принимает очередной заказ. И хотя срок изготовления увеличился*

в разы, вместо 15 минут лекарство будет готово только через 7 часов, все же дело кончается благополучно. А сколько доверчивых и наивных москвичей даже не попытались в этой ситуации дернуть ручку якобы запертой двери?»

11.10

В этот день — 28 сентября 1917 года по старому стилю — бывший обер-прокурор Святейшего синода, а также бывший депутат Государственной думы Владимир Львов, арестованный накануне по приказу Керенского, был переведен из здания Зимнего дворца в комендантское управление.

Арест известного политика был прямым следствием дела генерала Корнилова. Напомним, в конце августа при посредничестве Бориса Савинкова между Керенским и Корниловым было достигнуто согласие совместными усилиями разогнать Советы, в первую очередь Петроградский, и нейтрализовать революционный столичный гарнизон. Корнилов предоставлял реальную силу — боеспособные части, которые двинулись с фронта в Петроград. Керенский обеспечивал информационную и морально-политическую поддержку. В стране уже заговорили о Директории, триумvirате «Керенский — Корнилов — Савинков». Но в самый критический момент осуществления плана, когда Дикая дивизия и кавалерийский корпус генерала Крымова только выступили к столице, на сцене появился «четвертый» лишний. Им был Владимир Николаевич Львов, вызвавшийся стать посредником между не до конца доверявшими друг другу Керенским

и Корниловым. Львов предложил Керенскому заручиться поддержкой влиятельных людей, в основном из Московской финансово-промышленной группы, это должно было усилить позиции премьера, который не без оснований опасался, что останется ни с чем после возвышения Корнилова, за которым стояла другая мощная группировка — так называемый Петроградский пул во главе с Путиловым и Гучковым. Львов предложил Керенскому, чтобы тот отправил его для переговоров в Могилев, в Ставку Корнилова, который был в тот момент главнокомандующим русской армией. Керенский согласился, хотя никаких конкретных поручений и полномочий Львову не давал. Явившись в Ставку, Львов завел с Лавром Георгиевичем объективный провокационный разговор о возможности установления военной диктатуры, выясняя, готов ли генерал взять на себя ответственность, в ответ Корнилов подтвердил верность прежним договоренностям с Борисом Савинковым. Однако, вернувшись в столицу, Владимир Львов уже в качестве парламентаря от лица Корнилова начал диктовать Керенскому условия почетной капитуляции перед генералом, угрожая, что в Ставке зреет заговор не против Советов, а против Временного правительства, что генералы ненавидят Керенского и в случае его появления в Могилеве непременно убьют. Керенский стал сомневаться в своем союзнике и в конце концов объявил Корнилова мятежником, а для отражения наступления корниловских войск на Петроград приказал вооружить рабочие отряды, то есть, сам того не желая, положил начало созданию отрядов Красной гвардии. Вместе с арестом Корнилова и большой группы генералов русской армии Керенский вскоре приказал арестовать и Владимира Львова, двурушничество которого

было слишком очевидно. А вот зачем Львов это делал, какими мотивами руководствовался — так до конца было и непонятно. Есть версия, что это были личные амбиции, попытка вернуться в большую политику ценой авантюры. С другой стороны, в действиях Львова очевидно просматривается провокация, выгодная каким-то третьим лицам. И тогда убедительными становятся размышления о расколе бизнес-элит России. Питерские олигархи ставили на Корнилова, Колчака и Деникина. Московские же опирались на генералов Брусилова и Алексеева. Есть даже версии, что у Владимира Львова, человека с подвижной психикой, в те дни произошло или помутнение рассудка, или, обуреваемый политической мстью, он готов был разрушать любые планы.

В любом случае авантюра Львова имела роковые для страны последствия.

12.10

В этот день — 29 сентября 1917 года по старому стилю — в Москве активно обсуждали итоги выборов в районные думы. Вот же парадокс — обсуждали активно, а участвовали пассивно. В газетах замелькало словосочетание «абсентеизм избирателей» — отсутствие интереса. Явка едва дотянула до 45 %. В принципе, это нормально. Но для бурного революционного 1917 года такое было впервые — это был показатель разочарования, усталости и даже в известной степени крушения иллюзий. Газета «Время», описывая причины и последствия этого, рассуждала: *«Общее впечатление —*

интеллигентная и сознательная Москва отошла от выборов, предоставив крайним социалистическим элементам продолжать так называемое "углубление революции". Не иначе, чтобы потом самим расхлебывать большевистскую кашу». Наглядная картинка того, как проходила избирательная кампания, выглядела так: «Проходящая по тротуарам публика бросает ленивые и небрежные взгляды на расклеенные в изобилии агитационные плакаты. На Сухаревской площади, к самой гуще толпы, подъезжает автомобиль большевиков. Разбрасывают прокламации. Торговцы из стоящих рядом лавок торопят своих подручных забрать как можно больше этих воззваний. "Тащи, тащи, ребята. Бумага хорошая, чистая... будет во что товар заворачивать, а то теперь с бумагой беда — нигде не достанешь". Между тем, разбросав приглашения голосовать, какой-то большевистский мужчина (так в тексте. — А. С.) обращается к толпе с речью: "Помните, господа, что только мы дадим вам всем хлеб, и только мы вас всех накормим". Сам господин одет как джентльмен и на пролетария не похож. Толпа немедленно реагирует: "Вона как! Хлеба дадут! А откуда же они его достанут! На этом автомобиле, стало быть, пахать будут. Ловко! Да, энти накормят... Так они скорее всю Россию на хлеб и на воду посадят. Да хорошо, коли так... Только, кажись, на одну воду сядем"». С хлебом в Москве в те дни опять начались перебои. В знаменитой булочной Филиппова на Тверской накануне произошла драка. Узнав, что хлеб кончился, толпа ворвалась во внутреннее помещение кафе и начала обыскивать ящики. Милиция пыталась увещевать всех, но успеха не имела. При расследовании инцидента выяснилось, что Филиппов ежедневно выпекает по 700 пудов хлеба.

«Московские ведомости» писали: *«Этого было вполне достаточно для того количества карточек, которые розданы проживающим в Тверском комиссариате. Но в последние дни в Москве появилось громадное количество фальшивых карточек, которые совершенно нельзя отличить от настоящих по наружному виду. Они отпечатаны на хорошей бумаге».* Что ж, и там, и там бумага хорошего качества.

Что касается результатов выборов, то на одном наглядном примере увидим, что выглядели они примерно так: *«76-й участок Пресненского района — за список № 1 — 395, за список № 5 — 655. Соседний 72-й участок — соответственно 580 и 360».* Уточним, что под списком номер пять шла партия Ленина — РСДРП(б). А под номером один выступал Союз внепартийных прогрессивных избирателей — новое политическое образование на платформе, близкой к партии кадетов и прогрессивного блока Государственной думы. Примечательная попытка обновить старые бренды, в которых явно разочаровалась интеллигентная и сознательная мелкобуржуазная публика. Очень показательна эта ставка на «внепартийность». Кстати, именно в эти дни появились призывы к созданию широкого внепартийного блока, с тем чтобы объединить либерально-демократические центристские силы в противовес монолитной партийности большевиков. Потому что подоплека голосования на Пресне была всем известна: *«К 76-му участку приписаны солдаты запасного батальона. Они пришли на избирательный участок строем, 300 человек. Все они, как по команде, клали бюллетени за большевистский список номер 5. Всего же на этом участке проголосовало меньше тысячи человек. А на 72-м участке голосовали обычные московские обыватели».*

13.10

В этот день — 30 сентября 1917 года по старому стилю — газета «Утро России» рассказала историю, сюжет которой можно считать картиной революции 17-го года в миниатюре. В этот день в Петрограде завершились слушания по делу старшего лейтенанта Павла Ограновича. Этот морской офицер нес службу на крейсере «Аврора», что само по себе придает истории особый смысл. В разгар революционных событий в столице, 27 февраля 17-го, буквально накануне свержения монархии, то есть как раз в тот день, когда прежняя власть еще держалась, на борт «Авроры», стоявшей в тот момент напротив цехов Франко-русского завода, патрулем Кексгольмского полка, остававшегося верным царскому правительству, были доставлены два задержанных агитатора. По той простой причине, что военное судно под императорским флагом воспринималось как одно из немногих надежных мест для содержания бунтовщиков. Арестованных заперли в помещении корабельного карцера. Однако большинство матросов «Авроры» возмутилось, заявив, что крейсер — не плавучая тюрьма и, главное, арестованных надо отпустить на свободу. Офицерам поначалу удавалось держать ситуацию под контролем, но утром на крейсер явилась большая толпа рабочих упомянутого Франко-русского завода. Вместе с недовольными матросами они схватили командира крейсера капитана первого ранга Михаила Никольского и вместе с другими офицерами потащили на палубу, угрожая расстрелом. Затем стали требовать, чтобы офицеры сошли на берег и с красными флагами в руках явились к Таврическому дворцу. Никольский отказался брать в руки такой флаг и тут

же был убит кем-то из вооруженной толпы. Огранович стал стрелять в воздух из своего табельного оружия, в результате случайного попадания одним из выстрелов был убит матрос «Авроры» — Осипенко. В ответ Огранович получил удар штыком в горло, затем был избит до бесчувствия и в таком состоянии увезен в госпиталь. Сцена яркая и парадоксальностью своего исхода, и просто как символ революционной смуты.

А ведь в историческом сознании Февральская революция почему-то представляется сугубо мирной и практически бескровной. А продолжение этой истории было следующим. Спустя пару месяцев после выздоровления Ограновича Морской штаб, с большим трудом преодолевая сопротивление Центробалта — совета матросских депутатов, добился для старшего лейтенанта перевода для продолжения службы в другое место, а именно в Гельсингфорс. Но в сентябре 1917-го Огранович был арестован в столице княжества Финляндского милицией Временного правительства и доставлен в Петроград. Здесь судом присяжных заседателей офицер был признан виновным в убийстве матроса Осипенко, но *«за служивающим снисхождением, учитывая обстоятельства, при которых это произошло»*. То есть офицера судили по статье «за превышение мер необходимой защиты», приведшее к непредумышленному убийству. И, подчеркиваем, делал это суд Временного правительства, которое, опять же в историческом сознании, воспринимается как буржуазное, а потому враждебное пролетарским массам. В данном случае, суд целиком и полностью оказался на стороне последних.

Дальнейшая судьба Павла Ограновича такова. В первые дни Октябрьского переворота он был освобожден, опять же по

парадоксальному недоразумению, как жертва преследований со стороны Временного правительства. С началом Гражданской войны уехал на юг России, присоединился к Добровольческой армии Деникина, воевал на стороне белых и был убит в июле 1920 года, уже будучи в чине капитана 2-го ранга.

16.10

В этот день — 3 октября 1917 года по старому стилю — в России с большим оживлением прошел День подписки на Займ свободы. Во всяком случае, так утверждала газета «Русские ведомости», *«буржуазия уже давно подписалась на заем, задача же этой акции была — разбудить массы. Работа по пропаганде продолжалась весь день, до закрытия театров и ресторанов. Несмотря на праздник (уточним — это был Покров Пресвятой Богородицы. — А. С.) банки были открыты для приема подписки, места продажи облигаций разместили также и в киосках, специальных палатках. Была выпущена газета “Дни Займа свободы”, где были помещены статьи Станиславского, Сумбатова-Южина, Новгородцева, а также обращение митрополита Московского Тихона, в котором он просил пастырей и паству помочь дорогой родине в тяжелую для нее минуту. Пропаганде мешали большевики. Они вели агитацию против займа, уничтожая его плакаты»*. В этой цитате на слуху остаются как раз термины из большевистского лексикона. Буржуазия, массы, пропаганда. Впрочем, есть еще театры, рестораны и банки. Рекламные кампании по продвижению «Займа свободы» шли начиная с весны 17-го. И в них

активное участие принимали деятели культуры, писатели, поэты. Есенин, Саша Черный, Бальмонт даже посвятили «Займу свободы» особые стихотворения рекламно-патетического характера. В данном случае, как видим, отметились и театральные деятели — основатель МХТ Станиславский и патриарх Малого театра Сумбатов-Южин. Не говоря уже и о будущем патриархе всея Руси Тихоне, который тоже возвысил свой голос в поддержку Временного правительства и его усилий по поддержанию бюджета. Упоминание этого церковного иерарха в газетной публикации начала октября 17-го года вдвойне примечательно, потому что в те дни в Москве продолжал свою работу Собор Русской православной церкви, главным решением которого станет восстановление института патриаршества.

А что касается проблем меркантильных, финансовых, то, словно бы в упрек российской общественности за невысокий уровень гражданской активности, газета «Время» поместила накануне заметку своего нью-йоркского корреспондента о том, *«Как американцы собирали деньги на Красный Крест»*. Оказывается, средства, выделенные на закупку медицинского и санитарного оборудования, лекарств, лазаретов и вообще организацию помощи раненым и больным военнослужащим армии США, шли не из бюджета, а были собраны в результате частных пожертвований. При этом речь идет об очень большой, если не громадной сумме — в сто миллионов долларов. (С учетом инфляции спустя сто лет это были уже десятки миллиардов.) Корреспондент отмечал изобретательность рекламной кампании: *«В начале Пятой авеню в Нью-Йорке была водружена колонна на колесах с призывной надписью “помогите докатить меня до Сотой улицы» и пояснением*

“Красный Крест нуждается в ста миллионах долларов”. Изодня в день по телеграфу со всей страны поступали донесения о размере пожертвований, начиная с мизерных — в десять центов и кончая чеками на тысячи долларов. Соразмерно этой информации продвигалась по улицам Манхэттена и колонна на колесах. Только за первые два дня она доехала до 12-й авеню. А поставленную цель — 100-ю авеню колонна достигла спустя два месяца после старта».

17.10

В этот день — 4 октября 1917 года по старому стилю — декретом Временного правительства был запрещен на время войны беспрепятственный въезд в Москву. Мера, о которой, согласитесь, меньше всего вспоминают в рассказах об Октябре 1917 года. Итак, декрет гласил: *«Воспретить на время войны въезд в Москву лицам, не проживающим в этом городе, либо не состоящим в нем на государственной службе и не связанным с ним постоянными занятиями».* Чувствуется особенность лексикона той эпохи, в данном случае — юридического. Что значит «не связанное с Москвой постоянное занятие»? Приехал, например, и занялся чем-нибудь. Однако продолжим: *«Названным лицам въезд в Москву может быть разрешаем не иначе как по особым удостоверительным свидетельствам, выдаваемым на основании правил, имеющих быть установленными министром внутренних дел по соглашению с военным министром и особо уполномоченным по разгрузке Петрограда».* Стоп, разгрузка Петрограда? Получается, что приток новых людей в Перво-

престольную представлял собою их отток из Северной столицы? В любом случае, это еще одна любопытная и малоизвестная деталь. В чем заключался смысл разгрузки Петрограда? Учитывая, что все завязывалось на военного министра, не в передислокации ли революционно настроенного элемента столичного военного гарнизона? Вроде бы нет. Вроде бы речь идет о мирных гражданах, обывателях, имеющих право на выбор, — в декрете подчеркивалось, что на лиц, выехавших с места для следования в Москву до введения в действие данного постановления, запрет не распространяется. Но вопросы оставались. В первую очередь Московская городская управа потребовала от правительства уточнить границы «не связанных с Москвой существенных интересов». Выяснилось, что речь идет о 60-верстовой зоне вокруг Москвы, в которую входили Сергиев Посад, Клин, Новый Иерусалим, станция Ильинская и почему-то даже Можайск.

Но это еще не все, что удивляет. Газета «Утро России» сообщала, что в связи с изданием декрета о воспрещении въезда в Москву в городе началась усиленная деятельность эмиграционного бюро, которое регулировало движение граждан уже, как говорится, в противоположном направлении: *«Москвичи со своими семьями, имеющие возможность оставить город, направляются на Северный Кавказ и в Донскую и Кубанскую области, а беженцы — в Западную Сибирь. За последние три дня, — сообщала газета, — из Москвы выехало 185 семей москвичей, а беженцев, то есть временно перемещенных лиц, прибывших в город за время войны, ежедневно через посредничество эмиграционного бюро выезжает из Москвы до 500 человек»*. Что ж, как видим, наступление кровавых событий, а в Москве советская власть установится в резуль-

тате недельных боев с серьезными жертвами, похоже, было уже тогда понятно населению. Кроме того, показательно, что запреты и ограничения на въезд и выезд из столиц — это не изобретение советской власти. Временное правительство этим уже активно занималось. Причем настолько активно, что в те дни градоначальник Москвы Вознесенский дал распоряжение всем участковым комиссарам милиции *«дать возможность дачникам беспрепятственно выезжать и въезжать в город, для чего выдавать дачникам и жителям пригородов соответствующие удостоверения»*. Как пародия на эти тревожные явления, выглядит еще одна заметка того дня в газете «Утро России» под заголовком «Дуэль комиссаров»: *«Один из комиссаров московской милиции направил рапорт министру внутренних дел Никитину с просьбой разрешить ему вызвать на дуэль другого комиссара, состоящего на службе в другом городе»*. Как вы думаете, как ответил получивший письмо министр? Он написал: *«Ввиду того, что в прошении не указаны причины, побудившие комиссара к вызову на дуэль, министр поручил рассмотреть конфликт губернскому московскому комиссару»*. То есть не отказал, не разрешил, а вообще не взял на себя ответственность рассматривать это дело. Без комментариев.

18.10

В этот день — 5 октября 1917 года по старому стилю — министр юстиции Временного правительства Малянтович принял, как писала газета «Утро России», *«особую делегацию эстонского населения Прибалтийского края»*. Депутация просила министра дать разрешение на осуществление судопро-

изводства в пределах Эстландии на эстонском языке. Это обращение было далеко не первым. Газета отмечала: *«До сих пор никто из революционных министров не считал возможным дать такому прошению ход. Новый министр (а Малянтович стал им буквально за неделю до этого), выслушав пожелание депутации, категорически заявил ей, что он сделает все возможное, чтобы удовлетворить ходатайство, и в тот же день поручил выработать соответствующий законопроект»*. Как видим, в национальном вопросе еще до захвата власти большевиками позиция Временного правительства стала столь же революционна. Имя министра Малянтовича не на слуху, но фигура эта знаковая, а судьба его весьма поучительна.

Павел Николаевич, уроженец Витебска, окончил юридический факультет Дерптского университета. Дерпт — это Тарту, стало быть, интересы эстонского населения были ему как минимум знакомы. В революционном движении Малянтович с середины 90-х годов XIX века. В отличие от Ленина, тоже юриста по образованию, Малянтович стал успешным адвокатом. Получил известность как защитник на рабочих процессах — Петра Заломова, прототипа главного героя романа Горького «Мать», по делу о стачке на морозовской фабрике, причем выиграл эти процессы. Особую известность Малянтович получил после того, как выиграл гражданский процесс у наследников миллионера Саввы Морозова. Они оспаривали завещание фабриканта, в котором 100 тысяч рублей отходили в пользу партии большевиков. Эти деньги Малянтович получил по решению суда и лично передал видному большевику Красину. В 1915 году Малянтович стал окружным присяжным поверенным в Москве и взял себе в помощники Андрея Януарьевича Вышинского. Того самого,

верного сталинского наркома, беспощадного обвинителя на политических процессах 30-х годов. В октябре 1917-го Вышинский служил комиссаром милиции Временного правительства в Якиманском районе Москвы. Вместе с Малянтовичем Вышинский в тот момент был членом РСДРП, правда, (м), а не (б). То есть они были меньшевиками. Но, как в начале 1920-х вспоминал Вышинский, во многом благодаря саботажу со стороны Малянтовича осенью 17-го была свернута операция по розыску и аресту Ленина. В день Октябрьского переворота Малянтович был арестован как член Временного правительства, но уже через день освобожден. Он не покинул Советскую Россию, хотя и отошел от политической деятельности. Писатель Иван Бунин в своем дневнике в марте 18-го года сделал запись о Малянтовиче, явно не комплиментарную: *«Похоже, Павел Николаевич не воспринимает происходящее как трагедию. Для таких, как он, до сих пор праздник, с них все как с гуся вода. Розовый, оживленный»*. В 20-м Малянтовича вновь арестовали и вновь ненадолго. По просьбе Луначарского он был освобожден, работал юрисконсультom. В 37-м успел принять участие в съемках культового фильма «Ленин в Октябре» в качестве консультанта. Но в ноябре того же года арестован и спустя три года следствия приговорен к смертной казни. Его письма Вышинскому уже остались без ответа. В августе 1959 года Павел Малянтович был посмертно реабилитирован.

19.10

В этот день — 6 октября 1917 года по старому стилю — министр-председатель Временного правительства Александр

Керенский объявил о готовящейся эвакуации Петрограда. Это было серьезное заявление, и сделал его премьер сразу после возвращения из Ставки Верховного главнокомандования. Ставка, как известно, располагалась в Могилеве. И отъезд туда в феврале из столицы императора привел... Не надо напоминать — к чему. Неудивительно, что в отсутствие Керенского по Петрограду поползли слухи, что премьер заболел брюшным тифом. И кто знает вообще, чем этот отъезд обернется. Пришлось публично объявлять, что Александр Федорович всего лишь подхватил грипп. Но главное, конечно, в том, что и неожиданная поездка в Могилев, и задержка там совпали с началом работы в столице Временного совета Российской республики, или Предпарламента. И было это последней попыткой остановить хаос и сползание к новой революции. Понятно, что присутствие Керенского на заседаниях Совета было само собой разумеющимся. Однако за отсутствием премьера председателем Предпарламента был избран эсер Авксентьев, бывший министр Временного правительства. Депутатов Предпарламента не избирали, а отбирали по партийным квотам и квотам для общественных организаций. Большевики получили всего 58 мандатов из 555. И ухитрились при этом разделиться на две группы — «правых» и «левых». Первых возглавлял Лев Каменев. Он был готов обсуждать перспективы мирного развития революции. Возможно, это обстоятельство определит позицию Каменева при обсуждении вопроса о вооруженном восстании. Свое несогласие он обнаружит в газете «Новое время». «Левые» во главе с Троцким всячески критиковали форум, в котором принимали участие, называя Предпарламент пародией на действительное волеизъявление народа.

Впрочем, мало кто был в восторге от созыва Предпарламента. Павел Милюков, лидер кадетов, утверждал, что в кулуарах, *«осматриваясь по сторонам, бывалые политики говорили друг другу: “Хорошо, если Учредительное собрание будет не хуже этого”»*.

Но вернемся к главной теме, объявлению Керенским столицы прифронтовым городом. Во-первых, это означало, что он готов как столица к немедленному перебазированию в Москву. Параллель с аналогичным решением, принятым Лениным, налицо. Единственное отличие, кроме того, что Керенский не успел осуществить задуманное, состояло в уточнении — немцы не в состоянии взять Петроград, а переезд нужен лишь для создания надлежащих условий управления страной. А это не что иное, как признание нарастающей угрозы вооруженного восстания в столице. Чем ответить? Перенести столицу в другое место. И это была отнюдь не шутка дня. Накануне декретом Временного правительства был запрещен свободный въезд и выезд из Москвы и одновременно объявлено о создании эвакуационной комиссии в Петрограде.

Итак, Александр Федорович, явно предчувствуя катастрофическое для себя и правительства развитие событий, решил переехать в Москву, где, как ему казалось, было спокойней и надежней. Это было логично. Москва, действительно, была настроена по-другому, возможно, сказывалось вековое соперничество с Питером, в том числе и по части общественных настроений. Сам факт, что установление советской власти в Москве, в отличие от Петрограда, станет конфликтным и кровопролитным, говорит в пользу такого предположения. Бои в городе продолжались неделю, что говорит как минимум в пользу разумности такого замысла Керенского. В любом

случае, это был неожиданный ход. За отсутствием в Петрограде Временного правительства большевистское восстание в этом городе вообще теряло смысл. Не отсюда ли знаменитая ленинская фраза: *«Завтра выступить будет поздно»*.

20.10

В этот день — 7 октября 1917 года по старому стилю — в Петрограде состоялась официальная церемония открытия Совета Российской республики. И то, что страна носит теперь такое название, и что в ней отныне действует некая парламентская ассамблея — все это были инициативы Керенского. Казалось бы, это показатель его активной работы, но и то и другое воспринималось многими как вмешательство в компетенцию Учредительного собрания, которое и должно было решать вопросы государственного устройства и формы правления в России. Однако вместо того, чтобы форсировать выборы в Учредительное собрание, сама идея которого была столь популярной, что даже большевики, захватив власть, вынуждены будут пойти на эти выборы и благополучно проиграть их и только потом разгоном Учредительного собрания утвердить свою монополию на власть силой вместо того, чтобы провести выборы в сентябре, Керенский держал паузу, занимаясь «обустройством» своей руководящей позиции. Он стал министром-председателем, занял пост Главнокомандующего армией, полномочия его были поистине диктаторскими. А репутация между тем таяла на глазах. И созыв Керенским Предпарламента, состоявшего из людей, не избранных народом, а назначенных, представителей Советов,

общественных и профсоюзных организаций, назначенцев того же правительства, был той самой, как говаривал персонаж О'Генри, «плохой заменой овсу». Суррогатом. Впрочем, газета «Утро России» считала, что *«широкая публика все-таки ожидала от открытия Совета, или Предпарламента, чего-то исключительно интересного. И только в политических кругах знали, что открытие не принесет собой ничего яркого. Дело ограничится официальной декларацией Керенского, не сулящей ничего экстраординарного. Все слова, которые могла сказать центральная власть, — уже неоднократно говорились, ожидать от господина Авксентьева, случайно оказавшегося председателем Совета, каких-либо государственных откровений не было никаких оснований»*. Да, обе названные фигуры говорили пространно, с надрывом. Но пафос заявлений не вызывал былого отклика. В самом деле, *«Временное правительство не прибежало до сих пор к мерам, которые оскорбляли бы идеи свободы, равенства и братства. Но для того, чтобы донести русскую свободу, спасти нашу родину и войти в светлые двери Учредительного собрания, необходимо чрезвычайное напряжение сил...»* Это Керенский. Весь его считавшийся диктаторским потенциал был выражен в тот день, в общем-то, в беспомощном сотрясении воздуха: *«Временное правительство полагает себя вправе обратиться не только с просьбой, но и требованием от имени страны. Мы просим и требуем, чтобы все напряжение общественной энергии и самодеятельности было направлено к прекращению тех вопиющих явлений в общественной жизни, которые разрушают наше государство»*. В общем, церемония открытия и первый день работы, помимо знаменитой сцены избрания председателем «бабушки русской революции» Брешко-Брешковской, запомнились еще и так называемым пистолетным выстрелом большевиков.

Лев Троцкий от имени фракции большевиков огласил декларацию о бойкоте Совета Республики. После чего делегация РСДРП(б) демонстративно покинула зал. И если правые кричали им вслед «скатертью дорога», то левые — эсеры, меньшевики, народные социалисты приуныли, понимая, что большевики уходят из Предпарламента не восвояси, а на баррикады. Бойкот заседаний Совета Республики фактически был открытым призывом к восстанию, он не просто осложнил работу этого форума, а по существу делал ненужной парламентские мирные процедуры решения кризиса. Потому что всем было понятно, что за спиной малочисленной фракции большевиков были *«подавляющая часть пышущего классовою ненавистью пролетариата, массы истерзанной солдатчины, а также отчаявшиеся в революции крестьянские низы»*.

23.10

В этот день — 10 октября 1917 года по старому стилю — в центре внимания общественности вновь оказалось дело генерала Корнилова. События конца августа — начала сентября 17-го были не просто живы в памяти. Чрезвычайная следственная комиссия по делу генерала, обвиненного в попытке государственного переворота, работала активно. И накануне вызвала на допрос не кого-нибудь, а самого министра-председателя Александра Керенского. И хотя допрос проходил в Зимнем дворце, в кабинете премьера, факт остается фактом. Первое лицо в тогдашнем государстве не было за скобками правосудия. Допрос проходил в присутствии всех членов комиссии и продолжался пять часов. Показания были записаны стено-

графами. Следователи интересовались переговорами премьера с Владимиром Львовым, выступавшим в качестве медиатора, передаточного звена между Керенским и Корниловым в дни, когда войска с фронта шли на Петроград. Интересовались следователи и содержанием переговоров премьера с Главнокомандующим армией по телеграфу, характером взаимоотношений, обстоятельствами, при которых на должность верховного комиссара при Ставке был назначен некто Филоненко, спрашивали о роли Бориса Савинкова, в момент якобы военного путча занимавшего пост управляющего военным министерством. И, особенно, обстоятельствами самоубийства генерала Крымова, происшедшего сразу после его аудиенции у Керенского. Содержание ответов премьера в прессе, разумеется, не раскрывалось. Зато в распоряжение редакции газеты «Утро России» накануне поступила подробнейшая записка Бориса Савинкова с изложением обстоятельств и деталей корниловского выступления. Смысл ее заключался в том, что Савинков представлял замыслы и действия Корнилова в позитивном, сочувственном плане, утверждая, что приказ Корнилова о продвижении войск с фронта на столицу был оправдан и согласован с Временным правительством. Савинков четко заявлял, что предостерегал Керенского от принятия жестких мер против Корнилова. Объявление генерала изменником Савинков назвал недоразумением, которое необходимо было во что бы то ни стало преодолеть. *«О Лавре Георгиевиче Корнилове, я думал и думаю, — писал Савинков, — что он доблестный генерал, беззаветно любящий родину, чуждый политике и достоин всяческого уважения. Это истинный республиканец, верный Временному правительству».* Словно в пику этому заявлению, а также общественному мнению, благосклонно настроенному в пользу арестованного гене-

рала, Керенский в тот день издал приказ о лишении Корнилова и еще двадцати одного генерала, содержавшихся под стражей вместе с главкомом, «*всего содержания полностью*». Речь шла о выплате денежного жалования, пайковых, фронтовых и прочих выплатах. При этом уточнялось, что семьям заключенных будет выдано пособие из экстраординарных сумм, находящихся в распоряжении главковерха. Напомним, что этот пост после Корнилова занимал сам Керенский. Эта «милость» и забота о генеральских семьях вызвали только еще один прилив негодования в адрес премьера. Керенскому тут же напомнили, что он как юрист-профессионал не может не знать, что по закону при содержании под стражей военнослужащие русской армии продолжают получать половину жалования впредь до вынесения судебного приговора. А до этого не просто было еще далеко, фактически генералы находились под стражей уже на протяжении месяца без предъявления им какого-либо определенного обвинения. И на это, в свою очередь, особо указал в тот день председатель следственной комиссии Шабловский.

Что говорить, тучи сгущались над головой премьера Керенского. К недовольству со стороны левых, в первую очередь большевиков, добавилось раздражение и неприязнь со стороны правых, сторонников сильной власти, сильной руки, олицетворением которых продолжал в октябре 17-го оставаться генерал Корнилов.

24.10

В этот день — 11 октября 1917 года по старому стилю — в газетах вновь оживилась дискуссия о большевиках. «Диктатура

пролетариата» — под таким заголовком газета «Московские ведомости» писала: *«Это словосочетание пестрит в наши дни на страницах провинциальной и столичной прессы. Но то, что стоит под этим заголовком, имеет не пестрый, а определенно темный и весьма невеселый колорит»*. Как пример того, что диктатура пролетариата уже осуществляется на местах, газета приводила станцию Гуково Екатерининской железной дороги, при которой существует Совет депутатов, и этот Совет известил всех рабочих и служащих своего района, что установил диктатуру пролетариата в лице революционного штаба. В чем же, по сути, осуществляется диктатура? Пока исключительно в том, что все должностные лица и приезжающие в Гуково граждане должны заявлять штабу о своем прибытии, ну и, разумеется, просить разрешения на отъезд. Неужели ради такой высокой миссии старались весной 17-го германский генеральный штаб и его агент Парвус, буквально впихивая в Россию Ленина и его соратников, — иронизировала газета. Если отбросить иронию и сарказм, эта инвектива либеральной прессы о том, что большевики посланы в Россию с разрушительной миссией, была в те дни едва ли не единственным контраргументом в спорах о том, кто чего хочет и куда ведет страну. Любопытно, что имя Александра Львовича Парвуса упоминалось в этом контексте довольно часто. И стоит о нем напомнить.

Настоящее имя, отчество и фамилия этого человека — Израиль Лазаревич Гельфанд. Он из первого поколения российских революционеров, сделавших ставку на диктатуру пролетариата. Парвус родился в 1867 году в Березино (это под Минском), в семье мелкого ремесленника. Вскоре семья переехала в Одессу, где отец стал работать портовым груз-

чиком, а герой нашего рассказа между тем сумел закончить гимназию и даже продолжить образование в Цюрихе, куда уехал учиться в 1885 году. Надо ли заострять внимание на наличие возможностей такого социального лифта для детей грузчиков «в мрачные времена царизма», как любили называть свое время люди, подобные Парвусу?

Окончив факультет философии Базельского университета, Парвус не спешил возвращаться на Родину, а обретался в кругу знаковых фигур русской революции — Плеханова, Аксельрода, Засулич, в общем, стал активным участником группы «Освобождение труда». И для начала решил посвятить себя освобождению германского пролетариата, для чего уехал в Германию и вступил там в социал-демократическую партию, тут же оказавшись на самом левом радикальном фланге. Известный исследователь биографий Троцкого и Сталина Исаак Дойчер, сам человек левых убеждений, отзывался о молодом Парвусе восторженно: *«Прозорливый и воинственный, он искал способ возродить революционный дух немецкого социализма»*.

Впрочем, немецкие власти тоже довольно быстро оценили потенциал Парвуса. В 1893 году как «нежелательного иностранца» его выслали из Пруссии. Собственно, эта административная мера и привела к появлению псевдонима. В 1894 году Израиль Гельфанд окончательно исчезает из поля зрения, наступает время Александра Парвуса. Под этим именем он фигурирует спустя два года на социалистическом конгрессе в Лондоне — причем как член российской делегации.

На родину после длительного отсутствия Парвус попадает в 1899 году нелегально, с фальшивыми документами. Цель поездки — сбор информации о голоде в России. Каковы

его истинные масштабы и был ли таковой вообще — другой вопрос. Судя по книге Парвуса «Das hungernde Russland»¹, изданной в Дрездене в 1900 году, — был. И будет иметь серьезные последствия. Что же касается автора, то солидный гонорар, полученный Парвусом за названную книгу, был первым удачным опытом соединения полезного для революции с приятным для собственного кошелька.

25.10

В этот день — 12 октября 1917 года по старому стилю — комитет рабочих завода Михельсона, в будущем печально знаменитого в связи с приездом туда Ленина и покушением на него Фанни Каплан, в ультимативной форме заявил дирекции, что устанавливает контроль над всеми продуктами, ввозимыми и вывозимыми с завода, а также вводит круглосуточное дежурство членов комитета по цехам и в заводоуправлении и запрещает вывоз автомобилей без разрешения. Газета «Московские ведомости», сообщившая об этой новости, не нашла никакой другой аналогии для выражения своих чувств, кроме как: *«Это почти как то самое классическое, чеховское “Позвольте вам выйти вон”»*. Это был далеко не единичный пример самоуправления местных Советов и заводских комитетов. Подобного рода сообщения приходили и из Тифлиса, из Тамбова, из других городов. Газеты в один голос отмечали бездействие со стороны министра юстиции Временного правительства Павла Малянтовича, тайное сочувствие которого к революционерам-радикалам, похоже, ста-

¹ Описание поездки по голодающим губерниям.

новилось уже делом совершенно явным и очевидным. В эти последние недели до Октябрьского переворота в Петрограде поиски скрывавшегося Ленина были практически свернуты. Да уже одно то, что Малянтович впоследствии благополучно перейдет на сторону советской власти и останется в Советской России, говорит о многом. Говорили тогда и о другом помощнике большевиков — об Александре Парвусе. Это имя, так или иначе, всегда возникало в спорах о том, в какой степени Ленин и его соратники, прибывшие в Россию в запломбированном вагоне из Германии, являются немецкими агентами. Просто потому, что о посредничестве со стороны Парвуса в организации такой поездки было известно всем. И это не скрывалось. Парвус предлагал свои услуги Ленину для согласования деталей его поездки с властями Германии.

Парвус был из породы эдаких лихих флибустьеров революции, сорвиголов, отчаянных авантюристов. Это так. Но в отличие от тех, кого двигали только романтика или только жажда личного обогащения, Парвус был действительно и политиком, и даже теоретиком революционной мысли. Такие таланты за ним признал Лев Троцкий, сам человек амбициозный, знающий себе цену и похвалы такого рода отнюдь не расточавший. Так вот, Лев Давидович в своей книге воспоминаний о Ленине, о днях Октябрьской революции особо упоминает и о Парвусе: *«Парвус был, несомненно, выдающейся марксистской фигурой конца прошлого и самого начала XX века. Он свободно владел методом Маркса, глядел широко, следил за всем, что происходит на мировой арене. Смелость мысли и мускулистый стиль делали его поистине замечательным писателем»*. Однако, кроме политической публицистики, Парвус занимался чем-то вроде политической логистики. Он устанавливал связи, завязывал интриги, пред-

лагал операции или проекты, которые сулили в том числе и материальную выгоду. И это тоже было хорошо известно. Кстати, известная фраза Ленина «*Нельзя делать революцию грязными руками*» — это про Парвуса, про меркантильную составляющую его революционных усилий. Впрочем, большевики, как известно, не чурались в своей борьбе за власть брать деньги самыми разными способами. Будь то эксы — ограбление банков, или гонорары Горького, или «пожертвования» многих олигархов — Бахметьева, Саввы Морозова. Парвус в этом смысле был и донором революции, и получателем дохода с революционных проектов. А все это вместе вполне заслуживает того, чтобы называть его Демоном революции.

26.10

В этот день — 13 октября 1917 года по старому стилю — в Петрограде стало известно о подготовке большевиками «мирной демонстрации». Она должна была состояться 15 октября по старому стилю, или 28 октября по стилю новому. Это известие обсуждалось на специальном закрытом совещании Временного правительства. Сомнений, что большевики готовят что-то серьезное, ни у кого не было. О подготовке массовой демонстрации с непредсказуемыми последствиями правительству сообщили члены Совета Республики, представлявшие в нем центральный исполком Совета рабочих и солдатских депутатов.

Естественно, замыслы большевиков они решительно осуждали, уверяли друг друга, что «*истинные демократические круги столицы, безусловно, ни в коем случае не поддер-*

жат это, по меньшей мере, провокационное выступление». Во всяком случае, для правительства спустя две недели штурм Зимнего большевиками не должен был выглядеть как гром среди ясного неба. Другое дело — готовность руководства страны к противодействию. В правительственном заявлении утверждалось: *«По мнению членов центрального исполнительного комитета Советов, выступление большевиков будет ликвидировано силами революционной демократии, признающими всякого рода “мирные демонстрации” изменой революции и свободе».* Обращала на себя внимание и концовка заявления Временного правительства, обнадеживающая: *«Сообщение о предстоящем выступлении большевиков встречено с полным спокойствием. Главнокомандующий военного округа готов принять все необходимые меры к недопущению каких-либо эксцессов в столице».* Насколько все становилось зыбким и непрочным и зависело от выдержки и хладнокровия отдельных лиц, свидетельствовал инцидент с главным следователем по делу генерала Корнилова — Шабловским. Он и члены Чрезвычайной комиссии, полковники Украинцев и Раунах, прибыли в Бердичев, чтобы допросить, а затем вывезти в Быхов, где под арестом находился Корнилов, генерала Антона Деникина. Комиссию встретила толпа солдат человек в пятьсот, возбужденных и возмущенных. Поначалу они требовали, чтобы им дали возможность участвовать в допросе. Но вскоре из толпы послышались крики: *«Смерть Корнилову», «Смерть Деникину», «К черту все комиссии! На виселицу!»* Охрана Шабловского — взвод юнкеров из местной школы прапорщиков, была готова дать отпор, но силы были неравны, и Шабловский предпочел ретироваться. Однако его автомобиль окружила беснующаяся толпа. Раздался чей-то крик: *«Арестовать. Получено известие по телефону».* Про-

являя недюжинную выдержку, Шабловский, подчеркнуто сложив руки на груди, обратился к толпе — шестистам вооруженным против одного безоружного: *«Арестовывайте, это нетрудно. Но по какому праву? По телефону? А кто телефонировал? Это же легко проверить. Пошлите делегатов, пусть проверят»*. Несколько человек тут же удалились к телефону в здание гауптвахты. А Шабловский вступил с толпой в беседу, доказывая нелепость ареста комиссии, присланной узнать правду о мятежниках. Между тем делегаты не появлялись. И стало ясно, что это были провокаторы, которые просто скрылись. И тогда Шабловский окончательно перехватил инициативу: *«Вот что, товарищи, — сказал он, — посланные ваши не приходят, если считаете, что вы вправе арестовать Чрезвычайную комиссию правительства, то приступайте, если нет — не задерживайте нас»*. Так как никто из толпы после этих слов не сделал движения вперед, Шабловский пригласил членов комиссии сесть в автомобиль, сел в него сам и уехал. Спрашивается, а откуда вообще случайной толпе стало известно о прибытии в бердичевскую тюрьму комиссии Шабловского? Ведь это была секретная информация. Более того, на следующий день Шабловский осуществил свою миссию без помех. При полном отсутствии возмущенных и недовольных, которые вмиг куда-то испарились.

27.10

В этот день — 14 октября 1917 года по старому стилю — в газете «Время» была опубликована статья под нарочито банальным заголовком «День за днем». Это был политический

пейзаж на фоне грядущей бури, которую, похоже, все ждали, независимо от своего желания либо нежелания: *«В Предпарламенте, который люди, которым почему-то все кажется смешным, называют “бредпарламентом”, идут горячие споры, между тем в Москве созвано какое-то свое московское совещание, на нем, кстати, произносят вполне трезвые речи. В это время большевики грозят выступлением, иначе говоря, резней, и свержением правительства. Согласие на московском совещании (заметим, что там была выработана единая политика левых и социалистических партий, направленная на слаженную работу в будущем Учредительном собрании. — А. С.), — это — хорошо и не хорошо. Что могут дать разговоры совершенно согласных между собой людей в то время, когда на крайнем левом фланге русской революции большевики готовят нечто большее, чем аплодисменты».* Перед нами — очередное подтверждение того, что восстание в Петрограде не было тогда тайной за семью печатями, что само по себе могло в те дни сдвинуть с места в общем-то патовую ситуацию. А что, если первыми выступят контрреволюционеры, ведь планы большевиков по захвату власти ни для кого не секрет? И здесь газета приводит в пример Максима Горького. На страницах своего издания «Новая жизнь» пролетарский писатель именно так сформулировал задачу момента — выждать выступления контрреволюционеров, а потом уже начинать самим.

И тут газета «Время» дает волю своей иронии: *«Вот же беда. Контрреволюция и не думает стрелять, и даже неизвестно ее местожительство, ее силы, мощь и средства борьбы. Ее — нет, или она обладает секретом шапки-невидимки».* Согласитесь, очень любопытная точка зрения,

причем появившаяся не задним числом, а по ходу событий. Продолжим цитату из газеты: *«Единственное выступление, которому пробовали навязать понятие контрреволюции, — Корниловское, и то оно оказалось не контрреволюцией, как ни раздували враги действия генерала, это была гидра, за которой охотились со страху всякого рода Геркулесы наших дней, с тросточкой вместо палицы, а гидра где-то спит себе, свернувшись комочком»*. Что ж, сказано образно, а главное — адресно. Настроения, противоположные февральской романтике свержения монархии, июльской собранности и твердости в отпоре радикалам, становились прошлым. Радикализация политического спектра была налицо. И на это было обращено особое внимание в статье газеты «Время»: *«С точки зрения крайних левых товарищей, и Борис Савинков — контрреволюционер, и меньшевики, и не потерявшие головы эсеры, не говоря уже о Плеханове, Брешко-Брешковской и, не к ночи будет сказано, — кадетах. Все это головы гидры, которую должны попруть Ленины, Радомысльские-Апфельбаумы, Цедербаумы и Розенфельды»*. Нельзя не отметить очевидную антисемитскую инвективу в этом списке фамилий. Но если Зиновьев и Каменев были тогда ближайшими соратниками Ленина, то Цедербаум — Мартов, лидер меньшевиков, никаким образом в эту когорту не входил. И тут объективность явно изменяла автору статьи. Назовем, кстати, его имя — Борис Суворин, известный политический публицист. Впрочем, как и все другие оппоненты большевиков, Суворин не находил никакого другого контраргумента призывам к социальной революции, кроме очередного указания на то, что *«большевикам надо показать свою мощь перед немцами и перед началом выборной кампании в Учредительное собрание, надо козырнуть своими*

возможностями. В самом деле, французы перешли в наступление, итальянцы успешно отбивают атаки австро-германцев, англичане твердо стоят на Ипре, а большевикам нужно поскорее ликвидировать русский фронт, как сторону наименьшего сопротивления немцам».

30.10

В этот день — 17 октября 1917 года по старому стилю — газеты продолжали обсуждать тему грядущего выступления большевиков. Удивительно, до какой степени готовившееся в те дни восстание было для всех секретом Полишинеля. Столичная газета «Время» сообщала: *«В правительственных кругах о выступлении большевиков высказывают следующие соображения — Временное правительство ни в коем случае не допустит вооруженной демонстрации рабочих и солдат и подавит бунт в корне».* Если на этом месте поставить точку, то возникнет впечатление, что Керенский просто занимался самовнушением и безосновательным гипнозом. Но в том-то и дело, что это только начало размышлений. Продолжим цитату: *«Опираясь на широкие круги населения и чувствуя за собой поддержку всей здравомыслящей демократии (здесь очевидное указание на эсеров, меньшевиков, народных социалистов. — А. С.), Временное правительство будет действовать на этот раз решительно с оружием в руках, если того потребуют события».* Снова тут же напрашивается комментарий: события потребовали, а никакой решительности с оружием в руках для отпора большевикам как раз не обнаружится. Но дальше еще интереснее — газета «Время»,

явно отражая понимание момента Временным правительством, подчеркивает: *«Выступление большевиков, если оно состоится, будет последним. Нарыв назрел, и он прорвется. Может быть, вместе с гноем прольется и кровь, но она будет последней. Повторение июльских событий недопустимо. Приняты все меры на случай выступления большевиков».*

Спустя сто лет об июльском выступлении большевиков и анархистов приходится напоминать в том смысле, что такое событие имело место, потому что на нем советская история партии не заикливалась. А в середине октября 17-го это был очевидный для всех урок, и состоял он в том, что: *«Тогда, в июле, выступление большевиков застигло Временное правительство врасплох, и ему пришлось собирать силы и организовываться на ходу, и произошло это лишь на другой день после вооруженной демонстрации солдат Петроградского гарнизона, матросов Балтфлота и питерских рабочих. А теперь ни для кого не секрет, что правительство осведомлено о готовящемся, и оно принимает все меры».* Из этого текста по меньшей мере следует, что Каменев и Зиновьев, которые озвучат на следующий день в газете «Новая жизнь» свое несогласие с курсом на вооруженное восстание, никакой особой партийной тайны не выдали, просто выразили свое отношение по общеизвестному вопросу. Но в большей степени любопытно другое. Оказывается, июль, в котором большевики потерпели поражение, а Ленин даже временно снял с повестки дня лозунг «Вся власть Советам», воспринимался как точка наименьшего сопротивления Керенского и компании радикалам (в лице Ленина и Троцкого). В октябре такое не должно было повториться. В цитируемой заметке к тому же утверждается, что к большевикам нет уже былого сочувствия даже в рабо-

чих кругах. Отмечается раскол в местных Советах и то, что большинство уходит от большевиков и бросается в другую крайность. Вот, оказывается, как. Большевики теряют вес и влияние и потому форсируют силовой вариант развития событий. Жаль, что газета «Время» не уточнила, в какую именно крайность якобы впадали в октябре 17-го рабочие Петрограда. Может быть, в ту самую, которая привела на Дворцовую площадь? Итак, за неделю до Октябрьского переворота одна из наиболее читаемых газет столицы утверждает, что охрана всех правительственных учреждений, банков, Зимнего дворца и прочего усилена. А в управлении милиции не скрывают своего скептического отношения к выступлению большевиков. И все это на фоне всего лишь вскользь упомянутого — что в распоряжении большевиков имеется до 40 тысяч ружей.

31.10

В этот день — 18 октября 1917 года по старому стилю — о готовящемся большевиками восстании стало известно самым определенным образом. Из первых рук. Накануне в газете, издаваемой Максимом Горьким, «Новая жизнь», один из руководителей РСДРП(б) Лев Каменев опубликовал свое заявление. На следующий день его напечатали во всех газетах, в том числе и в газете «Время», по которой мы его и цитируем: *«Ввиду усиленного обсуждения вопросов о выступлении, я (то есть Каменев) и товарищ Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии в Москве и Петрограде с письмом, в котором решительно высказались против того, чтобы наша партия брала на себя инициативу*

каких-либо вооруженных выступлений в ближайшие дни». Прервем цитату. Собственно, это и инкриминировалось потом Каменеву и Зиновьеву как предательство интересов революции. Об этом эпизоде потом Ленин пенял Каменеву и Зиновьеву в своем политическом завещании — письме к XIII съезду партии. Но если бы речь шла о действительном предательстве, то есть о выдаче секретных планов, с деталями — датами, местами сосредоточения сил (а ведь именно такое впечатление потом складывалось у тех, кто читал учебники по истории партии), то как те же Каменев и Зиновьев могли бы после успешно проведенного восстания занять ключевые посты в руководстве партии и государства? Каменев был первым председателем ВЦИК, затем первым заместителем Ленина по Совету труда и обороны. Зиновьев руководил Третьим Интернационалом. Их называли вождями мирового пролетариата на протяжении как минимум десяти лет советской власти. Как-то не вяжется с разоблаченным еще в октябре 17-го предательством. В самом деле, никаких деталей Каменев не выдавал, наоборот. *«Я, — писал он в “Новой жизни”, — должен сказать, что мне неизвестны какие-либо решения партии, заключающие в себе назначение на тот или иной срок какого-либо выступления. Подобных решений партии не существует».* Но вот это было как раз, мягко говоря, неправдой. И Военно-революционный комитет, и штаб грядущей революции в Смольном, и план действий по захвату Зимнего дворца с арестом Временного правительства — все это уже было сделано, оговорено и ждало последней отмашки. Поэтому возникает подозрение, что заявление Каменева было «саморазоблачением» в кавычках, отвлекающим маневром, призванным усыпить бдительность

Керенского и, по меньшей мере, создать впечатление раскола и нерешительности в рядах большевистского руководства. В пользу этого говорит пространность заявления Каменева. Он подробно рассуждает, словно играя как кошка с мышкой, о возможности и в то же время недопустимости восстания: *«Не только я и Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков считают, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в данный момент, за несколько дней до Съезда Советов, было бы недопустимым, губительным для пролетариата и революции шагом. Ни одна партия, и менее всего наша, внутри которой все больше сосредотачиваются надежды и доверие масс, не может не стремиться к власти, но она также не может не иметь права зарекаться от восстания»*. Согласитесь, лукавство явно налицо, Каменев скорее запутывает понимание ситуации и свое отношение к ней, в конце своего заявления он пускается в рассуждения, что не по-марксистски идти на вооруженное восстание, которое было бы обречено на поражение, это будет предательством дела революции. Окончательно впечатление, что это был отвлекающий маневр, возникает при прочтении последней фразы Каменева: *«Ставить все на карту в ближайшие дни — значило бы совершить шаг отчаяния, а наша партия слишком сильна, перед ней слишком большая будущность, чтобы совершать подобные шаги отчаяния»*.

НОЯБРЬ

01.11

В этот день — 19 октября 1917 года — Лев Троцкий, выступая на экстренном заседании Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, в присутствии делегатов Всероссийской конференции фабричных и заводских комитетов, заявил, что вся печать полна сообщений о предстоящем будто бы выступлении большевиков. Для начала поразительно, насколько открыто обсуждалась тема, а ведь потом десятилетиями будет утверждаться, что восстание готовилось в строжайшей тайне и успех был результатом секретности в подготовке. Оказывается, не одно только заявление Каменева в газете «Новая жизнь», где он выражал несогласие с курсом на вооруженный захват власти и тут же утверждал, что никаких таких планов у РСДРП(б) нет, имело место в те дни. Вот и Лев Давидович Троцкий буквально вторит своему коллеге: *«Газеты указывают, что я, как председатель Петросовета, подписал ордер на выдачу пяти тысяч винтовок»*. Прервем цитату. Как вы думаете, что дальше сказал Троцкий — это неправда, все не так? Ничего подобного. Цитирую: *«Да, я такой ордер подписал для Сестрорецкого завода для исполнения решений о вооружении рабочих и Красной гвардии еще в Корниловские дни. Мы и впредь будем отстаивать во-*

оружение рабочих. А все лживые сообщения, в которых даже точная дата указывается, мы отвергаем. Вот так. Вооружение рабочих отрядов происходит, но те, кто связывает это с возможным захватом большевиками власти, — нагло лгут. Такая вот революционная логика. Указание точной даты восстания — это, конечно, отвлекающий маневр, и похоже, большевики этим только и занимались, откровенно лукавили, называли числа, чтобы потом развести руками. Так, Коллонтай накануне, выступая в цирке (в скобках заметим, очень символичное место для лекции о пролетарской революции) в ответ на вопрос, что будет 20 октября, то есть 2 ноября по новому стилю, отвечала, цитирую по газете «Утро России»: *«Будет совершен переворот. Будет свержено Временное правительство. Вся власть будет передана Советам. И тут же, — восклицает газета, — Луначарский клянется, что слухи о вооруженном выступлении — злая провокация»*. Понятно, что ситуацию подогревали, выяснили потенциал противника, причем запугивая и шантажируя Керенского. Троцкий свое выступление в Петросовете закончил в тот день откровенной угрозой: *«На каждую попытку выступления с другой стороны, то есть со стороны правительства, мы ответим контрвыступлением, которое будет беспощадно и которое мы доведем до конца»*. Становится понятным, что план действий ЦК РСДРП(б) строился на идее контрударя. Они, мол, первые начали, мы вынуждены были защищаться и поэтому взяли власть в свои руки. Интересно, и в психологическом плане — тоже. Насилие как вынужденный ответ легче оправдать с моральной точки зрения, а силы для вооруженной борьбы у большевиков в любом случае есть, и более того, растут с каждым днем, что они, большевики, и подтверждают сами на каждом шагу. А главное — действу-

ют вместе, слаженно, никакого разброда между ними нет. Вот и Каменев в тот день сказал, что подписывается под каждым словом Троцкого и навсегда прекращает этим басни буржуазной печати. То есть подготовка к вооруженному перевороту идет, и этого не скрывают, но то, что об этом вслух говорят, — басни. Беспроигрышная позиция. А что же Временное правительство? В ожидании выступления большевиков для охраны Зимнего дворца в ночь на 20 октября по старому стилю прибыли юнкера двух ораниенбаумских школ прапорщиков, батарея юнкеров-артиллеристов. Были усилены наряды милиции: *«часть милиционеров получила револьверы типа наган. На Обуховском и Путиловском заводах проведены летучие митинги, на которых рабочие высказали свое отрицательное отношение к возможному вооруженному выступлению большевиков».*

02.11

В этот день — 21 октября 1917 года по старому стилю — газеты писали о грядущем выступлении большевиков. Эту тему, похоже, не обсуждали только ленивые. Впрочем, жили не только политикой. Газета «Московские ведомости» на видном месте разместила рекламное объявление: *«ГРАНДИОЗНАЯ РАСПРОДАЖА, УКРАШЕНИЯ ИЗ ЯВНЫХ БРИЛЛИАНТОВ. ТЭТ А. Кольца, броши, запонки, кулоны. Американский дом бриллиантов Тэт А. Москва, Тверская. 38».* Конец цитаты, то бишь рекламы. Символично, что не только ювелирной фирмы Бахрушина, но и вообще дома с таким номером на

Тверской нет. Да и распродажа, причем грандиозная, за пять дней до Октябрьской революции — это, наверное, все-таки к разговору о политике, который в первую очередь и вели «Московские ведомости». Потому что изображение «явных бриллиантов» — это, согласитесь, милый, ушедший лексикон эпохи — соседствовало со статьей под заголовком «Гроза еще впереди»: *«Сегодняшний день должен был стать днем величайшего торжества большевиков. “Товарищ Коллонтай”, выступая в одном из петроградских цирков в минувшую субботу, предрекла, что именно сегодня будет совершен переворот и свержено Временное правительство, вся власть будет передана Советам. В Петрограде все находятся в большой тревоге, правительство предпринимает экстренные меры, а лидеры большевизма Бронштейн (Троцкий) и Луначарский уверяют, что никакого выступления не предвидится и что это никчемная суматоха»*. Да, дыма без огня не бывает, так же, как и круги на воде просто так не появляются. Похоже, большевики в те дни специально нагнетали обстановку, с одной стороны, зондируя потенциал сопротивления со стороны Временного правительства, с другой — шантажируя власть своими возможностями. Троцкий накануне, выступая на заседании Петросвета, признал, что подписал ордер на 5 тысяч винтовок для рабочих отрядов. Сообщалось также, что уже 40 тысяч ружей роздано питерским рабочим и тем, кто вступил в те дни в отряды так называемой Красной гвардии. В любом случае, «суматоха» была налицо. И газеты вязывались в рассуждения на тему восстания. Тем самым играя на руку большевикам. Вот и «Московские ведомости» поймались на удочку: *«Мы лично полагаем, что действительно никакого переворота и даже попытки к нему не будет.*

О таких вещах не кричат на каждом углу, как это было сейчас накануне злосчастного 20 октября. Это — фальшфейеры, это — отвод глаз, это — игра на нервах у населения и у правительства». Последнее не просто не лишено смысла, а именно так и было. Но было это только, как вскоре выяснится, лишь частью замысла большевиков. И даже удивительно то, что, отдавая в этом отчет, газета в конечном счете играет на руку большевикам: «Большевикам нужно держать в постоянном напряжении общество, и они это достигают с удивительной легкостью. Они пугают и дразнят». После рассуждений о ловких политиканах и беспомощной антисемитской злобы газета дает перечень подлинных фамилий большевистских лидеров и их псевдонимы, как говорится, множа сущности (Троцкий — Бронштейн, Каменев — Розенфельд), неужели кроме этого нет никаких наблюдений? Почему же, они есть: «За спиной большевиков мечется и рычит взбесившийся пес черни, готовый смести не только власть, но и привычные устои жизни». В том-то и дело, что классовая ненависть была налицо. И «Московские ведомости» не просто это признают, они сообщают о наличии эдакого стокгольмского синдрома в российском обществе: «Теперь повсюду слышишь совершенно определенное утверждение — в самом деле, пускай власть переходит к большевикам. Мы должны пройти через это. Это неизбежное условие всяких революций, чтобы власть досталась тем, кто играет на зверских инстинктах черни. Пусть будет так, чем хуже, тем лучше. Тем скорее наступит развязка». Все так и произошло. Причем очень быстро, за исключением только развязки.

03.11

В этот день — 21 октября 1917 года по старому стилю — а вернее сказать, в первые часы этого дня, то есть еще ночью, начальник петроградской милиции Иванов отдал распоряжение немедленно принять меры к предупреждению возможного нападения на квартиру Павла Милюкова. Ночью у дома Милюкова были замечены какие-то подозрительные субъекты, которые при виде милиционера бросились бежать в разные стороны. Сто лет назад не надо было объяснять, кто такой Милюков — лидер кадетов, крупнейшей центристской партии, бывший министр иностранных дел Временного правительства, символ либерализма, взвешенности, умеренности. В общем, знамя цивилизованного демократического пути развития России. На фоне того, что произойдет со страной спустя неделю, судьба отдельно взятого политика кажется мелкой деталью, ничтожным обстоятельством и скорее свидетельством того, что столичная милиция за деревьями леса не видела, готовилась стрелять из пушки по воробьям. Что такое Милюков по сравнению с диктатурой пролетариата? Однако покушение на него, без сомнения, сломало бы хрупкое статус-кво, стало бы катализатором силового развития событий. А само по себе оно отражало уникальность момента, большевики еще не были уверены в безусловном успехе вооруженного переворота, а их противники, в первую очередь Керенский, — в том, что такое выступление произойдет и не встретит при этом должного отпора, несмотря на грозные декларации со стороны милицейских и армейских начальников. Так что большевики

в те дни откровенно и цинично зондировали возможности Временного правительства противостоять вооруженному выступлению, которое они на самом деле готовили. Потом они будут об этом с гордостью вспоминать. Но в дни подготовки в качестве дымовой завесы были сделаны, во-первых, заявления Каменева и Зиновьева об их якобы несогласии с курсом на вооруженное восстание. Действительно, скрыть очевидное было невозможно, и посчитали за лучшее включиться в разговор, превращая его в фейк. В самом деле, сведения о сроках, датах, местах дислокации вожди большевиков, разумеется, не сообщали, при этом постоянно подчеркивали, что у РСДРП(б) великое будущее, за ней стоит миллионная армия пролетариата. Так что никакого предательства в заявлениях ряда большевиков не было, а была попытка запугать власть. В эти же дни Троцкий в качестве председателя Петросовета сознательно запутывал общественное мнение: *«Товарищи рабочие, за вашей спиной действуют провокаторы, погромщики и контрреволюционеры. Всякое уличное выступление было бы губельно для революции»*. Как это понимать, как капитулянтство? Нет. Это тонкий расчет на то, чтобы выдать нападающего за обороняющегося, чтобы спровоцировать выступления справа — монархистов, корниловцев, а лучше самого Керенского против большевиков и Петросовета, воспользоваться этим ударом, скорее всего слабеньким, и дать на него достойный ответ. Потому что 40 тысяч винтовок уже розданы бойцам отрядов Красной гвардии, по словам того же Троцкого, а рабочие отряды и Петроградский гарнизон подчиняются только Петросовету, а в будущем будут подчиняться только решениям Съезда Советов.

Так что тревога по поводу возможного покушения на Павла Милюкова была одним из таких отвлекающих маневров, проверкой на способность властей держать ситуацию под контролем.

06.11

В этот день — 24 октября 1917 года по старому стилю — газета «Утро России» поместила сенсационный материал под заголовком «Приказ Троцкого»: *«Накануне утром в кулуарах Мариинского дворца (читай в кулуарах Временного правительства) стало известно, что большевик Троцкий обратился с приказом к Петроградскому гарнизону не исполнять приказов Временного правительства, которые не санкционированы Военным революционным комитетом при Совете рабочих и солдатских депутатов»*. Чем не объявление всеми ожидаемого курса на вооруженный переворот. Напомним, что Троцкий в тот момент был председателем Петросовета, издавал приказы и распоряжения, в частности о раздаче оружия рабочим и членам отрядов Красной гвардии, не скрывал этого, хотя одновременно ухитрялся называть грязными слухами сообщения прессы о готовящемся выступлении большевиков. Действительно, в тот день Ленин из подполья написал письмо в ЦК, в котором была крылатая фраза — *«Промедление смерти подобно»*. Но большевики уже были готовы. Еще 16 октября по старому стилю ЦК создал Военно-революционный центр. В него вошли Сталин, Дзержинский, Свердлов, Бубнов и Урицкий. Это был особый центр, именно партийный, большевистский. Тогда как более

известный ВРК Петросовета был многопартийным — в него вошли левые эсеры, анархисты и, как ни странно покажется, беспартийные. Кстати, ВРК Петросовета формально возглавлял эсер П. Лазимир, впоследствии военачальник в составе Красной армии. При этом право подписывать бумаги и принимать решения имели Троцкий, Подвойский и Антонов-Овсеенко. И для справки: отдел агитации ВРК возглавлял Вячеслав Молотов.

В тот момент главной задачей готовивших переворот большевиков была окончательная деморализация войск Петроградского гарнизона. Последней нераспропагандированной частью оставался гарнизон Петропавловской крепости. Троцкий потом вспоминал: *«Керенский хотел избавиться от гарнизона, отправив его на фронт. Солдаты этого не хотели, и мы обеспечили этому нежеланию легальное прикрытие. Заявив, что гарнизон выполняет революционные цели»*. Любопытно, как Троцкий описывает планы захвата власти: *«Вооруженное восстание в Петрограде совершилось в два приема — в первой половине октября петроградские полки, подчиняясь постановлениям Совета, безнаказанно отказались выполнять приказы главнокомандования русской армии, а 25 октября, когда понадобилось уже только небольшое дополнительное вооруженное усилие — восстание, рассекавшее пуповину февральской государственности, полностью перешли на нашу сторону»*. Не менее любопытно, что Военно-революционный комитет Петросовета отрицал и в те дни, и после революции свою роль в ее подготовке. Но, выполняя именно приказы Троцкого как председателя Петросовета, солдаты, матросы и вооруженные рабочие Петрограда в ночь с 24 на 25 октября по старому стилю

приступили к планомерному захвату стратегически важных объектов столицы.

И это не было для всех удивительным. Еще утром газета с характерным названием «Утро России» писала: *«Передают, что часть Петроградского гарнизона, основываясь на приказе Троцкого, отказалась выходить из казарм для несения обычной караульной службы, говорят также и о возможности крупных эксцессов со стороны большевиков».*

07.11

В этот день — 25 октября 1917 года по старому стилю — в Петрограде был совершен государственный переворот. И уже по одним только определениям можно спорить и не соглашаться друг с другом. Великая Октябрьская социалистическая революция. Аббревиатуру ВОСР прекрасно помнят все, кто учился в советской школе. Или переворот? Между прочим, большевики на протяжении как минимум первых десяти лет после Октября именно так называли это событие, ни в коей мере не вкладывая в него уничижительного смысла. Наоборот, весомое русское слово — «переворот» лучше всего отражает смысл свершения.

Разумеется, в тот день современники меньше всего думали о том, как это все будет называться, и, в отличие от нас, взирающих на Октябрь 17-го с высот истории, многого, как ни странно это покажется, не замечали. Или замечали то, что нам теперь кажется несущественным. Вот, например, карикатура на злобу дня в газете «Новая жизнь». Пара хорошо одетых столичных обывателей жметя к парадному. Слева от них некто с ножом, справа некто с наганом. Подпись: *«Ужас. Куда*

деваться? Сзади грабитель, впереди милиционер». Такое вот безвыходное положение.

Что именно случилось в тот день, где, что и как происходило, выглядит, судя по материалам газет, в виде мозаики, если не сказать — хаоса, с трудом приводимого к разумному пониманию. Яркая иллюстрация тому — заголовки вечернего выпуска петроградской газеты «Время»: «*Захват государственного банка*». *Около 10 часов утра публика и клиенты, явившиеся в здание, не были туда допущены. Вооруженные матросы, броневик у входа. Любопытная деталь — обычной банковской караульной охране матросы заявили, что будут охранять банк вместе, параллельно. “Арест министра-кадета”.* Получены сведения, что ночью большевиками арестован министр Карташев. «*Помощь Северного фронта*». *На имя Керенского получена телеграмма от главнокомандующего армией Северного фронта с выражением готовности ликвидировать выступление военно-революционного комитета Петросовета».*

Из этой корреспонденции следует интересный вывод. Руководящим центром революции назван Петросовет, многопартийный орган. Комитет, образованный там, возглавлял, кстати, даже не большевик, а левый эсер П. Лазимир. Так, во всяком случае, идентифицировали в тот день силы и фигуры на той, революционной, стороне баррикады.

Впрочем, продолжим: «Заявление Союза казачьих войск». Казаки готовы поддержать Временное правительство, но при условии исполнения их требований — а именно создания крупных боевых частей — казачьих корпусов, отмены выполнения казаками полицейских функций, ликвидации Временным правительством всех большевистских организаций. Другими словами, готовы защищать, было бы только кого.

«Почта и телеграф находятся в полном контакте с Центральным исполнительным комитетом Советов рабочих депутатов и в его подчинении»». Это, кстати, уже ближе к сути происходящего, к захвату восставшими всех узловых точек управления, коммуникации. Вдобавок к этой новости — захват Петроградского агентства: *«Ночью отряд большевиков занял помещение Петроградского Телеграфного Агентства и разослал в провинции телеграммы о том, что будто бы вся власть в стране перешла в руки Советов»*. Конец цитаты, в которой, пожалуй, лучше всего выражается состояние момента. С одной стороны, перед глазами революционный переворот, с другой — поверить в это трудно, а главное — умом постичь глубину и смысл случившегося пока еще не дано.

Содержание

Предисловие	3
ЯНВАРЬ	6
ФЕВРАЛЬ	32
МАРТ	68
АПРЕЛЬ	111
МАЙ	151
ИЮНЬ	197
ИЮЛЬ	244
АВГУСТ	293
СЕНТЯБРЬ	348
ОКТЯБРЬ	399
НОЯБРЬ	451

Андрей Светенко
Будни революции. 1917 год

Заведующая редакцией
Ведущий редактор
Литературный редактор
Художник
Корректоры
Верстка

А. Федорова
Е. Власова
М. Трофимова
С. Заматевская
Н. Баталова, С. Беляева
Л. Соловьева

Изготовлено в России. Изготовитель: ООО «Прогресс книга».
Место нахождения и фактический адрес: 194044, Россия, г. Санкт-Петербург,
Б. Сампсониевский пр., д. 29А, пом. 52. Тел.: +78127037373.

Дата изготовления: 11.2018.

Наименование: книжная продукция.

Срок годности: не ограничен.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014,
58.11.1 — Книги печатные.

Импортер в Беларусь: ООО «ПИТЕР М», 220020, РБ, г. Минск,
ул. Тимирязева, д. 121/3, к. 214, тел./факс: 208 80 01.

Подписано в печать 23.10.18. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 29,000. Тираж 4000. Заказ 1150.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.оаомрк.гу, www.оаомрк.рф тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685